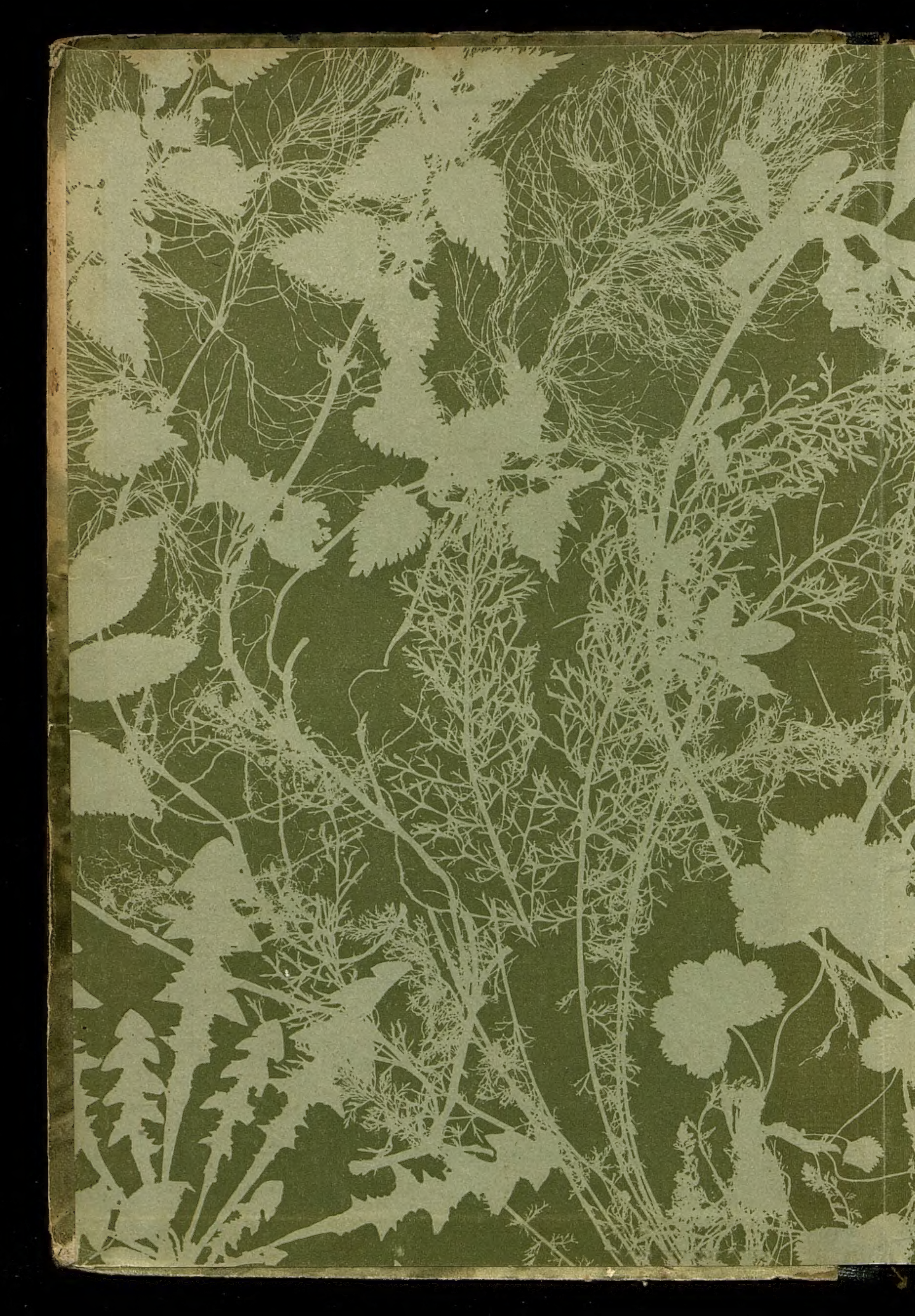
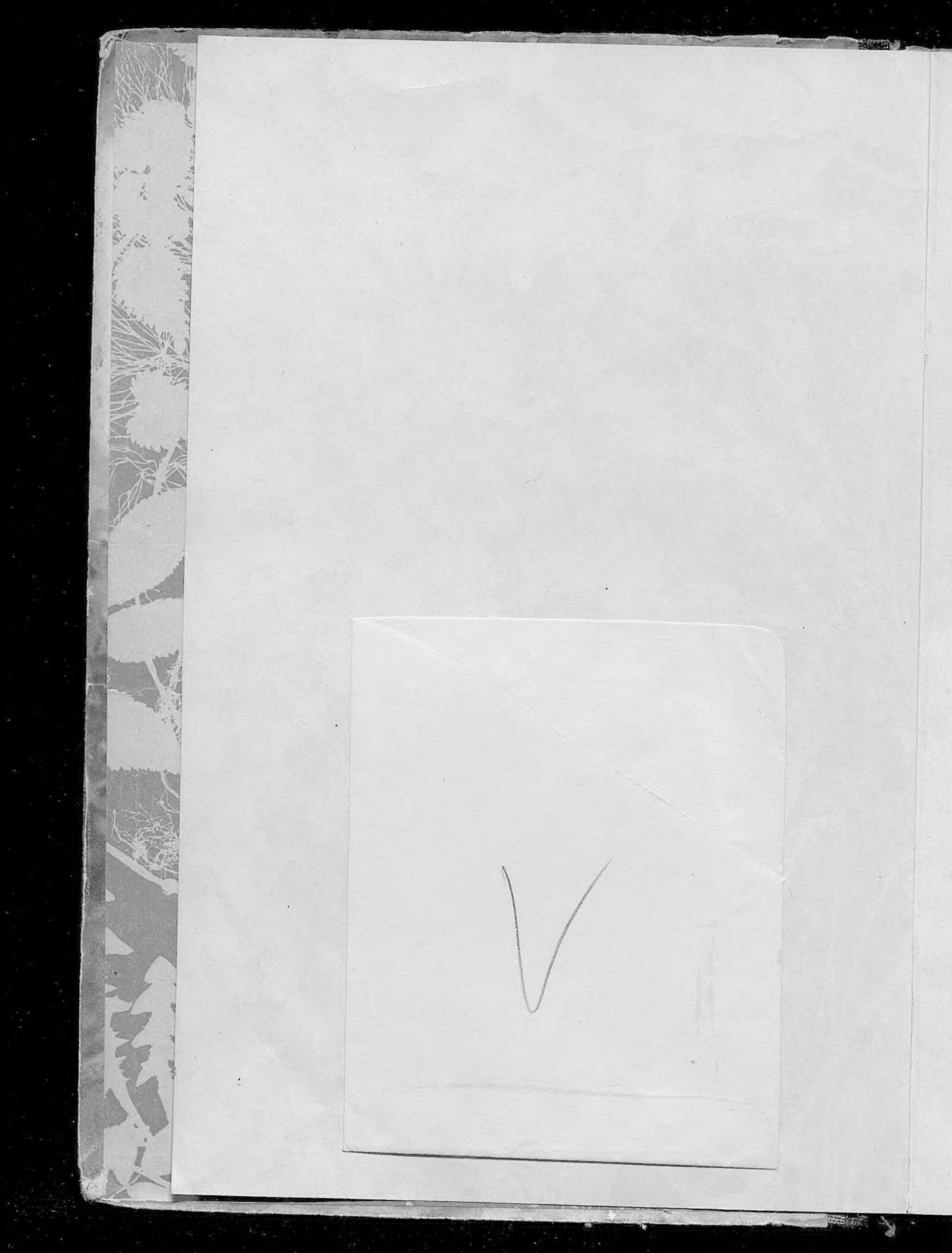
В. К. АРСЕНЬЕВ

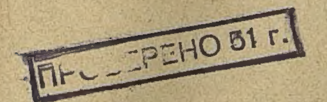
СКВОЗЬ ТАЙГУ



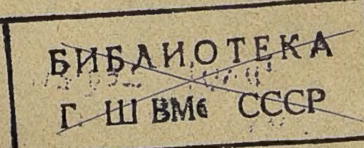


В. К Арсеньев

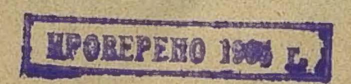
В. К. АРСЕНЬЕВ



СКВОЗЬ ТАЙГУ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ~ 1949



ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В книгу «Сквозь тайгу» включены работы выдающегося исследователя Дальнего Востока, географа и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872—1930).

Тридцать лет жизни отдал Владимир Клавдиевич изучению природы и людей Дальнего Востока. Он был участником и организатором многочисленных экспедиций в различные районы Дальнего Востока — в Южное Приморье, горную область Сихотэ-Алинь, на побережье Охотского моря, Камчатку, Командорские острова. Одновременно В. К. Арсеньев проводил огромную популяризаторскую работу: в своих лекциях и докладах, в своих чудесных книгах Владимир Клавдиевич будил большой интерес к одной из самых замечательных частей нашей Родины — Дальнему Востоку.

Крупнейшими экспедициями В. К. Арсеньева были путешествия 1906 и 1907 гг. в южную часть Сихотэ-Алиня, 1908—1910 гг. в северную часть Сихотэ-Алиня и 1927 г. по маршруту Советская гавань — Хабаровск.

Обработанные дневники и материалы первых двух экспедиций легли в основу произведений В. К. Арсеньева «По Уссурийской тайге» и «Дерсу Узала», вышедших в Государственном издательстве географической литературы в книге под названием «В дебрях Уссурийского края» (1949 г.).

Материалы экспедиций 1908—1910 гг. и 1927 г. легли в основу работ В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» и «Сквозь тайгу», публикуемых в настоящей книге.

Смерть помешала Владимиру Клавдиевичу полностью закончить описание путешествия 1908—1910 гг. О последних маршрутах, проделанных летом 1909 г. (Советская гавань — Де-Кастри — оз. Кизи — Советская гавань) и зимой 1909—1910 гг. (Советская гавань—Сихотэ-Алинь—Хунгари—Амур), сохранились отдельные рассказы и наброски, часть которых напечатана в настоящей книге с оригиналов В. К. Арсеньева, любезно предоставленных издательству И. И. Халтуриным.

В ГОРАХ СИХОТЭ-АЛИНЯ

ОТ АВТОРА

В 1908 году Приамурский отдел Русского Географического общества снарядил экспедицию для обследования части Дальнего Востока, заключенной в границах: нижний Амур — на западе, пролив Невельского (Татарский) — на востоке, реки Хор и Самарга — на юге. Цель экспедиции — естественноисторическая, продолжительность — 19 месяцев (с 24 июня 1908 года по 20 января 1910 года).

В состав экспедиционного отряда вошли следующие лица: начальник экспедиции, автор настоящей книги, В. К. Арсеньев, и его сотрудники: помощник по хозяйственной и организационной части Т. А. Николаев, известный флорист Н. А. Десулави, естественник-геолог С. Ф. Гусев и большой знаток охотничьего дела, сотрудник журнала «Наша охота» И. А. Дзюль. Кроме того, в экспедицию были назначены семь человек стрелков — от 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка: Петр Вихров, Станислав Глегола, Михаил Марунич и Иван Туртыгин, от 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка: Михаил Курашев, Илья Рожков и Павел Ноздрин и от Уссурийского казачьего дивизиона казаки: Григорий Димов и Иван Крылов.

В начале июня Т. А. Николаев получил задание отправиться морем в Императорскую (ныне Советскую) гавань и устроить три питательные базы: 1) при устье реки Самарги, 2) при реке Ботчи и 3) в бухте Андреева. По прибытии в Императорскую гавань ему надлежало повидать орочских старшин и узнать, в бассейн какой реки выйдет экспедиция после перевала через Сихотэ-Алинь, и тогда по этой реке с запасами продо-

вольствия итти ей навстречу. С Т. А. Николаевым отправились все стрелки, а с автором пошли: Н. А. Десулави, С. Ф. Гусев, И. А. Дзюль, Чжан-Бао и оба казака, Иван Крылов и Григорий Димов.

Все участники экспедиции были одеты однообразно. Летняя одежда состояла из рубах защитного цвета, таких же штанов, поясного ремня, фуражки и трех смен белья. Для защиты от паразитов была заготовлена одна пара дегтярного белья, которая надевалась по очереди, когда это было нужно. Обувь была сшита в Хабаровске по форме орочских унтов. Автор рассчитывал также приобрести их у местного туземного населения. Кроме того, все имели для защиты от комаров: сетки на головы, нарукавники и нитяные перчатки. Зимняя одежда состояла из меховых шапок с наушниками, полушубков, теплого белья, суконных шаровар, шерстяных перчаток и той же туземной обуви, но только большего размера. Для ног каждый участник экспедиции имел по паре суконных обмоток. Они хорошо защищают голени от ушибов и гораздо удобнее кожаных голенищ.

Летние палатки, как и во время путешествия 1906—1907 годов, отсутствовали. Взамен их были взяты комарники. Зимой путешественники были лучше обставлены. Прежде всего, имелся большой суконный шатер, в котором свободно могло разместиться до двадцати человек. Он имел вид шестиугольной призмы, покрытой шестиугольной же пирамидой, и держался на одном колу, поставленном посредине. К углам его были прочно пришиты кольца с длинными веревками, при помощи которых шатер и растягивался во все стороны. Свет во внутренность его проникал через два небольших окна с толстыми стеклами. Обстановка зимней палатки состояла из коллекционных ящиков, складного столика со свертывающейся доской и обрезков древесных стволов, заменяющих стулья. Чугунная печка с вращающимся флюгером на трубе давала тепла больше, чем нужно На ней варили чай и кипятили воду для стирки белья. Обед и ужин варились снаружи. Пол в шатре прикрывался еловыми ветками и сухой травой. Все спали вместе, плотно прижавшись друг к другу и прикрывшись сверху шерстяными одеялами и полушубками.

Начальник экспедиции и его спутники были вооружены винтовками системы Маузера и Винчестера и дробовыми ружьями Зауэра и Ремингтона с достаточным запасом пороха и дроби.

Стрелки имели трехлинейные винтовки без штыков, патронташи и по триста патронов на человека.

Бивуачное снаряжение состояло из поперечной пилы, двух лопат, нескольких топоров, котелков с дужками разной величины, входящих друг в друга, сковороды, поварешки, эмалированных чашек для еды, кружек и пр.

Необходимой принадлежностью всякой продолжительной экспедиции является комплект плотничных и слесарных инструментов. Не забыта была также походная аптечка с достаточным запасом перевязочного материала. Особое внимание было уделено научному снаряжению экспедиции.

Всем успехом своего предприятия автор обязан самоотверженной и бескорыстной службе своих младших сотрудников. Несмотря на то, что их сверстники были уволены в запас армии, несмотря на полную возможность уехать из Императорской гавани во Владивосток на пароходе, они, понимая, что уход даже одного человека из отряда был бы очень чувствителен, добровольно остались до конца экспедиции. Едва ли когда стрелкам и казакам приходилось переносить бо́льшие лишения, чем вынесли эти скромные труженики. Несмотря на постоянное переутомление и физические страдания от холода и голода, которых невозможно передать словами, они мужественно боролись с природой и не жаловались на свою судьбу. Многие из них погибли во время империалистической войны. Какая судьба постигла остальных — не знаю.

Рассматривая карту Дальневосточного края, мы замечаем, что некоторые пути обследования его были особенно излюблены. Одни ученые за другими идут по проторенным дорожкам. Большинство совпадающих маршрутов мы видим: 1) в районе реки Суйфуна и около города Никольска-Уссурийского [1], 2) по восточному берегу озера Ханка, по реке Сунгаче и по реке Уссури, 3) по рекам Даубихе, Улахе, Фудзину и далее через Сихотэ-Алинь к морю, 4) по нижнему течению рек Бикина, Имана и Ваку. Меньше всего исследований производилось в прибрежном районе к северу от залива Ольги и в центральной части горной области Сихотэ-Алиня.

Самым первым исследователем Нижнего Амура является казачий старшина Василий Поярков, который в 1643 году со 132 казаками, будучи послан якутским воеводой Петром Головиным, прошел в Амурский край таким путем, который после него никто не повторил. Поярков поднялся из Якутска по рекам Алдану, Учуру и Гонаму и, перевалив через Становой хребет, спустился по рекам Брянте и Зее к Амуру, а по нему проплыл до устья и вышел в Охотское море. В 1646 году Поярков благополучно вернулся в Якутск после четырехлетнего путешествия, сопряженного с большими лишениями, потеряв половину своего отряда, частью в битвах с даурами, частью от голода и болезней [2].

Следом за ним в 1647 году казак Семен Щелковников спустился по реке Амуру и, войдя в лиман, направился на север к устью реки Охоты.

Приблизительно через полтораста лет после Пояркова на Амуре появляются два японских путешественника: Могами Токнай в 1785 году и Мамия Ринзо в 1808 году.

Ссыльный Васильев трижды плавал до устья реки Амура (1815—1826 гг.), но всякий раз маньчжуры задерживали его на возвратном пути и выдавали нашему правительству. При допросе он дал подробные сведения о климате, природе и богатстве недр края, проверенные потом Ладыженским в 1832 году.

В 1845 году французский миссионер де ла Брюньер по поручению китайского императора Кханси предпринял путешествие на реку Амур. 16 июля он отправился из города Сансина на восток по узкой тропе и, пройдя 120 миль, 19 сентября достиг реки Амура, где и зазимовал в гольдской деревне Фурме [3]. 5 апреля 1846 года он поплыл к устью реки Амура и близ деревни Гутонг был зверски убит туземцами. Они вырвали у него глаза, выбили зубы и оставили тело на берегу, где оно лежало до тех пор, пока волны Амура не унесли его в море [4].

Другой миссионер Рено, посланный викарием Маньчжурии Веролем для расследования участи де ла Брюньера, в 1850 году спустился по реке Амуру почти до деревни Ху-Дунь, расположенной около озера Кизи. Экспедиция Рено не дала никаких результатов, кроме печального повествования о гибели де ла Брюньера.

1849 год является знаменательным на Дальнем Востоке. Г. И. Невельской при обследовании Амурского лимана установил, что Сахалин есть остров, а не полуостров, как думали раньше.

Г. И. Невельской, узнав, что владычество сынов Поднебесной империи не распространяется так далеко на восток, превысил данную ему инструкцию, вошел в реку Амур, основал Николаевский пост, обращенный впоследствии в город Николаевск, и проплыл по реке около ста километров до озера Кизи. 1 августа 1850 года он поднял русский флаг и салютовал ему из орудия [5].

Лейтенант И. Бошняк в 1852 году тоже достиг озера Кизи и оттуда сухопутьем прошел в залив Де-Кастри. Ему принадлежит честь открытия залива Хади, который он окрестил Императорской гаванью [6].

С открытием навигации в 1854 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев с отрядом забайкальских казаков и частей 13-го и 14-го линейных батальонов спустился на баржах и плотах по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до поста Мариинского, основанного им у входа в озеро Кизи [7].

В августе того же года от устья реки Амура к Усть-Стрелочному караулу на пароходе «Надежда» пришел адмирал Путятин и с ним Посьет, впоследствии министр путей сообщения. Последний был в кругосветном плавании на фрегате «Диана», после крушения которого доставил экипаж в город

Петропавловск-на-Камчатке, а оттуда проездом через Амур отправился в Иркутск и далее в Петербург [8].

Следующим исследователем в хронологическом порядке будет академик Л. Шренк, совершивший в 1854—1856 годах путешествие по Амуру до его устья и по Уссури до реки Нор. Его этнографические исследования касаются главным образом гольдов, ольчей и гиляков [9].

Весной 1856 года путь по Амуру от Усть-Стрелочного караула до поста Николаевского совершил чиновник Департамента уделов Г. Пермыкин [10].

В 1856 году 13-й линейный батальон на лодках был отправлен из поста Мариинского обратно в Забайкальскую область. Суровая зима застала солдат в походе. На несчастье баржа с хлебом, посланная им навстречу, села на мель где-то в верховьях Амура. Этот беспримерный поход плохо одетых и голодных солдат мало кому известен. Весь путь 13-го линейного батальона со времени ледостава был усеян трупами. Люди кормились мясом мертвецов, но это не спасло их от гибели. Плохо одетые и почти босые, они замерзали на привалах, не имея сил подняться, чтобы поддержать огонь угасающего костра.

Как только возникли переговоры русского правительства с Китаем в 1857 году, граф Муравьев-Амурский послал в Уссурийский край геодезиста Усольцева, который проплыл по рекам Уссури и Сунгаче до озера Ханка. Затем он поднялся по реке Лефу, но не дошел до ее истоков и приблизительно с половины пути повернул к юго-западу, вышел на реку Суйфун и спустился по ней до Амурского залива, названного так потому, что устье Суйфуна в то время принималось за устье Амура. Усольцев разъяснил это заблуждение [11].

Горный инженер Н. П. Аносов в том же 1857 году проплыл по Амуру до его устья, а в следующем, 1858 году поднялся по реке Уссури до Имана и по этой последней реке до местности Картун. Затем он прошел по реке Сунгаче и по восточному и южному берегам озера Ханка до реки Мо. Последний маршрут Аносов сделал по реке Даубихе, почти до ее истоков [12].

Честь сделать первое пересечение через Сихотэ-Алинь принадлежит М. И. Венюкову. В 1857 году по поручению графа Муравьева-Амурского он отправился по реке Уссури, потом по ее притоку Улахе и по реке Фудзину, затем перевалил через хребет Сихотэ-Алинь и вышел на реку Тадушу. Венюков хотел было пройти к заливу Владимира, но собравшиеся в большом количестве вооруженные китайцы преградили ему дорогу и потребовали, чтобы он возвратился. Тогда Венюков на берегу моря, при устье реки Тадушу, воздвигнул деревянный крест, на котором вырезал надпись: «Я был здесь в 1858 г. М. Венюков».

Восемнадцатого июня он повернул назад и через двадцать два дня той же дорогой вернулся на Уссури [13].

1859 год был особенно богат исследованиями. Одна экспедиция следует за другой. Это был период ознакомления с правыми притоками Уссури и землями на юг к границам Кореи. Астроном Гамов производит ряд геодезических работ по Амуру и Уссури. Им были определены крайние географические координаты на реке Улахе (между устьями рек Фудзин и Ното), затем он прошел по реке Сунгаче до озера Ханка и вернулся той же дорогой. Один из мысов в заливе Посьет назван его именем [14].

В том же 1859 году Уссурийский край посетил академик К. И. Максимович. Он поднялся по долине Уссури, затем по реке Улахе до устья Фудзина, прошел по долине этой последней до истоков, перевалил через водораздельный хребет Сихотэ-Алинь и спустился по реке Вай-Фудзину (Аввакумовке) к заливу Ольги. Результатом его исследований было обширное ботаническое сочинение, за которое он получил премию имени П. Н. Демидова. Насколько ценны работы К. И. Максимовича, говорить не приходится. Это известно каждому, кто хоть маломальски знакомился с литературой местной флоры. Он первый установил, что флора Уссурийского края есть флора маньчжурская. Множество растений названо именем этого исследователя [15].

Министерство государственных имуществ для исследования лесов в Уссурийском крае командировало корпуса лесничих капитана Будищева и топографов Корзуна, Лубенского и Петровича. Экспедиция Будищева работала с 1867 года. Эти труженики ознакомили нас с географией южной части Сихотэ-Алиня. Прибрежный район к востоку от водораздельного хребта они назвали Зауссурийским краем [16]. Сам Будищев осмотрел долину Уссури, реки Даубихе и Лефу, озеро Ханка, затем спустился вдоль государственной границы до реки Суйфуна, описал леса в окрестностях селений Барабаша, Никольского, Новокиевского, на полуострове Муравьева-Амурского, был на Улахе, Фудзине и через Сихотэ-Алинь по Вай-Фудзину (ныне Аввакумовка) спустился к морю. Топограф Корзун поднялся более чем до половины по Иману и Ваку и по реке Бикину до верхнего его притока Бягаму, но дойти до Сихотэ-Алиня ему не удалось. Недостаток продовольствия принудил его вернуться на Уссури. Третий спутник Будищева, Петрович, обследовал болотистые низины и леса по правому берегу Амура от устья реки Анюя (Дондон) до озера Кизи. Потом мы узнаем о его маршруте к заливу Де-Кастри и далее по берегу моря до реки Хои, откуда Петрович проник на реку Тумнин и спустился по ней до устья. Наконец, Лубенский описал леса по долине реки Амура от Хабаровска до поста Николаевского.

Одновременно с Будищевым Уссурийский край посетил известный натуралист Р. Маак. Совместно с этнографом Брылкиным в начале июня 1869 года он прибыл к устью Уссури и поднялся по ней до реки Сунгачи. По этой последней он проплыл до озера Ханка и обошел его с восточной, южной и западной сторон. После неудачной попытки подняться далее вверх по реке Уссури Маак возвратился на Амур. Исследования этого ученого поражают тонкостью наблюдений и громадным количеством собранного материала. Множество видов насекомых и растений названо его именем [17].

Третий французский миссионер Жербильон отправился для обследования Амура в 1861 году. Недалеко от устья реки Сунгари он встретил русских и охотно принял их предложение доехать с ними до поста Николаевского. В том же году Жербильон возвратился [18].

Вслед за Мааком в 1860 году в течение трех лет обследованием края занимается выдающийся геолог и палеонтолог Ф. Б. Шмидт. С ранней весны 1860 года он занимался исследованиями берегов Амура от устья реки Сунгари до поста Николаевского с заходом в озеро Кизи и залив Де-Кастри. После работ на острове Сахалине Ф. Б. Шмидт в июне 1861 года переехал морем во Владивосток. Отсюда он совершил две поездки: первую — от залива Посьет к устью Суйфуна и озеру Ханка, а вторую — по рекам Сунгаче и Уссури до селения Хабаровки [19].

В 1867—1869 годах вновь приобретенную страну посещает знаменитый впоследствии путешественник Н. М. Пржевальский. Маршруты его были те же, что и у Усольцева, Будищева и Венюкова. Он поднимается по рекам Уссури и Сунгаче, работает около озера Ханка, затем идет на реку Лефу и оттуда к городу Владивостоку. Из Владивостока Н. М. Пржевальский пошел по побережью моря на реку Сучан, реку Судзухе и далее к посту Ольги и к заливу Владимира. Свои исследования он закончил маршрутом через Сихотэ-Алинь на Фудзин, Улахе и Уссури [20].

Еще через год (в 1870 году) горный инженер И. Боголюбский в поисках рудных месторождений пошел по реке Уссури к Владивостоку, оттуда тропой на реку Сучан и на реку Ванчин и побывал в заливе Ольги. Собрав сведения о землях прибрежного района к северу от Ольгинского поста, он, в сопровождении китайцев, сделал попытку проникнуть на реку Тетюхе, но его проводник-китаец умышленно или нечаянно заблудился, и он, не дойдя до намеченного пункта семи километров, повернул назад [21].

В 1871 году Уссурийский край навещает лучший синолог того времени — архимандрит Палладий. Мы обязаны ему замечательными открытиями по археологии и истории края. Он проехал по рекам Уссури и Сунгаче, был на озере Ханка,

откуда перешел на реку Суйфун, посетил село Никольское и прибыл в пост Владивосток. К сожалению, из трудов этого ученого сохранились только отрывочные письма. Архимандрит Палладий умер по дороге в Россию в 1872 году [22].

Еще через три года партия топографов под начальством Л. Л. Большева производит инструментальную съемку прибрежной полосы Зауссурийского края (шириною от одного до пяти километров) от залива Рында к северу до залива Де-Кастри. Тяжелые условия, при которых пришлось работать топографам на пустынном в то время берегу, дали С. В. Максимову богатый материал для его рассказов [23].

Следующим в хронологическом порядке исследователем Уссурийского края является И. П. Надаров. В 1882 году он поднялся по Бикину до местности Цамо-Дынза и по Иману до устья реки Тайцзибери. Другой раз с реки Ваку он прошел на реку Улахе, поднялся по ней до половины и, повернув назад, вышел к урочищу Анучино и оттуда к Уссурийской железной дороге. И. П. Надаров дал много сведений по географии края и написал очерки из жизни уссурийских манз [24].

Археологические и этнографические исследования Ив. Полякова относятся главным образом к острову Сахалину, но он также работал и в Южно-Уссурийском крае. В июле 1882 года он высадился во Владивостоке и направился по долине реки Суйфуна к селению Никольскому (впоследствии город Никольск-Уссурийский [25].

Продолжателем работ Палладия является основатель Общества изучения Амурского края Ф. Ф. Буссе. Работы его относятся к 1883—1889 годам. Разъезжая по области в качестве заведующего переселенческим делом, Буссе обратил внимание на древние городища, оставленные в стране ее первоначальным населением, и описал некоторые из них [26]. Работы Буссе впоследствии продолжил князь П. А. Кропоткин.

Гидрографическая экспедиция Великого океана не ограничивает свои работы Амурским лиманом, но распространяет их и на самую реку Амур. В 1886 году две шлюпки с лодки «Горностай» прошли с промером вверх по реке около 1 175 километров до устья Сунгари [27].

С 1888 по 1894 год горный инженер Д. Л. Иванов производил ряд геологических изысканий в Новокиевском и Барабашском районах и по рекам Суйфуну, Сyпутинке, Майхе, Сучану и Судзухе. Потом он пошел по реке Лефу на Улахе и далее через Сихотэ-Алинь к посту Ольги. Остается упомянуть еще об одном его маршруте — именно, вдоль морского побережья от села Шкотово, по рекам Таудими, Сучану, Судзухе и Таухе.

Период с 1894 по 1897 год является наиболее богатым исследованиями.

В 1894 году капитан Генерального штаба С. Леонтович производит съемку реки Тумнина и составляет орочско-русский словарь [28]. В том же, 1894, году и следующем, 1895, году геолог Д. В. Иванов совершает четыре маршрута. Первый — по Амуру от города Хабаровска до озера Кизи и затем по реке Хоюлю через хребет Сихотэ-Алинь к Императорской гавани. Второй — по рекам Анюю, Гобилли, Буту, Хуту на реку Тумнин. Третий — по реке Самарге через Сихотэ-Алинь на реку Сукпай и по этой последней на реку Хор к Уссурийской железной дороге. Четвертый — вдоль берега моря частью на лодке, частью на паровой шхуне «Сторож» от залива Ольги до Императорской гавани [29].

В том же году для обследования центральной части Уссурийского края посылаются охотничьи команды 10-го линейного батальона и 2-й стрелковой бригады. Маршруты охотничьих команд были распределены таким образом, что пути их должны были пересекаться. Одни команды должны были проникнуть как можно дальше в глубь страны, а другие нести службу связи и доставлять им продовольствие, но согласовать движение их в тайге было невозможно, и потому каждая из охотничьих команд действовала самостоятельно, вследствие чего перевалить через Сихотэ-Алинь и выйти к морю им не удалось, и после неимоверных лишений, до человеческих жертв включительно, они возвратились [30].

В период между 1895 и 1897 годами Южно-Уссурийский край посетил известный ботаник В. Л. Комаров. Он работал к западу от Никольска-Уссурийского в бассейне реки Суйфуна, затем углубился в Маньчжурию и на юг, прошел до урочища Новокиевского [31].

В области этнографической литературы мы встречаем имя С. Брайловского, объехавшего в 1896 году долины рек Сучана и Судзухе, а в следующем, 1897, году по поручению губернатора Приморской области, занимавшегося переписью туземного населения, по побережью Татарского пролива, от бухты Терней к югу до залива Ольги. Этот переезд С. Брайловский совершил на лодках и частью на пароходе [32].

С 1898 по 1900 год ряд геологических изысканий производит горный инженер М. М. Иванов, однофамилец горных инженеров, ранее работавших в Южно-Уссурийском крае. Он обследовал реку Бикин до местности Цамо-Дынза и Иман до Картуна с ходом в сторону между реками Нэйцухе и Ваку. Затем он поднялся по Уссури и Улахе до Ното-Хойза. Другой его маршрут был от места слияния Уссури с рекой Сунгачей к югу вдоль Уссурийской железной дороги до города Никольска-Уссурийского и затем круговой маршрут к озеру Ханка и к Китайской Восточной железной дороге [33].

Работы геолога П. И. Яворского относятся к Амгунскому бассейну, граничащему с Уссурийским краем, и потому мы

отметим один только его маршрут в 1903 году по Амуру от города Хабаровска до озера Удыль [34].

Этот перечень исследователей края был бы неполным, если бы мы не упомянули еще двух пионеров, прибывших в край в то время, когда по Владивостокской бухте еще плавали лебеди, а в горах бродили тигры. Я говорю о М. И. Янковском и М. Г. Шевелеве. Первый много работал по орнитологии и энтомологии в Северной Корее и в Посьетском районе [35]. Второй был кабинетным работником и жил большей частью в бухте Кангауз. Имя его тесно связано с изучением истории края. Он владел китайским языком и совершенно свободно разбирался в иероглифах. В его распоряжении было много древних рукописей. В вину ему можно поставить только то, что он своевременно не позаботился опубликовать свои знания и унес их с собой в могилу. До нас дошли только кое-какие обрывки его работ, но и те оказались весьма ценными. Они в значительной степени способствовали установлению, что Бохайское царство (VII—XII века) было на берегах Великого океана в Восточной Маньчжурии, Северной Корее и в Уссурийском крае.

В заключение отметим работы военных топографов, заснявших в 1888 году в одноверстном и двухверстном масштабах весь Южно-Уссурийский край от Китайской границы (Посьет—озеро Ханка) к востоку до рек Улахе и Судзухе включительно.

Планшеты их также тянутся по долине реки Уссури до Амура, расширяясь в бассейне Бикина до 60 и суживаясь около Лончакова до 20 километров. Параллельно с военными топографами съемочные работы производили землемеры Уссурийской межевой партии.

Теперь попробуем нанести на карту Уссурийского края памятники старины, оставленные маньчжурскими племенами в период между VII и XIII столетиями, отметим на ней места, которые занимали китайцы-земледельцы до прихода казаков, и, наконец, нанесем на ту же карту русские поселки. Мы увидим, что все три площади совпадут. Три народа, один после другого, селятся на одних и тех же местах. Доступными для культуры будут: долины рек Амура и Уссури, нижнее течение их правых притоков, бассейны рек Даубихе и Улахе, Южно-Уссурийский край и узкая полоса прибрежного района до Императорской гавани, а вся центральная и северная часть горной области Сихотэ-Алинь как раньше была пустыней, такой она есть и теперь. Дикость тайги, бездорожье и полное отсутствие жилых мест были главными причинами, почему Сихотэ-Алинь и земли к востоку от него оставались так долго неизвестными. Для исследования этой нетронутой части Уссурийского края я и предпринял свои экспедиции. Настоящий труд заключает в себе повествование о третьем моем путешествии, совершённом в 1908—1910 годах.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АМУР В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ

В полдень 23 июня 1908 года наш небольшой отряд перебрался на пароход. Легко и отрадно стало на душе. Все городские недомогания сброшены, беганье по канцелярии кончено. Завтра в путь.

В сумерки мои спутники отправились в город в последний раз навестить своих знакомых, а я с друзьями, пришедшими проводить меня, остался на пароходе. Мы сели на палубе и стали любоваться вечерним закатом, зарево которого отражалось на обширной водной поверхности при слиянии Амура с Уссури.

Был тихий летний вечер. Янтарное солнце только что скрылось за горизонтом и своими догорающими лучами золотило края облаков в небе. Сияние его отражалось в воздухе, в воде и в окнах домов какого-то отдаленного поселка, предвещая на завтра хорошую погоду.

Против Хабаровска левый берег Амура низменный. Бесчисленное множество проток, слепых рукавов и озерков создают такой лабиринт, из которого без опытного провожатого выбраться трудно. Когда-то все пространство, где Амур течет в широтном направлении, от станицы Екатерино-Никольской до озера Болон-Оджал на протяжении около 500 и шириною в 150 километров, представляло собой громадную впадину, заполненную водой. Высоты у слияния реки Уссури с Амуром являются древним берегом этого обширного водоема.

Город Хабаровск основан графом Муравьевым-Амурским 31 мая 1858 года на месте небольшой гольдской [36] деревушки Бури. Отсюда получилось искаженное китайское название «Боли», удержавшееся в Маньчжурии до сих пор. Первым разместился здесь 13-й линейный батальон, который расположился как военный пост. В 1880 году сюда переведены были из Николаевска все административные учреждения, и деревушка Хабаровка переименована в город Хабаровск.

Тогда это было глухое и неустроенное поселение среди тайги, остатки которой долго еще были видны в самом центре города. Единственным путем сообщения был Амур. Осенью и весною во время ледостава и при вскрытии реки Хабаровск оказывался отрезанным от других городов на несколько месяцев. Эта изоляция называлась «почтовым стоянием».

На палубе парохода было тихо и пусто. Только со стороны города доносился неясный шум, которого обычно не слышно днем.

Можно подумать, что с наступлением тьмы воздух делается звукопроницаемее. На западе медленно угасала заря, а с другой стороны надвигалась теплая июньская ночь. Над обширным водным пространством Амура уже витал легкий сумрак: облака на горизонте потускнели, и в небе показались первые трепещущие звезды.

В это время шум весел привлек мое внимание. Из-за кормы парохода вынырнула небольшая лодка с двумя гребцами. Молодой гольд работал веслами, а старик сидел на корме и направлял свою утлую ладью к устью Уссури. Он что-то говорил своему юному спутнику и, протянув руку по направлению к югу, дважды повторил слово «Хехцир». Машинально я перенес свой взор на величественный горный хребет, протянувшийся в широтном направлении от озера Петропавловского до реки Уссури и носящий название, которое только что упомянул старик-гольд. Хехцир имеет наибольшую высоту в 860 метров. Железная дорога пересекает его в самом низком месте в 34 километрах от Хабаровска. В исторической литературе этот хребет называется Хохцским, также Хехцир [37], а в китайской географии Шуй-дао-тиган имеется глава об Уссури, переведенная академиком Васильевым, в которой означенные горы названы Хухгир (Хурчин) [38].

На западном склоне хребта Хехцир у самой реки Уссури расположилась казачья станица Казакевичево, а раньше здесь была небольшая ходзенская деревушка Фурме (Турме), состоявшая из четырех фанз [39].

В 1859 году Р. Маак застал здесь уже русских. От гольдской деревни не было и следа, но у туземцев о ней сохранились воспоминания.

Давным-давно в одинокой фанзе жил гольд Хээкчир Фаенгуни. Он был хороший охотник и всегда имел достаточный

запас юколы для своих собак. Хээкчир был однажды в Сансине на реке Сунгари и вывез оттуда белого петуха. После этого он начал тяготиться своим одиночеством, потерял сон и стал плохо есть. Как-то раз ночью Хээкчир Фаенгуни вышел на улицу и сел у крыльца своего дома. Вдруг он услышал слова:

— Хозяин, закрой окна, перед светом будет гроза.

Хээкчир обернулся и увидел, что это петух говорил ему человеческим голосом. Тогда он пошел на берег реки, но тут услышал шопот над своей головой. Это говорили между собой деревья. Старый дуб шелестел листьями и рассказывал молодому ясеню о том, чему довелось ему быть свидетелем за двести с лишним лет. Хээкчир испугался. Он вернулся в свою фанзу, лег на кан, но, как только начал дремать, опять услышал шорох и голоса. Это говорили камни, из которых был сложен очаг. Они собирались треснуть, если их еще раз так накалят. Тогда Хээкчир понял, что он призван быть шаманом. Он отправился на реку Нор, и там маньчжурский шаман вселил в него духа Тыэнку. Хээкчир скоро прославился — он исцелял недуги, находил пропажи и отводил души усопших в «загробный мир». Слава о нем пошла по всей долине Уссури, Амуру и реке Сунгари.

Вскоре около его фанзы появились другие домики. Так образовалась деревня Фурме. Потом пришли русские и потеснили ходзенов. Последние должны были оставить насиженные места и уйти от неспокойных «лоца» вверх по реке Уссури. Деревня Фурме исчезла, а название Хээкчир превратилось в Хехцир. Впоследствии казаки этим именем стали называть не только то место, где раньше была ходзенская деревня, но и весь горный хребет.

В этом сказании чувствуется влияние юга. Как попало оно на Амур к гольдам из Маньчжурии?

За разговорами незаметно прошло время. Я проводил своих друзей на берег и вернулся на пароход. Было уже поздно. Последние отблески вечерней зари погасли совсем, и темная ночь спустилась на землю. Где-то внизу слышались меланхолические всплески волн, пахло сыростью и машинным маслом. Я ушел в свою каюту и вскоре погрузился в глубокий сон.

На другой день рано утром мы оставили Хабаровск.

С момента отхода от пристани все на пароходе начали жить судовой жизнью. Вместе с нами ехала публика самая разнообразная: чиновники, играющие в вист «по маленькой», коммерсанты, говорящие о своих торговых оборотах, и крестьяне, возвращающиеся из города с покупками. Кто читал, кто так сидел и смотрел вдаль, а кто просто забился в каюту и под ритм машины уснул как убитый. В третьем классе очень людно — там пассажиры вплотную лежат на нарах и не встают, чтобы не потерять место, добытое с такими усилиями при посадке.

Все дальше и дальше позади остается Хабаровск. Широкою полосою расстилается Амур, и кажется он большим озером и вовсе не похож на реку.

О происхождении названия Амура существуют различные показания. Его производят от слова «Амор», что по-тунгусски означает «Добрый мир», от маленькой речки «Емур», впадающей с правой стороны около Албазина [40], и от гиляцкого слова «Гамур», «Ямур», что значит «Большая вода». Историк Миллер Мамуром называет реку, на которой живут натканы (натки). Маньчжуры называли Амур «Сахалян ула» (река черной воды), а китайцы — «Хуньтун-цзын», после соединения с рекой Сунгари [41] — также «Гелонг-кианг» (река черного дракона) и Хей-шуй, что значит «Черная вода» [42], а по-якутски «Кара туган» (Черная река). Современное туземное население называет его Дай Мангу, а ольчей — мангунами.

Общее направление течения нижнего Амура северо-восточное. С левой стороны в него впадают реки Тунгуска, Дарги, Гай и Галка, а с правой — протока из озера Петропавловского. Последнее длиною около 20 и шириною около 8 километров. В недавнем прошлом оно было значительно больше и простиралось на юг и юго-запад до предгорьев Хехцира. Сита была небольшой речкой, и Обор впадал в озеро самостоятельно. Возвышенность, где ныне расположено селение Волконское, представляет собой древний берег большого озера, а обширные болота с западной стороны указывают места, которые совсем недавно освободились от воды. Процесс дренажирования еще не закончен. Нынешнее озеро Петропавловское быстро мельчает, и недалеко время, когда оно тоже превратится в болото. Широкая долина Амура наполняется наносами его притоков — ила и песка, обычных спутников наводнений. В местах обвалов у подмытых берегов видно, как располагаются они в последовательном порядке. В самом низу лежит песчано-галечниковый слой, над ним нижнеаллювиальная глина, а выше слои песка, потом опять глина и поверх нее почвенно-перегнойный (гумусовый) слой, поросший высоким вейником и тростником, длинные корни которых в белых и фиолетовых чехликах прорезывают всю толщу наносов. Около протоки из озера Петропавловского находится много песчано-илистых островов. Некоторые из них едва выступают из воды, другие имеют вид плоских релок, поросших травой и кустами лозняка. Пески перемещаются летом водою, а зимой — ветрами. Иногда зимой можно видеть поверх снега слой песку, который при вскрытии реки переносится вместе со льдом на значительные расстояния.

К вечеру наш пароход дошел до селения Вятского [43], расположенного на правом, нагорном берегу Амура. Здесь на несколько часов была сделана остановка для погрузки дров. Я тотчас сошел на берег, чтобы осмотреть селение. Невеселый вид

имело оно. Прежде всего мне бросились в глаза бесчисленные штабели дров, за ними выше на берегу виднелись жилые дома и дворовые постройки, сделанные основательно и прочно, даже заборы были сложены из бревен. Все указывало на достатки населения, и вместе с тем в глаза била неряшливость, на дворах развал, груды конского навоза и непролазная грязь. Вдоль деревни идет одна улица. Две тощие гнедые лошади лениво плелись по дороге, они часто останавливались, хлопали губами, подбирая травинки, и подымали пыль. Следом за ними шел пожилой человек. Он ругал лошадей, кричал на них и размахивал руками. Амурские жители не имеют телег и ездят по Амуру летом на лодках, а зимой по льду на санях. Вот почему в каждом дворе было по две-три пары саней. На возвратном пути я опять увидел того же крестьянина. Он сидел на скамейке у ворот одного из домов и с кем-то переговаривался через дорогу. Нехотя ответил он на мое приветствие и спросил меня, не я ли буду новый учитель. Мой отрицательный ответ, видимо, его успокоил. Он подвинулся на скамейке и предложил мне присесть. От него я узнал, что крестьяне переселились сюда из Вятской губернии около полустолетия назад. Живут они с достатком и занимаются зимним извозом и доставкой дров на пароходы. Земледелие не в почете потому, что нигде поблизости нет хорошей земли, а также потому, что есть другие, более выгодные заработки. И в самом деле! Один пуд осетровой рыбы продавался по 40 рублей, а пуд черной икры — по 320. Если ход кеты был удачный, то средняя семья из четырех взрослых душ, могла поймать столько рыбы, что, продав ее в посоленном виде, за вычетом всех расходов на соль, бочки, фрахт и пр., она не только вполне обеспечивала себя до нового улова, но даже откладывала значительную сумму денег на черный день.

Поговорив немного с вятским старожилом, я пошел к берегу. Пароход, казалось, был насыщен электричеством. Ослепительные лучи его вырывались из всех дверей, люков и иллюминаторов и отражались в черной воде. По сходням взад и вперед ходили корейцы, носильщики дров. Я отправился было к себе в каюту с намерением уснуть, но сильный шум на палубе принудил меня одеться и снова выйти наверх.

Был второй час ночи. По небу плыла полная луна, серебрившая своим трепетным светом широкий плес Амура. Впереди неясно вырисовывались контуры какого-то мыса. Селение Вятское отходило на покой, кое-где в избах еще светились огни...

И вот в эти ночные часы из воды вышло и поднялось на воздух бесчисленное множество эфемерид. В простонародье их называют «поденками». Их личинки живут в воде и ведут хищнический образ жизни. Но потом вдруг все разом они подымаются на поверхность воды и превращаются в изящные

крылатые создания бледноголубого цвета с прозрачными крылышками и тремя хвостовыми щетинками. Поденок было так много, что если бы не теплая летняя ночь и не душный запах рано скошенной где-то сухой травы, их можно было принять за снег. Их было тысячи тысяч, миллионы. Они буквально наполняли весь воздух, бились в освещенные окна кают, засыпали палубу и плавали по воде. Эфемериды торопились жить. Их век короток, всего лишь 24 часа. Из темной пучины вод они поднялись на воздух для того, чтобы произвести себе подобных и умереть.

Я не мог долго быть на палубе. Насекомые буквально облепили меня. Они хлестали по лицу, заползали в рукава, набивались в волосы, лезли в уши. Я пробовал отмахиваться от них; это оказалось совершенно бесполезным занятием. В каюте было жарко и душно, но нельзя было открыть окон из-за тех же самых прелестных эфемерид. Долго я ворочался с боку на бок и только перед рассветом немного забылся сном.

Когда на другой день я проснулся, пароход уже был в пути. Между озером Катар и селением Вятским Амур некоторое время течет в широтном направлении, но затем вновь поворачивает на северо-восток. Здесь правый берег состоит из ряда плоских возвышенностей, изрезанных глубокими оврагами. Он слагается из базальтовой лавы и древнейших горных пород. Около селения Елабужского возвышенности отходят от Амура в глубь страны и вновь появляются после Гасинской протоки, вытекающей из озера того же наименования.

По показаниям Пояркова, от устья Уссури вниз по Амуру на четыре дня плавания жили дючерны, а далее натки[44]. Такого самоназвания туземцев в указанных местах мы теперь нигде не находим. Позднейшие писатели говорят о ходзенах и гольдах. Наиболее крупные гольдские селения по правому берегу Амура от Хабаровска до села Троицкого расположились в следующем порядке: Чепчики, Хованда, Сакачи-Алян, Люмоми, Хоухолю, Муху, Гаси, Дады, Дыэрга, Найхин, Джагри.

Около Сакачи-Аляна на берегу Амура есть писаные камни, затопляемые во время половодья. На одном камне схематически изображено человеческое лицо. Можно ясно различить глаза, нос, брови, рот и щеки. На другом камне — два человеческих лица: глаза, рот и даже нос сделаны концентрическими кругами, а на лбу ряд волнообразных линий, отчего получилось выражение удивления, как бы с поднятыми бровями. Рядом профиль какого-то фантастического животного с длинным хвостом и семью ногами. Оно изображено при помощи четырех концентрических кругов, из которых задний наибольший, потом два малых и на месте головы—круг среднего размера. Линия, объемлющая круги, частью ломаная, частью кривая, изображает контур животного. На последнем камне

довольно верное изображение в профиль оленя. Круп животного тоже разрисован концентрическими кругами. На боках видны ребра в виде кривых линий, а на шее и спине ближе к холке какие-то непонятные завитки.

Часам к десяти утра пароход дошел до села Троицкого, расположенного также на правом берегу Амура. От Вятского оно отличалось разве только размерами. Общий колорит старожильческий. В давние времена здесь было гольдское селение Толчека.

Несмотря на то, что пароходы ходят по Амуру довольно часто, для амурских крестьян это всегда событие. Заслышав свистки, все население бросает дома и устремляется к берегу для того, чтобы принять доставленное из Хабаровска продовольствие, посмотреть, не едет ли кто из знакомых, а то и просто посмотреть на публику. Так было и на этот раз. В толпе на берегу я узнал Косякова, приехавшего из селения Найхин на двух гольдских лодках, для того чтобы встретить нас и в последний раз сделать кое-какие закупки. Покончив с делами, мы забрали свой багаж и отправились к лодкам. Около них на прибрежной гальке сидело пять человек гольдов. Все они были среднего роста и хорошо сложены. Они имели овальные лица, слегка выдающиеся скулы, небольшие носы и темнокарие глаза. Длинные черные волосы их были заплетены в косы по маньчжурскому образцу. Костюм наших новых знакомых состоял из короткой тельной рубашки белого цвета и одного или двух пестрых халатов длиною до колен, полы которых запахивались одна на другую и застегивались сбоку на маленькие металлические пуговицы, похожие на бубенчики. Рукава около кистей рук были стянуты нарукавниками. На ногах гольды носили короткие штаны, сшитые из синей дабы, наколенники, привязываемые к поясу ремешками, и мягкую обувь в виде олочей из толстой замшевой кожи.

Ни одна из народностей на Амуре не любит так украшать себя, как гольды. Вся одежда их от головы до пяток орнаментирована красивыми нашивками. Добавьте к этому тяжелые браслеты на руках и несколько колец на пальцах, и вы получите представление о внешнем виде молодых гольдов, щеголяющих в своих нарядных костюмах в праздничные дни и в будни. Когда принесли наш багаж, гольды принялись укладывать лодки и размещать пассажиров. Гольдская лодка состоит из трех досок: одной донной и двух бортовых. Корма имеет фигуру трапеции. Донная доска выгнута; она длиннее других и значительно выдается. Нос прикрыт двумя короткими досками под углом в шестьдесят градусов. При таком устройстве встречная волна не может захлестнуть лодку, но зато бортами она сидит глубоко в воде. Гребцы помещаются впереди на маленьких скамеечках. Грузы в лодке располагаются посредине, а кормчий с веслом находится позади.

Часов в одиннадцать утра мы оставили село Троицкое и поплыли вверх по протоке Дырен к гольдскому селению Найхин.

Был один из тех знойных и душных дней, которые характеризуются штилем, ясным, безоблачным небом и зеркально-гладкой поверхностью воды. Солнечные лучи, отраженные от воды, слепили глаза и утомляли зрение, а долгое сидение в лодке в неподвижной позе вызывало дремоту. Часа через два плавания гольды причалили к берегу, чтобы отдохнуть и покурить.

Воспользовавшись остановкой, я решил размять немного ноги и пошел прогуляться по берегу. Слева тянулись обширные луга, поросшие высокой травой. Главную массу поемной растительности составлял все тот же вейник до полутора метров высотою с недеревенеющими стеблями в виде соломы. Он растет чрезвычайно обильно почти без примеси других трав, занимая обширные пространства. Места посуше были заняты обыкновенной полынью с перистыми листьями, издающими приятный запах, если их потереть между пальцами, и тростниками, вполне оправдывающими свое видовое название и вытеснившими почти всякую растительность. Оригинальный вид имеют заросли тростников с длинными листьями, легко вращающимися в ту сторону, куда дует ветер. Точно их кто-нибудь нарочно расчесывает и расправляет. Дальше виднелась какая-то полудревесная, полукустарниковая растительность. Я направил туда свои шаги. Это оказались тальники и ольшаники, словно бордюром окаймляющие берега проток и озерков со стоячей водой.

Луга, поросшие столь буйной растительностью, довольно богато населены пернатыми. В этот знойный день большая часть их попряталась в траве, но все же некоторых, наиболее прожорливых, голод заставлял быть деятельными. Прежде всего я заметил восточную черную ворону, всеядную, полуоседлую общественную птицу. От своей европейской товарки она отличается оперением черного цвета с фиолетово-синим оттенком. Ворона сидела на земле и кого-то караулила — должно быть, мышь. При моем приближении она испугалась, снялась с места и торопливо полетела к кустам лозняка. Тут же поблизости на жиденькой ольхе сидела сорока. Она вела себя неспокойно, все время вертелась, задирая хвост кверху, прыгала с одной ветки на другую и вдруг совершенно неожиданно камнем упала в траву, но вскоре опять появилась на одной из нижних ветвей дерева. При моем приближении трусливая птица бросилась наутек и, оглашая воздух сухими и резкими криками, полетела вслед за вороной. Затем я увидел большого восточного веретенника, типичного обитателя сырых лугов. Веретенник неожиданно вынырнул из тростников, подлетел ко мне вплотную, затем быстро свернул в сто-

рону и вновь спрятался в траву. Это, вероятно, был самец, старавшийся отвлечь все внимание от того места, где самка высиживала яйца. На обратном пути я еще вспугнул зеленую овсянку — небольшую птичку, ведущую одиночный образ жизни среди болот и глухих проток. Она села на куст, очень близко от меня, и совершенно не выражала беспокойства.

К сумеркам лодки наши дошли до гольдского селения Найхин, расположенного около самого устья Анюя. На ночь мы устроились в туземной школе. После ужина казаки принесли свежей травы. Мы легли на полу с намерением соснуть, но комары никому не дали сомкнуть глаз до рассвета.

Часов в девять утра мы с Косяковым пошли осматривать гольдское селение Найхин. Прежде всего мне бросился в глаза целый лес жердей, увешанных сетями, и сушила для рыбы. Немного в стороне высились бревенчатые амбары на сваях, в которых хранится все ценное имущество гольдов. Чтобы мыши не могли проникнуть в амбар, на каждую сваю надевается кверху дном старый испорченный эмалированный тазик. На берегу протоки лежало множество лодок. Те, которые находились в употреблении, были просто вытащены на песок и во всякое время могли быть снова спущены в воду, другие были опрокинуты кверху дном и, видимо, давно уже покоились на катках. Сотни собак встретили нас злобным лаем. Гольды пригрозили им палками, и собаки с неохотой снова улеглись на прежние места. Спасаясь от мошек и комаров, они зарывались в землю. Песок сыпался им на голову. Собаки терли свои морды лапами так сильно, что совершенно выскоблили шерсть вокруг глаз, отчего получилось впечатление, будто на их головы надели очки.

Гольдское селение Найхин тогда состояло из 18 фанз, в которых проживало 136 человек—мужчин и женщин [45]. В конце его из одной фанзы вышел нам навстречу Николай Бельды, мужчина лет тридцати, с которым я впоследствии подружился. Он приветствовал нас по-своему и предложил войти в его дом.

Гольдская фанза по внешнему виду похожа на китайскую. Это четырехугольная постройка с двускатной крышей. Остов ее состоит из столбов, пространство между ними, кроме тех мест, которые предназначены для окон и дверей, заполнено ивовыми прутьями и с обеих сторон обмазано глиной. Крыша тростниковая, а чтобы траву не сорвало ветром, нижние слои ее также обмазаны глиной, верхние прижаты жердями.

Перешагнув через порог, мы попали в довольно просторное помещение. Вдоль стен с трех сторон тянулись каны, сложенные из камней. Они имели ширину в рост человека и покрыты были чистыми цыновками, сплетенными из тростника. Свет в жилище проникал через три окна с одинарными рамами и с частыми решетинами, оклеенными тонкой китайской

бумагой. Потолка в фанзе нет вовсе: крыша поставлена прямо на стены, а вверху над самым коньком сделано небольшое отверстие для выхода дыма. Зимой его затыкают тряпицей или сухой травой. Пол земляной, плотно утрамбованный. Очагов два. Один находится у самых дверей, другой — у противоположной стены, где кончается кан.

Что такое очаг? Это низкая печка, сложенная из дикого камня, в которую сверху вмазан довольно большой котел. Дымовые ходы проложены под канами и выведены наружу в трубу, сделанную из дуплистого дерева и стоящую несколько поодаль от фанзы. Обыкновенно топится та печь, которая находится ближе к дверям. Вторую печь топят только зимой, во время больших морозов. Естественно, что каны ближе к топке нагреваются сильнее, чем те места, где дымоход выходит наружу. Иногда каны нагреваются так сильно, что без достаточных подстилок спать на них невозможно. Около очагов имеются полочки, на которых всегда можно увидеть одну или две бутылки, деревянные корытца, берестяную посуду, поварешку, кухонный нож и коробку с палочками для еды. Немного в стороне, прямо на полу, стоит большой глиняный сосуд для воды. Он высотою в метр и вместимостью ведер на двадцать. Эту глазированную и хорошо обожженную посуду раньше гольды приобретали в Маньчжурии. Посредине фанзы устроены на стойках в два ряда полки, на которых сложены разные охотничьи принадлежности, как-то: рыболовные крючки, остроги, копья, луки и стрелы. На жердях, протянутых через всю фанзу, над канами лежат лыжи, весла от лодок, большие куски бересты и свертки рыбьей кожи. Вследствие того, что дымовые ходы очень длинны и расположены горизонтально под канами, тяга в них не всегда равномерна, и печи часто дымят. Поэтому все предметы, находящиеся в фанзе выше роста человека, так закопчены, что не всегда удается узнать, что именно находится под слоем копоти. Неосторожный человек при малейшем прикосновении к ним осыпается в изобилии серой пудрой.

Почетным местом считается средняя часть кана. Иногда здесь можно видеть одну или две цветные подушки в виде валиков и перед ними резные столбики в 30 сантиметров высотою и с отверстиями в верхних частях, в которые вставлены курительные трубки. Здесь, по поверьям гольдов, место обитания душ усопших родственников, ожидающих, когда шаман отведет их в загробный мир. В углу прислонен к стене большой деревянный идол, грубо изображающий худотелого человека на длинных согнутых ногах, без рук и с редькообразной головой. Это Калгама — дух, охраняющий жилище от «злых духов». Две маленькие скамеечки, небольшой столик на низеньких ножках, нечто вроде шкафа или комода в углу на кане и сундук, ярко окрашенный, с медным замком, дополня-

ют убранство гольдской фанзы. Наблюдателя поражает обилие орнаментов не только снаружи, но и внутри жилища. Все вещи, большие и малые, покрыты резьбой. Стойки фанзы, деревянные корытца, оружие, весла, ложки, палочки для еды и в особенности берестяные изделия, коробки, миски, подносики и пр.,— словом, решительно все украшается при помощи красок и ножа.

В фанзе мы застали двух женщин и старика. Одна женщина, которая была помоложе, варила обед, а другая, постарше, сидела на кане и что-то шила. Около нее стояла детская зыбка, в ней спал будущий рыболов и охотник.

Гольдская зыбка состоит из двух половинок, сложенных под углом в сто двадцать градусов, так что ребенок находится в ней в полулежачем положении. К накладной стенке зыбки привешиваются в качестве побрякушек бусы, пустые ружейные гильзы, копытца кабарги и кости рыси, тоже охраняющие мальчика от посягательства злого духа.

Насколько гольды-мужчины удаляются от монгольского типа (среди них можно нередко встретить овальные лица без выдающихся скул и с правильными прямыми носами), настолько женщины сохраняют его. Лица обеих женщин были типично монгольские, которые характеризуются плоским скуластым лицом, вдавленной переносицей и узкими глазными щелями с явно выраженной монгольской складкой век. Все гольдячки невысокого роста и имеют маленькие руки и ноги.

Женский костюм отличался от мужского только длиною халатов и обилием вышивок и украшений. Кроме того, халаты их по подолу еще обшиваются медными бляшками. Кроме браслетов и колец на руках, они имели в ушах серьги с халцедоновыми и стеклянными бусами. Особенного же внимания заслуживают серьги в носу. Молодая женщина носила одну серьгу, продетую сквозь носовую перегородку так, что бляшка серьги, свернутая спиралью из тонкой серебряной проволоки, лежала на верхней губе. Старая женщина имела две такие серьги, продетых по сторонам в крылья носа.

Хозяин усадил нас на почетное место и велел подать угощение. Та женщина, которая шила около ребенка, постелила на кан суконное одеяло с неудачно разрисованным на нем тигром и поставила низенький резной столик на маленьких ножках, а другая женщина принесла на берестяном подносе сухую рыбу, пресные мучные лепешки, рыбий жир с кабаньим салом и ягоды, граненые стаканы из толстого стекла и чайник с дешевым кирпичным чаем.

Тотчас в фанзу стали собираться и другие гольды. Они расселись на канах и молча стали ждать конца нашей трапезы, чтобы принять участие в разговорах. Я обратил внимание на старика, седого, как лунь, и сгорбленного годами. От него я узнал, что реки Дондона нет вовсе, Дондон — это название

острова, селения на нем и смежной с ним протоки, а та река, по которой нам следовало итти, называется Онюй. Орочи называют ее Найхин—по имени гольдского селения при устье.

Что значит Онюй? Гольды к названиям правых притоков Амура прибавляют слово Анэй, например: Анэй Хунгуры, Анэй Бира, Анюй, Анэй Пихца и т. д. Этимологию этого слова выяснить мне не удалось. Любопытно, что и на севере, именно в Колымском крае, мы встречаем два притока Колымы с тем же названием — Большой Анюй и Малый Анюй. Удэхейцы Дондон называют Уни. Возможно, отсюда произошло Онюй («У» легко переходит в «О»), искаженное впоследствии в Анюй.

Когда гольды узнали, что мы хотим итти по Анюю, они начали рассказывать про реку всякие страхи. Говорили о том, что плавание по ней весьма опасно вследствие быстроты течения и множества завалов. Итти к истокам они отказались наотрез, и даже такие подарки, как ружье с патронами, не могли соблазнить их на это рискованное предприятие. Далее из расспросов выяснилось, что в нижнем течении Анюя живут гольды, а выше — удэхейцы.

Видно было, что амурские гольды боятся Анюя. Оно и понятно. Лодки их, приспособленные для плавания по спокойным протокам Аму́ра, совершенно не пригодны для быстрых горных речек. Уговаривать их на эту поездку я не стал (это было бы и бесполезно), но мы условились, что они доставят нас до ближайшей фанзы Дуляля, а оттуда мы найдем новых проводников. Так и будем передвигаться — от стойбища к стойбищу. После этого Николай Бельды велел назначенным для сопровождения нас гольдам расходиться по домам и готовиться к походу.

Посидев еще немного, мы начали прощаться с хозяином. Он взял с нас слово, что вечером мы придем к нему еще раз.

На самом краю между школой и селением находилась одна развалившаяся фанза. Глинобитные стены ее обрушились, и соломенная крыша, почерневшая от времени, лежала на земле. Вся местность вокруг фанзы заросла высокой сорной травой. Вышло как-то так, что я ушел вперед, а Косяков отстал немного. Проходя мимо фанзы, я вдруг услышал жалобный писк котенка. Сначала я не обратил на него внимания, но, когда я подходил ближе к фанзе, до слуха моего донеслось опять то же жалобное мяуканье, в котором слышались нотки страха. Полагая, что котенок куда-нибудь завалился и не может выбраться наверх без посторонней помощи, я свернул с тропы и сквозь бурьян направился прямо к развалинам фанзы.

По мяуканью я скоро обнаружил котенка. Он был обычного серого цвета с белой мордочкой и белыми передними лапами. Котенок был чем-то напуган. Он изогнул спину дугой, поднял кверху свой хвостик и весь ощетинился. Сперва

я не мог найти причину его страха. Тут были груды мусора, из которого торчало много палок. Как я ни напрягал зрение, я ничего не видел.

В это время котенок опять пискливо замяукал и прыгнул вправо. Тотчас одна из палок качнулась вправо. Котенок метнулся влево, палка тоже двинулась влево и так несколько раз. Я осторожно приблизился к котенку и увидел большую рыжую змею. Судя по той части ее тела, которая была приподнята от земли, пресмыкающееся было длиною метра полтора и толщиною около пяти сантиметров. Голова змеи была обращена к котенку, и изо рта высовывался черный вилообразный язычок.

Котенок казался парализованным, и вместо того, чтобы спасаться бегством, он пищал и в испуге делал прыжки, а змея, не спуская с него глаз, раскачивалась вправо и влево, постепенно приближаясь к своей жертве. Как раз в это время проходил мимо Косяков. Я стал делать ему знаки рукой. Увидев, в чем дело, он схватил палку и с силой ударил змею. Последняя метнулась в заросли, как раз по направлению к крыше. В траве послышалось шипение и шорох убегающего пресмыкающегося, а затем все стихло. Я взял на руки котенка и стал его гладить. Он все еще продолжал жалобно мяукать и дрожал, как в лихорадке.

Случайно мимо развалившейся фанзы проходили две гольдские девушки. Косяков крикнул им, чтобы они позвали людей, а сам принялся разбрасывать крышу и поднял большую пыль. Одна девушка взяла у меня котенка, а другая побежала в деревню. Через несколько минут из Найхина пришло четверо гольдов с лопатами и топорами. Они перевернули всю развалившуюся фанзу, не оставив на земле ни одного камня, но змеи не нашли. Меня несколько удивила настойчивость, с которой гольды искали змею, удивила также неприязнь, которую они питали к ней. Это было тем более странно, что к другим змеям они относились довольно равнодушно. Признаться, и на меня рыжая змея произвела очень неприятное впечатление. Такого большого пресмыкающегося на Амуре я нигде не видывал. Известно, что полозы глотают мышей, бурундуков и разных птиц, но никогда еще не было случая нападения их на щенка или котенка.

Когда выяснилось, что змея ускользнула и надежды найти ее нет никакой, гольды забрали свои лопаты и через бурьян пошли на берег. Они сели на опрокинутые вверх дном лодки и стали курить. По выражению их лиц я видел, что они чем-то встревожены. На мой вопрос, что случилось, один из гольдов ответил, что это была не простая змея, а шаманка, которая служит чорту, и теперь надо в селении ждать какого-нибудь несчастья. Я сразу понял, что появление рыжего полоза связано с каким-то событием, и решил вечером

расспросить гольдов подробно. Докурив трубки, гольды пошли в селение, а мы с Косяковым направились в школу, в которой остановились.

Когда начало темнеть, я вместе с Косяковым отправился в дом старшины. Гольды только что кончили ужинать. Женщины выгребли жар из печки и перенесли горящие уголья в жаровню. Мы подсели к огню и стали пить чай. Разговор начался о родах. Говорил наш хозяин, а старик внимательно слушал и время от времени вставлял свои замечания.

Все гольдские роды территориальные, и названия их в большинстве случаев указывают место, где тот или иной род обитал исстари. Так, род Дэонка родился на ключике того же имени, впадающем в реку Эльбин, Перминка получил свое название от местности Пермин, Актенка — с реки Мухеня, Соянка — от местности Соян (ниже села Троицкого), Кофынка — от местности Кофынь, Марянка — из Маря, что на левом берегу Амура против села Сарапульского. На месте последнего было стойбище Уксяма. Отсюда и произошел род Уксаменка. Люди Оджал родились и жили на берегах озера Болона, где в давние времена добывалась серебро-свинцовая руда. Утес с рудой назывался Оджал-Хонкони, а озеро Болон-Оджал. Род Ходзяр повел свое начало от протоки Атуа — немного выше «серебряного» утеса, Цзахоури — из местности того же имени, а Удынка и Юкомика жили на реке Тунгуске.

До русских гольды платили ясак маньчжурам, причем разные роды вносили его в разное время, вследствие чего в самом выгодном положении оказался род Бельды, а в наиболее тяжелом — род Дэонка. Тогда очень многие гольды из родов Дэонка, Перминка, Актенка, Соянка, Цоляцанка и Кофынка при опросе их маньчжурами назвались Бельды. Остальные роды — Марян, Посар, Оджал, Ходзяр, Моляр, Цзахсур и Юкомика — остались с прежними названиями.

Самыми старыми селениями на Амуре были Найхин, Дырен и Баоца. До прихода русских гольды имели торговые сношения с маньчжурами. Последние на больших лодках спускались по течению реки один или два раза в год, привозили с собой разные товары и выменивали их на пушнину. Тогда все было дорого, в особенности железные котлы и огнестрельное оружие. Старик рассказывал, что, когда он был еще мальчиком, на всем Амуре гольды имели только два фитильных ружья, за которые было заплачено 100 отборных соболей. Котел стоил около 10 соболей, а фунт пороху — 4 соболя. Достойно удивления, что чай пить гольды научились не от маньчжуров, а от русских. Раньше у них было значительно больше спирта, чем теперь. Доставляли его китайцы из Сансина.

Затем старик рассказал о первом появлении русских на Амуре: Весть о страшных белоглазых лоца, которых боялись

даже маньчжуры, принес им шаман из селения Баоца. От них так сильно пахло мылом и прогорклым салом, что с людьми делалось дурно. Тогда все окрестные шаманы собрались на совещание в селении Найхин и решили, что лоца — черти и отогнать их можно только камланием. Было приказано по всем стойбищам в первую же новолунную полночь погасить в фанзах огни и камлать. Так и поступили, а наутро увидели на реке пароход, буксирующий две баржи. Гольды испугались и, побросав свои жилища, убежали, кто куда мог. Найхинские гольды на лодках ушли вверх по Анюю. Хозяин фанзы сообщил, что от старых людей он слышал, будто бы русские в первый раз пришли со стороны моря, и никто не знал, какие это люди и зачем они пришли на Амур, а на другой год лоца приплыли сверху и остановились около озера Кизи. Некоторые гольды, ушедшие вверх по Анюю, остались там жить навсегда. Так образовались стойбища: Дуляля, Сира и Тахсале. Другие гольды ушли на озеро Болон-Оджал и тоже не вернулись. С той поры на Амуре гольдов стало меньше, а русские все увеличивались в числе, и остановить движение их было невозможно.

Лет пятьдесят назад (1883 год) селение Найхин выгорело от пожара во время грозы. Гольды не особенно горевали, потому что по их представлению гром всегда бьет в то место, где долго сидит чорт. Иногда молния поражает чорта, скрывшегося в человеке. Если бы не случилось пожара от грозы, чорт своими кознями погубил бы много людей. Обсудив этот вопрос, старики сказали, что пожар от грозы принес им избавление от несчастий, и все остались довольны. Деревня была выстроена вновь на том же месте.

Старик замолк и, уставившись глазами в одну точку, погрузился в воспоминания о временах, давно прошедших. Тогда я обратился к старшине с просьбой рассказать мне о рыжей змее, которую связывают с именем какой-то шаманки. Сначала он отмалчивался, но потом разговорился и рассказал мне следующее:

Лет шестьдесят назад в большом гольдском селении Ховын на берегу озера Гаси родилась девочка с рыжими волосами. Уже это одно обстоятельство встревожило туземцев. Еще в детском возрасте она стала проявлять свой скверный характер: не хотела работать, выказывала старшим явное неповиновение и всегда дралась с другими ребятишками, пуская в дело ногти и зубы. Когда она достигла совершеннолетия, с ней стали делаться припадки, которые кончились буйным помешательством. Она бегала по деревням, бросалась на людей, била окна в фанзах, рвала рыболовные сети и отнимала у собак пищу. Неоднократно гольды связывали ее, но она всегда находила возможность освободиться от ремней и тогда бесчинствовала еще больше. Напрасно приглашали шаманов,

напрасно они камлали и изгоняли злого духа. Ничего не помогало. Тогда гольды решили отвезти ее подальше в лес и там привязать к дереву. Так и сделали. Через несколько суток они пошли посмотреть, не умерла ли рыжая девка с голоду или не съел ли ее какой-нибудь дикий зверь. Но велико было их удивление, когда они увидели, что женщина исчезла, а веревки, которыми она была привязана, остались на месте и все узлы были целы. Как раз на том месте, где стояла она, на земле лежала шкурка большой змеи. Тогда все люди поняли, что женщину с рыжими волосами взял черт. Вскоре после этого в селении Гаси стали один за другим умирать люди. Через год из ста домов осталось только сорок, потом двадцать. Напуганные гольды стали разбегаться по другим селеньям. На Гаси остались только два старика, но и они поплатились жизнью. В один прекрасный день их обоих нашли мертвыми. С той поры это место было заброшено, и на нем никто не решался селиться вновь. Тогда мертвая шаманка стала бродить по другим селениям, появляясь то красным волком, то какой-нибудь невиданной птицей, странной рыбой в неестественно яркой окраске, то рыжей змеей, и каждый раз появление ее приносило какое-нибудь несчастье.

В это время заплакал ребенок. Я взглянул на часы. Была уже полночь. Все обитатели фанзы и кое-кто из гостей спали на канах. Старшина окликнул свою жену. Она поднялась, зевнула, почесала себе голову и полусонная стала кормить грудью ребенка. Попрощавшись с хозяином, я надел шляпу и вышел на улицу. Собиралась всходить луна, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Неподвижно-теплый и влажный воздух был наполнен поденками и комарами. Где-то очень далеко, должно быть на другом берегу Амура, виднелся огонь. Темная вода в протоке блестела холодным блеском стали. Отдаленный собачий лай, крик какой-то птицы в лесу и шорохи зайцев в траве будили чуткую тишину ночи.

В школе мои спутники давно уже спали. Я пробрался на свое место, но не мог уснуть. Меня беспокоили сведения, сообщенные гольдами. Они знали только стойбища своих сородичей и ничего не могли сообщить об удэхейцах, а также не знали, в бассейн какой реки мы попадем после перевала через Сихотэ-Алинь и скоро ли найдем туземцев по ту сторону водораздела. Наконец усталость начала брать свое, мысли стали путаться, и я незаметно погрузился в сон.

Двадцать девятого утром явились гольды. Утренний чай не отнял у нас много времени. Собрав все имущество, мы перешли на берег и разместились в лодках.

Когда имущество было уложено и все пассажиры сели на свои места, лодки отчалили от берега. Река Анюй в устье разбивается на шесть рукавов, образуя дельту, причем чистая его вода с такой силой входит в протоку Дырен, что прижи-

мает мутную амурскую воду к противоположному берегу. Протока Дырен мелководна. Во многих местах на отмелях виднелись стволы деревьев с обломанными ветвями, принесенные сюда Анюем во время наводнения. Берега Амура и островов его состоят из чередующихся слоев песка и ила, но от села Пайхин вплоть до Троицкого в основе строения берегов и на дне Дыренской протоки лежат мощные слои окатанной гальки, нанесенной Анюем. Этой галькой заполнено также все низменное пространство правого берега в глубину километров на пять вплоть до возвышенностей Мыныму.

Раньше Анюй впадал около села Троицкого. От устья Мыныму он поворачивал к северо-востоку и некоторое время тек вдоль хребта того же имени. Здесь можно видеть многочисленные его старицы, расположенные параллельными рядами и перпендикулярно к протоке Дырен. Между старицами также параллельными рядами расположились длинные релки, поросшие редколесьем из ильма. По ним видно, как Анюй постепенно отодвигался к юго-западу, пока не дошел до возвышенности пайхинского берега. Тогда началось заполнение Дыренской протоки. Недалеко то время, когда она совсем заполнится галькой. Бесчисленные множества отмелей и кос, выступающих на поверхность воды, уже налицо. Тогда Анюй пойдет по протоке к селению Торгон и будет впадать в Амур где-нибудь около острова Дондона.

Едва мы отчалили от берега, как вдруг откуда-то сбоку из-под кустов вынырнула оморочка. В ней стояла женщина с острогой в руках. Мои спутники окликнули ее. Женщина быстро оглянулась и, узнав своих, положила острогу в лодку. Затем она села на дно лодки и, взяв в руки двухлопастное весло, подошла к берегу и стала нас поджидать. Через минуту мы подъехали к ней.

Читатель, пожалуй, и не знает, что такое оморочка. Это маленькая лодочка, выдолбленная из тополя или тальника. Русское название «оморочка» она получила от двух слов — омо (один) и ороч (человек). Буквальный перевод, значит, будет «одночеловечка». Кроме того, русские иногда в шутку называют ее «душегубкой». Она очень неустойчива. От одного неосторожного движения она перевертывается, и неопытный человек попадает в воду.

Нашей новой знакомой было лет сорок пять. Она принадлежала к роду Камедига. Немного скуластое, смуглое, загорелое лицо, темнокарие, почти черные, глаза и такие же черные волосы, заплетенные в две косы, острый подбородок, прямой нос с низкой переносицей — таков был ее облик. Движения ее были спокойны. Она держала себя с достоинством и на вопросы отвечала коротко. Одета она была, как и все другие женщины ее племени, но без украшений. От своих спутников я узнал, что она была вдова и имела двух взрослых сыновей,

из которых один пошел по делам на Хор, а другой отправился на охоту за сохатым. Узнав, кто я такой, она только мельком взглянула на меня и не проявила ни малейшего любопытства. Поговорив немного, гольды взялись за шесты и пошли дальше. Женщина тоже оттолкнула свою оморочку от берега и затем встала на ноги. Легкое суденышко качалось и прыгало на волнах. Вдруг женщина подняла свой трезубец, метнула им в воду и тотчас подняла на воздух большую рыбину. Она сбросила ее в лодку и снова уперлась острогой в дно реки. Еще удар, и вторая рыбина запрыгала в лодке, а за ней последовала третья, четвертая...

«Вот так женщина! — подумал я, любуясь ловкостью ее движений.— Плыть через перекаты реки, стоя в оморочке, да еще бить острогой рыбу,— на это не всякий и мужчина способен. Видимо, эта женщина прошла суровую жизненную школу».

За это время лодки разделились. Мы перешли к правому берегу, а женщина свернула в одну из проток. К сумеркам мы достигли устья реки Люундани, по соседству с которой, немного выше, стояли две юрты. Дальше мы не пошли и тотчас стали устраивать бивак.

Было уже совсем темно. Мы сидели в односкатной палатке и смотрели на огонь, который весело пожирал сухие дрова.

В это время на реке послышались тихие всплески, и вслед за тем из темноты вынырнула женщина на оморочке. Она пристала к берегу и втащила оморочку на берег. Подойдя к огню, она подала мне две большие рыбины и пару уток, которые тоже заколола острогою. Я поблагодарил ее и обещал дать ее сыновьям ружейных патронов, в которых, как я узнал, они очень нуждались

Женщина покурила у нашего огня, потом пошла к своей лодке и скрылась в темноте. С минуту слышны были всплески двухлопастного весла.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВВЕРХ ПО АНЮЮ

Мы плыли по таким узким протокам, что лодку в них нельзя было повернуть обратно. Они пересекали одна другую и делали длинные петли. Скоро я потерял ориентировку, так что мне уже не помогал и компас.

Наконец протоки кончились, и мы вошли в реку как-то сбоку, с южной стороны. Здесь течение было настолько быстрое, что о продвижении на веслах нечего было и думать. Гольды взялись за шесты. Такой способ передвижения — тяжелый труд. Работать приходится стоя. Для этого нужны сила, выносливость и уменье. Положение лодки очень неустойчивое: она все время качается, надо соблюдать равновесие и внимательно смотреть вперед. С непривычки у новичка кружится голова, и всякое неосторожное движение может вызвать катастрофу. Поэтому гольды просили нас сидеть спокойно и не мешать им работать. Трудно сказать, какой здесь ширины Анюй, потому что он разбивается на протоки, отходящие в сторону, иногда километров на десять. Там, где несколько рукавов сливалось вместе, ширина реки была от двухсот до трехсот метров при быстроте течения около шести километров в час. Как и у всех горных рек, фарватер проходит то у одного берега, то у другого, вследствие чего и отмели располагаются по сторонам реки в шахматном порядке.

Древесная и кустарниковая растительность нижнего Анюя не может похвастаться разнообразием. По обе стороны реки

расстилаются поемные луга с одиночными деревьями и высокими кустами по берегам проток. Н. А. Десулави отметил в своем дневнике амурскую липу с дуплистым корявым стволом, с узловатыми ветвями и с цветами, издающими довольно сильный аромат, затем — пробковое дерево с серой морщинистой корой, бархатистой на ощупь. Оно имеет яркожелтую заболонь и листву, по внешнему виду похожую на ивовую. Там и сям виднелась амурская сирень, растущая кустарником, но такой величины, что каждую ветвь, выходящую из земли, можно было бы назвать деревом. Сирень имела темную с белесоватыми пятнами гладкую кору и сильно пахучие белые цветочные кисти. Рядом с сиренью на солнцепеках росла калина, имеющая вид развесистого куста с крупными черешковыми листьями и цветами двух сортов: чашеобразные плодонесущие в середине и снежнобелые бесплодные по краям. Здесь также много было дикого винограда, цепляющегося за другие растения. Иногда он так разрастался, что под ним совершенно скрывалась листва того дерева, которое он избрал своей опорой.

Наши гольды все время лавировали от одного берега к другому, выбирая, где было не так глубоко и течение слабее. Когда лодка у поворота попадала в струю быстро идущей воды, где шесты не доставали дна, они брались за весла и гребли что есть силы. Течение сносило лодку назад к другому берегу. Тогда гольды на шестах опять выбирались против воды до следующего поворота и опять переплывали реку. Время от времени они приставали к отмелям, чтобы отдохнуть и покурить трубки. В этот день мы прошли только восемь километров и рано расположились биваком около протоки реки Сырэн Катани.

Со стороны леса все время неслись какие-то протяжные звуки, похожие на крики коростеля, только более мелодичные. Я спросил гольдов, не знают ли они, кто их издает. Они ответили, что это кричит Мики, т. е. змея. Судя по описаниям их, это должен быть полоз. Они говорили с такой уверенностью, что я решил пойти по направлению услышанных звуков. Шагов через сотню я вышел на какую-то небольшую полянку. Звуки неслись как раз отсюда. Однако живое существо, издававшее их, было очень строгим и обладало хорошим слухом. Оно замирало или понижало крики и, видимо, прислушивалось к моим шагам. Это заставляло меня часто останавливаться и двигаться с большой осторожностью. Наконец я подошел к самым камышам и увидел, что внизу на земле толстым слоем лежала прошлогодняя трава. Как раз такие места любят большие полозы. И я и змея были настороже, оба прислушивались. Мики замерла совсем, но я вооружился терпением и долго стоял на одном месте, не делая никакого движения. Вдруг совсем близко, справа от себя, я услышал

шорох и действительно увидел какое-то большое пресмыкающееся. Оно ползло под сухой травой, и только иногда части его тела показывались наружу. И тотчас немного впереди опять раздался тот же звонкий звук, похожий на певучее хрипение. Затем все стихло. Долго я стоял, но криков более не повторилось. Я вернулся назад. Уже смеркалось совсем. Ночь обещала быть ясной и тихой. По небу плыли редкие облачка, и казалось, будто луна им двигалась навстречу. Со стороны высохшего водоема попрежнему неслись те же тоскливые мелодичные крики, а на другом берегу дружным хором им вторили лягушки.

Пока варился ужин, я успел вычертить свой маршрут. Когда стемнело, Крылов, Чжан-Бао и Косяков пошли ловить рыбу. Небольшим неводком они поймали одного тайменя и одного сазана. Сопровождавшие нас гольды сообщили, что таймень в Анюе вообще попадается редко, а сазан довольно обычен в нижнем течении реки. Около устья в тихих заводях держатся щуки крупных размеров и сомы. Из лососевых по Анюю в массе идет только кета, горбуши нет вовсе.

Когда мы вернулись с рыбацкой ловли, было уже темно. На биваке горел большой костер. Ярким трепещущим светом были освещены стволы и кроны деревьев. За день мы все устали и потому рано легли спать. Окарауливали нас собаки.

На другой день гольды подняли всех на ноги при первых признаках приближающегося утра. Они торопили нас и говорили, что будет непогода. Действительно, по небу бежали большие кучевые облака с разорванными краями. Надо было ждать дождя.

В низовьях на протяжении тридцати километров Анюй течет с юго-востока к северо-западу; потом он делает большую петлю и поворачивает на запад, каковое направление и сохраняет до впадения своего в Амур. На этом участке в последовательном порядке от устья вверх по реке можно отметить следующие протоки и ориентировочные пункты. С правой стороны реки по течению река Мулому и недалеко от нее река Мыныму, затем протока Перегдыма и местность Хохтоасо, а с левой стороны — небольшие протоки Далеко и Кутэ, затем протоки Сырэн Катани и Яука и местность Суарэн с пустым балаганом и протокой Хоулосу. В том месте, где Анюй делает поворот с востока к северо-западу, местность называется Баган (по-русски «Балаган»). Восточнее ее находится устье протоки Кан.

Гольды хорошо знали реку и, где можно, сокращали путь, пользуясь протоками, иногда же, наоборот, предпочитали идти старицей, хотя она и была длиннее нового русла, но зато течение в ней было спокойнее. Туземцы не пропускали ни одной галечниковой отмели, которые они называли «песками», и вели им счет до фанзы Дуляля, конечного пункта их плавания по Анюю.

Низовья Анюя считаются самым мошкариным местом на Амуре. И действительно, этих крылатых кровопийц здесь было так много, что решительно нельзя было смотреть и дышать. Они лезли в глаза, в рот, набивались в уши. Без предохранительных сеток на лице и без нарукавников и перчаток работать на открытом воздухе решительно невозможно. Мошка принадлежит к двукрылым. Она имеет вид маленькой мухи, но с более длинными крыльями, чем у последней. Кроме того, голово-грудь у нее явственно отделяется от брюшка, отчего она имеет некоторое сходство с осою. Повидимому, мошка сгрызает эпидерму с кожи и пьет выступающую наружу кровь, чем и объясняется сильнейший зуд в пораженных местах.

Приблизительно через час плавания мы достигли фанзы Дуляля. Она ничем не отличалась от других гольдских фанз Найхина, разве только меньшими размерами и более замысловатой резьбою. Когда лодки причалили к берегу, из дверей фанзы выбежали двое ребятишек пяти-шести лет. Они были в расстегнутых рубашках, без штанов и босиком. Трудно сказать, отчего их кожа имела такой смуглый оттенок: от загара, от копоти, от грязи или это была ее естественная пигментация. Узнав, что в лодках сидят лоца, мальчишки вдруг сделали испуганные лица и убежали назад. Через минуту появился сам хозяин. Он протянул мне руку и помог выйти на берег. В фанзе обитало трое мужчин, две женщины и трое детей. Опять началось угощение чаем и сухой юколой.

Гольды говорили, что назавтра надо ждать ненастья, потому что появилось много мошки и она больно кусалась. Они заметили также, что рыба в протоках всплывала на поверхность воды и хватала ртом воздух. Уже после полудня небо стало затягиваться паутиной слоистых облаков.

Когда стемнело, небо было совсем заволочено тучами. Пошел дождь, который не прекращался подряд двое суток. Видя, что ненастье принимает затяжной характер, я решил итти дальше, невзирая на непогоду. Отсюда амурские гольды возвратились назад, а на смену им взялись провожать меня обитатели фанзы Дуляля. Они говорили, что вода в реке может прибывать и тогда плавание на лодках станет совсем невозможным. Это были убедительные доводы.

Узнав о нашем решении, гольды тотчас стали собираться.

Но тут произошло курьезное событие. Хозяин фанзы, дотоле веселый и разговорчивый, вдруг рассердился. Он достал унты, которые вчера надел только один раз, и на подошве их уже оказались дырки. Он начал ругаться, потом схватил обувь и швырнул ее в угол. Скоро все разъяснилось. Унты бывают различной прочности. Обычно летом они носятся неделю-две, но эти проносились в один день. Плохая примета! Унты разбираются в людях. Если человек, надевший их, пришелся им по душе, они будут носиться долго, если же нет — скоро сно-

сятся. Хозяин фанзы был вне себя. Жена подала ему новые унты и затем с серьезным видом подняла на палку продырявленную обувь, вынесла ее из фанзы и бросила с руганью в сторону собак.

Наконец, все было улажено. Как будто и дождь начал стихать. Гольды уложили грузы в лодки, указали места пассажирам, разобрали весла, шесты и тронулись в путь. Но погода нас обманула. После короткой передышки снова пошел дождь, и в завершение несчастья случилась авария. В одной из проток гольды подошли к плавнику и как-то по неосторожности поставили лодку боком против течения. Вода тотчас хлынула через борт и в одно мгновение наполнила лодку до краев. К счастью, тут было мелко. Мы выскочили из лодки, на руках подтащили ее к берегу. От этой аварии особого несчастья не случилось, но весь груз наш промок, что вынудило нас раньше времени стать на бивак и просушивать на огне всю одежду.

Пройдя протоки Ерга и Кауаса, гольды причалили к берегу. Они стали оправлять лодки и распределять запасные шесты и весла так, чтобы они всегда были под рукой. Гольды были чем-то озабочены. Когда мы поплыли дальше, один из гольдов, находившийся впереди лодки, часто вставал и подолгу всматривался вперед. Я спросил его, в чем дело. В ответ на это он сделал мне знак, чтобы я молчал. Я стал вслушиваться, и тотчас же ухо мое уловило какой-то шум. Он становился явственнее и определеннее. В это время гольд, стоявший в носовой части лодки, протянул вперед руку и произнес одно только слово «Иока». Я тоже поднялся на ноги и увидел огромный сулой в том месте, где две протоки сливались вместе. Сулой Иока имел вид большого водяного бугра, высотою до полутора метров и в диаметре около восьми метров. Здесь сталкивались два течения, идущие друг другу навстречу. Громадное количество воды, выносимое обеими протоками, не могло вместиться в русло реки. Ее вздымало кверху большим пузырем, который все время перемещался и подходил то к одному, то к другому берегу реки. Вода точно кипела и находилась в быстром вращательном движении, разбрасывая по сторонам белую пену.

На вершине водяного бугра время от времени образовывалась громадная воронка. Она появлялась сразу, быстро увеличивалась в размерах, производила всасывающий звук и затем так же неожиданно исчезала. Гольды причалили к берегу и начали разгружать лодки. Часть гольдов принялась переносить грузы, а другая пошла осматривать и исправлять просеку, устроенную для переволока. Старые порубки и сильно потертый на земле колодник указывали, что переволок этот существует давно и не мы первые и последние пользуемся им, чтобы обойти опасный сулой стороной.

У гольдов были две охотничьи собаки. Мы заняли их места в лодках, и четвероногие пассажиры должны были теперь бежать по берегу и часто переплывать протоки. Первая встреча гольдских лаек с нашими собаками носила враждебный характер. Они недружелюбно поглядывали друг на друга, скалили зубы, но потом подружились и побежали вместе догонять лодки, успевшие уйти уже далеко вперед. Лайки бежали впереди, а наши собаки — сзади. Последний раз мы видели всех их на левом берегу Анюя и рассчитывали, что они прибегут после переволока. Но когда мы принялись перетаскивать лодки в обход сулоя, собаки появились на другой стороне. Лайки и две наши собаки побежали дальше, а одна лягавая поплыла прямо через Анюй. Напрасно казаки гнали ее прочь и бросали камнями. Она не замечала опасности и едва отделилась от берега, как сильная струя воды подхватила ее и понесла к сулою. Несчастное животное попало в водоворот и на наших глазах утонуло.

В этот день мы прошли только восемь километров и заночевали в стойбище Котофу Датани, состоявшем из трех юрт, в которых жило шесть мужчин, пять женщин и двое детей.

Перед сумерками я хотел было пройтись вдоль берега с ружьем, но обилие мошкары принудило меня вернуться в фанзу. Рассчитывали мы отдохнуть и подкрепиться сном, но подверглись нападению несметного количества блох, не давших ни на минуту сомкнуть глаз. Когда стало светать, я оделся и вышел из фанзы.

Было холодно и сыро. Серое небо моросило дождем. В сухой протоке (позади гольдского жилища), которую я вчера перешел, не замочив ног, появилась вода. Значит, Анюй начал выходить из берегов. Я вернулся назад и стал будить гольдов.

Часа через полтора мы покинули стойбище Котофу Датани и опять пошли на шестах против воды. В этих местах Анюй имеет широтное течение с легким склонением к северу. С левой стороны находятся два урочища, а выше их протока Колдони. Около устья последней приютилась еще одна гольдская фанзочка Сира. Я думал, что мы пройдем дальше, но усиливавшееся ненастье позволило дойти лишь до последней гольдской фанзы Тахсале.

Спустя часа полтора после нашего прибытия, когда мы сидели на канах и пили чай, в помещение вошла женщина и сообщила, что вода в реке прибывает так быстро, что может унести все лодки. Гольды немедленно вытащили их подальше на берег. Однако этого оказалось недостаточно. Поздно вечером и ночью еще дважды оттаскивали лодки. Вода заполнила все протоки, все старицы реки и грозила самому жилищу.

Это наводнение принудило нас просидеть на одном месте целую неделю. Томительно долго тянулось время. Я занимался этнографией и собирал сведения о гольдах и соседях их

удэхейцах. Между прочим, здесь я узнал, что Анюй в верховьях течет некоторое время вдоль западного склона Сихотэ-Алиня, охватывая истоки Хора, а после принятия в себя притока Гобилли, текущего ему навстречу, поворачивает на запад, уклоняясь то немного к северу, то к югу, и впадает в протоку Дырен. От гольдов я также узнал, что сородичи их живут только по нижнему течению реки, а удэхейцы — выше, до местности Улема, а в верхней половине Анюй совершенно необитаем. Далее те же гольды сообщили, что для того, чтобы достигнуть моря, нам потребуется времени по крайней мере сугок тридцать.

Впоследствии я узнал, что не только наводнение являлось причиной нашей задержки, но были и другие обстоятельства. Дело в том, что гольды боятся Анюя и выше фанзы Тахсале никогда не заходят. Им было известно, что удэхейцы собирались спускаться на ботах вниз по реке, и они решили здесь ждать их в Тахсале, чтобы передать нас, а самим ехать домой. Они не ошиблись в расчетах. Действительно, 9 июля сверху пришли удэхейцы на двух лодках.

В тот же день утром мы попрощались с гольдами и вручили судьбу свою в руки настоящих лесных людей, тогда еще мало затронутых цивилизацией.

Наши новые знакомые принадлежали к роду Кялондига. Старший из них был сорока лет, а другим было от двадцати до двадцати пяти лет. Лица их были настолько загорелы, что имели даже несколько оливково-красный оттенок. Удэхе носили по две короткие косы, туго обмотанные красными шнурами и украшенные золочеными пуговицами. Пожилой удэхеец имел в левом ухе небольшую серебряную серьгу. Головных уборов ни у кого не было. Одежда их состояла из длинных рубах, сшитых из китайской синей дабы с застежками сбоку и подпоясанных тонкими ремешками с напуском по талии. На ногах у них были надеты короткие узкие штаны и наколенники из той же дабы. В общем костюмы удэхейцев, орнаментированные спиральными и волнистыми линиями, напоминающими рога оленей, имели вид красивый и элегантный.

Лодка лесного жителя представляет собой нечто вроде длинного долбленого корыта с плоским дном, скошенной кормой и прямой стенкой на носу. От этой стенки, составляющей одно общее с днищем, выдается вперед нос в виде большой деревянной лопаты. Он имеет несколько овальную форму и от воды подымается кверху так, что конец его приходится на уровне с бортами лодки. Такая лодка называется «улимагда» и долбится из тополя. Она легка, удобоуправляема и сконструирована так, что не режет, а взбирается на воду и может проходить через самые мелкие перекаты. Длина улимагды среднего размера — 5—6 метров, высота 50—60 сантиметров и грузоподъемность при двух пассажирах около 30—35 пудов.

Кладь распределяется равномерно по всей длине лодки. Пассажиры садятся на берестяную подстилку, положенную прямо на дно. Чтобы борта не распирало, они в нескольких местах скреплены поперечинами. Удэхейцы помещаются на носу и на корме.

Грозный вид имела теперь река: все острова и мели были покрыты водою, течение усилилось до десяти километров в час.

После столь длительного ненастья как будто установилась хорошая погода. Теплые солнечные лучи оживили природу. На листве деревьев и в траве искрились капли дождевой воды, которую еще не успел стряхнуть ветер; насекомые носились по воздуху, и прекрасные бабочки с нежнофиолетовой окраской реяли над цветами. Казалось, они совершенно забыли о вчерашнем ненастье, вынудившем их, как и нас, к бездействию в течение семи долгих суток.

Удэхейцы работали шестами сильно и, насколько позволяла большая вода, довольно скоро подвигались вперед.

После фанзы Тахсале с правой стороны (по течению) реки будут лесистые местности Конко и Ади, немного выше небольшая протока Дуйдальдо и против нее речка Хаскандяони с урочищем Мазампо.

В полдень мы сделали большой привал. Хорошая погода, красивая река, встреча с удэхейцами подняли настроение моих спутников. Вчерашние невзгоды были забыты.

В ожидании, когда сварится обед, я немного углубился в тайгу, чтобы ознакомиться с растительностью. Прежде всего мне в глаза бросился маньчжурский ясень, ствол которого легко узнать по правильно расположенной вдоль коры трещиноватости и по ланцетовидным остроконечным листьям. Тут же рос вяз с характерной светлосиневатой корой. Древесина вяза содержит в себе, повидимому, много воды. Пуля ружья, пробивающая два-три сухих дерева насквозь, редко пройдет сквозь один вяз, если он имеет полтора-два обхвата в окружности. Потом я увидел амурскую липу. Я узнал ее по толстому приземистому стволу, большим угловатым сучьям и блестящей темной листве. Несколько в стороне от нее виднелся прямой ствол маньчжурского ореха. Крупные листья его расположены розетками по концам ветвей, отчего каждая из них похожа на пальму. Вероятно, здесь росли и другие представители маньчжурских широколиственных пород, но я вынужден был прекратить свою ботаническую экскурсию, побуждаемый к тому окриками моих спутников, приглашавших меня вернуться на бивак поскорее. Подлесок здешней тайги состоял из сорбарии. Она только что начинала цвести. В тех местах, куда проникали солнечные лучи, произрастала сибирская вероника с шестью сидячими (розеткой) продолговато-ланцетовидными листьями и бледнофиолетово-синими цветами, вроде остроконечных султанчиков. Я торопился и замечал только то, что

случайно мне бросалось в глаза. В одном месте я заметил какую-то крупную чемерицу с большими остроконечными плойчатыми листьями и темными цветами. В стороне мелькнули папоротники с вайями, весьма похожими на страусовые перья, и всюду в изобилии рос амурский виноград с шелушащейся корой коричневого цвета. Он окутывал кустарники и взбирался на деревья повыше к солнцу.

На привале все уже было готово, задержка была только за мной. Наскоро я выпил кружку полугорячего чая и велел укладывать вещи в лодки.

Удэхейцы шли больше протоками и избегали главного фарватера. Иногда они проводили лодки через такие узкие места в колоднике, что лодки задевали сразу обоими бортами. Я любовался их находчивостью и проворством. Они часто пускали в ход топоры, прорубали в плавнике узкую лазеечку и неожиданно выходили снова на Анюй.

По словам наших проводников, река часто выходит из берегов и затопляет лес. Тогда удэхейцы бросают свои юрты и стараются спуститься к Амуру. Случается, что в течение целого дня они не могут найти сухого места, чтобы развести огонь. Спать и варить пищу приходится в лодках.

Вскоре мы миновали речку Моди и местность Хельдиони, потом прошли протоки Сюада, Кузыгзе и Чугудуони и засветло прибыли в стойбище Хонко, расположенное около сопки, носящей то же название.

Пользуясь свободным временем, я оставил своих спутников устраивать бивак, а сам поднялся на гору. Я шел по прекрасному смешанному лесу с примесью кедра. Вершина сопки Хонко казалась плоской. Это вынудило меня взобраться на дерево. Прежде всего я увидел, что гора Хонко была конечной вершиной длинной гряды, которая шла к юго-западу и, повидимому, служила водоразделом между рекой Хор и бассейном части нижнего Амура (от Хабаровска до Анюя). С этой стороны в поле моего зрения была небольшая долина реки Моди с притоком Чу. От горы Хонко Анюй сильно забирает к северо-востоку и подмывает правый край этой долины. К западу, насколько хватает глаз, расстилалось море лесов. Кое-где между деревьями блистала вода. Внизу у подножья сопки приютился наш отряд. Лодки были вытащены подальше на отмель, чтобы ночью не унесло их водою. На биваке горел костер. От него тонкой струйкой кверху поднимался дымок.

Я спустился с дерева и хотел было итти назад, как вдруг увидел какую-то большую птицу и тотчас узнал в ней скопу. Она была белого цвета с черными концами крыльев и темными пятнами по всему телу. Скопа держала в лапах рыбину и летела к сухостойному дереву, на вершине которого было ее гнездо. Желая получше рассмотреть птицу, я стал осторожно продвигаться вперед, но птица бросила свою добычу и

полетела прочь. Рыба стала падать с ветки на ветку и застряла на одном сучке. Когда я подошел к дереву, то увидел, что корни его сильно запачканы птичьими экскрементами и на земле валялось еще четыре дохлые рыбы, издававшие зловоние. Как я ни старался разглядеть молодых скоп, они не показывались. Птенцы видели испуг матери и притаились.

Потом я заметил большого ворона. Наподобие хищной птицы, он парил в воздухе. Я узнал его по мелодичному карканью. Ворон описывал спиральные круги и поднимался все выше и выше. Скоро ветви деревьев заслонили небо, и я совсем потерял его из виду.

Около небольшой проточки из зарослей вылетели два рябчика. С характерным шумом поднялись они с земли и, спрятавшись в чаще, стали перекликаться между собой. Скоро я нашел одного рябчика. Он медленно ходил по ветке ясеня, вытягивал шейку, прислушивался и начинал свистеть. Я спугнул рябчика неосторожным движением, и он улетел дальше — в чащу леса. Когда я подходил к реке, то вдруг увидел что-то яркое и синее, мелькнувшее около самой воды. Это оказался зимородок. Отлетев немного, он опять уселся в лозняке. Здесь я мог его хорошо рассмотреть. Небольшая птичка, казалось, сгорбилась и как будто спрятала голову в плечи, выставив вперед только длинный клюв. Общая окраска ее была буровато-красная с синевой по бокам. Я сделал еще два шага и спугнул птичку. В воздухе опять мелькнула изумрудно-синяя спинка. Зимородок издал слабый крик и исчез в прибрежных кустах.

Когда я подходил к биваку, солнце только что скрылось за горизонтом. За горами его не было видно, уже чувствовалось приближение сумерек.

Мои спутники были все в сборе. После ужина меня стало клонить ко сну. Завернувшись в одеяло, я лег около огня и сквозь дремоту слышал, как Чжан-Бао рассказывал казакам о Великой китайской стене, которая тянется на 7 000 ли [46] и которой нет равной во всем мире.

По ассоциации я вспомнил вал Чакири Мудун, который начинается где-то около Даубихе в Уссурийском крае и на многие десятки километров тянется сквозь тайгу с востока на запад. Вот он поднимается на гору, дальше контуры его становятся расплывчатыми, неясными, и, наконец, он совсем теряется в туманной мгле...

Наутро я проснулся раньше других. Костер погас. Казаки спали вповалку, прикрывшись одним полотнищем палатки. Удэхейцы устроились на ночь под лодками.

Часа через полтора мы снова плыли вверх по Анюю. Теперь горы подошли к реке с правой стороны. Здесь находится перевал в долину реки Мыныму, о котором говорилось выше. С другой стороны тянется длинная и живописная протока

Пунчи. В нее впадает речка Ачжю, против устья которой находится небольшое стойбище удэхейцев того же названия. Пунчи местами разбивается на несколько мелких рукавов, заваленных колодником и весьма опасных во время наводнения. Левый берег протоки скалистый. У подножья береговых обрывов в глубоких водоемах держится много рыбы, преимущественно ленков.

Двадцать четвертого июля мы достигли местности Улема, где были расположены пять юрт. Здесь от удэхейцев я узнал, что с Анюя на реку Хади попасть нельзя, что верховья первой соприкасаются на севере с бассейном Хуту, а на юге с реками Копи и Самаргой. Хади же — небольшая речка, по которой никто не передвигается ни летом, ни зимою. Передо мной встал вопрос: итти на Копи или же на Хуту? Я выбрал последнее. На другой день я хотел было итти дальше, но в это время с одним из наших проводников сделался припадок. Он валялся на земле и кричал «Анана! Анана!» (т. е. больно, больно). Все остальные удэхейцы отнеслись к больному очень сочувственно и всячески старались облегчить его страдания. Тотчас на Ачжю были посланы два человека. В сумерки они вернулись и привезли с собою шамана из рода Кимунка. Это был мужчина среднего роста, лет пятидесяти от роду, весьма молчаливый. Загорелое лицо его, смуглое с красноватым оттенком, было лишено усов и бороды. Он носил длинные волосы, заплетенные в одну косу, и был одет в свой национальный костюм, лишенный вышивок и каких бы то ни было украшений.

Женщины встретили старика на берегу и отнесли в юрту его вещи. Войдя в помещение, шаман сел на цыновку и закурил трубку. Удэхейцы стали ему рассказывать о больном. Он слушал их с бесстрастным лицом и только изредка задавал вопросы. Потом он велел женщинам принести несколько камней, а сам пошел тихонько вдоль берега.

Я стал следить за ним глазами. Шаман часто останавливался, как будто что-то искал на земле, всматривался в воду и озирался по сторонам. Первое живое существо, какое он заметит, должно быть севоном (изображением духа), который может бороться с недугом. Спустя несколько минут он воротился и сообщил, что видел «соксоки» (коршуна). Затем он взял принесенные камни и высыпал их на землю раз-другой и смотрел, как они располагаются по отношению к юрте, где находился больной, и по отношению друг к другу. Это был своего рода гороскоп. Выбрав один из камней, он перевязал его жильной ниткой, конец которой взял в правую руку. Потом шаман сел на землю, скрестив ноги. Один из удэхейцев накрыл ему голову какой-то тряпицей. Шаман поднял камень с земли и дал ему «успокоиться». Долго он сидел в неподвижной позе и, казалось, задремал. Впоследствии я узнал, что в

это время он мысленно перебирал всех известных ему севонов, в образе которых злой дух мог вселиться в человека. При упоминании виновного севона камень должен притти в движение. Прошло несколько минут, и вот камень в опытной руке шамана пошевельнулся. Шаман так ловко устраивал свои фокусы, что камень стал медленно поворачиваться сначала в одну, потом в другую сторону. Севон «злого духа» был найден. Это лисица — «чигали». Шаман встал и направился к юрте больного. Когда последний увидел приближающихся людей, он стал еще более метаться и кричать. Началось камланье. Старик надел на себя пояс с позвонками, в левую руку взял большой бубен, а в правую колотушку, имеющую вид выгнутой пластинки, обтянутой мехом выдры и оканчивающейся ручкой, украшенной на конце резной головой медведя. Шаман стал петь свои заклинания сначала тихо, а потом все громче и громче. Он неистово бил в бубен и потрясал позвонками. Больной пришел в сильное волнение. Несколько человек держали его за ноги и за руки. В это время один из удэхейцев принес в юрту грубое изображение лисы, сделанное из травы, и поставил его около огня. Шаман с пляской подошел к больному. Он наклонился к нему и стал колотушкой как бы снимать со своего пациента болезнь и переносить ее на травяное чучело, а затем вдруг закричал громко и протяжно «эхе-хе-э». Тогда «чигали» вынесли из юрты и спрятали где-то в лесу, а около больного воткнули в землю палочку, к концу которой было привязано изображение коршуна, вырезанное из бересты. Минут через двадцать больной, очевидно ослабевший после острого нервного возбуждения, стал успокаиваться и скоро погрузился в сон.

На другой день он был так слаб, что не мог нам сопутствовать. Нечего делать, пришлось продневать еще один день. Тогда я решил отправиться на экскурсию по правому берегу реки. Отойдя от стойбища шагов триста, я вышел на отмель, занесенную песком. Здесь мое внимание привлекли к себе небольшие жуки светлошоколадной окраски с белыми пятнышками на надкрыльях. Они хорошо летали, проворно бегали по песку и ловко прыгали. Жуки были все время настороже. При каждой моей попытке приблизиться к ним они поднимались на воздух и, отлетев немного в сторону, снова садились на песок. Тогда я решил не двигаться и ждать, когда они сами приблизятся ко мне. Так и случилось. Жуки двигались порывами, останавливались и делали неожиданные прыжки в стороны. Они охотились за насекомыми, которых тут же и пожирали. Вдруг около моих ног кто-то с размаху ударился о землю. Большая оса-охотница напала на паута. Повалив его на землю, она подогнула брюшко и дважды уколола его своим жалом. Мгновенно паут был парализован. Затем оса схватила свою жертву челюстями и, придерживая

ее лапками, поднялась на воздух. Парализованный паут предназначался на корм личинке.

Около самой воды над какой-то грязью во множестве держались бабочки средней величины кирпичнокрасного цвета с темными пятнышками на крыльях. Они все время то раскрывали, то закрывали крылышки, и тогда чешуйки на них переливались синими и лиловыми тонами.

Иногда над рекой пролетали дивной красоты махаоны с черно-синими передними и изумрудно-синими с металлическим блеском задними крыльями. Последние имели длинные отростки на концах. Все же здесь на Анюе они не достигали таких размеров, как в Южно-Уссурийском крае.

Из царства пернатых я заметил крохалей. Было как раз время линьки. Испуганные птицы не могли подняться на воздух. Несмотря на быстроту течения реки, они удивительно скоро перебегали вверх по воде, помогая себе крыльями, как веслами.

Случайно я поднял глаза к небу и увидел двух орлов: они плавно описывали большие круги, поднимаясь все выше и выше, пока не превратились в маленькие точки. Трудно допустить, чтобы они совершали такие заоблачные полеты в поисках корма, трудно допустить, чтобы оттуда они могли разглядеть добычу на земле. Повидимому, такие полеты являются их органической потребностью.

На обратном пути я увидел трясогузку. Миловидная птичка стояла на камешке около самой воды и грациозно помахивала своим хвостиком. Вдруг она поднялась на воздух и как-то странно стала летать, то бросаясь вперед, то держась на одном месте и трепеща крыльями. Трясогузка ловила какое-то насекомое. Видно было, как она старалась схватить его и как-будто клевала воздух. Повидимому, трясогузка или поймала насекомое, или испугалась меня, потому что вдруг бросилась в сторону и полетела вдоль берега, то снижаясь к воде, то снова поднимаясь кверху. Около полудня я возвратился на бивак и занялся вычерчиванием съемки.

Выйдя из палатки, я увидел, что Чжан-Бао и удэхеец Маха куда-то собираются. Они выбрали лодку поменьше и вынесли из нее на берег все вещи, затем положили на дно ее корье и охапку свеженарезанной травы. На вопрос мой, куда они идут, Чжан-Бао ответил:

— Фан-чан Да-лу (оленя стрелять).

Я высказал желание присоединиться к ним. Он передал мою просьбу удэхейцу, тот мотнул головой и молча указал мне место в середине лодки. Через минуту мы уже плыли вверх по Анюю, придерживаясь правого берега реки.

Смеркалось... На западе догорала последняя заря. За лесом ее не было видно, но всюду в небе и на земле чувствовалась борьба света с тьмою. Ночные тени неслышными волнами

уже успели прокрасться в лес и окутали в сумрак высокие кроны деревьев. Между ветвями деревьев виднелись звезды и острые рога полумесяца.

Через полчаса мы достигли протоки Ачжю. Здесь мои спутники остановились, чтобы отдохнуть и покурить трубки. Удэхеец что-то тихонько стал говорить китайцу, указывая на протоку, и дважды повторил одно и то же слово : «Кя(н)га». Я уже начинал понемногу овладевать языком удэхейцев, обитающих в Уссурийском крае, и потому без помощи переводчика понял, что дело идет об охоте на изюбра, который почему-то должен был находиться в воде. За разъяснениями я обратился к Чжан-Бао. Он сказал, что в это время года изюбры спускаются с гор к рекам, чтобы полакомиться особой травой, которая растет в воде по краям тихих лесных проток. Я попросил показать мне эту траву. Удэхеец вылез из лодки и пошел искать ее по берегу. Через минуту он вернулся и на палке принес довольно невзрачное растение с мелкими листочками. Это оказался водяной лютик.

Покурив трубку, Чжан-Бао и Маха нарезали ножами древесных веток и принялись укреплять их по бортам лодки, оставляя открытыми только нос и корму. Когда они кончили эту работу, последние отблески вечерней зари погасли совсем; воздух заметно потемнел, и на землю стала быстро спускаться темная ночь.

— Капитан,— обратился ко мне Чжан-Бао,— твоя сиди тихо, говори не надо.

Затем мы разместились так: сам он сел впереди с ружьем, я посредине, а удэхеец — на корме с веслом в руках. Шесты были положены по сторонам, чтобы они во всякую минуту были под руками. Когда все было готово, Маха подал знак и оттолкнул веслом челнок от берега. Лодка плавно скользнула по воде. Еще мгновение, и она вошла под темные своды деревьев, росших вперемешку с кустарниками по обеим сторонам протоки. Удэхеец два раза гребнул веслом и затем предоставил нашу утлую ладью течению. Не вынимая весла из воды, он легким, чуть заметным движением руки направлял ее так, чтобы она не задевала за коряжины и ветви деревьев, низко склонившихся над протокой. Сначала мне показалось, что лодка стоит на месте, но вскоре я заметил, что берег медленно двигается нам навстречу. Темные силуэты кустов и бурелом, нанесенный бог знает откуда водою, один за другим появлялись из темноты и бесшумно, словно привидения, проходили, скрываясь снова за поворотом протоки.

Ночь была необычайно тихая. В великом безмолвии чувствовалось какое-то напряжение.

Чжан-Бао весь превратился в слух и внимание: я сидел неподвижно, боясь пошевельнуться, удэхейца совсем не было слышно, хотя он и работал веслом. Лодка толчками продви-

галась вперед и легонько покачивалась на воде. Впереди ничего не было видно, и в тех случаях, когда мне казалось, что протока поворачивает направо, удэхеец направлял лодку в противоположную сторону или шел прямо в кусты. Удэхеец хорошо знал эти места и вел лодку по памяти. Один раз Чжан-Бао сделал мне какой-то знак, но я не понял его. Вслед за тем Маха положил мне весло на голову и слегка надавил им. Я тогда сообразил, в чем дело, и едва успел пригнуться, как совсем близко надо мною пронесся сук большого дерева, растущего в сильно наклоненном положении. Лодка нырнула в темный коридор, одна ветка больно хлестнула меня по лицу. Я закрыл глаза; кругом слышался шум волн, и вдруг все сразу стихло. Я оглянулся назад и среди зарослей во мраке не мог найти того места, откуда мы только что вышли на широкий спокойный плес. Он показался мне сначала озером, но потом я ясно различил оба берега, покрытые лесом. В это время Чжан-Бао легонько толкнул челнок рукою в правый борт; удэхеец понял этот условный знак и тотчас повернул лодку к берегу. Через минуту она тихонько скрипнула дном по песку. Я хотел было спросить, в чем дело, но, заметив, что мои спутники молчат, не решился говорить и только осторожно поправил свое сиденье.

Берег, к которому мы пристали, был покрыт высокими травами. Среди них виднелись какие-то крупные белые цветы, должно быть пионы. За травой поднимались кустарники, а за ними — таинственный и молчаливый лес.

Вдруг направо от нас раздался шорох, настолько явственный, что мы все трое сразу повернули головы. На минуту шум затих, затем опять повторился, на этот раз еще явственнее. Я даже заметил, как колыхалась трава, словно кто шел по чаще, раздвигая густые заросли. При той тишине, которая царила кругом, шум этот показался мне очень сильным. Чжан-Бао приготовил ружье и караулил момент, когда животное покажется из травы, но удэхеец не стал дожидаться появления непрошенного гостя: он проворно опустил весло в воду и, упершись им в песчаное дно, плавным, но сильным движением оттолкнул лодку на середину протоки. Течение тотчас подхватило ее и понесло снова вдоль берега. Отойдя метров двести от места первого причала, мы опять подошли к зарослям. Только что лодка успела носом коснуться берега, как опять послышался шорох в траве. Тогда Чжан-Бао два раза надавил на левый борт лодки. По этому сигналу удэхеец, отведя немного лодку от берега, стал бесшумно сдерживать ее веслом против воды, время от времени отдаваясь на волю течения. Шум по берегу в зарослях следовал параллельно нам.

Стало ясно, что таинственный зверь следил за нашей лодкой. Потом он стал смелее, иногда забегал вперед, останавливался

и поджидал, когда неизвестный предмет, похожий на плавник с зелеными ветвями, поровняется с ним, и в то же время он чувствовал, быть может и видел, что на этом плывущем дереве есть живые существа.

Я не спускал глаз с берега и по колыхающейся траве старался определить местонахождение зверя. Один раз мне показалось, что я вижу какую-то длинную тень, но я не уверен, что это действительно было животное. Вдруг Чжан-Бао шевельнулся и стал готовиться к выстрелу.

Впереди, шагах в двухстах от нас, кто-то фыркал и плескался в реке.

Широкая протока здесь делала поворот, и потому на фоне звездного неба, отраженного в воде, можно было кое-что рассмотреть. Китаец быстро поднял вверх руку, и удэхеец сразу поставил лодку в такое положение, чтобы удобно было стрелять. В это мгновение я увидел изюбра. Благородный олень стоял в воде и время от времени в холодную темную влагу погружал свою морду, добывая со дна водяной лютик. Лодка, влекомая тихим течением, медленно приближалась к животному. Но вот изюбр насторожился, поднял голову и замер в неподвижной позе. Слышно было, как с морды его капала вода.

Вдруг в кустах, как раз против нашей лодки, раздался сильный шум. Таинственное животное, все время следившее за нами, бросилось в чащу. Испугалось ли оно, увидев людей, или почуяло оленя, не знаю. Изюбр шарахнулся из воды, и в это время Чжан-Бао спустил курок ружья. Грохот выстрела покрыл все другие звуки, и сквозь отголосок эха мы все трое ясно услышали тоскливый крик оленя, чей-то яростный храп и удаляющийся треск сучьев. С песчаной отмели сорвались кулички и с жалобным писком стали летать над протокой.

Когда все смолкло, Маха направил лодку к тому месту, где был изюбр, но там оказалось мелко. Пришлось спуститься еще на несколько метров, и только тогда явилась возможность пристать к берегу. Оба охотника тотчас пошли за берестой, а я остался около лодки. Прошло несколько минут, а они все еще не возвращались. Вдруг влево от меня зашевелилась трава. Мне стало жутко, но в это время послышались голоса. Я поборол чувство страха и пошел навстречу своим спутникам. Из принесенного березового корья удэхеец сделал факел. Разжегши его, мы пошли посмотреть, нет ли крови на оленьих следах. Крови не оказалось: значит Чжан-Бао промахнулся.

Придя назад к берегу, Маха положил факел на землю и бросил на него охапку сухих веток. Тотчас вспыхнуло яркое пламя, и тогда все, что было в непосредственной близости, озарилось колеблющимся красным сиянием.

Чжан-Бао и удэхеец набили свои трубки и принялись обсуждать происшедшее. Оба были того мнения, что зверь, следовавший по берегу за лодкой, был тигр. Китаец называл его «Ломаза», а удэхеец — «Куты-Мафа». Благодаря ему, изюбр сорвался с места, прежде чем Чжан-Бао выследил его как следует, потому и пришлось стрелять раньше времени. Он был недоволен, ругал тигра и всердцах сплевывал на огонь. Удэхеец волновался, но не потому, что охота была неудачной, а по другой причине. Ругань по адресу тигра и плевки в огонь казались ему двойным святотатством.

— А та тэ-э, манга-мангала би (т. е. «Ай, ай, совсем плохо»), — говорил он нето со страхом, нето с сожалением, поправляя огонь и как бы своим вниманием к нему стараясь парализовать оскорбление, нанесенное плевками китайца.

Чжан-Бао не унимался, а удэхеец был не на шутку встревожен поведением своего товарища. Я увидел, что пришло время вмешаться в разговор.

— Ничего, — сказал я Чжан-Бао, — не надо сердиться. На этот раз неудача, зато в другой раз будет успех. Не убили изюбра, зато если не видели, то слышали близкое присутствие тигра.

Мои слова, видимо, успокоили китайца. Он перестал ругаться и начал шутить; развеселился и Маха. Через полчаса мы стали собираться домой. Удэхеец охапкою мокрой травы прикрыл тлеющие уголья, а сверху засыпал их песком. Затем мы сели в лодку. Маха оттолкнул ее от берега и на ходу сел на свое место. Мои спутники взялись за весла. Теперь мы плыли скоро и громко разговаривали между собою. Я оглянулся назад: тонкая струйка беловатого дыма от притушенного костра поднималась еще кверху. На гладкой и спокойной поверхности воды виднелись след от лодки и круги, оставленные испуганными рыбами. Большая ночная птица бесшумно летела вдоль протоки, но, догнав лодку, метнулась в сторону и через мгновенье скрылась в тени прибрежных кустарников.

Приблизительно с километр мы еще плыли широким плесом. Затем течение сделалось быстрее, протока стала суживаться и, наконец, разбилась на два рукава: один — большой — поворачивал направо, другой — меньший — шел прямо в лес. Лодка, направляемая опытной рукой Маха, нырнула в заросли, и мы сразу очутились в глубокой тьме. Впереди слышался шум воды на перекатах.

— Анюй, — лаконически сказал удэхеец. И действительно, мы вдруг совершенно неожиданно вышли на реку. Теперь нам предстояло подняться против воды. Мои спутники оставили весла и взялись за шесты.

Несмотря на неудачу, я был очень доволен поездкой. Скоро мы миновали какие-то утесы, обогнули галечниковую

отмель, а за ней опять подошли к берегу, заросшему низкорослыми ивняками. Дальше за кустами на фоне темного неба, усеянного миллионами звезд, вырисовывались кроны больших деревьев с узловатыми ветвями: тополь, клен, осокорь, липа, все они стали теперь похожи друг на друга, все приняли однотонную, нето черную, нето буро-зеленую окраску. На правом берегу показался громадный кедр. Он был единственным в этой местности и, словно гигантский часовой, охранял «порядок» в лесу. Кедр смотрел величаво и угрюмо, точно он был недоволен сообществом лиственных деревьев и через вершины их всматривался в даль, где были его сверстники и собратья.

Наконец показался огонь — это был наш бивак. Он, то скрывался в чаще леса, то появлялся вновь и как будто перемещался вдоль берега. Еще один поворот, и от огня по воде навстречу нам побежала длинная колеблющаяся полоса света — верный признак, что бивак был недалеко. Минут через пятнадцать мы причалили к берегу. На биваке все уже спали, и покой уснувших людей охраняли собаки. Моя Альпа лежала свернувшись недалеко от костра. Она узнала нас по голосам, но все же для вида, не подымая головы, лениво тявкнула два раза. Я погладил ее, подбросил дров в огонь, прошел в свою палатку и, завернувшись в одеяло, крепко уснул.

На другой день мы выступили очень рано. Погода опять испортилась. Небо заволокло тучами, появился густой туман. По обилию влаги он не уступал дождю и так же был докучлив. Чем выше мы поднимались по реке, чем больше углублялись в горы, тем сильнее становилось течение. Шум воды на перекатах был слышен издалека. В таких случаях удэхейцы приставали к берегу, чтобы посоветоваться и собраться с силами. Они заранее уславливались, как итти, и напрягали все силы, чтобы удержать лодку против воды: шесты гнулись, дрожали и выбивали барабанную дробь о борта лодок. Каждый раз, пройдя через порог, я видел по лицам спутников-удэхейцев, что мы пережили несколько опасных минут.

За эти две недели мои спутники привыкли к лодкам и там, где было не так опасно, помогали удэхейцам проталкиваться на шестах. С непривычки у них на руках образовались водяные пузыри и болели суставы. По ночам слышно было, как стонали мои соседи, оттого что неосторожно повернулись и придавили больной локоть или плечо.

Высоко в небе парит орел, плавно описывая круги. Ему все видно. Он зорко смотрит вниз и выискивает добычу. Последняя протока кончилась около сопки Уба. На отмели с левой стороны Анюя расположились люди на отдых. Рядом горит костер. Минут через тридцать люди зашевелились. Одни

разбирают шесты, другие несут чайники, посуду и всякий скарб. Потом они сели в лодки и поплыли дальше. Едва ушли люди, как тотчас явились вороны. Озираясь по сторонам, они начали подбирать остатки и ссориться из-за всякого пустяка. Вдруг все вороны разом поднялись на воздух и расселись по соседним деревьям. Их напугала енотовидная собака — небольшое лохматое животное. Она двигалась вразвалку, суетливо обнюхивала землю и подбирала то, что не успели утащить вороны. Орел увидел еще большую тучу, надвигающуюся с запада, и поднялся выше. Туча быстро неслась по небу, разрастаясь вглубь и вширь. Люди тоже заметили приближающуюся грозу и торопятся спрятаться под навесом скалы, прикрываясь полотнищами палаток, шинелями и чем попало. Вот упали первые дождевые капли, сверкнула молния и загремел гром. От сотрясения воздуха хлынул ливень, затем послышался еще какой-то шум. Это шел по лесу крупный град, маленькие кусочки льда отскакивали от камней и прыгали по земле. На воде появилось бесчисленное множество воздушных пузырьков. С деревьев сыпалась листва, никла трава, как подкошенная. Какая-то бабочка, застигнутая врасплох грозою, искала защиты под листком клена, но ледяшка ударила как раз в ее убежище и раздробила ей одно крыло. Бабочка сделала попытку спрятаться в траве, но порывом ветра ее отнесло к реке. Мутная вода подхватила изуродованное насекомое и понесла его на пороги, где всего более пенилась вода.

Как быстро нашла гроза, так же быстро она и рассеялась. Дождь перестал, выглянуло солнце, и появилась роскошная радуга.

Земной мир снова принял ликующий вид. На ветвях деревьев и на каждой былинке дрожали капли дождевой воды, превращаемой лучами солнца в искрящиеся алмазы. На лодках тоже заметно движение. Люди снимают с себя намокшие покрывала, разбирают шесты и снова идут вперед вверх по Анюю.

После Улема к широколиственным породам понемногу стали примешиваться кедровники. Одни тальники имели вид пирамидальних тополей, другие росли кустарниками на галечниковых островках. Пучки сухой травы и всякий мусор, застрявший на них, свидетельствовали о том, что места эти ежегодно затопляются водою.

Первым большим притоком Анюя будет Тормасунь, или Тонмасу, как его называют удэхейцы. По их словам, это будет самая быстрая река Анюйского бассейна. По ней можно подниматься только в малую воду. Тормасунь течет под острым углом по отношению к своей главной реке. В истоках ее находится низкий перевал на реку Хор, через который перетаскивают лодки на руках.

После Тормасуня Анюй течет одним руслом. Кое-где посредине реки встречаются небольшие островки, еще не успевшие покрыться растительностью. Эта часть Анюя очень живописна.

Горные хребты, окаймляющие долину, увенчаны причудливыми скалами, издали похожими на руины древних замков с башнями и бойницами. Местные жители называют их шаманскими камнями и говорят, что в давние времена здесь жили крылатые люди.

11 июля наш маленький отряд достиг реки Гобилли, впадающей в Анюй с правой стороны, как раз в том месте, где он меняет свое направление.

Непрекращающиеся дожди и постоянная прибыль воды в реке весьма беспокоили удэхейцев. Они опасались за своих жен и детей и начали проситься домой. Я обещал не задерживать их и отпустить тотчас, как только они доставят нас к подножью Сихотэ-Алиня. Около устья Гобилли мы устроились биваком в тальниковой роще.

Незадолго до сумерек тяжелая пелена туч, покрывавшая небо, разорвалась. Сквозь них пробился луч заходящего солнца. Воздух, находившийся до сих пор в состоянии покоя, вдруг пришел в движение. Лес зашумел, деревья ожили и закачались, стряхивая на землю дождевые капли.

Тогда я кликнул свою собаку и пошел по берегу реки Гобилли, покрытому высокими тополями и ясенями. За ними ближе к горам виднелись кедровники, а еще выше лиственица, ель и пихта.

Подлесье из жасмина, калины, смородины, сорбарии и элеутерококкуса, переплетенных актинидиями и виноградником, образовало непролазную чащу, в которой зверье протоптало хорошую тропу.

Я шел осторожно, иногда останавливался и прислушивался; собака моя плелась сзади. Тропа стала забирать вправо, и я думал, что она заведет меня в горы, но вот впереди показался просвет. Раздвинув заросли, я увидел быстро бегущую воду в реке, по которой стремительно неслись клочья пены и всякий мусор.

Дождь перестал совсем, температура воздуха понизилась, и от воды стал подниматься туман. В это время на тропе я увидел медвежий след, весьма похожий на человеческий. Альпа ощетинилась и заворчала, и вслед за тем кто-то стремительно бросился в сторону, ломая кусты. Однако зверь не убежал, он остановился вблизи и замер в выжидательной позе. Так простояли мы несколько минут. Наконец я не выдержал и повернулся с намерением отступить. Альпа плотно прижалась к моим ногам. Едва я шевельнулся, как неизвестный зверь тоже отбежал на несколько метров и снова притаился.

Напрасно я всматривался в лес, стараясь узнать, с кем имею дело, но чаща была так непроницаема и туман так густ, что даже стволов больших деревьев не было видно. Тогда я нагнулся, поднял камень и бросил его в ту сторону, где стоял неведомый зверь. В это время случилось то, чего я вовсе не ожидал. Я услышал хлопанье крыльев. Из тумана выплыла какая-то большая темная масса и полетела над рекой. Через мгновение она скрылась в густых испарениях, которые все выше поднимались от земли. Собака выражала явный страх и все время жалась к моим ногам. Меня окружала таинственная обстановка, какое-то странное сочетание лесной тишины, неумолчного шума воды в реке, всплесков испуганных рыб, шороха травы, колеблемой ветром. В это время с другой стороны послышались крики, похожие на вопли женщины. Так кричит сова в раздраженном состоянии. Не медля больше, я ободрил собаку и пошел назад по тропинке.

Ночь быстро надвигалась на землю, туман сгущался все больше и больше, но я не боялся заблудиться. Берег реки, зверовая тропа и собака скоро привели меня к биваку. Как раз к этому времени вернулись с охоты удэхейцы.

Вечером после ужина я рассказал удэхейцам о том, что видел в тайге. Они принялись очень оживленно говорить о том, что в здешних местах живет человек, который может летать по воздуху. Охотники часто видят его следы, которые вдруг неожиданно появляются на земле и так же неожиданно исчезают, что возможно только при условии, если человек опускается сверху на землю и опять поднимается на воздух. Удэхейцы пробовали за ним следить, но он каждый раз пугал людей шумом и криками, такими же точно, какие я слышал сегодня.

Удэхейцы замолчали, но в это время вмешался в разговор Чжан-Бао. Он сказал, что в Китае тоже встречаются летающие люди. Их называют «Ли-чжен-цзы». Они живут в горах, вдали от людей, не едят ни хлеба, ни мяса, а питаются только растением «Ли-чжен-цау», которое можно узнать только в лунные ночи по тому, как на нем располагаются капли росы. Чжан-Бао даже сам видел такого человека. Дело было давно, когда он был еще мальчиком. Однажды зимой к ним в фанзу пришел китаец, очень легко одетый. Он сел на кан и отказывался от пищи, которую ему предлагали. Когда перед сном все стали раздеваться, пришедший человек снял с себя куртку и накрыл ею спину. Он старался занять такое положение, чтобы никто не видел его плеч. Потом он вышел из фанзы и долго не возвращался. Опасаясь, как бы он не простудился, кто-то пошел за ним и стал его окликать, но на дворе никто не отзывался. Тогда мужчины оделись, взяли фонари и пошли искать этого человека. Следы по снегу привели к забору и здесь пропали. На другой день узнали, что к

утру его видели в расстоянии 200 ли от поселка в другой фанзе, где он неожиданно появился и так же таинственно исчез. Ли-чжен-цзы — сын молнии и грома, он младенцем падает на землю во время грозы. Это сильный, божественный человек, заступник обиженных, герой. Посещение им людей приносит удачу в промыслах и в тяжбах при решении спорных вопросов.

По мнению Чжан-Бао, летающий человек на реке Гобилли был один из Ли-чжен-цзы, китаец и уж никак не удэхеец. Из этого я вывел заключение, что сказание удэхейцев о людях с крыльями позаимствовано ими от китайцев в древние времена.

На другой день удэхейцы встали рано. Они хотели поскорее доставить нас на условленное место. Я понимал их торопливость и шел им навстречу.

С восходом солнца туман стал рассеиваться и подниматься кверху. Это был хороший признак, обещавший хорошую погоду.

Не медля ни мало, мы тронулись в путь.

Удэхейцы оказались правы. Они нисколько не сгустили красок, а, наоборот, даже недостаточно ярко изобразили все трудности плавания по реке Гобилли. Выражение «поплыли», пожалуй, будет неподходящим, правильнее было бы сказать — мы стали карабкаться по порогам и каскадам. Несколько раз лодки наши попадали в весьма опасное положение, из которого выходили только благодаря ловкости и находчивости удэхейцев. Пусть читатель представит себе узкий коридор с совершенно отвесными стенками, по которому вода идет с головокружительной быстротой, шесты не достают дна, и упираться надо в выступы скал или подтягиваться на руках, хватаясь за расщелины камней. В другом месте путь нам преградил во всю ширину реки водопад в метр вышиною. Посредине его была лазейка, через которую по наклонной плоскости стремительно сбегала вода. Когда лодка стала входить в нее, вода фонтаном взвилась кверху. Тогда я оценил лопатообразный нос улимагды. Без него лодка была бы мгновенно залита водою.

На второй день пути по Гобилли мы, наконец, достигли конечного пункта нашего плаванья — небольшой горной речки, которую впоследствии удэхейцы назвали Чжанге Уоляни, что значит «Ключик на перевал, по которому прошел Чжанге». Так называли они меня в 1908 году.

Вечером у огня я расспрашивал удэхейцев о Гобилли и местности в верховьях реки Хуту по ту сторону водораздела. Один из них начертил мне даже план на бересте, из которого я понял, что река Гобилли течет вдоль хребта Сихотэ-Алинь и несколько под углом к нему. Все правые нижние притоки ее имеют перевалы на Анюй, а верхние — на Хунгари. В самых

верховьях Гобилли никто из удэхейцев не бывал. Как всегда в таких случаях, про истоки ее ходят нехорошие слухи. Там темно, всегда идут дожди, дуют холодные ветры. Там царство голода и смерти. Потом они говорили, что до Сихотэ-Алиня мы дойдем в двое суток, а через семь или восемь дней доберемся до реки Хуту, где, наверно, найдем людей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРЕВАЛ

На следующий день мы расстались. Удэхейцы вошли в лодки и, пожелав нам счастливого пути, отчалили от берега. Когда обе улимагды достигли порога, удэхейцы еще раз послали нам приветствия руками и скрылись в каменных ловушках. Мы остались одни и сразу почувствовали себя отрезанными от мира, населенного людьми. Теперь нам предстояло выполнить самую трудную часть пути.

Я не хотел тратить напрасно время и предложил моим спутникам собираться в дорогу. Наладив тяжелые котомки, мы пошли по ключику Чжанге Уоляни, представляющему собой горный ручей километров в двадцать длиной и протекающему по распадку между двумя отрогами главного водораздела. Западный склон Сихотэ-Алиня, обращенный к реке Гобилли, покрыт смешанным лесом, носившим на себе следы огня. На местах пожарищ выросли тонкоствольные березняки в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Деревья росли както странно, в сильно наклонном положении, иные вершинами совсем пригнулись к земле, что, вероятно, можно объяснить обледенением их зимой. В самых истоках речка разбилась на три небольших ручейка. Памятуя указание, данное удэхейцами, мы пошли вправо. Подъем на гребень Сихотэ-Алиня был настолько крут, что вынуждал нас двигаться зигзагами и карабкаться на четвереньках, хватаясь руками за корни деревьев. Самый перевал представлял собой седловину высотою

1 200 метров над уровнем моря, покрытую лесом, состоящим из ели, пихты, березы и лиственицы. Добравшись до вершины, мы сели отдыхать. Чжан-Бао лег на землю и тотчас же поднялся.

— Суи ню (вода есть),— сказал он уверенно.

Мы стали прислушиваться, и, действительно, где-то неглубоко под землей тоненькой струйкой лилась вода. Мы поспешно стали разбрасывать камни и через несколько минут открыли источник с чистейшей ледяной водой. Здесь мы и заночевали.

На другое утро все встали раньше солнца и разделились на три части. Я и Чжан-Бао пошли на юг по водоразделу.

Сихотэ-Алинь представляет собой высокую гряду, которая тянется по направлению от северо-востока к юго-западу и слагается из ряда плоских вершин, покрытых осыпями. Обломки каменной породы лежат так ровно и плотно, что можно подумать, как-будто нарочно их кто-нибудь пригонял друг к другу. На гребне водораздела леса нет, лишь по обширным ягельным тундрам разбросаны одиночные кусты багульника и кедрового стланца. Я ожидал, что после дождей атмосфера очистится, но сверх всякого ожидания воздух был наполнен мглою. В ней тонули не только дальние сопки, но и те, что были в непосредственной близости. По небу проходили большие облака и то открывали, то закрывали солнце, отчего панорама принимала то веселый, то мрачный вид, сообразно с этим вселяя в нас то надежду, то сомнение.

Я сел на камень и стал зарисовывать профили виднеющихся вдали горных цепей.

Некоторое время я сидел неподвижно и смотрел на планшет. Когда я поднял голову, то вдруг увидел на соседней вершине животное аспидно-бурого цвета со странной удлиненной головой и большими ветвистыми рогами. Это был северный олень. Он, видимо, учуял меня и пустился наутек. Через минуту животное скрылось в лощине, заросшей кедровым стланцем.

Кстати, два слова о северном олене. Южная граница его распространения в Уссурийском крае проходит от реки Саласу через верхнее течение Хунгари, потом Анюя, верховья Копи и выклинивается у моря около мыса Успения. Но и в этих местах он немногочисленен и держится на гольцах по вершинам гор, где есть достаточно корма. Орочи называют его Ню и убивают его только тогда, когда он случайно попадает под выстрел.

В пятницу 27 июля мы начали спуск с водораздела. На следующий день я определил поправку хронометра, а в полдень взял высоту солнца.

Тишина в лесу, гулкое эхо и хмурое небо предвещали непогоду. Когда мы выступили с бивака, начал накрапывать

дождь. Несмотря на ненастье, все были бодро настроены. Сознание, что мы перешли Сихотэ-Алинь и теперь спускались по воде, бегущей к морю, радовало моих спутников. Но радость их была преждевременной, потому что успех нашего предприятия зависел от многих причин и главным образом от того, как скоро удастся найти орочей на реке Хуту.

Восточный склон Сихотэ-Алиня более полог, чем западный, и слагается как бы из нескольких больших террас. Горный ручей, служивший нам путеводной нитью, то низвергался вниз мелкими каскадами, то просачивался под мхом, заболачивая почву, иногда на значительном протяжении.

2 августа наш маленький отряд достиг места, где Паргами впадает в Буту. Перед нами открылась большая болотистая котловина, со всех сторон обставленная невысокими сопками, имеющими вид размытых холмов. Такой ландшафт типичен для предгорьев Сихотэ-Алиня. Широкая, слабо всхолмленная равнина была покрыта сфагновым мхом и редкою лиственницей. Здесь не было видно ни зверей, ни птиц, ни насекомых. Свист ветра, пробегающего по вершинам полузасохших деревьев, еще более усугублял впечатление лесной пустыни. Переходя болото, я как-то отделился от отряда и, взглянув со стороны на своих спутников, увидел, что каждый из них окружен как бы облаком легкого тумана. Это вились над ними мошки и комары. К вечеру мы достигли устья реки Паргами. После дождей она разлилась и во многих местах затопила болото.

Километров через пять мало-помалу начал вновь вырисовываться характер горной страны; сделалось суше, но зато стали встречаться непропуски. Читатель, пожалуй, не знает, что значит «непропуск». Это горный отрог, подходящий к реке вплотную. У подножья его образовались глубокие водоемы, и потому обойти его со стороны реки нельзя. Надо с тяжелыми котомками взбираться на кручи. Чтобы взять один непропуск, иной раз уходит полдня времени и много сил.

Этот переход показался всем очень утомительным, в особенности он трудно дался С. Ф. Гусеву, попавшему в тайгу впервые. Почтенный геолог совершенно не обладал чувством ориентировки, часто отставал, терял наши следы и уходил в сторону. Каждый раз надо было разыскивать его, и напрасно терять дорогое время. Близорукий, он плохо видел без очков, да и очки терял, и тогда он уже совершенно ничего не видел. Сухую ель Гусев принимал за утес, разговаривал с пнем и прыгал через канаву там, где ее не было вовсе. Самым же большим недостатком его была полная беспомощность. Есть такие люди, с которыми случаются всякие неприятные истории. Палатка обвалится ни на кого другого, а именно на него. Однажды он попал босой ногой в котел с кашей, другой раз уронил мыло в реку, а потянувшись за ним, сам упал в воду.

Не замечая, что одна лямка вытянулась, Гусев долгое время нес котомку на одном плече, отчего страдал физически. Однажды мы дали ему нести алюминиевый котелок. Гусев привязал его так, что крышка болталась и звенела. Я рассчитывал убить какого-нибудь зверя в пути, но Гусев своим звоном мешал охоте. Он шел впереди, а я производил съемку и немного отстал. Я попросил казака догнать Гусева и привязать его котелок, как следует.

— Не надо,— ответил казак.— Пусть идет так. Если он потеряется, легче найти его будет в лесу.

По рассеянности Гусев, собираясь в путешествие, захватил с собой неравные комплекты белья; трое кальсон и одну старенькую рубашку, которая скоро изорвалась. Тогда он проявил инициативу и ухитрился надеть на себя кальсоны вместо рубашки. На груди у него получился косой крест с пуговицами, а сзади пузырь, надуваемый ветром. Штрипки белых панталон он разрезал и завязал около кистей рук, вследствие чего получились рукава с буфами. В этом странном одеянии Гусев походил на ландскнехта. Сначала мы все помирали со смеху, но потом привыкли к его наряду.

Пусть читатель не подумает, что Гусев был посмешищем моих спутников. Мы все относились к нему с уважением, сочувствовали его неприспособленности и всячески старались ему помочь. Больше всего был виноват я сам, потому что взял с собой человека, мало приспособленного к странствованиям по тайге.

5 августа мы дошли до впадения реки Аделами в Буту. Отсюда уже можно было плыть на лодках. Мы решили долбить две улимагды. Нашли подходящие деревья, свалили их и оголили от коры. На изготовление лодок ушло четверо суток.

По тому, как начался рассвет, по тишине в лесу и по быстро бегущим облакам на небе видно было, что опять собирается ненастье. И действительно, часов в восемь утра первые дождевые капли упали на землю. Недостаток продовольствия заставлял нас торопиться. Вода в реке была мутная и стояла на прибыли, а лодки были сделаны недостаточно умело, тяжелые, неповоротливые. В первый же день малая улимагда разбилась о камни. Люди успели выбраться на бурелом, а палатки, фотографический аппарат и значительная часть продовольствия погибли. Тогда мы разделились на две группы: одна с грузами следовала на лодке, а другая — шла пешком. К вечеру 11 августа мы дошли до какой-то высокой скалистой сопки. Казаки принялись устраивать бивак, а я пошел на гору, чтобы посмотреть, нет ли где дыма, указывающего на присутствие людей. Сверху мне хорошо была видна долина реки Буту. Около левого скалистого берега на камнях пенилась вода. Правый низменный берег выступал вперед

мысом. Здесь река делала поворот. На самом конце низменного берега, наклонившись, росла большая старая ель. Возвратившись на бивак, я сказал Крылову, чтобы завтра он держал лодку поближе к старой ели и подальше от левого берега, где много опасных камней.

Надо сказать, что путешествие по Уссурийскому краю, и в особенности плавание по горнотаежным рекам, сопряжено с такими неожиданностями, что заранее быть уверенным в выполнении намеченного маршрута невозможно. Так случилось и с нами. Ночью старая — «натулившаяся» ель упала в воду и вершиной застряла на камнях у левого берега, а мы, ничего не подозревая, сели в лодку и поплыли вниз по течению реки, стараясь держаться правого берега. На повороте улимагду подхватила сильная струя воды, и в это время я увидел злополучную ель. Комель ее лежал на берегу, а ствол почти касался воды; сучья были загнуты по течению. Не успели мы схватиться за шесты, как ель со скоростью быстро бегущего поезда сразу надвинулась на нас. Дальше случилось что-то такое, в чем я совершенно не мог отдать себе отчета. Помню воду кругом себя, затем пошли какие-то зеленые полосы и камни, точно бочки, поставленные друг на друга. Что-то зацепило меня за рубашку, но вскоре отпустило. Потом я всплыл на поверхность и вздохнул полной грудью. Впереди из воды показался обломленный нос лодки, рядом плыли шесты и еще какие-то вещи. Я сообразил, что надо плыть по течению, направляясь к берегу. Скоро руки мои коснулись дна и я встал на ноги.

Авария обошлась без человеческих жертв. С большим трудом мы вытащили лодку из-под плавника. Она была пуста и так изломана, что не годилась для плавания. Все имущество погибло: ружья, продовольствие, походное снаряжение, запасная одежда. Осталось только то, что было на себе; у меня — поясной нож, карандаш, записная книжка и засмоленная баночка со спичками. Весь день употребили на поиски утонувшего имущества, но ничего не нашли.

Печальную картину представлял собой наш бивак. Все понимали серьезность положения: обратный путь отрезан; на Гобилли не было ни лодок, ни людей. Оставалось одно — итти вперед без всякой надежды найти помощь. Надо было решить, какой стороны реки держаться. Несомненно, дальше река сделается шире и многоводнее, и переправа будет затруднительной. Почему-то всем казалось, что удобнее итти левым берегом. В одном месте Буту разбилась на два рукава, заваленных плавником, по которому мы и перешли на другую сторону реки. Это была ошибка, как выяснилось несколько дней спустя. Левый берег оказался гористым, частые непропуски вынуждали нас взбираться на кручи и тратить последние силы.

Трудно передать на словах чувство голода. По пути собирали грибы, от которых тошнило. Мои спутники осунулись и ослабели. Первым стал отставать Гусев. Один раз он долго не приходил. Вернувшись, я нашел его лежащим под большим деревом. Он сказал, что решил остаться здесь на волю судьбы. Я уговорил Гусева итти дальше, но километра через полтора он снова отстал. Тогда я решил, чтобы он шел между казаками, которые за ним следили и постоянно подбадривали.

На третий день к вечеру Чжан-Бао нашел дохлую скверно пахнущую рыбу. Люди бросились к ней, но собаки опередили их и в мгновение ока сожрали падаль. Измученные, голодные люди уныло и молча шли друг за другом. Только добраться бы до реки Хуту. В ней мы видели свое спасение.

Мы все ужасно страдали от мошки, ее особенно много появлялось во вторую половину дня, когда солнце начинало склоняться к горизонту. С радостью мы встречали вечерний закат; сумерки и ночная тьма давали отдых от ужасного «гнуса» [47].

На четвертые сутки мы дошли до топкого болота, пришлось опять взбираться на кручи. В это время Альпа поймала молодого рябчика и стала его торопливо есть. Я бросился к ней, чтобы отнять добычу. Собака отбегала и старалась скорее съесть рябчика. Я крикнул на нее, отнял изжеванную птицу и первый раз в жизни толкнул свою Альпу ногой. Она отошла в сторону и нехорошо посмотрела на меня. В этот же день вечером мы убили ее и мясо разделили на части. Бедная Альпа! Восемь лет она делила со мной все невзгоды походной жизни. Своею смертью она спасла меня и моих спутников.

Между тем с Гусевым стало твориться что-то неладное. То он впадал в апатию и подолгу молчал, то вдруг начинал бредить с открытыми глазами. Дважды Гусев уходил, казаки догоняли его и силой приводили назад. Цынги я не боялся, потому что мы ели стебли подбела и черемуху, тифозных бактерий тоже не было в тайге, но от истощения люди могли обессилеть и свалиться с ног. Я заметил, что привалы делались все чаще и чаще. Казаки не садились, а просто падали на землю и лежали подолгу, закрыв лицо руками.

Наконец 16 августа мы дошли до места слияния рек Хуту и Буту. Ни через ту, ни через другую переправиться было нельзя: у нас не было ни топоров, ни веревок, чтобы сделать плот, не было сил, чтобы переплыть на другую сторону реки.

Один раз понадобилось перебросить через маленькую проточку жердь длиною в 7 метров и толщиною в обыкновенную пивную бутылку. Вшестером мы не в силах были перенести ее на расстояние шестидесяти шагов. Она выскальзывала из рук и казалась невероятно тяжелой.

17 августа поднялись на ноги только я, Чжан-Бао и Дзюль. Мои спутники находились в каком-то странном состоянии: сделались суеверны, начали верить снам, приметам и ссориться из-за всякого пустяка. Все мы были как нервнобольные.

Какая-то ворона летела над рекой и, увидев на берегу лежащих людей, села на соседнее дерево и каркнула два раза. Вдруг Гусев сорвался с места.

— Ворона, ворона! — дико закричал он и бросился в лес за птицей.

Следом за ним вскочили Косяков и Димов и с теми же криками «ворона, ворона» побежали вдогонку за Гусевым. Я тоже было побежал, но вдруг опомнился.

— Стойте, сумасшедшие! — закричал я что было силы.— Куда вы бежите?!

Косяков остановился и стал звать Димова. Мало-помалу все успокоились и пошли искать Гусева. Они нашли его в кустах среди бурелома. Он лежал на земле ничком и что-то шептал. На глазах его были слезы. Гусев не сопротивлялся и дал привести себя обратно на бивак.

Прошло еще трое суток. На людей было страшно смотреть. Они сильно исхудали и походили на тяжелых тифозно-больных. Лица стали землистого цвета, сквозь кожу явственно выступали очертания черепа. Мошка тучами вилась над невстававшими с земли людьми. Я и Дзюль старались поддерживать огонь, раскладывая дымокуры с наветренной стороны. Наконец свалился с ног Чжан-Бао. Я тоже чувствовал упадок сил; ноги так дрожали в коленях, что я не мог перешагнуть через валежину, и должен был обходить стороною.

На берегу рос старый тополь. Я оголил его от коры и на самом видном месте ножом вырезал стрелку, указывающую на дупло, а в дупло вложил записную книжку, в которую вписал все наши имена, фамилии и адреса.

Теперь все было сделано. Мы приготовились умирать.

Было начало сентября. Осень властно вступила в свои права. Ночи стали холоднее. Днем мы страдали от мошки, а ночью от холода.

Одежда наша износилась до последней степени, а обувь была в еще более печальном состоянии.

В ночь на 4 сентября никто не спал, все мучились животами. Оттого, что мы ели все, что попадало под руки, желудки отказывались работать, появлялась тошнота и острые боли в кишечнике. Можно было подумать, что на отмели устроен перевязочный пункт, где лежали раненые, оглашая тайгу своими стонами. Я перемогал себя, но чувствовал, что делаю последние усилия.

Вдруг где-то далеко внизу по реке раздался выстрел, за ним другой, потом третий, четвертый. Все заволновались и

начали спорить. Одни настаивали на необходимости как-нибудь дать знать людям, стреляющим из ружей, о нашем бедственном положении; другие говорили, что надо, во что бы то ни стало переплыть реку и итти навстречу охотникам; третьи советовали развести большой огонь. Но выстрелы больше не повторялись.

Ночь была очень холодная, и никто не смыкал глаз. Я смотрел на огонь и думал. Если стреляли удэхейцы, то, вероятно, они били медведя, а присутствие медведя на берегу реки указывает на начавшийся ход рыбы. Если охота туземцев была удачной, они вернутся назад, и мы погибли; если нет, они пойдут дальше вперед по реке, и мы спасены. Потом я вспомнил про Альпу, и мне стало жаль ее. С этим мыслями, сидя на валежине, я задремал. Мне грезился какой-то бал, где было много людей. Танцующие пары вертелись у меня перед глазами и постоянно закрывали собой огонь. Вместо музыки слышалось какое-то пение, похожее на стоны. В зале открыты окна, и оттого было так холодно. Вдруг среди пляшущих людей появилась ворона, она прыгала по земле, воровски озираясь по сторонам. Я потянулся, чтобы схватить ее, качнулся, чуть было не упал и открыл глаза.

Светало. Костер догорал. Над рекой повис густой туман. Сквозь него неясно были видны горы по ту сторону Хуту. В это время на самой середине реки появился какой-то темный предмет. Это была улимагда и в ней два туземца. Не спуская глаз с лодки, я протянул руку и тронул спящего рядом со мной человека, думая, что это Дзюль, но это оказался Гусев. Он вскочил на ноги и дико закричал. Тогда поднялись все остальные и тоже принялись кричать. Я видел, как туземцы задержали лодку, проворно повернули ее назад и скрылись в тумане. Возбуждение моих спутников сменилось отчаянием. Они стали кричать и в одиночку, и все разом, спорили и укоряли друг друга. Только Дзюль и Чжан-Бао сохранили самообладание.

Минут через двадцать туман стал подниматься кверху. Река была совершенно пустынна. Я просил моих спутников успокоиться и подождать восхода солнца. Была слабая надежда, что лодка, может быть, еще вернется.

Прошел час, другой, я уже начал терять надежду. Вдруг Крылов сделал мне какой-то знак. Я не сразу его понял. Казак пригибался к земле, стараясь возможно больше скрыть свое присутствие, и шопотом повторял одно слово:

— Собака!

Я взглянул в указанном направлении и, действительно, увидел собаку. Она сидела на противоположном берегу и, насторожив уши, внимательно смотрела на нас. На душе у меня сразу отлегло. Значит туземцы не ушли, а спрятались где-то в кустах. Тогда я вышел на берег и закричал:

— Би Чжанге, нюгу лоца, агдэ инн бу цзяпты маймакэ (т. е. «Я Чжанге, шесть русских, много дней ничего не ели»).

Через несколько минут из зарослей поднялся человек. Я сразу узнал в нем орочa. Мы стали переговариваться. Выслушав меня, он сказал, что их лодка находится ниже по течению, что он отправится назад к своему товарищу и вместе с ним придет к нам на помощь. Ороч скрылся, собака тоже побежала за ним, а мы уселись на берегу и с нетерпением стали отсчитывать минуты.

— Идут,— вдруг сказал Дзюль.

Действительно, одна лодка показалась из-за поворота.

— Еще лодка,— заметил Крылов.

— Третья,— крикнул Косяков.

— Люди много ходи, — сказал, поднимаясь на ноги, Чжан-Бао.

Действительно, плыли три лодки, на которых люди усиленно работали шестами. Через четверть часа они подошли к нашему биваку. Это был встречный отряд Николаева. Тогда случилось то, чего я вовсе не ожидал. Меня, Дзюля и Крылова оставили силы, и мы опустились на землю, а те, кто лежал, не вставая уже несколько дней на гальке, поднялись на ноги.

Наши спасители привезли с собой жидкий отварной рис. Мы с жадностью набросились на пищу, но с первых же глотков почувствовали себя дурно. Началась сильная рвота. Несколько раз мы принимались за еду и каждый раз с тем же результатом.

Из расспросов выяснилось, что Николаев по прибытии отправился на поиски нас вверх по реке Хади, поднялся по ней километров на сто и, не найдя наших следов, возвратился к морю. Спустя две недели он возвратился с орочем с реки Тумнина.

Старшина селения Хуту-Дата Федор Бутунгари, прослышав, что я пошел к Анюю и что Николаев ищет нас на реке Хади, послал к нему гонцов с извещением, что надо итти вверх по Хуту, Буту и Паргами.

— Судя по времени,— говорили орочи,— Чжанге должен был давно уже выйти к морю, значит случилось какое-то несчастье и потому надо торопиться.

Мой помощник тотчас выступил в путь. Федор Бутунгари подробно рассказал ему, где и как нас искать, и дал переводчиков. Николаев поднимался по реке Хуту очень быстро, сокращая ночевки и время на отдыхах. Последняя ночь застала его в пути, километрах в трех от нашего бивака. Случайно впереди него шла еще одна улимагда с двумя орочами-охотниками, которые ничего не знали о нашем путешествии. Каждый вечер Николаев делал в воздух три-четыре выстрела. Их-то мы и слышали, а на рассвете увидели орочей, которые

приняли нас за чалдонов (бродяг) и спрятались в прибрежных зарослях.

После такого сильного нервного напряжения появилась необычайная слабость. Едва я вошел в лодку и лег на приготовленное мне место, как почувствовал, что веки мои слипаются сами собой. Мне стало трудно говорить и ни о чем не хотелось думать. Когда лодки отходили от берега, я в последний раз взглянул на бивак, который едва не стал нашей могилой. Дуплистое дерево с затеской, примятая трава и груда золы на месте угасшего костра — все это так запечатлелось в моей памяти, что потом, хотя прошли многие годы, никакие другие образы не могли заслонить собою воспоминаний об этом случае.

Река Хуту течет сначала с севера на юг, а после принятия в себя реки Буту круто поворачивает на северо-восток. Наш голодный бивак, как помнит читатель, находился у слияния обеих рек. Каждая из них близ устья принимает в себя по большому притоку — Содолинго и Аделами. Местность эта называется Чжауса. Отсюда на значительном протяжении правый берег Хуту высокий нагорный и слагается из пород массивно-кристаллических. С левой же стороны выступают речные террасы новейшего образования, состоящие из обломков горных пород, перемешанных с глиной, песком и илом.

Лодки, управляемые опытными руками орочей, быстро плыли вниз по течению. Туман рассеялся окончательно. Было тепло и светло. Порой я приходил в себя, открывал глаза и видел красивые горы, чистые плесы реки и лес по берегам ее. Какие-то пестрые птицы порхали и, вытянув длинные шеи, торопливо проносились над лодкой. Гусев каждый раз пугался их, принимая за ворон.

В самой долине леса состоят из пород широколиственных — мельком я видел маньчжурский ясень, тополь Максимовича, белую березу и какие-то высокоствольные тальники. Лиственицы взбирались на более возвышенные места, постоянно смешиваясь с елью и пихтой, которые по вершинам горных хребтов царили безраздельно и в своем сообществе терпели только каменную березу.

Река Хуту и все ее притоки по справедливости считаются богато населенными зверем. В верховьях Буту держатся лось, кабарга, соболь и росомаха. По среднему течению в горах с левой стороны обитают северные олени. По правым притокам орочи иногда видят изюбров, кабанов и изредка тигров.

Когда начало смеркаться, мы пристали к острову в местности Лелю. Одеяние Гусева и странное поведение его обратило на себя внимание орочей. Они долго смотрели на него и затем спросили, таким ли он был на Анюе. По их словам, местность, где мы долбили лодки, считается «нечистой». Орочи боятся

туда ходить и всегда рассчитывают свой маршрут так, чтобы ночевать выше или ниже. Там неоднократно были случаи, когда люди вдруг беспричинно чего-нибудь пугались и после этого становились душевнобольными. То же случилось, по их мнению, и с Гусевым. Вот почему он и блуждал по лесу, а мы потерпели аварию и чуть не погибли от голода.

Нам все время хотелось есть, и мы жадно набрасывались на пищу, но каждый раз после еды появлялось головокружение и тошнота. Всю ночь напролет мы лежали у огня, страдая приступами болезни. Когда рассвело, я не узнал своих спутников. У всех нас оказались распухшие лица и ноги. Пересилив себя, я еле добрался до лодки. Солнечный восход застал нас уже в дороге.

Красивая и спокойная в верхнем течении река Хуту становится бурливой и быстрой около устья. Здесь она разбивается на несколько проток, иногда таких узких, что в них едва могли повернуться лодки, иногда очень широких, порожистых и заваленных валежником.

— Тумни ходи есть,— сказал один из орочей и указал рукой на горы, расположенные под прямым углом к реке Хуту.

Протока, по которой мы плыли, стала забирать вправо, а слева подошла еще какая-то другая большая протока.

Солнце стояло высоко на небе и светило ярко, по-осеннему. Вода в реке казалась неподвижно гладкой и блестела, как серебро. Несколько длинноносых куликов ходили по песку. Они не выражали ни малейшего страха даже тогда, когда лодки проходили совсем близко. Белая, как первый снег, одинокая чайка мелькала в синеве неба. С одного из островков, тяжело махая крыльями, снялась серая цапля и с хриплыми криками полетела вдоль протоки и спустилась в соседнее болото.

Орочи взялись за весла, направляя лодку к тому берегу, где течение было быстрее. Протоки становились шире, многоводнее и казались длинными озерами.

Но вот и сам Тумнин! Удэхейцы называют его Томди, а орочи — Тумни (к последнему названию прибавили букву «н»). Большая величественная река спокойно текла к морю. Левый берег ее нагорный, правый—частью низменный и поемный и слагается из невысоких террас. Кое-где виднелись небольшие островки, поросшие древесной растительностью. Они отражались в воде, как в зеркале, до мельчайших подробностей, словно там, под водою, был другой мир, такой же реальный, как и тот, в котором мы обитали.

Солнечное сияние, широкий водный простор, даль, открывающаяся на необозримое пространство, и душевное равновесие после пережитых страданий благотворно действовали на истомленный организм и вызывали дремоту.

Проехав километра три по Тумнину, орочи свернули в одну из правых проток, на берегу которой расположилось селение Хуту-Дата. Несколько ребятишек сновало по воде в разных направлениях. Это орочские дети забавлялись в лодках. Веселые крики и смех оглашали воздух. Мальчики с острогами в руках приучались колоть рыбу. Самые маленькие ребятишки, полуодетые, стояли по колено в грязи и что-то доставали из воды. Завидев нас, они пустились бежать к селению. Через минуту из домиков вышли взрослые люди. Некоторое время они стояли неподвижно, но потом, узнав сородичей, не торопясь, пошли к берегу.

— Ну, здравствуй,—говорили орочи, протягивая нам руки.

Как при первом свидании на Хуту, так и теперь, когда я ближе присмотрелся к ним, я не нашел их однотипными. Одни из них имели овальные лица без усов и бороды, небольшой нос, смуглую кожу и правильный разрез глаз. У других было плоское скуластое лицо, обросшее черной бородой, широкий выгнутый нос и глаза с монгольской складкой век. Первые были небольшого роста с поразительно маленькими руками и ногами, вторые роста выше среднего, широкие в костях и с хорошо развитыми конечностями.

Все орочи были одеты в костюмы, представляющие собой точные копии удэхейских, только без вышивок.

Мужчины носили волосы, заплетенные в одну косу, а женщины — в две косы. Прибавьте к этому браслеты и кольца на руках и большие серебряные серьги в ушах, и вы получите ясное представление об орочском прекрасном поле. Только старые женщины имели в носу маленькие сережки (тэматыни).

Орочский старшина Федор Бутунгари принадлежал ко второй антропологической группе. Это был крупный человек, лет сорока, с черной окладистой бородой. Наделенный от природы живым и проницательным умом, он имел большое влияние на всех тумнинских жителей. Я поблагодарил его за оказанную мне помощь.

— Спасибо не надо! Спасибо не надо! — ответил Бутунгари смущенно и тотчас распорядился отнести наши вещи к себе в дом.

Пока разгружались лодки, я стал осматривать деревушку. Селение Хуту-Дата (что в переводе значит «Устье реки Хуту») расположено по обе стороны Тумнинской протоки и состояло из бревенчатых домиков и нескольких юрт. Орочские домики имеют вид русских построек, но плохо сколочены, с маленькими окнами и досчатыми дверцами. Они расположены как попало, без всякого порядка. За домиками, ближе к лесу, стояли амбары на высоких сваях. Несколько лодок валялось на берегу. Собаки были на привязи. Тучи мошкары, словно серый туман, вились над ними. Чтобы укрыться от гнуса,

собаки вырыли глубокие норы в земле и залезли в них так, что снаружи остались видными только хвосты. У большинства их гноились глаза.

Скоро все селение приняло свой обычный вид. Люди разошлись по домам, собаки забились в ямы еще глубже, а ребятишки снова побежали на берег. Глядя на этих малышей, я невольно поражался умению и ловкости, с которой они плавали на оморочках и бросали острогами в небольшие кусочки дерева, которые должны были изображать рыб. Если бы наши дети очутились в лодке на середине реки, какой переполох подняли бы матери, а здесь орочки спокойно поглядывали на своих ребят. Одна женщина закричала своему сыну, чтобы он съездил зачем-то на другую сторону реки. Тут же я видел маленьких девочек, которые носили на спине большие связки хвороста, значительно превосходящие их размерами.

Бутунгари пригласил нас к себе. Его дом состоял из одной большой комнаты с дверьми, отворяющимися прямо на улицу, и с двумя окнами, обращенными на реку. В одном углу стояла небольшая железная печка с коленчатыми трубами. У двух других стен тянулись деревянные нары, на которых вместо подстилок лежали кожи сохатых и шкуры медведей. Около окон стояли скамья и стол с двумя табуретками. Простая лампа с закопченным стеклом, четыре старые фотографии неизвестных лиц, сундучки, берестяные коробки, лучки, стрелы, два ружья, копье и шаманский бубен дополняли убранство помещения. Пол и потолок были сколочены плохо. Множество комаров, мух и слепней с жужжанием билось в стекла.

Тотчас женщины поставили на стол закопченный чайник, стаканы из толстого стекла, белые блюдца и купленный хлеб.

Ожидался ход рыбы. Весенний ход кеты был очень слабый и на несчастье совпадал с большой водой.

— Наша шибко боится,— говорил Бутунгари.— Рыба нету — собака пропади, собака пропади — охота ходи не могу, охота ходи нету — чего-чего купи не могу.

Вечером я опять почувствовал себя плохо и вышел из дома пройтись по берегу реки. На небе не было ни звезд, ни луны, дул ветер с моря, начинал накрапывать дождь. На той стороне реки горел костер, и свет его ярко отражался в черной, как смоль, воде.

Вдруг я увидел какую-то фигуру, приближающуюся ко мне быстрыми шагами без головного убора, завернутую в одеяло и с палкой в руках. Это был Гусев. Он остановился, посмотрел на огонь и, протянув вперед руку, медленно сказал:

— Так вот оно что!

Я окликнул его. Гусев вздрогнул и мелкими шажками подбежал ко мне.

— Знаете, куда мы попали,— заговорил он скороговоркой.— Мы снова пришли на Анюй. Я узнаю это место. Вот и река, вот и остров, и сопка знакомая...

Я стал его уговаривать итти спать.

— Куда? — спросил он.— Где наш бивак? Он на той стороне. Видите огонь. Как мы теперь туда попадем,— бормотал он в беспамятстве.

Я взял его под руку и привел к дому Бутунгари. Когда Гусев успокоился, я снова вышел на берег реки и долго сидел на опрокинутой вверх дном лодке. Сырость, проникшая под складки одежды, давала себя чувствовать. Я вернулся домой и лег на кан, но сон бежал от моих глаз. Меня беспокоило душевное состояние Гусева. Я решил как следует одеть его в Императорской гавани и на пароходе отправить во Владивосток.

Снаружи слышался какой-то шорох. Словно крадучись, накрапывал дождь. Капли его били в стекла окон. По соседству ворчали не поладившие между собою собаки, и кто-то бредил во сне.

На другой день, несмотря на ненастье, мы распрощались с Бутунгари и отправились к морю на двух лодках.

Ветер дул нам навстречу, и потому орочи шли на шестах, придерживаясь мелководья. До устья реки было километров сорок пять. После принятия реки Хуту Тумнин разливается на несколько рукавов. С левой стороны главного русла тянутся обширные торфяные мари, поросшие редкостойной лиственницей, а за ними виднеется большая гора Иода с магнитной аномалией на шестнадцать градусов.

Самые низовья Тумнина представляют собой обширную заводь. Раньше это был залив, глубоко вдающийся в сушу. Потом он отделился от моря широкою песчаной косою и превратился в лагуну, постепенно заполняемую выносами рек. Современная лагуна — наиболее глубокое место залива. Многочисленные острова в устье реки совсем недавнего образования. Они еще не успели покрыться растительностью. Границами древнего залива является базальтовая гряда, которая в настоящее время образует правый край лагуны, а слева такой же длинный базальтовый язык около реки Улике. Последняя раньше непосредственно вливалась в море, а теперь впадает в лагуну около теперешнего устья Тумнина.

Уже смеркалось, когда мы достигли селения Дата. В нем была полная тишина. Ночные тени неслышными волнами обволакивали горы, лес и орочские домики. Точно серые, невзрачные зверьки, испугавшись чего-то, они сбились в кучу и притаились около высокого утеса. В неподвижной и зеркально-гладкой воде лагуны отражались отблески вечернего заката. Слышался запах моря. Вот и Улике! Орочи повернули лодки. Учуяв наше приближение, собаки начали выть все разом. Из

ближайшей юрты вышел мужчина. Это был ороч Антон Сагды, с которым впоследствии я подружился. Он позвал свою жену и велел ей помочь нам переносить вещи. Здесь мы узнали, что все мужское население ушло на охоту за морским зверем, и дома остались старики, женщины и дети. Через несколько минут мы сидели в юрте по обе стороны огня и пили горячий чай. Первый маршрут от Амура к морю был окончен.

После ужина ороч и его жена ушли к соседям, предоставив в наше распоряжение всю юрту. Вследствие болезненного состояния я опять не мог спать. Я лежал на жестком ложе с открытыми глазами и ни о чем не хотел думать. Слышно было, как снаружи доносился шум морского прибоя; слышно было, как квакали лягушки в воде и стрекотали ночные кузнечики. На рассвете в юрту вошел А. Сагды и объявил, что море разбушевалось, ехать нельзя и потому вставать не надо. Я воспользовался его советом и, повернувшись на другой бок, уснул тяжелым сном. Когда я проснулся, было уже поздно.

При дневном освещении селение Дата имело совсем иной вид. Семь бревенчатых домиков и десять юрт из корья растянулись вдоль берега Улике. Юрты орочей больше размерами, чем у родственных им удэхе. Кроме крыш, они имеют еще боковые стенки.

Люди помещаются на полу по обе стороны огня, женщины ближе к дверям. Тут же на полках, связанных лыком, помещалась деревянная и берестяная посуда, среди которой я заметил несколько белых тарелок.

Орочские женщины трудолюбивы и молчаливы. Весь день они работают: носят дрова, скоблят шкуры зверей или мнут рыбью кожу, варят обед или шьют обувь и починяют одежду. Они много курят и как будто совершенно не замечают посторонних людей у себя в доме. В глазах их нельзя прочесть ни испуга, ни гнева, ни любопытства, ни радости.

Орочи любят держать около своих домов разных птиц и животных. В селении Дата был настоящий зверинец. Близ юрты А. Сагды в особом помещении, сложенном из толстых бревен, сидел медведь. Его убьют на празднике, когда он достигнет полного возраста, как это делают гиляки и айны.

Медведь был злой и сквозь щели в бревнах старался лапой хватить любопытных, заглядывающих в его темницу. В другом домике я увидел молодую лису. В движениях ее было что-то порывистое, собачье и что-то грациозное, кошачье. По соседству на сушилках, привязанный за ногу, сидел орел. Он успел уже свыкнуться со своей неволей, равнодушно поглядывал по сторонам и только время от времени клювом переби-

рал перья у себя на груди. Около крайнего дома в деревянном ящике сидели только что пойманные две молодые уточки. Они пищали и просовывали свои неуклюжие головы между решетинами клетки. Тут же внутри юрты по полу прыгала привязанная за ногу озорница-сойка. Она издавала резкие крики и, согнув на бок голову, поглядывала в дымовое отверстие в крыше, где виднелось небо и солнце.

После осмотра селения я хотел перебраться на другую сторону реки Уликс. Антон Сагды охотно взялся проводить меня к морю. Мы сели с ним в лодку и переехали через реку. Коса, отделяющая ее от моря, оказалась шире, чем я предполагал. Она заросла лиственицей в возрасте от ста до ста пятидесяти лет.

За перелеском широкой полосой тянулись пески, на которых во множестве валялись створки раковин.

Самое устье Тумнина узкое. Огромное количество воды, выносимое рекою, не может вместиться в него. С берега видно, как сильная струя пресной воды далеко врезается в море, и кажется, будто там еще течет Тумнин. Навстречу ему идут волны, тёмные, с острыми гребнями. Они вздымаются все выше и выше, но, столкнувшись со стремительным течением реки, сразу превращаются в пенистые буруны.

И вот в такую-то ветреную погоду орочи селения Дата выходят в море на охоту за нерпами. Я сел на берегу и стал любоваться прибоем, а мой спутник закурил трубку и рассказал, как однажды семнадцать человек орочей на трех больших лодках отправились за морским зверем. Дело было весной, в марте. Надо было дойти до сплошного льда, где они рассчитывали найти много тюленей. Погода была хорошая, море тихое. Мыс, где ныне стоит Николаевский маяк, чуть виднелся на горизонте. После полудня орочи заметили лед и на нем много нерп. Они принялись за охоту с увлечением. В короткий срок они убили девяносто одно животное. Вдруг с северо-восточной стороны надвинулся холодный туман и пошел снег. Старики уговаривали молодых орочей бросить убитых животных и спешно итти назад к берегу, которого теперь уже не было видно. Тяжело нагруженные лодки не могли скоро двигаться. Небо все больше и больше заволакивало тучами. Орочи потеряли ориентировку и гребли наугад до самых сумерек, а ветром их относило в сторону. Так промаялись они всю ночь, а наутро, когда стало светать, опять увидели перед собой ледяное поле и на нем трупы убитых ими тюленей. Тогда они вытащили на лед лодки, укрепили на веслах палатки и стали выжидать конца бури. Двое суток бушевало море.

Опасаясь, что волнением может взломать лед, старики велели держаться около лодок. За неимением дров они жгли в котлах нерпичье сало, на растопку шли палки и доски от си-

дений. Огонь раскладывали только тогда, когда надо было согреть воду. На третий день ветер начал стихать, море понемногу стало успокаиваться. Когда туман рассеялся, они увидели землю. По очертаниям гор старики узнали, что находятся против устья реки Копи. Уезжая со льдины, они побросали всех тюленей в воду, отдав их в жертву хозяину морей Тэму, в глубоком убеждении, что это он наказал их за убой такого большого количества своих собак. Орочи дали обет на будущее время бить зверя ровно столько, сколько надо для прокормления. Велика была радость женщин селения Дата, увидевших своих мужей и братьев, которых они считали погибшими.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

В ночь с 11 на 12 сентября ветер начал стихать. Антон Сагды несколько раз ходил на берег моря, смотрел вдаль и по движению облаков старался угадать погоду. Глядя на него, можно было подумать, что обстоятельства складываются неблагоприятно. Я уже хотел было итти на экскурсию к горе Иодо, как вдруг орочи засуетились и стали готовить лодки.

Нам с читателем придется совершить длинное путешествие вдоль берега моря, и потому необходимо познакомиться с конструкцией орочской мореходной лодки (тамтыга). Она очень легка и сшивается из тонких досок. Вместо железных гвоздей орочи употребляют деревянные (лиственичные) колышки. Будучи плоскодонной, тамтыга сидит в воде главным образом своей средней частью, имея нос и корму приподнятыми. Такая конструкция делает ее очень удобной и позволяет приставать к берегу в любом месте, лишь бы не было острых камней. Грузы в лодке распределяются так: две трети — в корме между гребцами и рулевым и одна треть — в носу. Так как дно лодки выгнуто, то вся вода, просачивающаяся сквозь щели, стекает к середине и легко выкачивается за борт берестяными ковшиками. Гребное весло состоит из рычага с рукояткой, отверстием для уключины и лопастью, дискообразной у основания и суживающейся к концу. Уключины делаются из еловых сучков, которые привязываются лыками к бортам лодки в вертикальном положении. Вместо паруса употребляется

четырехугольное полотнище палатки, прикрепленное к нему жердями, косокрестообразно привязанными к одной из скамеек. Мореходная орочская лодка среднего размера при четырех гребцах, одном рулевом и двух пассажирах может поднять до 30—40 пудов полезного груза.

Часов в десять утра мы вошли в лодки и тронулись в путь. Главным старшиной и руководителем был Антон Сагды. Я удивился той дисциплине, которая царила в отряде. Все его распоряжения молодые орочи исполняли быстро: они работали молча, проворно, не было ни споров, ни пререканий. Таков закон у всех мореходов. Только при соблюдении строжайшей дисциплины можно успешно бороться с водной стихией. Сухопутные люди не всегда это понимают.

Когда мы вышли из реки Улике, течение подхватило нашу лодку и понесло ее в море. Навстречу шли большие волны, увенчанные белыми гребнями: одна другой выше, одна другой страшнее.

Антон Сагды велел гребцам сдерживать лодку на веслах, а сам встал на корму и пытливо всматривался вперед. Казалось, он выжидал удобного момента. Улучив минуту, он крикнул:

— Га!

Орочи дружно навалились на весла. Как только лодка поравнялась с внешним краем песчаной косы, Антон Сагды круто повернул ее вправо. Тотчас слева выросла громадная волна. Она неслась прямо на нас, всплескивалась, пенилась и шипела. Повинуясь кормовому веслу рулевого, лодка пошла ей навстречу и немного наискось. Вслед за тем она взметнулась кверху и накренилась на правый борт. Волна прошла: гребцы сильнее налегли на весла. Опять волна и опять тот же маневр. На мгновение тамтыга очутилась в водяной котловине, потом сразу взлетела на гребень, грузно осела кормой и вслед за тем зарылась носом в белой пене. Это был девятый вал. Потом лодка выправилась: бар и прибойное волнение остались сзади. Тогда Антон Сагды дождался второй лодки, дал несколько советов рулевому и велел грести.

Все пространство между реками Хуту, Тумнином и Копи заполнено базальтом. Этот лавовый поток двигался с запада к востоку и вклинился в море длинными языками, благодаря чему здесь образовалось много полуостровов, бухт и заливов. Императорская гавань представляла собой глубокий провал. Берега ее тоже слагаются из базальтов. Лес, состоящий из лиственицы, аянской ели и белокорой пихты, густо покрывает все мысы и по распадкам спускается до самого моря.

Я сидел рядом с Антоном Сагды и старался запомнить все, что он говорил.

Первая бухточка называлась Намшука (искаженное «Намука» от слова «Наму», что означает море). За ней дальше

на юг между мысами Шинаку и Чжуанка вытянулась большая бухта Силантьева. В нее впадает небольшая речка Чжуанка, которая получила свое имя от слова «Чжу», что значит домик, «Чжуанка» в переводе на русский язык будет «деревушка». И действительно, в глубине самой бухты приютилось небольшое орочское селение. Затем следует бухта Тона с мысом Тона и с рекой Тона, а за ними небольшая, но уютная бухточка Сякта с безыменной речкой. На ней есть водопад Сыдю, около которого живет чорт. Там часто трясется земля, кто-то ходит по лесу, кричит, свистит и не дает людям спать. Еще отметим выдающийся мыс Ая (слово это значит «хорошо»). Такое странное название он получил потому, что сейчас же за ним находится большая бухта Ванина. Если во время непогоды орочам удается на лодках достигнуть этого мыса, они кричат: Ая, Ая!.. Антон Сагды тоже издал это традиционное восклицание, налег на кормовое весло и свернул в бухту Ванина.

Высокие скалистые берега ее, темная неподвижная вода и никем не нарушаемая тишина создавали обстановку неприветливую, угрюмую. В глыбах камней, хаотически нагроможденных на берегу, в покачнувшихся старых деревьях и в мрачных утесах чувствовалась какая-то настороженность. Точно кто-то неведомый, страшный прятался в лесу и наблюдал за нашими лодками. В глубине бухты впадала небольшая речка Уй, около устья которой находился один орочский домик. Присутствие людей несколько смягчало суровую красоту бухты Ванина, и жуткое чувство, навеянное столь странной обстановкой, понемногу стало рассеиваться.

Когда орочи пристали к берегу, они пошли по своим делам. Мне наскучило сидеть в лодке на одном месте, и я пошел пройтись по наплывной полосе прибоя. Она суживалась все более и более и, наконец, сошла на-нет. Я обратил внимание на большую глубину бухты. Слева была высокая стена, а справа — вода. Если бы море вдруг отступило, я почувствовал бы себя на карнизе, повисшем над пропастью. Дойдя до конца тропы, я сел на один из камней и стал осматриваться. Взор мой остановился на медузе. Она то развертывала свою мантию, то быстро сжимала ее, выталкивала воду и толчками подвигалась вперед. Вдруг несколько в стороне на воде появились круги, и вслед за тем над поверхностью ее показалась большая голова какого-то страшилища буро-серого цвета, с маленькими ушами, черным носом и щетинистыми усами; голова была больше человеческой раза в четыре. Животное глубоко вздохнуло и потом раскрыло свою пасть, показав большие зубы. Вслед за тем оно повернуло голову и уставилось на меня своими черными выпуклыми глазами. Если бы оно вздумало вылезть на низкую намывную полосу прибоя, то отрезало бы мне путь назад, и я очутился бы прижатым к

береговому обрыву. Тогда я решил опередить его и спрыгнул с камня, но зверь сам меня испугался. Он еще раз шумно вздохнул и скрылся под водою.

Вернувшись назад, я рассказал орочам, что, повидимому, видел сивуча. Этот крупный представитель ушастых тюленей в недавнем прошлом был весьма распространен, но вследствие постоянного преследования человеком он почти совсем исчез около Императорской гавани. Ныне сивучи встречаются южнее мыса Туманного.

Орочи считают сивуча морским медведем, находящимся в антагонизме с его наземным братом. Появление его в бухте Ванина означает, что он был или ранен или напуган касаткой-гладиатором (Тэму).

Орочи также сообщили мне один из их многочисленных предрассудков, а именно: ножом, которым хоть раз пришлось снимать шкуру с сивуча, нельзя резать мясо медведя и вообще брать его с собой на охоту не следует. Лучше всего такой нож бросить в море.

Через полчаса мы поплыли дальше. Между тем погода опять испортилась: юго-восточный ветер принес туман, и море взволновалось. К счастью, до Императорской гавани было недалеко. Обогнув мыс Туманный, лодки вошли в открытую бухту Безымянную. Слева был большой остров Меньшикова, недавно соединившийся узкою песчаной косой с материком. Орочи перетащили лодки через косу и сразу попали в бухту Уая (Северную), составляющую часть Императорской гавани. Последняя длиной 11 и шириной до 3 километров и отделена от моря высоким горным хребтом Доко, слагающимся из массивно-кристаллических пород. Императорская гавань расположена в направлении с юго-запада к северо-востоку и, в свою очередь, имеет несколько заливов и бухт с орочскими названиями, которые впоследствии были вытеснены русскими. Если итти от входа в гавань по восточному берегу и, обогнув в конце, продолжать путь по западному — к полуострову Меньшикова, то эти бухточки располагаются в следующем порядке: первая — Цаапкой (Маячная). Здесь выгружаются грузы, предназначаемые для маяка. Следующая бухточка Даянькая (Японская). В глубине ее приютилось несколько домиков русских рыбопромышленников. Далее две бухточки рядом: Чабакая и Окача. Тут были постройки Австралийской лесопромышленной компании. Как раз напротив них находится мелководная бухта Хади, в которую впадает река того же имени. По соседству с ней и севернее — бухта Баудя (Костарева) и далее к северо-востоку Аггэ (залив Константиновский), о котором речь будет ниже, и, наконец, Уая, в которую мы попали через переволок из бухты Безымянной. Против Маячной бухты есть небольшой островок Сеогобяцани, ныне называемый Коврижкой.

В сумерки мы дошли до концессии и стали биваком на самом берегу моря около обильного водою источника. Наш истомленный вид и наши изношенные костюмы привлекли общее внимание. Вести о маршруте экспедиции и тяжелой голодовке разнеслись по всем окрестностям. Служащие концессии приходили к нам расспрашивать о том, как мы шли, и приглашали к себе на чашку чая. Это было весьма стеснительно, но ничего нельзя было поделать и приходилось отдавать дань популярности, приобретенной такой тяжелой ценою. От новых знакомых я узнал, что в конторе концессии имеются для нас письма и деньги, а в складах хранятся ящики с одеждой, продовольствием и научным снаряжением, высланным из Владивостока. Следующий день был воскресный, но, несмотря на это, для нас открыли склады и выдали все, в чем мы нуждались. Мы вымылись в бане, сбросили с себя лохмотья и надели новые костюмы и чистое белье.

Через неделю прибыл пароход, на котором я отправил Гусева. Он тоже отдохнул, и душевное равновесие его стало восстанавливаться, чему мы все были очень рады. Впоследствии я узнал, что он выздоровел совершенно.

Первую экскурсию я совершил в залив Константиновский. Пусть читатель представит себе изломанную трещину в восемь километров длиною, заполненную водой. В самом конце залива впадает небольшая речка Ма. Высокие скалистые берега, покрытые густым хвойным лесом, очень живописны и выступают то с одной стороны, то с другой, как кулисы в театре. Первый мыс на северном берегу носит название «Сигнальный», за ним расположилась красивая бухточка Путаки (Постовая), глубиною в 30 метров. Здесь был потоплен фрегат «Паллада». В 1854—1855 годах во время Севастопольской кампании, когда военные суда были уведены к Николаевску-на-Амуре, фрегат «Паллада», вследствие своей глубокой осадки, не мог пройти через бар Амура и остался в Императорской гавани.

Я велел пристать к берегу. До сумерек было еще далеко, и потому, предоставив своим спутникам устраивать бивак, я взял ружье и пошел осматривать местность, которая на картах носит название поста Константиновского. Здесь мечтали построить город Константиновск, и все это рухнуло как-то сразу. Большой корабль погребен на дне бухты, над ним стоит неподвижная и черная, как смоль, вода, на берегу кладбище с развалившимися могилами, истлевшими изгородями и упавшими крестами, на которых кое-где сохранились надписи. От казарм и цейхгаузов следов не осталось. От батарей, спешно выстроенных тогда же в 1855 году, сохранились валы, разрушенные временем и размытые водой. На опушке леса, на самом краю берегового обрыва, стоит покачнувшийся чугунный памятник, на котором сделана следующая надпись:

«Погибшим от цинги в 1853 году транспорта Иртыш штурману Чудинову и 12 матросам с ним и Российско-американской компании 4 матросам и 2 рядовым». Над бухтой и в лесу над кладбищем царила мертвящая тишина. Погибли люди, погибли надежды, погибло все — только смерть оставила свои следы. Я задумался над бренностью людского существования. Как бы в подтверждение моих слов, один крест, стоявший в наклонном положении и, видимо, подгнивший у самого основания, с глухим шумом упал на землю. Испуганный паучок, прятавшийся за дощечкой, на которой когда-то было написано имя погребенного, пробежал по дереву и проворно скрылся в траве. У основания креста копошились муравьи. Грустное чувство навеяли на меня развалины поста. Мне захотелось к людям. Я забросил ружье на плечо и медленно пошел к биваку.

День клонился к вечеру. Солнце только что скрылось за горами и посылало кверху свои золотисто-розовые лучи. На небе в самом зените серебрились мелкие барашковые облака. В спокойной воде отражались лесистые берега. Внизу у ручейка белели две палатки, и около них горел костер. Опаловый дым тонкой струйкой поднимался кверху и незаметно таял в чистом и прохладном воздухе.

На биваке я застал своих спутников в сборе. На другой день мы рано вернулись в концессию.

Через два дня я отправился на маяк Николая, где намеревался привязать свои съемки к астрономическому пункту и произвести поправки хронометра. Путь от концессии идет лесом вдоль восточного берега Императорской гавани. Эта конная тропа очень грязная, и ею можно пользоваться только при дневном свете. Километров через шесть она выходит на дорогу, проложенную от Маячной бухты по всхолмленной местности, и пересекает несколько горных ручьев. По сторонам ее на местах старых пожарищ тянутся пустыри, поросшие молодой лиственницей и белой березой.

Самый маяк построен в 1897 году на оконечности хребта Доко, слагающегося из гранита и имеющего несвойственную ему столбчатую отдельность. Орочи в торчащих из земли утесах видели окаменевших людей и боялись туда ходить. В дальнейшем при постройке маяка эти страхи рассеялись.

Смотрителем маяка был старый боцман парусного флота Майданов. Он встретил меня на крыльце и протянул руку. Я увидел перед собою полного человека лет сорока с лысиной на голове, с крупными чертами лица и слабой растительностью на верхней губе. Он был одет в черную флотскую тужурку с медными пуговицами, такие же черные штаны и высокие сапоги. Старые моряки имеют особую походку. Так и Майданов при ходьбе покачивал корпусом и как-то странно держал руки, точно хотел схватиться за что-нибудь. Он по-

стоянно улыбался, и серьезная мина совсем не шла к его лицу. Это был весьма добродушный человек и исправный служака.

Надо отдать ему справедливость, маяк он содержал в образцовом порядке: всюду была видна рука заботливого хозяина и чистота такая, какую можно встретить только на военном судне. Полы были вылощены и блестели, как полированные; стены, выкрашенные масляной краской, спорили в чистоте с печами, которые не только красились, но еще и мылись еженедельно. Все металлические части были вычищены, стекла протерты мелом. Приятно было видеть весь этот порядок, и я не мог отказать себе в удовольствии пробыть на маяке трое суток. Перед сумерками мы с Майдановым сели за стол, в это время в помещение вошел матрос и доложил, что с моря идет густой туман.

— Заведи граммофон, — сказал ему смотритель маяка.

— Есть! — ответил матрос и удалился.

Через десять минут страшный рев всколыхнул пропитанный морскими испарениями тяжелый воздух. Звук был настолько силен, что от него зазвенели стекла в окнах. От неожиданности я даже вскочил с места.

— Что это такое? — спросил я своего собеседника.

— Граммофон! — ответил он мне.

— Какой граммофон? — вновь спросил я его в недоумении.

— А сирена, — сказал он простодушно.

Через две минуты звук повторился еще и еще и так весь вечер, всю ночь и весь следующий день до вечера. Скоро ухо мое привыкло. Я перестал замечать ритмический рев сирены. Она не мешала мне не только работать, но даже и спать.

На другое утро Майданов разбудил меня и объявил, что погода туманная и дождливая. Это подтверждала и сирена, которая гудела, не переставая, посылая мощные звуковые волны в туманную даль.

Первую половину дня я провел за своими путевыми дневниками. Покончив с работой, я спросил смотрителя маяка, нет ли у него какой-нибудь книжки.

— Нет,— ответил он.— Этого у нас не водится.

Я выразил удивление, что на маяке, где от скуки, казалось бы, умереть можно, нет книг.

— Нам некогда читать, — ответил Майданов, — днем и ночью работы много.

Я посоветовал ему выписать несколько книг и обещал дать их список, но Майданов предупредил меня. Он списал заглавия всех тех книг, которые я имел с собою.

Впоследствии мне рассказывали, что книги эти он получил и поставил их на видном месте. Каждому посетителю он показывал их и говорил, что это я посоветовал ему приоб-

ресть их для чтения гостям, которых судьба случайно закинет на маяк...

В сумерки мы поднялись с ним на башню для осмотра фонаря. Когда я вышел на мостик с перилами, окружающими фонарь, я поражен был громадным количеством ночниц, налетевших на свет, и тотчас же стал собирать их в морилку с цианистым калием. Вечером я укладывал насекомых в конвертики и делал надписи на них.

Часов в восемь с половиной Майданов, сидя за столом, стал дремать.

— Идите спать, — сказал я ему.

— Нельзя, — ответил он.

— Почему? — спросил я опять.

— Надо в девять часов произвести метеорологические наблюдения.

Он зажег фонарик, снова сел на свое место и стал поглядывать на часы. Когда было без пяти минут девять, я сказал, что теперь можно производить наблюдения.

— Нет, — отвечал он, — надо минута в минуту.

Затем он оделся и вышел во двор. Я видел через окно, как он остановился перед метеорологической будкой с часами в руках и ждал, когда минутная и секундная стрелки укажут ровно девять. У него был вид человека, который исполняет чрезвычайно важное и ответственное дело, в котором ничтожное нарушение во времени может привести к весьма серьезным последствиям.

Покончив с наблюдениями, смотритель маяка лег спать, но зачем-то позвал меня к себе. Войдя в его «каюту», как он называл свою комнату, я увидел, что она действительно обставлена, как каюта. В заделанное окно был вставлен иллюминатор. Графин с водой и стакан стояли в гнездах, как на кораблях. Кровать имела наружный борт, стол и стулья тоже были прикреплены к полу, тут же висел барометр и несколько морских карт. Майданов лежал в кровати одетый в сапогах.

— Почему вы не разденетесь? — спросил я его.

— Что вы! Что вы! — отвечал он торопливо, как бы испугавшись чего-то. — Нельзя! Никак нельзя!

— Почему? — спросил я.

— А вдруг судно покажется,— ответил он, садясь в койке.

— Ну, так что же, — сказал я ему. — Пусть себе идет мимо.

— Нет нельзя, — ответил Майданов. — Если раздеваться, то какая же это служба будет. У нас бывало на корвете только ляжешь и закроешь глаза, как кричат: «Боцмана наверх». Где тут раздеваться и одеваться!

Я понял, ему непременно хотелось придать своей службе серьезное значение. Он считал себя часовым на посту. В этом

был весь смысл его жизни. Это сознание важности дела наполняло его всего, одухотворяло его и делало жизнь прекрасной. Разве можно разбивать иллюзии в таких случаях?

На другой день я встал чуть свет. Майданов лежал на кровати одетый и мирно спал. Потом я узнал, что ночью он дважды подымался к фонарю, ходил к сирене, был на берегу и долго смотрел в море. Под утро он заснул. В это время в «каюту» вошел матрос. Я хотел было сказать ему, чтобы он не будил смотрителя, но тот предупредил меня и громко доложил:

— На траверсе судно!

Майданов мгновенно вскочил на ноги. Он принял важный вид, надел головной убор и вышел на берег моря. Я последовал за ним.

Ветер переменился и дул уже с материка. Внизу над водой держался туман отдельными клочьями. Было такое впечатление, будто мы находились высоко в горах, а там внизу проходят облака. За дальностью расстояния волн не было видно, и только по белой кайме у берега можно было догадаться, что море неспокойно. Майданов поднял бинокль к глазам и долго смотрел на горизонт. Затем он вернулся в свою каюту и все с тем же важным видом в простой ученической тетради с клеенчатым переплетом, которую он важно называл «вахтенным журналом», отметил день, час и минуты, когда судно, чуть заметное на горизонте, прошло мимо его маяка.

— Разве это надо записывать? — спросил я его.

— А как же! — ответил он. — В вахтенном журнале все записывается: и погода, и все, что делается на судне и какие другие суда встречаются на пути, и какой курс они держат.

Я проникся уважением к этому старому боцману.

Когда атмосфера совсем очистилась, я привязал свои съемки к астрономическому пункту, определенному М. Е. Жданко в 1902 году (48° 58′ 33,6″ северной широты и 140° 25′ 9,5″ восточной долготы от Гринвича), и сделал поправки своего хронометра.

Часов в восемь вечера я стал собираться «домой». Майданов засуетился и проводил меня до первого ручейка. Двумя руками он пожал мою руку и очень просил следующий раз, как только я приду в Императорскую гавань, непременно остановиться у него на маяке. Мы расстались.

Было уже поздно. На небе взошла луна и бледным сиянием своим осветила безбрежное море. Кругом царила абсолютная тишина. Ни малейшего движения в воздухе, ни единого облачка на небе. Все в природе замерло и погрузилось в дремотное состояние. Листва на деревьях, мох на ветвях старых елей, сухая трава и паутина, унизанная жемчужными каплями вечерней росы, — все было так неподвижно, как в сказке о спящей царевне и семи богатырях.

Минут двадцать пять я шел целиною, но потом действительно нашел тропу, которая, повидимому, шла на лесную концессию.

Около тропы лежала большая плоская базальтовая глыба. Я сел на нее и стал любоваться природой. Ночь была так великолепна, что я хотел запечатлеть ее в своей памяти на всю жизнь. На фоне неба, озаренного мягким сияньем луны, отчетливо выделялся каждый древесный сучок, каждая веточка и былинка.

Полный месяц с небесной высоты задумчиво смотрел на уснувшую землю и тихим густым светом озарял мохнатые ели, белые стволы берез и большие глыбы лавы, которые издали можно было принять за гигантских жаб или окаменевших допотопных чудовищ. Воздух был чист и прозрачен: кусты, цветковые растения, песок на тропе, сухую хвою на земле, словом, все мелкие предметы можно было так же хорошо рассмотреть, как и днем. Поблизости от меня рос колючий кустарник даурского шиповника, а рядом с ним поросль рябины, за ней ольховник и кедровый стланец, а дальше жимолость и сорбария.

Еще не успевшая остыть от дневного зноя земля излучала в воздух тепло, и от этого было немного душно. Эта благодатная тишь, эта светлая лунная ночь как-то особенно успокоительно действовали на душу. Я вдыхал теплый ночной воздух, напоенный ароматом смолистых хвойных деревьев, и любовался природой. Какой-то жук, должно быть навозный, с размаху больно ударил меня в лицо и упал на землю. Слышно было, как он шевелился в траве, видно стараясь выбраться на чистое место. Это ему удалось. Он с гудением поднялся на воздух и полетел куда-то в сторону. Я встал и пошел своей дорогой.

Примерно через полчаса сплошной лес кончился, и я вышел на пригорок. Впереди передо мной расстилался широкий и пологий скат, покрытый редколесьем, состоящим из березы, ели, осины и лиственицы. Тут росли кустарники и высокие травы, среди которых было много зонтичных. Справа была какая-то поляна, быть может, гарь, а слева стеной стоял зачарованный и молчаливый лес.

На минуту я остановился и в это время увидел впереди себя какой-то странный свет. Кто-то навстречу мне шел с фонарем.

«Вот чудак, — подумал я. — В такую светлую ночь кто-то идет с огнем».

Через несколько шагов я увидел, что фонарь был круглый и матовый.

«Вот диво, — снова подумал я. — Кому в голову могла притти мысль итти по тайге при свете луны с бумажным фонарем».

В это время я заметил, что светлый предмет был довольно высоко над землей, значительно превышал рост человека.

«Еще недоставало, — сказал я почти вслух. — Кто-то несет фонарь на палке».

Странный свет приближался. Так как местность была неровная и тропа то поднималась немного, то опускалась в выбоину, то и фонарь, согласуясь, как мне казалось, с движениями таинственного пешехода, то принижался к земле, то подымался кверху. Я остановился и стал прислушиваться. Быть может шел не один человек, а двое. Они, несомненно, должны разговаривать между собою...

Но тишина была полная: ни голосов, ни шума шагов, ни покашливания — ничего не было слышно. Не желая пугать приближающихся ко мне людей, я умышленно громко кашлянул, затем стал напевать какую-то мелодию, потом снова прислушался. Абсолютная тишина наполняла сонный воздух. Тогда я оглянулся и спросил: кто идет? Мне никто не ответил. И вдруг я увидел, что фонарь двигается не по тропе, а в стороне, влево от меня кустарниковой зарослью.

Мне стало страшно оттого, что я не мог объяснить, с кем или с чем имею дело. Это был какой-то светящийся шар величиной в два кулака, матового белого цвета. Он медленно плыл по воздуху, приноравливаясь к топографии места, то опускаясь там, где были на земле углубления и где ниже была растительность, то поднимаясь кверху там, где повышалась почва и выше росли кустарники, и в то же время он всячески избегал соприкосновения с ветвями деревьев, с травой и старательно обходил каждый сучок, каждую веточку и былинку.

Когда светящийся шар поравнялся со мной, он был от меня шагах в десяти, не более, и потому я мог хорошо его рассмотреть. Раза два его внешняя оболочка как бы лопалась, и тогда внутри его был виден яркий бело-синий свет. Листки, трава и ветви деревьев, мимо которых близко проходил шар, тускло освещались его бледным светом и как будто приходили в движение. От молниеносного шара тянулся тонкий, как нить, огненный хвостик, который по временам в разных местах давал мельчайшие вспышки.

Я понял, что имею дело с шаровой молнией, при абсолютно чистом небе и при полном штиле. Должно быть каждая из травинок была заряжена тем же электричеством, что и молниеносный шар. Вот почему он избегал с ними соприкосновения. Я хотел было стрелять в него, но побоялся.

Выстрел, несомненно, всколыхнул бы воздух, который увлек бы за собой шаровую молнию. От соприкосновения с каким-либо предметом она могла беззвучно исчезнуть, но могла и разорваться. Я стоял, как прикованный, и не смел пошевельнуться. Светящийся шар неуклонно двигался все в одном

направлении. Он наискось пересек мою тропу и стал взбираться на пригорок. По пути он поднялся довольно высоко и прошел над кустом, потом стал опускаться к земле и вслед затем скрылся за возвышенностью.

Странное чувство овладело мною: я и испугался и заинтересовался этим явлением. Очень быстро чувство страха сменилось любопытством... Я быстро пошел назад, взошел на пригорок и пробрался к тому кусту, где последний раз видел свет. Шаровая молния пропала. Долго я искал ее глазами и нигде не мог найти. Она словно в воду канула. Тогда я вернулся на тропу и пошел своей дорогой.

Луна немного переместилась. Длинные черные тени деревьев, словно гигантские стрелки, показывали, что месяц передвинулся по небу к той точке, в которой ему надлежит быть в девять часов вечера. Кругом все спало. Сквозь ветви деревьев на тропу ложились кружевные тени листвы, я ступал на них, и они тотчас взбирались ко мне на обувь и на одежду.

Впереди меня мелькнуло что-то темное, и невозможно было разобрать, что это: зверь или птица. Я весь находился под впечатлением виденного. Все время мне представлялась шаровая молния, и я очень сожалел, что не пошел за нею следом и не проследил до момента ее исчезновения.

Через час пути я вышел на проселочную дорогу. Она привела меня прямо к концессии.

Озаряемые сияньем луны, палатки нашего бивака казались иссиня-белыми. Около них чуть теплился огонь. Мои спутники уже спали: из палатки доносился дружный храп. Кто-то бредил во сне. Я тихонько пробрался на свое место и скоро заснул крепким сном.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОРОЧИ

Когда на другой день утром я вышел из палатки, то увидел трех орочей с реки Хади. Они явились с приглашением приехать к ним в селение Дакты-Боочани. Старшим среди них был Чочо Бизанка. Это был удалый охотник, смелый мореход и кузнец наславу. Только он один умел починять замки у ружей. Когда он был юношей, какой-то проезжий миссионер крестил его и назвал Иваном. В молодые годы он был известен под именем Ваньки Кузнецова, когда же Чочо перевалило за тридцать лет, его стали опять звать Иваном. Крестным отцом его был тоже какой-то случайный русский Михаил. Годы шли, в волосах Чочо заблестели серебряные нити, и с тех пор его начали величать Иваном Михайловичем Бизанка. Мы будем попрежнему называть его орочским именем Чочо.

Старику было около семидесяти лет, но на вид ему нельзя было дать этого возраста. Он был невысокого роста, круглая его голова с жиденькой косичкой поседевших волос, мелкие черты лица, но без глубоких морщин, смуглая кожа, небольшая темная растительность на верхней губе и подбородке, маленькие руки и ноги дадут читателю некоторое представление о человеке, с которым впоследствии мне суждено было очень сдружиться. Тембр голоса его был выше обыкновенного, с хриплыми нотками. Нельзя сказать, чтобы он был речист, но говорил он охотно и немного подшучивал над неудачами

молодых охотников. Тем не менее они любили и уважали старика. Я велел казакам угостить орочей чаем и выдать им сухарей, которые они считали большим лакомством.

Вечером я пригласил к себе в палатку Чочо и узнал от него много интересного.

На другой день утром я написал письма в концессию с просьбой отправить их во Владивосток с ближайшей оказией и затем поехал с орочами на реку Хади. Как и надо было ожидать, при устье река разбивается на несколько мелководных рукавов, разделенных наносными островами недавнего образования и еще не успевших покрыться растительностью.

Селение Дакты-Боочани находится в лесу на правом берегу реки, в пяти километрах от моря. Тогда было здесь шесть юрт, в которых мы застали всех орочей, съехавшихся сюда с рек Ма, Уй, Хади и Тутто. Юрты из корья, амбары на сваях, сушила для рыбы, опрокинутые вверх дном лодки, собаки и разные животные и птицы на привязи — все было уже знакомо мне и напоминало селение Дата при устье реки Тумнина.

Чочо пригласил меня в свою юрту. Она была больше и опрятнее других. Сюда пришли и другие орочи. Мы сели по обе стороны огня. Тотчас на маленьких столиках появилась сухая рыба, черемуха и чай с мучными лепешками, испеченными у костра. У этих обездоленных судьбою людей свои нужды. Они просили меня помочь им советами. Я объяснил орочам также, зачем я пришел сюда, куда иду и какие цели преследует экспедиция, рассказал им о своем маршруте с Анюя на Хату, о крушении лодок и о том, как мы все едва не погибли с голода.

Среди орочей было несколько стариков. Поджав под себя ноги, они сидели на корье и слушали с большим вниманием. Потом я, в свою очередь, стал расспрашивать их о том, как жили они раньше, когда были еще детьми. Старики оживились, начали вспоминать свою молодость — время, давно прошедшее, почти забытое, былое... Вот что они рассказывали.

Раньше орочей было очень много. По всему побережью моря, от мыса Хой, что южнее залива Де-Кастри, до Аку, который теперь называется мысом Успения, всюду виднелись их юрты. Те, что жили на берегу Татарского пролива к северу от Тумнина, назывались Пяка (Фяка). В 1903 году от этих Пяка оставалось только три человека: Пингау и Цатю из рода Огомунка и Тончи из рода Бочинка. Первые двое умерли в том же году, последний представитель Пяка еще жив и поселился на реке Хунгари. Орочи Императорской гавани туземцев, живших южнее мыса Аку (на реках Ботчи и Самарге), называли Кяка. В давние времена несколько орочей отправилось за нерпами, но лед, на котором они охотились, оторвало от берега и унесло в море. Родные считали их погибшими, но судьба распорядилась их жизнью иначе. Лед

прибило к острову Сахалину. Орочи высадились на берег и поселились на реке Куй-ни. По другим версиям, люди эти были на лодке, но во время тумана заблудились в море и попали на остров Сахалин, где остались навсегда. Тогда же, с того же острова Сахалина бурей принесло в лодке семь человек каких-то людей с женщинами. Эти невольные переселенцы высадились в бухте Биза, которая находится рядом и немного севернее Маячного мыса и ныне называется Фальшивой. Тут они жили долго. Потом часть их поселилась на острове Сеочо. Так получился род Сеоченка и Бизанка, которые впоследствии выделили из себя еще два рода: Асэнка и Нянняnку. Так, по мнению орочей, Бо-Эндули (высшее божеское существо) менял людей. Орочей он послал на Сахалин, а оттуда прислал других людей. По словам орочей, все Пяка были бородатые. Среди тумнинских орочей я тоже видел некоторых людей с большими бородами. Несомненно, здесь была примесь айнской крови.

Раньше орочи слышали, что где-то за морем и за горами есть другая земля и другие люди. Очевидно речь шла о японцах, об айнах на острове Сахалине и маньчжурах на Амуре. Эти другие земли казались им так далеко, что добраться до них простому смертному невозможно. Орочи ловили рыбу, охотились со стрелами, зимой на лыжах догоняли зверей и кололи их копьями. Одевались они в звериные шкуры и шили одежду из рыбьей кожи. Самые старые селения были на реке Хади и на реке Тумнине (Хату-Дата и Дата). В те времена в Императорской гавани, которая также называлась Хади, царила полная тишина, изредка нарушаемая только печальными криками гагары. Тогда не было слышно ни шума лесопилок, ни свистков пароходов, ни топоров дровосеков. Порой только одинокая лодка охотника мелькнет где-нибудь у берега и снова скроется за мысом. Орочи знали о существовании гиляков и видели ольчей. С последними иногда они вступали в сношения и через них получали железные котлы, которые ценили чрезвычайно дорого. Так жили орочи до тех пор, пока эти чужие люди не пришли к ним сами. Первыми появились маньчжуры. Они привезли с собой ханшин (спирт, выгнанный из кукурузы), но им не торговали, а только угощали орочей. Прибытие маньчжуров наделало много шума. Весть об этом разнеслась по всему побережью. Орочи приезжали, чтобы посмотреть на новых, до сего времени не виданных людей. С тех пор у них появились фитильные ружья. Маньчжуры жадно набрасывались на соболей. Орочи не считали их мех дорогим и ценили больше росомаху. Прошло много лет. Они привыкли к маньчжурам, привыкли ждать их ежегодно зимою и даже начали брать у них в кредит порох, свинец, котлы, топоры, бусы, пуговицы, иголки и пр. Но вот однажды с берега прибежал испуганный человек и сообщил, что в море

что-то неладно. Это было рано утром. Орочи вышли на прибрежный песок и увидели что-то странное, большое, нето рыбу, нето птицу, нето морское животное. Оно прошло мимо и скрылось за мысом Гыджу. Всю ночь орочи шаманили и отгоняли злого духа. На другой день повторилось то же самое, а на третий день орочи с ужасом увидели, что крылатое чудовище идет прямо к берегу. Это был корабль — первые русские моряки. Орочи видели, как от корабля отделилась маленькая лодка, в которой сидело шесть человек. Орочи испугались и убежали в лес и тогда только вернулись назад, когда убедились, что это не выходцы с того света, а люди, такие же, как и они, но только из другой земли и говорящие на неизвестном языке. Новые люди объяснили орочам, что хотят взять рыбу. Орочи дали им несколько штук кеты, а русские, в свою очередь, дали им деньги. Не имея понятия, что такое монеты, орочи повертели их в руках и дали играть ребятишкам. Тогда русские дали им несколько кусков цветного мыла. Орочи попробовали его есть, но, видя, что оно невкусное, побросали собакам; те понюхали и тоже отошли прочь. Между тем в море разыгралась буря. Парусное судно ушло в Императорскую гавань, а высадившиеся на берегу русские остались ночевать. Орочи не спали всю ночь и караулили страшных «лоца» (так они называли русских). Утром буря стала стихать. Корабль вернулся. Моряки забрали у орочей еще рыбы и совсем ушли в море. Вскоре в Императорскую гавань пришло сразу три корабля: один большой (фрегат «Паллада») и два поменьше и долго стояли в заливе Агу (Константиновском). Потом что-то случилось, русские взволновались. Они стали рыть длинные канавы (окопы) и насыпать валы (береговые батареи). Два судна ушли, а большое осталось. Далее они рассказывали о том, как русские потопили свое судно. Рассказы эти полны интересных подробностей. Это было зимой. Сперва вокруг корабля был взломан лед. Пушки, которые они называли «сагды чикта мяоцани» (большое медное ружье), и все ценное русские закопали в землю, но где — никто не знает. Затем на корабле был пожар, и корабль, объятый пламенем, пошел ко дну. Будучи народом, совершенно чуждым войне, орочи никак не могли понять, зачем это русские ломают, жгут и топят свое судно. Моряки ушли, а на том месте, где раньше красовался корабль, виднелась только большая промоина, на ней плавал лед и обгоревшие куски дерева. Весной пришло сразу одиннадцать кораблей. Это были опять другие люди, иначе одетые и говорили совсем на другом языке (соединенная англо-французская эскадра). Они сожгли русские постройки в заливе Константиновском и пустили большой пал, отчего сгорело много леса. Спустя несколько лет в Императорской гавани снова появились русские. На месте разрушенного поста были построены две казармы и

два склада. Зимой у русских нехватало продовольствия, и многие из них умерли. С той поры «лоца» оставили залив Константиновский навсегда.

Время шло незаметно, часы летели за часами, а старики все вспоминали былое и как бы снова переживали свою молодость. Голос их стал звучнее и вид моложавее.

В это время в юрту вошел молодой ороч и сообщил, что подходит лодка с русскими рабочими, которые с пилами и топорами шли вверх по реке Хади рубить и плавить лес. Старики оживились, поднялись со своих мест и потихоньку стали расходиться по домам.

Я оделся и вышел наружу. Туманная, темная ночь повисла над землею. Из отверстия в крыше юрты вместе с дымом, освещенным огнем, вылетали искры. На реке были слышны русская речь и брань. Ветер с моря донес протяжные низкие звуки — это гудел какой-то пароход.

Когда я вернулся в юрту, в ней уже все спали. Мне была постлана медвежья шкура. Я снял обувь, положил под голову тужурку и, прикрывшись одеялом, заснул.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВДОЛЬ БЕРЕГА МОРЯ НА ЛОДКАХ

С 10 сентября мы стали собираться: собранные коллекции этикетировались и укладывались в ящики для хранения их на зиму, отбиралось необходимое для осеннего пути морем, люди шили палатки, снаряжали обувь, переводчик пошел нанимать у орочей лодки. День выступления был назначен семнадцатого числа, независимо от погоды.

Дня за два до выступления к нам на бивак явился ороч. Вошел он тихо в палатку и попросил разрешения сесть. На вид ему было лет сорок. Он был невысокого роста, коренаст и хорошо сложен. Круглая голова с плоским теменем и широким затылком, высокий лоб, немного выдающиеся скулы и редкая растительность на лице — вот первое, что мне бросилось в глаза. Головного убора он не носил; густые, как смоль, черные волосы, заплетенные в толстую косу, служили ему шапкой и прикрывали голову и от дождя и от солнца. Он постоянно прищуривал один глаз, — это была привычка, приобретенная им с детства. Одет он был так же, как и все другие орочи, и потому останавливаться на описании его костюма нестоит.

На задаваемые вопросы пришедший отвечал тихо, не торопясь, и часто короткими «да» и «нет». Из его слов я узнал, что он живет на реке Копи и в Императорскую гавань пришел нарочно, когда услышал о нашем прибытии и узнал, что на реке Хади Чочо Бизанка собирает всех людей, но опоздал.

Теперь он шел обратно на Копи и предложил свои услуги в качестве проводника. Дело в том, что я имел только одну лодку и вторую должен был найти где-нибудь по пути. Мой собеседник посоветовал мне лодку с грузами послать морем, а самим итти на реку Копи пешком через горы. Он сказал, что дома у него есть одна лишняя лодка, которую он может уступить.

— Как тебя зовут? — спросил я его.

— Карпушка, — отвечал он, еще более прищуривая глаз.

Так вот это кто! Это тот самый Карпушка, который слывет лучшим мореходом, лучшим ходоком на лыжах. Никто лучше его не знает побережья моря до самой реки Самарги, никто лучше его не умеет ходить под парусами на утлых «тамтыга». Он знает, где можно приставать лодкам, где есть опасные камни, где есть бухты, удобные для ночевок, и где можно наколоть острогой рыбу. У Карпушки своя метеорология — свои приметы. Он знает, какая завтра будет погода, какое будет волнение, какой подует ветер и можно ли выходить в море. Среди орочей Карпушка слыл и самым искусным каюром. У другого собаки бегут сперва хорошо, а во второй половине пути еле волочат ноги, у него же они всю дорогу бегут ровно. Он как-то умеет влиять на собак, и они сразу привыкают к нему и не грызутся между собою, точно понимают, что ими правит каюр Карпушка.

27 сентября мы оставили Императорскую гавань. День был серый, пасмурный, собирался дождь. Еще с вечера туман, лежавший доселе неподвижно над мысами, вдруг стал подыматься кверху и собираться в тучи. Они шли низко над землей, скрывая сопки более, чем наполовину; барометр падал.

— Однако худо будет, — говорил Карпушка.

— Может быть, остаться и переждать ненастье? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он. — Лодку надо послать в бухту Мафаца. Пусть там нас дожидает.

Я понял его: он хотел воспользоваться затишьем и сколько можно продвинуться с грузами на юг по воде.

Надо сказать, что в прибрежном районе к востоку от Сихотэ-Алиня осень всегда длинная. В то время как в бассейне правых притоков Уссури выпадают снега и начинаются морозы, в прибрежном районе вода еще не замерзает. Днем бывает настолько тепло, что можно итти в одной рубашке, но как только солнце скроется за горизонтом, роса превращается в иней и лужи покрываются тонким слоем льда. Вскоре после равноденствия летний муссон начинает сменяться северо-западным ветром. Так как он дует с материка, то под защитой береговых обрывов море сравнительно спокойно, но зато около устьев рек, там, где долины совпадают с направле-

нием ветра, порывы его бывают так сильны, что приходится выжидать затишья, иногда двое и трое суток подряд. В таких случаях плыть на лодке очень опасно.

Советы Карпушки я принял к сведению и решил итти, соблюдая все меры предосторожности.

Путевой нитью нам служила тропа. Итти по ней тяжело: угловатые камни, грязь и ямы с водою делают дорогу эту тернистым путем. Навстречу нам попались двое полесовщиков с тремя худотелыми конями. Их лошади то и дело оступались, падали на передние колени, тяжело вздыхали, с трудом вытаскивали ноги из решетин между корнями и, спотыкаясь, шли дальше.

Если подняться на мыс Николая и посмотреть по направлению к реке Тумнину и затем перенести свой взор на юг, то наблюдателю бросится в глаза разница в строении берега.

К северу от гавани он слагается из базальтов. Один за другим мысы наподобие длинных языков вытягиваются в море. Отсюда они кажутся низкими и столовообразными. Там береговая линия развита хорошо, между мысами образовались весьма удобные бухточки и заливы. К югу рисуется другая картина. Большой гранитный хребет Доко тянется параллельно берегу и местами омыт вдоль оси своего простирания. Границей, где базальтовый покров соприкасается с гранитным хребтом, является бухта Труженик. Сверху, насколько позволяет прозрачность воды, видно, что широкая подводная терраса тоже состоит из гранита.

Белесоватый цвет массивно-кристаллической породы и на поверхности суши и в воде настолько характерен, что ошибиться нельзя.

Растительный слой земли по склонам хребта Доко незначителен. Тощая, чахлая растительность едва находит в земле себе пищу. Корни деревьев стелются поверху, оголяются и подсыхают. Ветры раскачивают деревья, отчего они рано гибнут и в таком виде остаются стоять, венчая прибрежную опушку широкой полосой сухостоя. Тотчас за Маячным мысом имеется небольшой изгиб береговой линии, образующий нечто вроде бухты, названной Базарной. Здесь в обрывах над гранитами залегает большой пласт конгломератов, а над ним тонкий, но плотный слой базальтовой лавы, не насыщенной газами.

Тропа шла среди хвойного леса. Я обратил внимание, что ветви елей росли не горизонтально, а под острым углом по отношению к стволу, и спросил Карпушку, отчего они так свесились.

— Когда дует суала (северо-восточный ветер), падает много мокрого снега, потом он замерзает и давит ветку вниз, так постоянно, каждый год, — отвечал ороч.

Объяснение было верное и простое.

Часам к пяти пополудни мы дошли до зимовья. Оно было старое, полуразрушенное, грязное и сырое. Отсюда тропа поворачивала на запад, а нам следовало держаться морского берега и итти к югу. С наступлением сумерек пошел дождь. Плохо сколоченная из накатника крыша зимовья протекала всюду. Мы не спали всю ночь, переходили с одного места на другое и искали, где посуше, но всюду было одинаково сыро. Так мы промаялись до утра и рады были, когда явилась возможность снова тронуться в путь. Погода была ненастная и туманная. Карпушка шел впереди и с легкостью лесного человека прыгал с одной валежины на другую. Вода по его черным волосам сбегала на спину и плечи, но он мало обращал на это внимания.

Чем выше мы поднимались, тем сильнее дул ветер. За перевалом начался спуск по крутому косогору. С левой стороны сквозь туман стал доноситься шум морского прибоя. С каждым шагом он становился явственнее и громче. Хватаясь руками за кусты и стволы деревьев, мы с трудом спустились в какой-то ключик и по нему вышли к устью речки Мафаца, что значит «Почтенный старичок». Грозный вид имел взбудораженный океан. Огромные волны с ревом бросались на берег, усеянный створками раковин и обрывками ламинарий. Вода захлестывала до самого верхнего края намывной полосы прибоя. Следующая волна, встреченная отливным течением первой, вспенивалась, как кипяток, и с еще большим озлоблением бросалась на берег. На мгновение наступала тишина, но когда морская вода начинала скатываться вниз, камни громким ропотом снова выражали свой протест. И так из года в год, из века в век...

Орочи вытащили лодку подальше на берег; из весел и жердей они сделали остов двускатной палатки и покрыли его парусами. Мокрый плавник горел плохо и сильно дымил. Собаки забились под лодку и, свернувшись, старались согреть себя дыханием. В такую погоду ночь кажется темнее, дождь сильнее и шум прибоя еще более грозным.

Во вторую половину ночи ветер стал немного стихать, но дождь пошел с удвоенной силой. Сквозь сон я слышал, как он барабанил в туго натянутые полотнища палаток. Орочи не спали и все время по очереди подкладывали дрова в костер.

На другой день дождь перестал, но опять задул свежий ветер. По морю снова заходили беляки.

На грех мы забыли в концессии походную аптеку и весь формалин, столь необходимый для зоологических сборов. Что делать? Выручить нас взялся Карпушка. Невзирая на непогоду, он решил отправиться в гавань морем на лодке. Два ороча, которых он пригласил с собою, тотчас стали собираться. Вместе с ними поехал и Вихров.

Меня беспокоил вопрос, как они отойдут от берега во время столь сильного прибоя. Прежде всего Карпушка велел орочам принести десяток крупных камней, но не окатанных, а угловатых, а сам принялся собирать плавник и очищать его топором от сучков. Когда все было готово, он стал укладывать камни на дно лодки, возможно плотнее. Потом он разложил на берегу плавник, посадил гребцов на свои места, а сам остался на берегу. Выждав момент, когда самый большой вал с грохотом обрушился на намывную полосу прибоя и вслед за тем наступило короткое затишье, он сразу ослабил канат. Вследствие своей тяжести лодка быстро покатилась по валькам к воде. В момент, когда она готова была совсем отделиться от берега, он уперся веслом в песок и прыгнул на ее корму. Но в это время нашла вторая большая волна. Лодка взметнулась носом кверху и приняла положение более чем на сорок пять градусов. Ничего! Руль был в опытных руках! Несмотря на сильный толчок, Карпушка удержался на ногах. Ветер трепал его длинные волосы, брызги и пена слепили ему глаза, а он как будто не замечал их. Опять нос лодки поднялся кверху, потом поднялась корма. Фигура Карпушки то появлялась на гребнях волн, то совсем скрывалась в воде. Он махнул нам рукой и что-то стал говорить гребцам. Один из орочей начал выбрасывать из лодки камни, а другой налаживать парус. Лодка стала быстро удаляться. Мы долго следили за ней глазами. Минут через пять она сделалась едва заметной точкой и затем совсем пропала в волнах.

Накрапывающий дождь заставил меня вернуться в палатку. К вечеру опять разыгралась буря. Опять пошел сильный дождь. Успел ли Карпушка обогнуть Маячный мыс? Море бушевало всю ночь...

Дня через два орочи вернулись благополучно и привезли аптеку, свежего хлеба и целый ящик с овощами. 20 сентября мы распрощались с рекой Мафаца и, пользуясь легким попутным ветром, направились к бухте Андрея, в которую впадает река Копи.

От устья реки Мафаца берег делает поворот к юго-востоку и тянется в этом направлении до мыса Песчаного. На этом протяжении массивно-кристаллические породы уступают туфам. Слои их большей частью лежат горизонтально и только местами делают небольшие уклоны в ту и другую сторону. Они резко окрашены и хорошо видны, в особенности если немного отойти от берега. На половине пути между Императорской гаванью и озером Гыджу выделяется гора Охровая, также состоящая из гранита.

Несмотря на прочность пород, составляющих этот берег, он все-таки разрушается, о чем свидетельствуют береговые ворота недавнего образования. Их трое: двое — близ реки Мафаца и третьи — недалеко от горы Охровой.

Около реки Гыджу было много птиц. Шла рыба. Большие морские чайки и тихоокеанские клуши стаями сопровождали ее. Они поднимались все разом с криками, кружились некоторое время в воздухе, потом опять опускались на воду и то и дело перелетали друг через друга. Их было так много, что поверхность моря казалась запорошенной снегом. Чайки — удивительно стройные птицы. С изумительной легкостью они садятся на воду и так же легко поднимаются на воздух. Они превосходно летают и, подобно хищникам, могут парить, не производя движений крыльями. Они плавают кокетливо и мелко сидят на воде, чуть только брюшком касаясь поверхности моря, и не менее они изящны, когда на своих стройных ножках стоят на камнях и равнодушно поглядывают на проходящие мимо лодки.

Какой-то большой ястреб гнался за одной из чаек. Как только она садилась на воду, он не трогал ее и начинал парить, но лишь только чайка поднималась на воздух, он опять бросался вслед за нею. Тогда чайка опять опускалась на воду, и ястреб снова принимался описывать круги. Почему он не трогал ее, когда она сидела на воде, и, наконец, почему все прочие чайки не выражали испуга? Очевидно пернатый хищник боялся воды, но тогда почему он преследовал только одну чайку, тогда как другие свободно перелетали по воздуху, не обращая на него никакого внимания?

Мартыны-рыболовы держались несколько поодаль. Они сидели спокойно и, повидимому, мало интересовались рыбой. Мартын кажется птицей средней величины, и только когда убьешь его и возьмешь в руки, то поражаешься его размерам.

Среди чаек я заметил и буревестников. С удивительной легкостью они держались в воздухе и при полетах постоянно поворачивали свои красивые головы то в одну, то в другую сторону. Для этих длиннокрылых, казалось, и встречный ветер не мог явиться помехой. Буревестников что-то влекло к югу. В течение целого дня летели только в одном этом направлении, и не было ни одного, который шел бы им навстречу.

После полудня ветер переменился и задул нам навстречу. Он стал крепчать и развил большую волну. Тогда мы подошли к берегу и высадились около речки Гыджу.

Непогода вынудила нас продневать еще один день. Во время солнечного заката Карпушка взобрался на прибрежные утесы и долго смотрел на горизонт и небо. Когда совсем стемнело, он вернулся назад и сказал, что завтра с рассветом можно будет ехать дальше, а поэтому надо раньше ложиться спать. После ужина я лег на козью шкурку, заменявшую мне постель, и прикрылся одеялом. Снаружи доносился неумолчно ритмический шум прибоя; слышно было, как горели дрова в костре. Карпушка рассказывал о землетрясении, которое произошло три года назад. Оно ощущалось и на реке Тумнине, и

в Императорской гавани, и на реке Копи. Сначала послышался подземный гул, потом закачалась земля так, что вода расплескалась из котлов. Во многих местах на берегу моря произошли обвалы. Потом он еще рассказывал что-то интересное, но я не мог преодолеть свой сон. Глаза закрывались сами собой. Храп моего соседа заразительно повлиял и на других людей. Через несколько минут на биваке водворилась тишина, собаки тоже уснули, костры угасли совсем...

На другой день Карпушка, действительно, разбудил нас очень рано. Еще не рассветало, но уже по звездам было видно, что солнце приближается к горизонту. За ночь море заметно успокоилось. Волны ласково всплескивались на камни и почти бесшумно скатывались назад.

После чая мои спутники проворно стали укладывать лодки и охотно взялись за весла, а я плотнее завернулся в одеяло и стал наблюдать, как просыпается жизнь на море.

Справа от лодок был высокий скалистый берег, состоящий все из тех же цветных туфов и лав, а слева — сонный океан. Он дышал могучей грудью и на мертвой зыби легонько подымал и опускал наши лодки.

Около реки Гыджу пласты туфов приняли наклонное положение. С некоторого отдаления можно проследить синклинали и ясно представить себе воздушные седла антиклиналей. Огибая мыс Чумаки, наша лодка подошла ближе к берегу. Теперь можно было рассмотреть и детали. Под влиянием атмосферных явлений в песчанике образовалось множество глубоких каверн, разделенных тонкими перегородками. В них ютились морские птицы, преимущественно чистики и топорки. Ниже произошли разрушения другого порядка. Волны выбили в горной породе нечто вроде пещеры и исполиновых котлов. Вода сгладила острые грани камней и придала им разные причудливые очертания, давшие столь богатый материал фантазии туземцев.

После мыса Чумаки прибрежные сопки принимают характер широких и пологих увалов, состоящих из кварцевого порфира.

Я хотел сфотографировать берег и велел вынуть весла из воды. Минут десять я провозился, пока наладил аппарат. Несмотря на то, что мы не гребли, лодки наши продолжали двигаться вдоль берега. Нас несло течением. Было ли оно ветвью общего кругового течения в Японском море или следствием муссона, нагонявшего морскую воду в бухты, откуда она направлялась на юг вдоль берега моря, я так и не понял.

После полудня мы достигли бухты Иннокентия и сделали в ней большой привал. При высадке на берег Вихров нашел протомоллюска. Он имел вид как бы половинки удлиненно-овального плода величиной в детскую руку. Карпушка назвал его «Помо» и сказал, что его можно есть сырым. Вслед за-

тем он вырезал ножом брюхо-ногу хитона, имеющую вид розовато-белого длинного тельца, и с аппетитом стал ее жевать. Спинка животного состоит из нескольких плоских косточек, надвигающихся одна на другую и сверху прикрытых шершавой кожицей. По словам нашего проводника, эти косточки очень остры и ими очень легко порезать руку, в чем я имел случай тут же лично на себе убедиться.

Отдыхать нам пришлось недолго. Северо-восточная часть моря начала темнеть, шел ветер «Нунэла», который в это время года всегда бывает очень резким.

По совету Карпушки мы не стали дожидаться, когда закипит вода в чайнике, вылили ее на землю и направились к лодкам.

От бухты Иннокентия до Копи — не более 7 километров. Это расстояние мы прошли под парусами очень скоро.

Издали устья реки Копи не видно — оно хорошо маскируется лесом, только прибой на баре указывает место, где пресная вода вливается в море.

Копи со стороны бухты Андреева (если можно назвать бухтой небольшое углубление береговой линии) кажется пустынной.

Около моря орочи живут только летом во время хода рыбы, а осенью с наступлением холодов они уходят вверх по реке [48]. Там у них есть зимние жилища, там они занимаются охотой и соболеванием.

К сумеркам ветром нагнало туман, опять стал моросить дождь. Непогода заставила нас простоять двое суток. За это время я совершил две небольшие экскурсии. Время года было переменное, уходить от моря далеко не рекомендовалось: надо было караулить погоду, и для продвижения вперед на лодках надо было пользоваться всяким затишьем. В первый день я пошел по берегу моря вместе с Карпушкой и Чжан-Бао. Около устья реки Копи береговые валы состоят из мелкого и сыпучего песка, приходящего в движение при небольшом ветре. Там, куда всплески волн не достигают, выросли грубая осока и кусты шиповника, а выше — низкорослые лиственницы. Под сенью их стоят два столба с иероглифическими письменами. Это могилы японских рыбаков, умерших на чужбине. Уродливо выродившиеся деревья, листопад, засыхающая трава и пасмурное небо, грозившее дождем, навевали грустные мысли.

Мы не стали здесь задерживаться и вышли прямо на намывную полосу прибоя.

Первое, что мне бросилось в глаза, — многочисленные створки ракушника. Мелкие ракообразные очистили их от моллюсков, а ветер, солнце и дождь постарались выбелить. Внутренний, перламутровый слой сохранился хорошо, но внешний, роговой, начал шелушиться. Вперемешку с этими рако-

винами встречались створки большого гребешка величиной с малую тарелку. Между ними попадались крышечки другого гребешка, более мелкие, но с нежной розовой окраской. В одном месте Чжан-Бао нашел две раковины, в просторечии известные под названием морских кубышек; они имели бело-серо-зеленоватый цвет и снаружи поросли мелкими водорослями. Тут же на отмели валялся плавник, вынесенный рекою в море и выброшенный обратно волнением на берег. Некоторые древесные обломки лежали на поверхности, другие были занесены песком вперемешку с морской травой.

Один из обломков привлек наше общее внимание. В нем было больше отверстий, чем древесины. Я узнал ажурную работу древоточца. Это была красивая и оригинальная вещица, достойная быть помещенной в музей.

Среди плавника попадались и кости кита: огромные челюсти, ребра и массивные позвонки весом по 15—16 килограммов каждый. Чжан-Бао взял один из обломков в руку. К нему поспешно подошел Карпушка и стал просить не трогать костей на песке. Не понимая, в чем дело, китаец бросил ребро в сторону. Ороч поспешно поднял его и бережно положил на прежнее место, старательно придав ему то положение, в котором оно находилось ранее.

— Почему не следует трогать костей кита? — спросил я ороча.

— Ими нельзя играть, — отвечал Карпушка, — нельзя даже трогать, потому что рассердится море. Оно будет бушевать долго и если не теперь, то потом непременно накажет виновного.

Чжан-Бао отошел в сторону и сел на камень. По выражению лица его я понял, что он недоволен, и мне немало стоило труда уговорить его не сердиться на Карпушку.

На обратном пути мы разговорились о страшных бурях на море, которые северные китайцы называют «Дафын», а южные — «Тайфун». Обыкновенно они зарождаются в Южно-Китайском море, идут по кривой через южные Японские острова, иногда захватывают Корею и Владивосток и редко заходят к острову Сахалину и в Охотское море. Ураганы эти ужасны: они разрушают города, топят суда и всегда сопровождаются человеческими жертвами.

Причиной этих бурь, по мнению китайца, являются вовсе не киты, а черепахи. Черепахи есть маленькие и большие. Первые живут двести — триста лет и вызывают только ненастье, вторые живут тысячелетиями и являются причинами бурь. Где-то на юге обитает громадная черепаха, возраст которой определяется более чем в сто тысяч лет. Она-то и вызывает тайфуны. Вот почему черепахой нельзя играть, нельзя ее перевертывать на спину. Люди примечали, что каждый раз, как только кто-нибудь позволял фамильярное отношение к

черепахам, непременно налетала буря, и виновный так или иначе был наказан.

К вечеру ветер усилился до шторма. Небо опять покрылось тучами, и пошел дождь. Юрта Карпушки была построена довольно прочно и нигде не протекала.

Снаружи завывала буря, дождь, повидимому, шел полосами и хлестал по стенам примитивного жилища. Я хотел было еще расспросить Карпушку о дороге вдоль берега моря, но он рано завалился спать, его примеру последовали и мои спутники.

Рассвет застал меня в состоянии бодрствования. Месяц был на исходе. Все мелкие звезды, точно опасаясь, что солнечные лучи могут их застать на небе, торопливо гасли. На землю падала холодная роса, смочив, как дождем, пожелтевшую траву, опавшую листву, камни и плавник на берегу моря.

Мои спутники еще спали тем сладким утренним сном, который всегда особенно крепок и с которым так не хочется расставаться. Огонь давно уже погас. Спящие жались друг к другу и плотнее завертывались в одеяла. На крайнем восточном горизонте появилась багрово-красная полоска зари. Она все увеличивалась в размерах, словно зарево отдаленного пожара отражалось в облаках.

Первые живые существа, которые я увидел, были каменушки. Они копошились в воде около берега, постоянно ныряли и доставали что-то со дна реки. На стрежне плескалась рыба. С дальней сухой лиственницы снялся белохвостый орлан. Широко распластав свои могучие крылья, он медленно полетел над рекой в поисках добычи. Откуда-то взялась черная трясогузка. Она прыгала с камня на камень и все время покачивала своим длинным хвостиком.

В юрте первым проснулся Карпушка. Стряхнув со своего халата налетевший от костра пепел, он наскоро обулся и, ежась от холода, стал усиленно раздувать уголья и подкладывать дрова в костер. Тотчас появился дымок, а вслед за ним и огонь. Ороч повесил над костром чайник и стал будить моих спутников. Услышав шум и заметив людей, уточки перестали нырять. Оглядываясь назад, они торопливо переплыли на другую сторону реки, где опять занялись купаньем, но уже не так беззаботно, как раньше. Вынырнув из воды, они каждый раз встряхивались и с беспокойством озирались по сторонам.

В других юртах тоже проснулись. Из дымовых отверстий в крышах появились дымки. Около соседнего балагана орочская женщина, сидя на корточках, чистила на весле рыбу. Две молодые собаки сидели против нее и, наклонив на бок свои востроухие головы, внимательно следили за движением ее рук и ловко подхватывали на лету брошенные им подачки.

После чая мы принялись укладывать лодки.

Дальше Карпушка с нами не поехал, а послал вместо себя ороча Савушку — человека лет тридцати пяти, молчаливого и тихого.

Когда солнце взошло, мы были уже далеко от реки Копи. Не подходя к берегу, Савушка дал людям короткий отдых. Широкая мертвая зыбь чуть заметно колебала спокойную поверхность океана и так же тихо подымала и опускала лодки на одном месте.

Стрелки и казаки стали закуривать, передвигать сиденья, перекладывать поудобнее грузы и меняться веслами.

Побережье, освещенное лучами только что взошедшего солнца, было очень красиво. Между устьем реки Копи и мысом Сандома тянется высокий скалистый берег, слагающийся из глинистых сланцев. За ним километра на полтора выступает в море другой тип берега — плоский с двумя пресными озерами, из которых северное более южного. Он оканчивается мысом Песчаным и затем делает поворот к юго-западу. Еще одна маленькая географическая подробность: сейчас же за мысом с левой стороны устья реки Чалгиенса на дневную поверхность выступают прослойки горючей серы.

Около берега кое-где еще держался туман, — он таял и прятался в распадках между гор.

Савушка мало обращал внимания на красоты природы. Он давно уже привык к ним. Его занимало другое явление — темная полоска на горизонте — это ветер и волнение.

Около полудня мы прошли мыс Аку. До следующего мыса Успения — конечного пункта сегодняшнего нашего плавания — недалеко, но надо было торопиться. Темная полоска захватывала все большее и большее пространство.

Гребцы налегли на весла, и лодки пошли быстрее. Через полчаса ветер слегка пахнул в лицо, нос лодки начал хлюпать по воде, и тотчас по сторонам стали подниматься волны. Встречный ветер начал крепчать, и грести становилось труднее. Вскоре волны украсились белыми гребнями и начали захлестывать лодку. Вот и мыс Успения. Еще двести шагов — и мы в безопасности. Люди употребляли все усилия, чтобы скорее пройти это небольшое расстояние. Отбойные волны от берега и волны, идущие с моря, сталкивались и образовывали толчею.

Я взглянул на Савушку, но на лице его не прочесть ни беспокойства, ни тревоги. Наконец мы поравнялись с мысом, и вдруг глазам нашим представилось удивительное зрелище.

Большой разбитый пароход был около самого берега. Еще несколько минут, еще несколько ударов веслами, и лодки подошли к погибшему судну «Хедвинг» и стали под его прикрытием с подветренной стороны.

Пароход стоял носом к северо-востоку, несколько под углом к берегу. Под защитой его мы спокойно высадились на берег.

«Хедвинг» разбился лет пятнадцать назад. Это был норвежский пароход, совершавший свой первый рейс и только что прибывший в дальневосточные воды. Зафрахтованный торговой фирмой Чурин и компания, он с разными грузами шел из Владивостока в город Николаевск. Во время густого тумана с ветром он сбился с пути и врезался в берег около мыса Успения. Попытки снять судно с камней не привели ни к чему. С той поры оно и осталось на том месте, где потерпело аварию.

Пока мы осматривали «Хедвинг», кто-то из стрелков успел сварить обед. Это было очень кстати, так как мы проголодались и с аппетитом поели каши, а затем стали греть чай. День выпал наредкость теплый. Нагретая солнцем земля излучала теплоту настолько сильно, что даже в непосредственной близости можно было видеть, как реял горячий воздух над камнями. Мои спутники старались укрыться куда-нибудь в тень: кто залез в кусты шиповника, кто спрятался за камни, а Вихров пристроился за пароходной трубой. Один Марунич долго не мог найти себе места. Он слонялся по берегу, садился то здесь, то там и наконец решил залезть в самую трубу. Там он лег на бок и, держа в руке кружку, приготовился пить чай.

В это время случилось событие, которое развеселило стрелков на весь день. Оттого ли, что Вихров толкнул трубу, или сам Марунич неосторожным движением качнул ее, но только труба вдруг повернулась вдоль своей продольной оси и затем покатилась по намывной полосе прибоя, сначала тихо, а потом все скорее и скорее. С грохотом она запрыгала по камням; с того и другого конца ее появились клубы ржавой пыли. Когда труба достигла моря, ее встретила прибойная волна и обдала брызгами и пеной.

В это время из нее вылез Марунич. Взрыв оглушительного хохота встретил его появление. Надо было видеть его мокрую одежду и испуганную физиономию, вымазанную ржавчиной. По его растерянному взгляду видно было, что он сам не мог отдать себе отчета в том, что случилось и как он очутился в воде. Марунич сердито посмотрел на пароходную трубу и толкнул ее ногой, но в это время другая, более сильная волна швырнула трубу обратно на намывную полосу прибоя. Марунич испугался и отбежал в сторону. Он не знал, что физиономия его выпачкана ржавчиной и сердито молчал. Затем он разделся, выполоскал свою одежду в пресной воде и разложил ее на гальке, чтобы она просохла. Вечером мы вспоминали подробности этого приключения и подтрунивали над Маруничем.

Около мыса Успения есть небольшое озерко с топкими и болотистыми берегами. Орочи называют его Аку. Оно, отделенное от моря узкою косою, имеет не более одного километра в окружности. Две маленькие речки впадают в дальнем его углу.

В озере держится кета и кунжа; обилие морской птицы, убой морского зверя, соболевание и охота на лосей издавна привлекают сюда орочей с реки Хади.

На Аку мы застали одну семью орочей. Они тоже недавно прибыли с Копи и жили в палатке. Когда выяснилось, что дальше нам плыть не удастся, я позвал Савушку и вместе с ним отправился к орочскому жилищу. Привязанные на цепь собаки встретили нас злобным лаем. Из палатки поспешно выбежал человек. Это был пожилой мужчина с окладистой бородой. Узнав Савушку, он прикрикнул на собак и, приподняв полу палатки, предложил нам войти в нее. Я нагнулся и прошел вперед.

Посредине палатки горел огонь. Дым не успевал выйти через отверстие в крыше, ел глаза и принудил меня лечь на землю. В котле, подвешенном на сучковатой палке, варилась рыба. Вся семья ороча Игнатия (так звали нашего нового знакомого) состояла из него самого, его сына и двух женщин, из которых одна приходилась ему женою, а другая невесткой. У последней на руках была маленькая собачонка японской породы с уродливой головой. Она выходила из себя, лаяла, хрипела и старалась схватить зубами край моей одежды. От Савушки я узнал, что мыс Успения является южной границей распространения орочей на берегу моря и что дальше на юг живут Кяка, которые сами себя называют «удэхэ».

В это время пришли стрелки и стали проситься на охоту. Ороч Игнатий не советовал им итти на речку, потому что там у него поставлены самострелы на медведей, которые каждую ночь выходят к озеру лакомиться «сненкой» (мертвой рыбой). Тогда стрелки решили заняться охотой на птицу. На озере держалось два табуна уток. Они все время перелетали с одного места на другое. То они уносились так далеко, что, казалось, не возвратятся вовсе, то вдруг снова неожиданно появлялись откуда-нибудь сбоку и с шумом все разом опускались на воду. Это подзадорило стрелков. Они взяли у орочей лодку и поехали на охоту, но утки не подпускали близко. Едва лодка подходила к ним на расстояние ружейного выстрела, как они снимались все разом и, отлетев в сторону, садились на воду у противоположного берега. Охотники выпускали заряды в воздух, и чем больше они горячились, тем меньше шансов имели на успех.

Все же одна из уток была ранена. Она поднялась было и хотела лететь к морю, но тотчас должна была опуститься вновь

на воду. Бросив остальную стаю, стрелки поплыли за ней; тогда утка стала нырять. Неизвестно, долго ли продолжалась бы эта погоня за подранком, если бы на выручку не пришел Игнатий. Заметив, куда плывет утка, он схватил острогу и через кусты побежал к протоке. Как только утка ныряла, он подвигался вперед, как только она всплывала на поверхность воды, он припадал на одно колено, ждал и не шевелился. Раненая птица направлялась в протоку, намереваясь войти в море. Тут-то ее и ждал Игнатий. Заметив врага, утка нырнула в последний раз и быстро пошла по течению. Сверху с крутого берега сквозь чистую, прозрачную воду хорошо было видно, как она, вытянув шею и сложив крылья вдоль тела, торопилась проскочить опасное место. Она думала, что под водой ей удастся скрыться от человека. В это мгновенье ороч поднял острогу и с силой бросил ее в воду. Мелкие пузыри вспенились на поверхности протоки. Через несколько минут острога всплыла, и на острие ее беспомощно билась птица. Моим спутникам пришлось довольствоваться рыбой, благо в ней не было недостатка.

Я думал, что на другой день мы рано поедем дальше. Однако Игнатий советовал обождать восхода солнца. Приметы были какие-то неопределенные: одни облака шли на восток, другие — им навстречу, иные казались неподвижными; по морю кое-где кружились вихри.

Ничего нет хуже, когда приготовишься к отъезду, снимешь палатки, уложишь вещи, и вдруг надо чего-то ждать. Время тянется удивительно долго. Мои спутники высказывали разные догадки и в десятый раз спрашивали орочей о причинах задержки. Поэтому можно себе представить, с какой радостью они приняли заявление, что к вечеру море будет тихое, но придется плыть ночью, потому что неизвестно, какая завтра будет погода.

Около пяти часов пополудни мы оставили Аку. Море было сравнительно спокойно, только короткие порывы ветра неожиданно набегали то спереди, то сзади и мешали грести. Здесь мы впервые встретили нерп. Выставив на поверхность воды свои мокрые блестящие головы, они с любопытством разглядывали лодки, плыли сзади, ныряли и вновь появлялись иногда очень близко.

Одна из нерп вынырнула так близко от лодки, что гребцы едва не задели ее веслом по голове. Она сильно испугалась и поспешно погрузилась в воду. Глегола схватил ружье и выстрелил в то место, где только что была голова животного. Пуля булькнула и вспенила воду. Через минуты две-три нерпа снова появилась, но уже дальше от лодки. Она с недоумением глядела в нашу сторону и, казалось, не понимала, в чем дело. Снова выстрел и снова промах. На этот раз нерпа исчезла совсем. Она поняла об угрожающей ей опасности.

Кстати, два слова об этом животном. Встречающаяся у берегов нерпа (по-орочски «хоота», причем первая буква «о» произносится с явственным оттенком буквы «ы») относится к семейству так называемых ушастых тюленей.

Пусть читатель не подумает, что нерпа имеет большие уши: наоборот, они маленькие и едва выдаются в виде двух кожных придатков. Взрослое животное весит от 50 до 80 килограммов и имеет длину 1,5—2 метра.

Тело молодых нерп покрыто густой мягкой шерстью серебристо-белого цвета. Через полгода после появления на свет детеныша под кожей его появляется жир, предохраняющий тело от холода. Тогда белая шерсть выпадает, и на месте ее вырастают грубые, жесткие редкие волосы.

Обычно нерпы держатся около устьев рек. В погоне за рыбой они входят в большие реки и поднимаются по ним очень высоко.

Тело животного приспособлено к жизни в морской воде. Вес его немногим больше вытесняемой жидкости, вследствие чего оно находится в родной ему стихии как бы во взвешенном состоянии. Когда нерпа убита в морской воде, если в легких ее находится некоторое количество воздуха, она плавает на поверхности. В пресной воде нерпа тяжелее такого же объема воды, и потому в реке она должна все время употреблять некоторое усилие, чтобы не опуститься на дно. Вот почему нерпа, убитая в пресной воде, всегда тонет. Орочи знают это и потому, если им случается охотиться за нерпой около устья реки, они стараются загнать ее на мелкое место. Убитое животное поднимается со дна острогою.

Жир нерпы идет в пищу. Мясо орочи едят только в том случае, если нет другого. Орочи употребляют кожи на торбаза, шаманские юбки, чехлы для ружей и пр.

К закату солнца мы успели уйти далеко от мыса Успения. Приближались сумерки. В атмосфере установилось равновесие. Море дремало. Дальние мысы, подернутые синеватою мглою, как будто повисли в воздухе. Казалось, будто небо узкою полосою вклинилось между ними и поверхностью воды. Это явление рефракции весьма обычно здесь в сухое время года.

Пологий берег к юго-западу от мыса Аку слагается из невысоких холмов, спускающихся широкими и пологими скатами к морю и местами переходящими даже в равнины. На этом протяжении в море впадают небольшие речки: Нагача, Ичача, Ича, Уо и река Спасения.

К югу от Ича в море выдвигается небольшой мыс из авгитового андезита с тем же названием, а между реками Уо и Спасения — мыс Пещерный, получивший свое название по обилию пещер и исполиновых котлов, выбитых в нем морским волнением.

Стало вечереть. От прибрежных утесов потянулись по воде длинные тени. Температура воздуха начала быстро снижаться.

Морские птицы так же рано засыпают, как и лесные пернатые. Первыми успокоились чистики и каменушки. Как-то вдруг их не стало видно. Они залезли в трещины скал и завтра на заре проснутся первыми. Затем перестали летать бакланы. Местами отдохновения и сна они избрали камни, одиноко торчащие из воды, и такие карнизы, куда не могут забраться хорьки. Эти птицы имеют издали вид узкогорлых кувшинов. Их так много, что кажется, будто кто-то нарочно увенчал ими прибрежные камни. Тут же, среди бакланов, можно было заметить и чаек. Своей белизной они резко выделялись среди черных карморанов. Бакланы их не трогали, и как будто совсем не замечали присутствия посторонних птиц. Одни только стрижи с криками носились около берега, и чем ниже спускалось солнце, тем выше они поднимались на воздух.

Был один из тех чудных осенних вечеров, которые в прибрежном районе обычно следуют друг за другом подряд несколько суток.

Часов в восемь вечера мы сделали второй привал. Через минуту вспыхнуло веселое пламя и разом осветило лица людей, собак и нос лодки, вытащенной на берег.

Едва чаепитие было окончено, как приказано было снова укладываться. Люди, ослепленные резким переходом от света к темноте, идут, вытянув вперед руки и ощупывая ногами землю, чтобы не наткнуться на камень или не оступиться в воду.

Через несколько минут лодки стали отходить от берега. Некоторое время слышны были разговоры, шум разбираемых весел, и затем все стихло. На месте костра остались только красные уголья. Легкий ветерок на мгновенье раздул было пламя и понес искры к морю. Лодки зашли за мысок, и огня не стало видно.

Савушка не хотел приближаться к берегу, чтобы не наткнуться на камни, но в то же время не решался и уходить далеко в море, чтобы не заблудиться.

Морской берег ночью! Темные силуэты скал слабо проектируются на фоне звездного неба. Прибрежные утесы, деревья на них, большие камни около самой воды — все приняло одну неопределенную темную окраску. Вода черная, как смоль, кажется глубокой бездной. Горизонт исчез — в нескольких шагах от лодки море сливается с небом. Звезды разом отражаются в воде, колеблются, уходят вглубь и как будто снова всплывают на поверхность. В воздухе вспыхивают едва уловимые зарницы. При такой обстановке все кажется таинственным.

Лица Савушки не видно. Как мраморное изваяние, он стоял на корме лодки, «вперив глаза во тьму ночи», и, казалось, совсем не замечал того, что вокруг него происходило. Фигура

ороча с веслом в руке, лодка с людьми среди мрака напоминали мне картину Доре из мифологии греков, на которой был изображен Харон, перевозящий на лодке умерших через подземную реку Стикс.

В такие тихие ночи можно наблюдать свечение моря. Как клубы пара, бежала вода от весел; позади лодки тоже тянулась длинная млечная полоса. В тех местах, где вода приходила во вращательное движение, фосфоресценция делалась интенсивнее. Точно светящиеся насекомые, яркие голубые искры кружились с непонятной быстротой, замирали и вдруг снова появлялись где-нибудь в стороне, разгораясь с еще большей силой.

Все очарованы этой картиной, у каждого свои мысли.

К югу от реки Спасения на протяжении 12 километров берег опять становится возвышенным и состоит главным образом из роговообманкового андезита и мелкозернистой базальтовой лавы.

По распадкам между отрогами сбегает к морю несколько горных ручьев; наибольший из них называется Тахала.

Река Ботчи была недалеко. Там, где она впадает в море, береговая линия немного вдается в сушу, и если бы не мыс Крестовоздвиженский, то никакой здесь бухты не было бы совсем. Это небольшое углубление берега носит название бухты Гроссевича.

Так вот это то самое место, с которым связана трагическая судьба молодого топографа Гроссевича!

История этого дела такова [49].

В 1870 году в город Иркутск, где было сосредоточено все управление Восточной Сибирью, прибыли из Петербурга два топографа, только что выпущенные со школьной скамьи. Один из них был Гроссевич. Надо представить себе юношу девятнадцати лет, который первый раз в жизни уехал так далеко от родительского дома. По прибытии в Иркутск Гроссевич узнал, что весной он должен отправиться на Амур, затем подняться вверх по Уссури до озера Ханка, а оттуда в пост Владивосток и явиться на шхуну «Восток», которой тогда командовал штурман Бабкин. Он узнал также, что на него возлагается производство съемки по берегу Японского моря между мысами Туманным и Успения. Этот берег впервые наносился на карту.

Как только солнце пригрело землю и деревья стали одеваться листвой, молодой Гроссевич, запасшись всем необходимым, отбыл в командировку. Путешествие до поста Владивостока он совершил благополучно. Во Владивостоке местное начальство назначило в его распоряжение двух солдат от местной команды. Тут Гроссевич узнал, что вдоль берега ему придется итти пешком, а все имущество его и продовольствие будут перевозить на лодке, которую он должен был раздобыть сам.

Ему повезло, и он, действительно, нашел у кого-то из жителей старую килевую лодку, которую и купил за довольно большие деньги. Лицо, продавшее лодку, обязалось до отплытия шхуны привести ее в исправный вид и приготовить весла и все необходимое для путешествия. В начале июня шхуна «Восток» снялась с якоря и направилась вдоль берега моря. Одного топографа, тоже с двумя солдатами, Бабкин высадил в заливе Рында, а другого, Гроссевича,—севернее реки Самарги, у мыса Туманного. Матросы спустили лодку в воду. Гроссевич погрузил в нее свои вещи и сел сам. В октябре Бабкин должен был опять придти на побережье, взять обоих топографов и доставить их обратно во Владивосток.

Первые дни работ для Гроссевича были благоприятные. Он довольно быстро подвигался вперед. Местами съемка его выражалась только одной линией — там, где был обрывистый и скалистый берег, но там, где открывалась долина, он углублялся в нее на несколько километров и вновь возвращался к морю.

Но вот однажды случилась буря. Море разбушевалось. Непогода застала его на лодке. Долго пришлось искать какого-нибудь укрытия в виде бухточки или речки, но ни того, ни другого не было. Высокий скалистый берег тянулся на много километров вперед. Тогда Гроссевич решил пристать к намывной полосе прибоя, потому что дальше в море держаться было невозможно. Вот тут-то и сказалась неудачная конструкция его лодки с килем. Лишь только они дошли до полосы мелководья и лодка царапнула килем по придонным камням, как нашедшая волна в мгновение ока перевернула их и выбросила на берег. К счастью, все кончилось благополучно, путешественники ничего не потеряли, но все решительно, в том числе и спички, промокли насквозь. Как ни старались они разжечь огонь, им это не удавалось. Всю ночь они просидели на берегу и очень страдали от холода.

К утру туман рассеялся, небо очистилось. Они приветствовали рассвет с такой же радостью, как это делали первобытные люди, потерявшие огонь. Когда взошедшее солнце пригрело землю, Гроссевич снял с себя верхнюю одежду и разложил ее на камнях для просушки, а сам остался в одних кальсонах и рубашке. У него было около трехсот рублей денег ассигнациями. Он тоже разложил их на гальке и сверху каждую бумажку придавил еще камешком, чтобы деньги не унесло ветром в море. Затем он сам прилег на камни и как-то сразу уснул. Повидимому, Гроссевич спал долго. Он проснулся оттого, что в лицо моросил дождь. Он поднялся и окликнул своих солдат, но на его зов никто не отозвался. В то же мгновение он заметил, что исчезли лодка, палатка и продовольствие. Кругом было пусто. Деньги исчезли тоже. Гроссевич бросился к берегу и стал кричать, но на его зов отвечали только эхо

в прибрежных утесах и волны, с шумом набегавшие на намывную полосу прибоя. Гроссевич вернулся назад, чтобы одеться, и к ужасу своему увидел, что солдаты увезли с собой всю его одежду и даже обувь. Он понял, что погиб, и почти без сознания повалился на берег. Между тем надвигались сумерки, и ночь обещала быть ненастной. Несчастный решил спрятаться в камнях, но скоро он здесь так прозяб, что решил залезть в густую траву. Ужасную ночь провел он под дождем и до самого рассвета не смыкал глаз. Когда стало совсем светло, он решил итти вдоль берега. Но куда? Вперед или назад? Безотчетно, сам не зная почему, он пошел дальше к северо-востоку в том направлении, в каком вел работы. Итти по намывной полосе прибоя и хорошо одетому человеку трудно. У подножья обрывов берег завален глыбами камней с острыми краями: всюду валяется бурелом, заросший осокой и колючими кустами шиповника; между камнями во множестве валяются обломки раковин, которыми легко поранить ноги. Можно себе представить, в каком состоянии был Гроссевич после одного только перехода. В первый же день рубашка и кальсоны разорвались. Он набрал много заноз и сильно изранил ступни ног. К утру у него опухли руки. Перемогая себя, он потащился дальше вдоль берега, и ел, что попало: слоевища морской капусты, мелких крабов, мелких моллюсков-береговичков. На третий день он, почти голый, еле-еле передвигал ноги, падал в бессилии, подымался, шел несколько шагов, опять падал и подолгу лежал без движения. Наконец он дошел до того, что стал терять сознание. Он не знает, был ли то сон или состояние бодрствования, он потерял способность мыслить и потерял всякое представление о времени и месте. Иногда на него вдруг находил ужас. Он вскакивал и с криком бросался вперед и бежал до тех пор, пока обессиленный опять не падал на камни. Гроссевич полагает, что он был болен, потому что его мучили кошмары днем и ночью. Мысль, что этот берег будет его могилой, мало его беспокоила. Лишь бы скорее пришло «это» и прекратило его душевные и физические страдания. Он вспомнил свою мать, близких друзей, слезы застилали глаза. Он лег на землю и долго-долго плакал, пока не впал в забытье.

Очнулся он оттого, что кто-то приподнимал его голову и вливал в рот воду. Когда Гроссевич открыл глаза, то увидел около себя каких-то сильно загорелых и странно одетых людей. «Дикари», мелькнуло в его мозгу, и он испугался. Это были удэхейцы. Они проезжали мимо на лодке и вдруг увидели человека, лежавшего на камнях. Сначала они полагали, что это труп, выброшенный волнением на берег, и хотели проехать мимо, но в это время Гроссевич шевельнул рукой и простонал. Удэхейцы тотчас причалили к берегу и стали приводить его в чувство. Затем они дали ему кое-что из одежды

и помогли добраться до лодки. Незадолго до сумерек они прибыли к устью какой-то реки и под руки дотащили его до своих балаганов.

Гроссевич полагал, что он в плену, и не знал, ухудшает или улучшает это его положение. На другой день он был крайне удивлен, что две женщины занялись извлечением заноз из его ног, потом они перевязали ему раны, положив на них мелкие стружки шиповника. Он увидел, что с ним обращаются ласково, дают есть то, что едят сами. Наконец он решил сделать опыт и без ведома своих спасителей поплелся к берегу. Его никто не задерживал, он вернулся в юрту и встретил тот же прием. Убедившись, что он не находится в положении пленника, Гроссевич воспрянул духом и повеселел. Мало-помалу ноги его стали заживать. Пришла пора рыболовства. Удэхейцы отправились на реку, и Гроссевич пошел с ними. Он помогал им ловить кету, вытаскивал из лодки рыбу, помогал ее чистить и вешать на жерди. Женщины добродушно смеялись над его неумением и, в свою очередь, помогали ему в том случае, когда он попадал впросак. Гроссевич рубил дрова, собирал ягоды и старался всячески помочь своим спасителям. Наконец пришла осень и выпал первый снег. Удэхейцы пошли на соболевание, и он отправился вместе с ними.

Между тем два солдата, оставив Гроссевича на произвол судьбы, поплыли назад вдоль берега моря. Они были уверены, что он непременно погибнет и кости его растащут дикие звери. Дня через четыре они наткнулись на отряд другого топографа. На вопрос последнего, где их начальник, они ответили, что он утонул, и в доказательство представили его одежду, документы и даже небольшую часть денег. Топограф прикомандировал их к своему отряду и по окончании работ на шхуне отбыл в пост Владивосток, а оттуда в Иркутск, где и подал рапорт обо всем случившемся.

В конец года, незадолго до увольнения в запас армии, оба солдата поссорились из-за денег и один на другого донес. Началось следствие. Солдаты сознались в том, что они бросили Гроссевича, но не могли сказать, где именно. К счастью, сохранилась съемка береговой линии и видно было, где она оборвалась. На следующую весну оба преступника под конвоем были доставлены в город Владивосток. На той же шхуне их повезли вдоль берега с приказанием указать место, где они оставили своего начальника. Может быть, солдаты показывали и правильно, но ни севернее, ни южнее никаких следов Гроссевича найдено не было, и экспедиция ни с чем возвратилась в город Владивосток. Солдаты были осуждены на каторжные работы, а Гроссевич был вычеркнут из списков топографов как пропавший без вести. Ни у начальствующих лиц, ни у родных и знакомых, ни у кого не было сомнения в том, что он погиб.

Прошел год. Гроссевич совсем сжился с удэхейцами, стал понимать чужой язык, помогал им в работах и не чувствовал себя тунеядцем. Он увидел, что люди эти живут мирно, тихо и не ссорятся между собой. Его поразил тот патриархально-родовой строй, при котором все заботились о вдове и ее детях, как о своих родных. Он неоднократно видел собрания стариков, на которых они спокойно и терпеливо выслушивали реплики подростков. Он видел, что молодежь в то же время слушалась советов стариков. Его одноплеменники искали его смерти, бросили его на произвол судьбы, а эти люди спасли его, вылечили и одели. Он решил никогда не возвращаться к своим и навсегда остаться с удэхейцами.

Между тем, через китайцев, скупщиков мехов, стали распространяться слухи о том, что на реке Ботчи у удэхейцев живет один русский. Слухи эти дошли до Владивостока, потом пробрались и в Иркутск, а там решили, что это не кто иной, как Гроссевич, и что он находится в плену у удэхейцев.

Весной, когда растаяли снега и реки вскрылись ото льда, была снаряжена вторая экспедиция на той же шхуне «Восток». Но когда она подходила к мысу Крестовоздвиженскому, ее заметил один удэхеец. Он прибежал на Ботчи и сообщил сородичам: «Лоца гуны» (т. е. «русские идут»). Удэхейцы побросали свои юрты и убежали в горы. Вместе с ними убежал и Гроссевич. Начальник десанта нашел балаганы пустыми. Он решил, что удэхейцы увели с собою Гроссевича. Тогда шхуна произвела демонстрацию. Она сделала вид, что уходит совсем, а на самом деле спряталась за одним из мысов, а когда совсем стемнело, высадила на берег вооруженную команду. Матросы прошли несколько километров и перед рассветом напали на стойбище удэхейцев. Когда Гроссевич увидел, что матросы арестовывают удэхейцев, он вступился за них и пробовал оказать сопротивление. Тогда арестовали и его.

Экспедиция с Гроссевичем и двумя пленниками вернулась на судно. Их доставили во Владивосток, где удэхейцев держали под стражей до производства следствия. Вскоре один из них получил скоротечную чахотку и умер в тюрьме, а другой был отпущен на свободу, но долго не мог выехать из Владивостока. Он тоже заболел и на реку Ботчи попал незадолго до своей смерти. Гроссевич был предан суду и отправлен в Иркутск, а оттуда после следствия препровожден в Николаевский военный госпиталь для испытания его умственных способностей. Там его держали около года и признали душевнобольным, что избавило его от суда. Затем он выздоровел и снова стал проситься на службу в Восточную Сибирь. Назначение состоялось. Когда он приехал во Владивосток, он тотчас стал искать случая съездить на реку Ботчи, чтобы навестить своих друзей-удэхейцев. По службе попасть туда он не

мог, тогда он взял отпуск и отправился на шхуне «Сторож», которой командовал капитан Гек. Прибыв на место, он поспешил на берег. Вот и тропинка, вот и речка, где они ловили рыбу. Он побежал по дорожке через кусты. Печальное зрелище представилось его глазам. От стойбища остались только развалины. Все люди, взрослые и малые дети, погибли от какой-то эпидемии, занесенной из города. Никто не спасся. Там и сям валялись человеческие кости и предметы домашнего обихода, успевшие уже зарасти травою. Убитый горем, он вернулся в город Владивосток, где снова попал в больницу.

Удэхейцы на реке Ботчи вымерли, но среди соседей их на Копи и Самарге долго еще ходили рассказы о том, как «омо лоца» (один русский) попал к удэхейцам и как от него погибло все стойбище.

Прошло более пятидесяти лет. Гроссевич умер в городе Хабаровске в 1917 году, а бухточка, в которую впадает река Ботчи, сохранила его имя и по сие время.

Я погрузился в воспоминания, и предо мною встала согбенная фигура старика Гроссевича, без усов, без бороды, с короткими седыми волосами на голове.

Я пришел к нему расспросить о побережье моря, которое намеревался посетить во время своего путешествия.

Он достал карту и по ней стал делать описания каждого мыса и каждой бухты в отдельности. Когда Гроссевич дошел до реки Ботчи, он вдруг поднял руки кверху, затем закрыл глаза и опустил голову на стол.

Я услышал судорожные всхлипывания, стал его успокаивать и постарался перевести разговор на другую тему.

Я так ушел в эти воспоминания, что не заметил даже, как прошло время.

Лодка наша стояла неподвижно. Гребцы, вынув весла из воды, отдыхали. Через минуту к нам подошла вторая лодка.

Стрелки стали закуривать и посматривать по сторонам.

— Что это там?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какой-то черный предмет на воде. Он передвигался немного, делал спиральные круги и вновь возвращался на прежнее место.

— Что бы это могло быть? — спросил я Савушку.

— Нисаа угда (маленькая лодка), — отвечал он равнодушно.

Действительно, минут через двадцать ясно можно было рассмотреть омсрочку и в ней человека. Вскоре мы поравнялись с ним. Это был ороч с черною бородою. Он сидел в лодке, поджав под себя ноги, и длинною острогой ощупывал дно моря. Савушка окликнул его, он отвечал короткой фразой, которую я не понял.

— Что он делает? — спросил я Савушку.

— Нерпу ищет, — ответил последний, указывая на большое кровавое пятно на поверхности воды.

— Би! би! би! би! — закричал наш новый знакомый, стараясь удержать лодку около остроги, которой он нащупал мертвое животное.

Савушка отправился к нему на помощь. Через несколько минут нерпа была поднята из воды. Голова ее оказалась пробитой пулей насквозь.

Я предложил охотнику ехать вместе с нами. Он тотчас согласился. У него было одно весло с двумя лопастями. Ороч умело управлял оморочкой. Он переговаривался с нами, но сам зорко следил за волнами, чтобы они не накрыли его с наветренной стороны. Звали его Вандага.

Наконец мы подошли к реке. Белая пена отмечала бар, то место, где пресная вода смешивалась с морскою. Ороч на оморочке, немного не доходя устья реки, свернул к берегу. Улучив момент затишья, он быстро поплыл вперед и в мгновение ока вместе с пеной выбросился на прибрежный песок. В тот момент, когда отливное течение хотело утащить его лодку назад, он выскочил из нее, и, схватив свое легкое суденышко за носовую часть, оттащил его подальше от воды. Все это было проделано удивительно быстро. Неопытный человек сломал бы оморочку, утопил бы ружье и непременно выкупался бы как следует.

Теперь настала наша очередь. Не без труда мы преодолели буруны, правда, черпнули воды одним бортом, но все же вошли в реку.

Ботчи была первой нашей питательной базой, где были сложены запасы продовольствия, привезенные на пароходе Т. А. Николаевым. Согласно уговору, здесь я обещал отпустить Савушку и взять другого проводника. Поэтому была назначена дневка.

Я пошел на ближайшую сопку, чтобы сверху взглянуть на окрестности.

Река Ботчи (по-орочски «Икки») длиною около 70 километров и впадает в море на 47° 58′ северной широты и 139° 32′ восточной долготы от Гринвича. Северо-западный край бухты Гроссевича образует небольшая сопка Чжаари, с которой я и производил свои наблюдения, а юго-восточный ограничен мысом Крестовоздвиженским.

Ботчи в низовьях с правой стороны принимает в себя два притока—реку Масаеву и реку Ихе. Здесь она разбивается на два рукава, образующие узкий остров в 4 километра длиною.

По воде на туземной лодке можно подниматься шесть суток, дальше до водораздела надо итти пешком еще один день. В средней части ее течения, в трех днях пути от устья, есть теплый минеральный источник с температурой в 28,6 градуса Цельсия.

Зимних путей с реки Ботчи есть два: на реку Копи и на реку Самаргу. Первый идет по речке Мукпа через перевал на реку Тепты (приток Копи). Берегом моря никто не ходит, потому что местность здесь пустынная и очень пересеченная: то надо подыматься несколько раз в гору, то спускаться вниз, что очень утомляет. Второй путь с реки Ботчи идет по правому верхнему притоку ее Дулингья на Исими (верхний левый приток Самарги). На тот и другой путь времени потребуется 3—4 дня, в зависимости от количества собак и состояния дороги.

В 1908 году на Ботчи было 6 юрт с населением в 46 человек (15 мужчин, 11 женщин, 12 девочек и 8 мальчиков). Через два года туда переселился старовер Долганов; его примеру последовали другие старообрядцы. Так образовалась деревня, сохранившая название Гроссевичи. В 1927 году в ней было до 150 человек обоего пола.

Горы, окаймляющие нижнюю часть долины реки Ботчи, покрыты густым хвойным лесом. Места эти являются, повидимому, северной границей распространения монгольского дуба, который, как и кедр, встречается здесь весьма редко.

Недалеко от устья реки Ботчи за первой протокой жил наш новый знакомый ороч Вандага, у него-то и хранились ящики с экспедиционным имуществом. Все орочи ушли на соболевание. Один Вандага задержался. Он знал, что мы приедем осенью, и решил дождаться нас. Это был мужчина среднего роста, лет сорока, с густой черной бородой, что указывало на родство его с сахалинскими туземцами. Одет он был, как и все орочи, но прическу носил удэхейскую.

В палатке Вандага были кое-какие японские вещи. Из расспросов выяснилось, что дед его, действительно, родился на Сахалине. Отец жил одно время в заливе Де-Кастри, потом в бухте Чжуанка, а сам он перекочевал на реку Ботчи еще в молодые годы.

Утром следующего дня орочи мне сказали, что у одной из наших лодок треснуло дно. Надо было хорошенько ее починить и проконопатить. Часам к двум дня все было в порядке. Дальше вместо Савушки поехали с нами Вандага со своим братом.

На вопросы, не пора ли в путь, они отрицательно качали головами. Я уже хотел было готовиться ко второй ночевке, как вдруг оба ороча сорвались с места и побежали к лодкам. Они велели стрелкам спускать их на воду и торопили скорее садиться. Такой переход от мысли к делу весьма обычен у орочей: то они откладывают работу на неопределенный срок, то начинают беспричинно торопиться.

С Вандага никто не стал спорить. Через четверть часа мы уже плыли к морю. Обогнув мыс Крестовоздвиженский, лодки

опять взяли курс на юго-юго-запад. Здесь береговая линия развита слабо. Мысов много, но они мало выдаются в море. Намывная полоса прибоя завалена глыбами, свалившимися сверху. Они так велики, что в щелях между ними свободно может укрыться крупное животное. Такое разрушение берегов происходит от действия пресной воды. Ручьи, стекающие сверху в виде маленьких каскадов с высоты в 60 и 80 метров, не достигая подошвы обрывов, превращаются в дождь, развеваемый ветром. Первый мыс — Бохамуони — слагается из базальтов с характерным для них столбчатым распадением. Некоторые столбы стоят прямо, другие изогнуты, третьи приняли совсем наклонное положение. Через полчаса мы достигли горного ручья Афа и мыса Бакланьего (по-орочски Хои, что значит «морской таймень»).

Бакланий мыс вполне оправдывает свое название. Этих птиц здесь очень много. От их помета белела вся скала, точно ее вымазали известью. Грузные черно-серые гагары и длинношеие с синеватым металлическим отливом морские бакланы сидели по карнизам всюду, где можно было поставить ноги. Они были настороже и, подавшись вперед, готовы были слететь при первом намеке на опасность. Когда мы поравнялись со скалой, бакланы сидели, но когда лодка прошла мимо, они вдруг все разом ринулись вниз и полетели в море.

Первого октября мы дошли до небольшой горной речки Кольма, берущей начало с возвышенностей, слагающихся из известкового песчаника и из каких-то древних, сильно метаморфизованных осадочных пород. Южнее Бакланьего утеса выступает острый мыс Сядуони, а за ним в одну линию тянутся четыре конические сопки, покрытые осыпями. Между речками Ящу и Кольма берег рисуется в виде невысокого горного кряжа, омытого вдоль оси простирания.

Река Кольма тоже невелика, большая часть ее воды просачивается под прибрежной галькой.

Когда лодки подходили к берегу, на гребне одной из сопок появилось большое животное. Я думал, что это лось, но Вандага отрицательно покачал головой и назвал его «богиду» (северный олень). Повидимому, животное заметило нас, потому что бросилось бежать и быстро скрылось за гребнем.

По словам орочей, в Уссурийском крае обитают два вида северных оленей. Один — маленький, с большими рогами, темной спиной, белым брюхом и темными ногами. Другой вид более крупный, буро-серой окраски, с белесоватыми боками и небольшими, маловетвистыми рогами. Это и есть богиду; удэхейцы называют его «игдака». Первый обитает к северу от Императорской гавани, второй — южнее и спускается до реки Ботчи. Этот олень не боится снежных сугробов. Он протаптывает хорошие дороги, которыми пользуются и другие животные. На Ботчи северный олень заходит только поздней осенью

и зимой, а весной, как только начинают таять снега, он отодвигается к северу. Здешний олень — животное альпийское. В поисках за кормом он взбирается на высокие горы. В жаркие дни он держится в самых истоках рек, где всегда сыро и прохладно. Питается он не только ягелем, но и листьями брусники. Северный олень в большинстве случаев ходит в одиночку и никогда не собирается в табун. Орочи не охотятся за ним, но стреляют, если зверь случайно попадет под ружье. Бьют они его для получения кожи, мясо обычно бросают, потому что оно чем-то пахнет. Надо сказать, что в пище орочи очень разборчивы. Многие из них брезгают мясом скота, зато с наслаждением едят мясо барсука, филина и выдры.

На этот раз бивак был устроен неудачно. Резкий, холодный ветер дул с материка и забивал дым в палатку. Я всю ночь не спал и с нетерпением ждал рассвета. Наконец ночная тьма стала редеть. Я поспешно оделся и вышел из палатки. От воды в море поднимался пар, словно его подогревали снизу. Кругом было тихо. Занималась кроваво-красная заря.

Сегодня мы имели случай наблюдать деформированное солнце. Сначала показался из воды только краешек его, багрово-красный и сильно растянутый. Поднявшись над горизонтом, оно приняло четырехугольную форму с закругленными углами. Потом нижняя часть его стала суживаться, а само оно приняло эллипсоидальную форму, отчего стало похоже на гриб. Ножка этого гриба, сначала короткая и толстая, начала утоньшаться, одновременно с тем у основания ее появилась короткая светлозолотистая полоса. Теперь солнце стало походить на печать. Еще мгновение, и рукоять печати оторвалась и стала подниматься кверху. Ножка тоже стала сокращаться и вся ушла в светлую полоску на горизонте и затем вместе с нею яркой полосой, все разрастаясь вширь, побежало по воде к нам навстречу. Вслед затем эллипсоидальная форма солнца начала выправляться в круглый диск. Вместе с тем стало теплее.

Около берега еще кое-где держались обрывки тумана, они прятались в теневатых распадках между гор, но солнечные лучи находили их всюду и уничтожали без остатка.

Вдали виднелся высокий мыс Туманный. Казалось, он отделился от воды и повис над морем. Этот мыс был конечным пунктом нашего путешествия.

Вернувшись в палатку, я стал поднимать моих спутников, что было нетрудно, потому что они зябли и, завернувшись в одеяла, ждали только сигнала.

После чая туземцы проворно уложили лодки. Холод подбадривал людей и заставлял их энергичнее работать веслами. С восходом солнца воздух немного согрелся.

От реки Кольмы берег меняет юго-западное направление на южное. От прибрежного хребта отходит к морю множество

отрогов. Распадки между ними послужили путями для стока воды. Так образовались мелкие речки: Кольги, Бигиси и Гинугу.

Кольма длиною около 10 километров. По ней идет в большом количестве горбуша. Вот почему места эти охотно навещаются орочами с реки Ботчи. Заготовив здесь запасы юколы на год, они складывают ее в амбары и оставляют в тайге до соболевания. От Ботчи к югу горные породы, собранные мною в последовательном порядке, распределяются так: сперва идет андезитовая лава с кальцитом, затем диабазовый туф и туф кварцевого порфира, за ним опять туф дацитовый и выветренная пузыристая лава и, наконец, базальт.

Во время привала я поднимался на одну из сопок, покрытых растительностью, состоящей главным образом из ели и пихты. Здесь на солнцепеках произрастают дуб, даурская (черная) береза и изредка кедр. Долинные места были заняты лиственицей и белой березой, а на каменистых местах, около моря, в массе разрослись шиповник и низкорослая рябина с безвкусными водянистыми ягодами.

Километрах в семи от реки Гинугу на самом берегу моря стоит коническая сопка, своим внешним видом напоминающая сахарную голову. С правой стороны ее есть небольшой красивый водопад, а слева — широкая полоса прибоя, заваленная каменными глыбами. Некоторые из них скатились в море, образовав нечто вроде маленькой бухточки, защищенной от волнения. Мы воспользовались ею и высадились на берег. Вандага велел вытащить лодки подальше от воды на гальку. Здесь мы стали устраивать бивак.

Устанавливая походную метеорологическую станцию, я обратил внимание на быстрое падение барометра. Надо было ожидать сильного шквала, признаки которого были уже налицо. Тучи спустились совсем низко и, казалось, бежали над самой водой. Горизонт исчез, море приняло грязножелтую окраску, волны пенились и неистово бились о берег, вздымая водяную пыль. Вдруг завеса туч разом разорвалась. На короткое время показался неясный диск солнца.

Через минуту — две налетел сильный ветер. В одно мгновение он сорвал нашу палатку. За ней бросились вдогонку. В это время меня так больно стегнуло песком по лицу, что я закрыл глаза рукою и повернулся спиной к ветру. Подхваченные с камней слоевища морской капусты, мелкие ветки и сухая листва — все это неслось куда-то с сумасшедшей быстротой. Какая-то чайка тщетно пыталась лететь к югу. Ее сначала подняло кверху, потом кинуло в сторону. Она хотела было лететь назад, но не смогла сохранить равновесия и упала в кусты.

В это время раздались крики:

— Лодки! Лодки! Держите лодки!!

Я открыл глаза и увидел, что ветер опрокинул одну из лодок и грозил сбросить ее в море. За борт ее держались Вандага и Чжан-Бао.

— Веревки! Давайте веревки поскорей! Кладите камни.

Люди бегут, падают, опять бегут и стараются собрать веревки. Наконец лодки привязаны, палатка поймана. В это время с моря нашла только одна большая волна. С ревом она рванулась на берег, загроможденный камнями. Вода прорвалась сквозь щели и большими фонтанами взвилась кверху. Одновременно сверху посыпались камни. Они прыгали, словно живые, перегоняли друг друга и, ударившись о гальку, рассыпались вправ. На местах падения их, как от взрывов, образовывались облачка пыли, относимые ветром в сторону.

К сумеркам буря стихла совсем. Равновесие воздушной стихии восстановилось. Я вспомнил деформированное солнце утром.

Около Сахарной головы надо было произвести астрономические наблюдения и вычислить ход хронометра. Чтобы не задерживать лодку, я отправил ее вперед, а сам с несколькими спутниками остался для работ. Мы условились, что все сойдемся на реке Нельме.

Для поправок хронометра я взял абсолютные высоты солнца над горизонтом и в час дня вычислил широту места.

Затем мы собрали свои котомки и пошли по намывной полосе прибоя.

Тропа, до сих пор придерживавшаяся берега, вдруг круто повернула в сторону и по одному из распадков стала взбираться в горы.

Мы остановились в недоумении. Куда итти? Держаться ли намывной полосы прибоя или следовать за тропою? В это время подошел Вандага и сказал, что надо итти по тропе, потому что здесь ходят люди. Мы послушались его совета и, ни мало не смутясь, стали карабкаться на кручу. Тропа шла зигзагами, но, несмотря на то, что проложена она была весьма искусно, все же подъем на гору был длинный и утомительный. Мы с орочем взобрались на вершину прибрежного хребта, а шедшие со мной стрелки немного отстали.

Ороч присел на землю, чтобы поправить обувь, а я стал осматриваться. Мы находились в хвойном лесу, состоявшем из ели и пихты с примесью лиственицы и каменной березы. Лес был старый, деревья тонкоствольные, со множеством сухих веток, густо украшенные седыми прядями бородатого лишайника.

Был прохладный осенний день. Вверху между остроконечными хвойными вершинами виднелось безоблачное голубое небо. Солнце посылало ослепительные лучи свои и как-будто хотело воскресить растительность на земле. В лесу стояла такая глубокая тишина, что всякий шум, производимый

человеком, казался святотатством. Я окликнул стрелков, но эхо тотчас вернуло мой возглас обратно.

Случайно я перевел глаза на моего спутника и увидел, что он замер в неподвижной позе. Вандага имел вид человека, который заметил что-то важное и тревожное.

— Что случилось? — спросил я его и оглянулся, но в лесу было попрежнему спокойно. Тогда я повторил свой вопрос.

Ороч сделал мне знак, чтобы я молчал, потом тихонько поднял руку и указал на соседнюю пихту. А так как я все-таки ничего не видел на ней, то он осторожно придвинулся ко мне и, указав прутиком на лишайник, шопотом сказал:

— Его живой!

Я удвоил внимание и тогда заметил, что некоторые из лишайников, вследствие своей необычайной легкости и чувствительности ко всякому ничтожному движению воздуха, то поднимались, то снова медленно опускались книзу.

— Слушай! — сказал мне ороч шопотом.

Я напряг слух и, как мне показалось, действительно услышал тихие, едва уловимые ухом звуки, похожие на заглушенные крики зайца, только тоном выше и много слабее. Откуда исходили они? Сверху, с деревьев, или снизу, с земли. В лесу всегда можно слышать их в самых разнообразных сочетаниях: шопота, подавленного стона, глубокого затаенного вздоха и т. д.

— Его говори, — сказал ороч, указывая снова на лишайник, — только люди понимай нету. Не знаю, хорошо это или худо.

Я понял, что от моего ответа зависит успех нашего предприятия, и потому сказал, что погода нам благоприятствует, что наиболее трудную часть пути мы уже прошли и теперь остается только начать спуск в долину.

Слова мои как бы убедили его. Как раз в это время подошли стрелки. Ороч поднялся с земли и нехотя пошел вперед.

Наша тропа шла некоторое время по хребту. Она все время кружила, обходя колодник то с одной, то с другой стороны. Мы иногда теряли ее, но потом снова находили там, где меньше было травы.

Мы шли молча, Вандага впереди, за ним я, за мною стрелки Ноздрин и Глегола. Вдруг одна из старых елей, стоящих впереди, покачнулась, стала клониться к земле, сначала медленно, а потом быстрее, и с сильным шумом упала поперек тропы.

Наш провожатый остановился, как вкопанный, затем медленно повернулся ко мне и тоном, не допускающим возражения сказал:

— Дальше ходи не могу. Дорогу закрывай!

Напрасно мы уговаривали его сообща. Он стоял на своем и приводил следующие доводы: первое предостережение было от лишайников, которое никто из нас не понял. Теперь упала

ель, которую в таких случаях нельзя ни перерубить, ни обходить. Итти дальше, значит подвергнуться явной опасности. Ноздрин стал над ним подтрунивать. Тогда Вандага рассердился и сказал:

— Ваша сам дорогу смотри, моя надо назад ходи!

Вслед за тем он повернулся и быстро пошел по тропе обратно. Задерживать его было бесполезно. Некоторое время между деревьями мелькала его фигура, дальше тропа снижалась за гребень. Через минуту он скрылся в чаще леса.

Обсудив положение, мы решили продолжать наш путь без проводника, но к великой нашей досаде мы совсем потеряли тропу и не могли ее найти вторично. Тогда, чтобы не заблудиться, мы направились к морю, но тут попали в глубокие овраги с очень крутыми склонами. Один раз Глегола чуть было не сорвался. К счастью, он во-время ухватился за корни старой ели. Значит, надо было держаться от берега в таком расстоянии, чтобы резать овраги в самых их верховьях, но так как они были разной величины, то на обход их тратилось много времени. В довершение несчастья мы попали в такой бурелом, из которого еле-еле выбрались, сделав значительный крюк назад. Взвесив все за и против, мы решили тогда итти прямо к морю и продолжать путь по намывной полосе прибоя.

Когда мы вышли на берег, солнце было совсем уже низко над горизонтом. Температура воздуха быстро понижалась. Почему-то нам казалось, что река Нельма находится за мысом, который имел вид человеческой головы в профиль, погрузившейся в воду до самого рта.

Мы передохнули немного, затем надели свои котомки и пошли по самому берегу, имея с правой стороны скалистые обрывы высотою до 300 и 400 метров и слева море.

Намывная полоса прибоя была завалена каменными глыбами величиной с человеческий рост. Я полагал, что эти груды камней занимают небольшое пространство и за следующей кулисой мы вновь выйдем на морскую гальку.

Через час мы дошли до мыса Омодуони. Надежда, что за ним мы увидим наш бивак, придавала энергию. Еще сотни две шагов, и мы взобрались на скалу. Впереди был все тот же пустынный берег, те же камни, а дальше — еще какой-то высокий мыс.

Между тем стало смеркаться. Пора было остановиться на ночлег. Но где? Для бивака нужны дрова и пресная вода, но здесь, среди камней, ни того ни другого не было. Летом, в теплую погоду, можно как-нибудь скоротать ночь и без огня, но теперь, поздней осенью, когда к утру вода покрывается льдом, без теплой одежды и с мокрыми ногами это было опасно. Обыкновенно на берегу моря вблизи рек всегда можно найти сухой плавник, но здесь, как на грех, не было дров вовсе, одни только голые камни.

Мои спутники стали уставать, и я сам чувствовал себя очень утомленным. Мы пробовали садиться, но холод и сырость вынуждали нас итти дальше.

Через час мы добрались до второй кулисы. За ней были опять скалы, все тот же едва заметный изгиб берега и все та же пустынная полоса прибоя, заваленная камнями.

Недалеко от берега на большом плоском камне сидело несколько гагар. Птицы собрались на ночлег, но, услышав людские голоса, повернули головы в нашу сторону. Теперь они плохо видели и потому еще более насторожились. Наконец, одна гагара не выдержала. Тяжело взмахнув крыльями, она поднялась в воздух. Тотчас вслед за нею снялись все остальные птицы и низко над водой полетели к тому мысу, который остался у нас позади.

Чем больше сгущались сумерки, тем труднее становилось итти. В темноте невозможно было отличить ребро камня от щели. Мы все чаще оступались и падали.

Береговые обрывы, лишенные растительности, быстро излучали теплоту. Стоячая вода в лужах покрылась тонким слоем льда, мокрые водоросли замерзли и начали хрустеть под ногами. К ночи море совершенно успокоилось. Ни малейшего волнения, ни малейшего всплеска у берега. Мертвящая тишина вместе с мраком неслышными волнами обволакивала землю. Незаметно ночь вступила в свои права. Земля и море погрузились в глубокий мрак, так что в нескольких шагах нельзя было увидеть рядом идущего человека. Яркие звезды мерцали на небе всеми цветами радуги, а мы все еще карабкались через камни, ощупывали их руками, куда-то лезли, падали, теряли друг друга и после невероятных усилий взобрались, наконец, на высокий мыс.

Но здесь непропуск совершенно преградил нам дорогу. Пусть читатель представит себе теснину, ограниченную с одной стороны морем, а спереди и с другой стороны — высокими отвесными скалами.

Что делать? Я собрал маленький совет. Нам предстояло решить вопрос: возвращаться ли к Сахарной голове или попытаться обойти непропуск вброд по воде и потом продолжать свой маршрут дальше.

У всех нас болели ноги, руки были покрыты ссадинами, колени побиты. А что если по ту сторону мыса мы опять не найдем дров, если до бивака еще далеко, если нам всю ночь придется карабкаться через камни? Да мы не выдержим! Усталость возьмет свое, тогда можно жестоко прозябнуть и опасно заболеть. Неизвестность того, что находится по ту сторону непропуска, и надежда на счастье решили в пользу последнего предположения. Мы решили итти на риск и стали раздеваться. Чтобы сохранить одежду сухою, мы привязали ее на плечи позади головы.

Прибрежные камни слегка обледенели. В темноте не видно, насколько было глубоко. С опаской я вошел в воду по колено. Кости заныли от холода и боли. Придерживаясь за выступы скал, медленно и осторожно я подвигался вперед, за мною шел Ноздрин, а за ним Глегола.

У подножья непропуска на дне были такие же большие камни и с такими же острыми ребрами, такие же щели и провалы, как и на берегу. Темная, как чернила, вода казалась страшною. В одном месте была глубокая выбоина. Нам удалось обойти ее после долгого ощупывания дна ногами. По мере того как мы подвигались вперед, становилось глубже. Вот вода уже поднялась выше пояса. Еще шагов десять, и непропуск обойден. Впереди в темноте виднелись два больших камня, как бы положенных один на другой, дальше — острый кекур, а за ним — плоский берег.

Вдруг один из камней, верхний, шевельнулся и с сильным шумом рухнул в воду.

От него пошла большая волна, которая окатила меня с головой и промочила одежду. Это оказался огромный сивуч (морской лев). Он спал на камне, но, разбуженный приближением людей, бросился в воду. В это время я почувствовал под ногами ровное дно и быстро пошел к берегу. Тело горело, но мокрая одежда смерзлась в комок и не расправлялась. Я дрожал, как в лихорадке, и слышал в темноте, как стрелки щелкали зубами. В это время Ноздрин оступился и упал. Руками он нащупал на земле сухой мелкий плавник.

— Дрова есть, — закричал он радостным голосом,— давайте скорее спички!

Читатель помнит, что я имел при себе спички в засмоленной баночке. Через несколько минут мы стояли около большого костра и сушили одежды.

В это время Глегола зачем-то отошел в сторону.

— Огонь! — крикнул он из темноты. — Вон наш бивак.

Действительно, на юге, недалеко, как маленькая звездочка, мелькал огонек. Судя по расстоянию, на котором мы увидели огонь, до реки Нимми было еще около 5 километров. Поэтому я решил остаться на том месте, где нашли дрова. Здесь море наметало так много плавникового леса, что мы могли его жечь до утра сколько угодно.

Стрелки из одного костра разложили три, а сами поместились посредине между ними. Они то и дело подбрасывали в костры охапки хвороста. Пламя весело прыгало по сухому валежнику и освещало усталые лица людей, одежду, развешанную для просушки, завалы морской травы и в беспорядке нагроможденные камни.

Мои спутники стояли у костров и, отвернувши в сторону свои лица, сушили белье на руках и делились впечатлениями пройденного пути.

Вспомнили мы и выругали Вандагу, покинувшего нас в трудную минуту, досталось и сивучу, вымочившему наши одежды. Спать было негде. Всю ночь мы просидели у камней и клевали носами до самого рассвета.

Не дожидаясь восхода солнца, мы обулись как следует и пошли дальше.

Заря занималась во мгле. Ночью был крепкий мороз. На поверхности земли все заиндевело. Вода, скопившаяся в трещинах между камней, промерзла насквозь. Берег моря, заваленный камнями, показался еще более пустынным.

Я чувствовал себя еще более разбитым и усталым, чем вчера: кружилась голова, болели ноги, ломило спину. Однако утренний мороз подбадривал нас и заставлял двигаться скорее.

Недалеко от Нимми мы видели одну кабаргу. По чрезвычайно крутому оврагу она спускалась на берег моря. Земля ехала у нее под ногами и дождем сыпалась вниз. Глядя на нее, я невольно подумал, до какой степени животные эти приспособились и не теряют равновесия. И делается это легко, непринужденно, без всякого страха, как будто обрывы и осыпи в горах являются ее родной стихией. Услышав посторонний шум, кабарга остановилась в выжидательной позе, но затем вдруг повернула назад и сильными прыжками стала подниматься назад в гору. Достигнув вершины, она опять остановилась, еще раз посмотрела вниз, два раза крикнула пронзительно и скрылась в лесу. Ноздрин хотел было стрелять, но я остановил его. Правда, у нас не было мяса, но убитую кабаргу пришлось бы нести на себе, а мы сами еле тащили ноги.

К восьми часам утра мы перебрались через последний мыс и подошли к реке Нельме. На другой ее стороне стояла юрта. Из отверстия ее в крыше выходил дым; рядом с юртой на песке лежали опрокинутые вверх дном лодки, а на самом берегу моря догорал костер, очевидно он был разложен специально для нас. Его-то мы и видели ночью. Из юрты вышел человек и направился к реке. В левой руке он держал за жабры большую рыбину, а в правой — нож.

Я окликнул его. Человек остановился, посмотрел в нашу сторону, затем бросил рыбу и побежал в юрту. Через минуту из нее вышли два туземца и подали нам лодку.

В юрте было тепло.

Я с наслаждением переоделся, умылся, напился чаю и лег спать. Все невзгоды ночного маршрута, холод, купанье в морской воде, испугавший нас сивуч — все это осталось теперь только в воспоминаниях.

Ночью небо заволокло тучами и пошел сильный дождь, а к утру ударил мороз. Вода, выпавшая на землю, тотчас замерзла. Плавник и камни на берегу моря, трава на лугах и сухая листва в лесу — все покрылось ледяною корою. Люди

сбились в юрту и грелись у огня. Ветер был неровный, порывистый. Он срывал корье с крыши и завевал дым обратно в помещение. У меня и моих спутников разболелись глаза.

К утру дождь перестал. Тяжелая завеса туч разорвалась. Живительные солнечные лучи осветили обледенелую землю. Людям надоело сидеть в дымной юрте, все вышли наружу и стали шумно выражать свою радость.

— А та тэ! — закричал один из туземцев, указывая на запад. — Ни бязи доони согды уо имана агдэ би (т. е. в вершинах этой реки в больших горах выпало много снега).

Интересное явление: в то время как кругом небо имело густую синюю окраску, на западе оно было бледнозеленым и точно светилось. Я понял. Там, в горах, выпал снег. Отраженные от него солнечные лучи освещали небо.

Этот снег на Сихотэ-Алине уже не растает до весны, он будет снижать температуру и захватывать все большее и большее пространство.

На реке Нельме у нас опять вышла дневка. На этот раз виною были лодки. Старенькие и слабые от частого вытаскивания их на камни, они разошлись по швам и дали во многих местах течь. С утра туземцы занялись их починкой, а я вместе с Чжан-Бао пошел в экскурсию вверх по реке.

Нельма длиною около 4 километров и принимает в себя три притока с правой стороны и один с левой; ближайшим к морю будет река Ульгодоони. Истоки Нельмы охватываются с одной стороны притоками Самарги, с другой—Ботчи. По правым ее притокам в один день можно дойти до перевалов на реках Чафи, Чжалу и Агза, впадающих в Самаргу в 10 — 25 километрах от моря. Левый приток реки Меу приведет на Ботчи в 30 километрах от моря. На туземных лодках по Нельме можно подниматься на 8 километров. Около устья река разбивается на несколько мелких проток и образует много заводей и слепых рукавов. Бара нет, и вход в реку вполне доступен: течение тихое и спокойное. Острова между протоками поросли березой, ольхой и лиственицей. На одном из них каким-то шаманом поставлено фигурное дерево (Тун). И ствол и сучья его были украшены резьбою. Туземцы ни за что не хотели туда итти. После длительных уговоров они высадили на остров нас обоих, а сами отошли к противоположному берегу, заявив, что подадут лодки снова, когда будет нужно.

Пробираясь через заросли, Чжан-Бао спугнул сову; она вылетела из-под самых его ног, села на фигурное дерево и издала резкий крик. Чжан-Бао остановился и посмотрел на меня с таким видом, как-будто говорил: вот так неприятный сюрприз!

— В чем дело? — спросил я его.

— Е-мао-цза (т. е. ночная кошка), — ответил он с досадой.

В это время сова, услышав наши голоса, испуганно снялась.

— Пу-хоу, пу-хоу (худо, худо), — говорил Чжан-Бао, делая нетерпеливые жесты рукой.

Вслед затем он повернул назад к реке, сказав, что удачи нам сегодня не будет и поэтому не стоит напрасно тратить время. Я уступил.

На обратном пути я спросил его, почему он так странно назвал сову. На это Чжан-Бао ответил, что птицы делятся так же, как и четвероногие животные, на диких и домашних, наземных и водяных, дневных и ночных, хищных и некровожадных, причем каждому четвероногому соответствует птица. Например, собаке — ворона, кошке — сова. Сова имеет такую же голову, как кошка, так же хорошо видит ночью, летает бесшумно, как бесшумно ходит кошка, ловит мышей, и крик ее похож на кошачье мяуканье. Сова плохая птица: встреча с ней всегда предвещает ссору, вражду.

Так рассуждая, мы незаметно подошли к реке. У другого ее берега в лодке сидели удэхейцы. Чжан-Бао окликнул их. Они тотчас подали улимагду. Через десять минут мы были на биваке.

На следующий день мы расстались с рекой Нельмой. Холодный западный ветер, дувший всю ночь с материка в море, не прекратился. Он налетал порывами, срывая с гребней волн воду, и сеял ею, как дождем. Из опасения, что ветром может унести наши лодки в открытое море, удэхейцы старались держаться под защитой береговых обрывов. Около устьев горных речек, там, где скалистый берег прерывался, ветер дул с еще большею силой, и нам стоило многих трудов пройти от одного края долины до другого.

Пока речки были маленькие, мы плыли довольно благополучно, но когда достигли реки Сонье, это стало небезопасно. Два раза мы пытались пройти мимо ее устья и дважды вынуждены были возвращаться под прикрытие скалистого берега, состоящего из андезита.

Левый край реки Сонье крутой, правый — пологий. Однообразно желтый ковер кислых трав и тощие одинокие лиственицы свидетельствуют о заболоченности почвы.

Здесь, около устья реки, мы просидели до полудня. Наконец нам показалось, что ветер немного стих. Последнее время мы тащились крайне медленно, перспектива дневать на реке Сонье не улыбалась никому, и мы решили в третий раз попытать счастья.

Едва наши лодки вышли из-за своего укрытия, как сильным порывом ветра их накренило на один бок. Вода, вздымаемая при гребле веслами, как душем обдавала людей с ног до головы. Скоро я заметил, что мы не столько плывем вдоль берега, сколько удаляемся от него. Мои спутники поняли, что

если нам не удастся пересилить ветер, то мы погибли. Никто не сидел сложа руки, все гребли: кто лопатой, кто доской, кто сломанным веслом и всем, что попало в руки. Так продержались мы два часа. Наконец люди стали уставать. Меньше всех растерялся наш удэхеец-проводник.

— Оды би, наму то ая! (т. е. ветер есть, но море тихое),— сказал он.

Его спокойствие передалось нам. Удэхеец указал рукой сначала на восток, а потом на мыс Туманный. Действительно, лодка перестала удаляться в море и двигалась теперь вдоль берега, хотя и в значительном от него расстоянии.

Причина этого явления скоро разъяснилась. Ветер, пробегающий по долине реки Сонье, сжатый с боков горами, дул с большой силой. В эту струю и попали наши лодки. Но как только мы отошли от берега в море, где больше было простора, ветер подул спокойнее и ровнее. Это заметили удэхейцы, но умышленно ничего не сказали стрелкам и казакам, чтобы они гребли энергичнее и чтобы нас не снесло далеко в море.

Мало-помалу лодки начали приближаться к берегу и через полчаса подошли к мысу, представляющему собой прекрасные образцы столбчатого распадения базальтов.

В Уссурийском крае самые большие обнажения можно наблюдать на берегу моря. Здесь прибрежные горные хребты часто отмыты вдоль оси, а отроги поперек их простираний и раскрывают перед наблюдателем тайны своего строения. У Безымянного базальтового мыса трое береговых ворот. Самые большие из них южные. Они стоят не в воде, а на намывной полосе прибоя. Раньше это был мыс, прорезанный вдоль жилой из весьма плотной изверженной породы. Со временем туфы с обеих сторон жилы обрушились, а сама она осталась. Потом в наиболее слабом ее месте волнением пробило брешь, произошел внутренний обвал, и образовались ворота. Впоследствии море к подножью их наметало песок и гальку, и ворота очутились в стороне от воды.

Дальше опять тянутся базальты. Около реки Ниме они видны в двух ярусах. Их столбчатая отдельность распространяется и на средний пласт, состоящий из песчаника.

Я хотел было итти до самого вечера, но наши проводники сказали, что здесь надо ночевать непременно, потому что дальше два больших мыса далеко выдвигаются в море и на протяжении 30 километров приставать негде, и ночь застанет нас раньше, чем мы успеем дойти до реки Адими.

Доводы их были убедительны, я не стал противоречить и велел направить лодки к устью реки Ниме.

Войдя в реку, мы пристали к правому ее берегу и тотчас принялись устраивать бивак в лесу, состоящем из ели, пихты, березы и лиственицы. Время года было позднее. Вода в

лужах покрылась льдом, трава и опавшая с деревьев листва, смоченные дождем, замерзли, и мох хрустел под ногами. Натаскали много дров и развели большой костер.

Наши туземцы долго ходили по берегу реки и часто нагибались к земле. Спустя некоторое время они пришли на бивак и сообщили, что на Ниме есть удэхейцы и среди них одна женщина. Несмотря на позднее время, они решили итти на розыски своих земляков. Я не стал их задерживать и просил только завтра притти пораньше.

Туземцы ушли, а мы принялись устраиваться на ночь. Односкатная палатка была хорошо поставлена, дым от костров ветер относил в сторону, мягкое ложе из сухой травы, кусок холодного мяса, черные сухари и кружка горячего чая заменили нам самую комфортабельную гостиницу и самый изысканный ужин в лучшем городском ресторане.

После чая я оделся потеплее и вышел на берег моря.

Приближались сумерки, на западе пылала вечерняя заря. К югу от реки Ниме огромною массою поднимался из воды высокий мыс Туманный. Вся природа безмолвствовала. Муаровая поверхность моря, испещренная матовыми и гладкими полосами, казалась совершенно спокойной, и только слабые всплески у берега говорили о том, что оно дышит.

В это время я заметил Чжан-Бао. Он шел по окраине леса и, видимо, направлялся на бивак. Я окликнул его и предложил ему подняться со мной на одну из возвышенностей, образующих непропуск на берегу моря. Через несколько минут мы взобрались с ним на вершину ближайшей сопки. По одну сторону ее была река Ниме: там виднелась палатка, двигались люди, горел огонь; по другую — небольшая сухая бухточка. В ней намывная полоса прибоя шла прямо, а береговые обрывы описывали полукруг. У самой воды я заметил какой-то темный предмет, который принял сперва за обгорелый пень.

Черный предмет шевельнулся, и я тотчас узнал в нем медведя. Он стоял на задних лапах, а передними делал какие-то странные движения и качал головой. Потом он сел на камень и стал смотреть в море. В движениях зверя было так много человеческого, что я невольно попросил Чжан-Бао не стрелять в него. Медведь, повидимому, услышал мой голос и стремглав бросился наутек. Раза два он останавливался, оглядывался и бежал дальше. Вскоре он скрылся в расщелине между скал. Глядя на медведя, я понял, почему многие народности Сибири очеловечивают его и почему он фигурирует у них в сказках. Эти мысли я высказал своему спутнику. На это Чжан-Бао ответил мне, что не один медведь, а всякое животное хочет сделаться человеком. Некоторым это удается: так, есть люди, в которых можно узнать обезьяну, в других лису, черепаху, какую-нибудь птицу или паука. Такие люди при желании могут принимать свой первоначальный вид и затем опять делать-

ся человеком. Чаще всего они видят себя во сне в зверином образе. Подражание людям у некоторых животных столь велико, что они устраивают себе жилища, мягкие ложа для спанья и делают запасы продовольствия на зиму.

Когда мы пришли на бивак, уже смерклось совсем. Наши орочи еще не возвращались: повидимому, они нашли своих земляков и остались у них ночевать. После ужина, когда стали укладываться на ночь, вдруг из соседних кустов неожиданно вынырнула человеческая фигура, за ней другая, третья и четвертая... Это были удэхейцы, совершенно нам не знакомые.

Пришедшие молча подошли к огню и сели на корточки, потом достали свои трубки и стали курить.

Я предложил вновь пришедшим чаю и сухарей. Минут через десять вернулись наши проводники и с ними женщина.

— Сородэ! Сородэ!—стали они приветствовать друг друга.

Оказалось, что удэхейцы разошлись. Услышав звуки топоров и увидев зарево огня на берегу моря, местные удэхейцы пошли на разведку. Подойдя почти вплотную к нам, они стали наблюдать. Убедившись, что они имеют дело с людьми, которые их не обидят, удэхейцы вышли из засады. Вскоре явились и наши провожатые. Они нашли юрту и в ней женщину. Узнав, что мужчины отправились на разведку, они позвали ее с собой и пошли прямо на бивак.

Крылов встал и подбросил дров в огонь. Теперь я мог хорошо рассмотреть наших новых знакомых.

Все четверо были братья одной и той же семьи из рода Каза: Ландыка, Янгуй, Венза и Неодыга, женщину звали Кимони. Она была женой старшего из них — Ландыка.

Удэхейцы сказали мне, что они живут по другую сторону Туманного мыса, на реке Самарге, и сюда пришли только на охоту. Пока варился чай для гостей, наши проводники успели объяснить удэхейцам, кто мы, куда едем и какая от них требуется помощь.

Решено было, что дальше с нами пойдет один только Янгуй, а остальные три брата останутся на реке Ниме, чтобы готовиться к соболеванию.

На ночь разложили большой костер. Нагретый воздух быстро поднимался кверху и опаливал сухую листву на деревьях. Она вспыхивала и падала на землю в той стороне, куда относил ее легкий ветерок.

— Наша так нету,—говорили удэхейцы.—Наша маленький огонь клади. Ночью спи — огонь не надо.

Действительно, удэхейцы никогда больших костров не раскладывают и, как бы ни зябли, никогда ночью не встают, не поправляют огня и не подбрасывают дров. Так многие спят и зимою. На ночь удэхейцы устроились в стороне от нас. Они утоптали мох ногами и легли без подстилки, где кому казалось удобнее, прикрывшись только своими халатами.

Было еще темно, когда удэхейцы начали будить моих разоспавшихся спутников.

Густой туман неподвижно лежал на земле. Ни малейшего движения в воздухе. Дым от костра поднимался спокойно кверху. Море было тихое, как пруд.

Пока разбирали вещи на биваке, Чжан-Бао успел согреть воду в чайнике и захватил ее с собою в лодку.

После реки Ниме берег тремя высокими мысами — Туманным, Суфрен и Золотым — значительно выдвигается вперед. Вся эта часть побережья оголена от леса пожарами. Серые стволы деревьев, лишенные ветвей, поваленный ветром сухостой и обгорелые пни придают местности чрезвычайно унылый вид.

Мы плыли вдоль берега и иногда, опустив весла в воду, отдыхали, любуясь чудной горной панорамой. Вот скалистая сопка, похожая на голову великана, украшенную мохнатой шапкой; дальше каменная баба, как бы оглядывающаяся назад, а за ней из воды торчала верхняя часть головы какого-то животного с большими ушами. Когда мы подъезжали к ним вплотную, иллюзия пропадала: великан, зверь и каменная баба превращались в обыкновенные кекуры и совершенно не были похожи на то, чем казались издали.

Во многих местах береговые обрывы были разрушены деятельностью пресной воды, стекающей сверху. Другие факторы, как-то: ветры, разность температуры днем и ночью, летом и зимою, морские брызги и прочее, играют второстепенную роль. В дождливое время года здесь происходят большие обвалы, изменяющие физиономию берега до неузнаваемости. Сопровождавшие нас удэхейцы не узнавали многих мест. Там, где раньше была одинокая скала, лежала груда обломков, где был высокий отвесный берег, образовалась расщелина. Вода промыла в ней глубокое ложе и вынесла на намывную полосу прибоя груды щебня. И все это произошло в какие-нибудь десять-двенадцать лет.

Удэхейцы объясняли это по-своему. Здесь был Какзаму. Он разбил каменного человека (Куда-ни) и разрушил берег.

Весь день погода была пасмурная. Густой туман наподобие тяжелой скатерти повис над морем и закрывал вершины гор. Наиболее сильная конденсация пара происходит около мыса Туманного, отчего он и получил свое название. Мыс Золотой гораздо ниже его и состоит из эпидотизированного порфирита, который под влиянием атмосферных явлений принимает желтую окраску. Осенью вершина мыса покрывается блестящей золотисто-желтой травой. Вероятно, оба эти обстоятельства и дали повод окрестить его таким поэтическим названием.

Мыс Суфрен со стороны моря имеет вид конусообразной башни, прорезанной наискось какой-то цветистой жилой. Море

пробило в ней береговые ворота, к которым на лодке из-за множества подводных камней подойти трудно.

За этим мысом берег делает крутой изгиб на запад. Отсюда открывается вид на низменный продольный берег, идущий на протяжении 30 километров к юго-юго-западу и вдали оканчивающийся мысом Гиляк.

В углу, где скалистые обрывы мыса Суфрен соприкасаются с низменным берегом, впадает небольшая речка Адими. Пройдя от реки Адими еще 2 километра, мы стали биваком на широкой косе, отделяющей длинную Самаргинскую заводь от моря.

До сумерек было еще часа два. Я воспользовался этим временем и, пока мои спутники устраивались на бивак, поднялся на ближайшую возвышенность. Сверху мне хорошо был виден весь берег на значительное протяжение. Между морем и горным хребтом Саркатуем располагается широкая и низменная полоса земли. Здесь суша сделала захват у моря. Продукты разрушения гор, выносимых реками Самаргой и Единкой, а также и другими мелкими речками, отлагались между мысами Суфрен и Гиляк, составляющими оконечность хребта Камуран. Море тоже принимало участие в образовании этой полосы земли. В течение многих веков оно наметывало вал за валом и выравнивало берег. Первые валы давно уже заросли лесом, но чем ближе к морю, тем растительность была моложе. Последний вал еще не успел зарасти травою. По одну сторону его было море, по другую — заводь в виде длинных озерков, слепых рукавов с пресною водою.

На прибрежной растительности сказалось губительное влияние моря. Деформированные и обезображенные деревья, преимущественно лиственницы, имели ветви загнутыми в одну сторону. Это были своего рода флюгеры, указывающие преобладающее направление ветра. Некоторые из них производили впечатление однобокой метелки с мелкими ветками, растущими густыми пучками, образующими по опушкам непроницаемую чащу.

На склонах, обращенных к солнцу, произрастал дуб — нечто среднее между кустом и деревом. Одеяние его, пораженное листоверткой, пожелтело, засохло, но еще плотно держалось на ветвях. Когда-то дуб был вечнозеленым деревом, и потому листва его опадает не от холода, а весной, когда надо уступить место новому наряду.

Среди подлеска я заметил багульник. Он рос здесь слабо, листья его были мелкие и запах не так силен, как в других местах, вдали от моря. По берегу виднелись кусты шиповника, но уже лишенные листвы. Не менее интересной является рябина: это даже не куст, а просто прутик, вышиною не более метра с двумя-тремя веточками и безвкусными, водянистыми, хотя и крупными плодами.

Днем мне удалось подстрелить трех птиц: китайскую малую крачку в осеннем наряде с желтым клювом и светлосерыми ногами, потом сибирскую темноголовую чайку белого цвета с сизой мантией на спине (у нее были оранжевые ноги, красный клюв и темносиние глаза) и, наконец, савку-морянку. Она уже оделась по-зимнему в пепельно-серые тона, за исключением головы и шеи, украшенных снежно-белыми перьями. Перелетных птиц было мало. Главная масса их направляется по долине реки Уссури. Здесь же, вдоль берега моря, изредка пролетают только казарки и небольшими стайками чирки. Последние держатся по речкам до поздних заморозков.

Возвращаясь на бивак по намывной полосе прибоя, я обратил внимание на органические остатки, валявшиеся среди песка и гальки. Это были морские звезды, ракообразные, створки съедобного ракушника и кости панцырнощеких рыб.

На следующий день, 28 октября, мы достигли устья реки Самарги. Погода попрежнему была пасмурная. Дважды принимался итти дождь редкими крупными каплями. До сих пор спокойное море начало волноваться. Опасаясь, что прибой при устье Самарги не позволит нам войти в реку, мы перетащили лодки через косу и продолжали наш путь по заводям реки Самарги. Последние дни плавание вдоль берега моря всех очень утомило, и потому, когда мы увидели удэхейскую юрту на берегу одной из самаргинских проток, все единодушно решили в ней заночевать. Здесь я узнал, что вверх по реке в 5 километрах от моря есть деревянный домик, который называется фанзой Кивета. Выстроил его удэхеец Дондибу, но почему-то не хочет жить в нем и даже в ненастные дни проходит мимо. Я тотчас решил сделать его своей штаб-квартирой.

Вечером с юга надвинулся шторм, и море разбушевалось. Я думал о грузе экспедиции. Пароход, на котором Т. А. Николаев вез грузы экспедиции, вследствие непогоды, не мог выгрузить их на Самарге и оставил где-то около реки Кузнецовой. Там были: наша зимняя палатка, теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. Доставить их сюда вызвались Янгуй и Тимофей Косяков. Они решили не откладывать это дело в долгий ящик и ехать на другой же день, если позволят погода и волнение в море, а я со своими спутниками должен был пешком отправиться к фанзе Кивета.

На другой день утро было ясное, морозное. Все заиндевело, вода в лужах покрылась льдом, по синему небу бежали обрывки туч. Западный ветер принес стужу. Проводить нас до фанзы Кивета вызвался удэхеец Венди.

Самаргинская коса представляет собой два, а местами три береговых вала из окатанной гальки и песка, наметанных морским прибоем. Сверху она заросла грубой осокой с некоторой примесью тростника и морского горошка. Вдоль по косе

была протоптана еле заметная тропинка, которой мы и не замедлили воспользоваться.

Был один из тех приятных прохладных дней, которыми отличается осень в Зауссурийском крае. Светлое, но не жаркое солнце, ясное голубое небо, полупрозрачная синеватая мгла в горах, запах моря и паутины, затканной по буро-желтой траве, — все говорило за то, что уже кончилось лето и приближаются холода, от которых должна будет замерзнуть вода в реках и закоченеть деревья.

После вчерашней бури море еще не успокоилось. Большие волны с неумолимой настойчивостью одна за другой двигались к берегу, стройно, бесшумно, словно на приступ, но, достигнув мелководья, вдруг приходили в ярость, вздымались на дыбы и с ревом обрушивались на намывную полосу прибоя, заливая ее белой пеной. Вода тотчас отбегала назад; но новые волны встречали ее и увлекали обратно на берег. С шипением она взбегала еще дальше, чем в первый раз, и, достигнув каймы из буро-зеленых водорослей и мелких древесных обломков, свежевыброшенных прибоем раковин, просачивалась сквозь песок, словно вперегонки, а на ее место набегали новые пенистые языки.

В воздухе пахло гарью. Вегетационный период кончился, и чем больше расцвечивались лиственные деревья в яркие осенние тона, тем резче на фоне их выступали ель и пихта своей темнозеленой хвоей. Лес начинал сквозить и все больше и больше осыпал листву на землю.

Мы шли гуськом друг за другом.

Справа и слева была вода, а посредине, где мы шли, узкая коса в 30—40 метров шириною, заросшая грубой и жесткой осокой.

Когда мы дошли до того места, где заводь дважды прерывается узкими перешейками, Чжан-Бао с собакой отделился от нас и переправился на другую сторону протоки. Он хотел поохотиться на уток, которые держались ближе к лесу. Около последнего озерка, немного не доходя до реки Адими, кончалась коса, и местность становилась возвышенной, густо поросшей различными кустарниками и полынью. Как раз здесь шел пал. Огнем охватило широкую полосу сухой растительности. Желтовато-белый дым клубами поднимался кверху и относился ветром в море на юго-восток. Пал шел нам навстречу и быстро приближался к косе. Нас это мало беспокоило; справа была намывная полоса прибоя, лишенная растительности, которая, правда, дальше суживалась до 3—4 метров и поэтому покрывалась водой каждый раз, когда волна набегала на берег, но все же здесь можно было обойти огонь стороною. Скоро стало ясно, что пал выйдет на косу раньше, чем мы пройдем ее. Уже видно было, как огонь перебегал с одного места на другое и как по воздуху в клубах дыма летела

горящая сухая трава. Вероятно, можно было слышать и треск горящих сучьев, в особенности в тех случаях, когда пал добирался до сухого куста, спутанного ползучими растениями, но шум морского прибоя заглушал все другие звуки.

В это время Сиамука заметил впереди лису. Она уходила от нас по тропе и, видимо, торопилась добраться до материка, пока еще огонь не вышел из косы. Однако расчет ее не оправдался. Тут были особенно густые травянистые заросли. Как только пал достиг их, сразу взвилось длинное пламя. Вместе с жаром кверху взлетела горящая ветошь, которую забросило в нашу сторону, и тотчас зажгло траву на косе сразу в нескольких местах. Путь лисе был отрезан. Тогда она бросилась к морю в надежде обойти пал по намывной полосе прибоя, но здесь уже стоял удэхеец Дилюнга. Словно сговорившись, мы втроем рассыпались в цепь по всей ширине косы. Заметив наш маневр, лисица побежала влево к озерку с намерением переплыть на другую его сторону, но в это время к берегу подошел Чжан-Бао с собакой. Последняя, увидев лису, бросилась в воду и поплыла к ней навстречу. Таким образом лисица оказалась окруженной со всех четырех сторон. Тогда она вновь вышла на косу. Теперь перед ней была дилемма: или она должна была бежать через огонь и опалить свой пушистый мех, или броситься навстречу охотникам с малым числом шансов уцелеть под обстрелом из трех ружей. Лиса стала метаться, потом вдруг решилась: она быстро погрузилась в воду так, что оставила на поверхности ее только нос, глаза и уши. Собака была от нее уже в нескольких шагах. Тогда, нимало не медля, лиса вылезла вновь на косу и, не отряхиваясь, бросилась к палу, где огонь был слабее. Выбрав момент, она прыгнула через пламя. Я хорошо видел ее, потому что по ту сторону начинался подъем, лишенный растительности. Отбежав от пала шагов двадцать, лиса встряхнулась, оглянулась в нашу сторону и, увидев, что собака выходит из воды на берег, пустилась наутек. Еще мгновение, и она скрылась в чаще леса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПО РЕКЕ САМАРГЕ

Река Самарга около устья разбивается на несколько проток. Острова между ними заросли ольхой и тальником. С правой стороны ее расстилается обширное пространство с хорошей плодородной землей, весьма удобной для земледелия. Сначала идут великолепные луга, ближе к горам видны рощи из вяза, клена, липы, березы и тополя. Река придерживается левой стороны долины. Там, где она подходит к правому ее краю, около устья горного ручья Кынгато, на возвышенном месте стояла фанза Кивета. Это было деревянное здание с полом и потолком, с одними дверями, открывающимися на улицу, с двумя окнами, из которых одно смотрело на реку, а другое — в лес. Против дверей была глухая стена с широкими нарами. Здание отапливалось железной печкой, поставленной в левом углу около дверей. Я нарочно так подробно описал фанзу Кивета потому, что здесь нам пришлось прожить довольно долго в ожидании грузов, без которых мы не могли двинуться в путь.

Первые дни я посвятил ознакомлению с ближайшими окрестностями. Прежде всего меня заинтересовал вопрос, откуда получилось такое странное название «Самарга». Китайцы называют реку «Уми-да-гоу» (т. е. Большая долина Уми), удэхейцы — «Дата», что в переводе на русский язык значит «устье» и потому должно быть относимо только к низовьям реки. По Емельянову А. А.[50] река называется

Нюигый. К сожалению, он не дает толкования этому слову. Оно весьма похоже на Ненгуй («нг» произносится вместе с носовым звуком), что значит «красный волк», который вовсе не водится в этих местах. В русской литературе об этой реке впервые упоминает Бошняк[51], а затем Максимов[52]. Первый называет ее «Самальги», второй «Самальга».

На реке Чоло (около Большого Хингана в Маньчжурии) есть орочский род «Моргын». Название «Са» — собственное родовое имя. Орочи с реки Чоло называют себя «Са-Моргын». Мы знаем случай, когда семья солонов пришла через Сихотэ-Алинь на реку Тахобе, где я и застал их в 1907 году. Могли также и орочи перекочевать сюда из Маньчжурии и принести с собой свое родовое название, но это только предположение. Во всяком случае происхождение названия Самарга остается загадочным. На Самарге я застал двух стариков, которые еще помнили о том, как появились русские. Первые сведения о «лоца» пришли от гольдов с Амура. Спустя некоторое время они видели в море корабли, которые без дыма под парусами медленно ходили вдали от берега. Туземцы тихонько наблюдали за ними и не зажигали огней. Потом трое лоца пришли к ним с юга; двое ехали на лодке, а третий шел пешком, что-то смотрел и рисовал на бумаге. Не был ли это топограф Гроссевич?

Из среды самаргинских удэхейцев выдвинулся Ингину из рода Камедига. Он был пожизненным «Чжанге», т. е. судьею и старшиною, по всему побережью от Ботчи до реки Амагу. Повидимому, это был умный и авторитетный человек, о котором у удэхейцев сохранилось много рассказов. Он умер лет сорок назад и был похоронен на возвышенном левом берегу реки, немного ниже фанзы Кивета[53].

Первые русские скупщики пушнины появились на реке Самарге в 1900 году. Их было три человека; они прибыли из Хабаровска через Сихотэ-Алинь. Один из них в пути отморозил себе ноги. Двое вернулись назад, а больного оставили в юрте удэхейца Бага. Этот русский болел около двух месяцев и умер. Удэхейцы были в большом затруднении, как его хоронить и в какой загробный мир отвести его душу, чтобы она не мешала людям. Повидимому, это им удалось, потому что дух погибшего лоца не проявил себя ничем.

Мне нужно было привязаться к какому-нибудь астрономическому пункту. Ближайшим к реке Самарге был пункт на мысе Суфрен. Я решил воспользоваться хорошей погодой и в тот же день после обеда отправился туда, чтобы переночевать на месте работ и на другое утро при восходе солнца произвести поправки хронометра. В помощь себе я взял китайца Чжан-Бао и двух удэхейцев: Вензи и Янгуя из рода Каза. Я плохо рассчитал время и к устью реки Самарги прибыл поздно.

Как-то незаметно прошло лето, и осень властно вступила в свои права. Вся растительность поблекла, и земля покрылась опавшей с деревьев листвой. Осень, победившая лето, теперь сама неохотно уступала место зиме.

Когда мы подходили к реке Адими, солнце только что скрылось за горизонтом. Лесистые горы, мысы, расположенные один за другим, словно кулисы в театре, и величаво спокойный океан озарились розовым сиянием, отраженным от неба. Все как-то изменилось. Точно это был другой мир — угасающий, мир безмолвия и тишины.

Тропа, по которой мы шли, немного не доходя до мыса Суфрен, повернула влево к лесу. Мы оставили ее и направились было прямо к речке Адими.

В это время удэхейцы Вензи и Янгуй вдруг заволновались. Они стали замедлять шаг, жаться друг к другу.

— Что случилось? — обратился я к Янгую.

— Тун, — сказал он и указал рукою на отдельно стоявшее сухое дерево.

— Его все равно чорт! — добавил Вензи испуганным шопотом.

Я хотел было подойти поближе к страшному дереву, но они стали говорить, что место это худое и ходить туда не следует.

Я взглянул на Чжан-Бао. Презрительная улыбка играла на его губах. Он смотрел на удэхейцев как на людей, зараженных глупым суеверием.

Я пробовал было настаивать. Тогда Вензи и Янгуй положили на землю свои котомки и заявили, что уйдут назад. Пришлось уступить. Мы вернулись опять на тропу и пошли к лесу. Здесь через речку было переброшено большое дерево. Порубленные сучья и другие признаки указывали, что и до нас кто-то уже пользовался им как мостом. Вышло не худо. Сначала тропа немного углубилась в чащу, но затем начала забирать вправо и подыматься на мыс Суфрен. Мы воспользовались ею, пока она шла в желательном для нас направлении, а затем оставили тропу и прямо целиной подошли к береговым обрывам, где было небольшое место, свободное от древесной и кустарниковой растительности.

Приближались сумерки. Огненной рекой разливалась заря по горизонту. Точно там, на западе, произошло страшное вулканическое извержение и горела земля. Горы в отдалении стали окрашиваться в фиолетовые тона. Океан погружался в дремотное состояние.

Как только мы устроились на биваке, я пошел побродить по окрестностям. Провожать меня вызвался Чжан-Бао. Мы пошли сначала старой дорогой, а затем, перейдя речку Адими, направились к дереву, которое так напугало удэхейцев. Толстый коренастый ствол его на грудной высоте разде-

лялся на четыре части. Словно ветви гигантского кактуса, они прямо подымались кверху. Мелких сучков не было вовсе. На вершине одной ветви было прикреплено деревянное изображение птицы, на другой — грубое подобие человека, на третьем — какой-то зверь, вроде толстого крокодила, и на четвертом что-то вроде жабы. Все дерево было оголено от коры, и, кроме того, по стволу, на равном расстоянии друг от друга, до самой вершины правильными кольцевыми вырезами в два сантиметра глубиной была снята древесина, а на комле, как раз там, где главный ствол разделялся на четыре ветви, были еще вырезаны четыре человеческих лица. Немного в стороне валялись чьи-то кости, судя по размерам,— лося, а может быть и медведя.

В это время по воздуху промелькнула какая-то большая тень. Я поднял голову и увидел крупную ночную птицу. Она бесшумно сделала крутой поворот, снизилась к земле и сразу пропала из глаз.

Чжан-Бао поспешил к тому месту, где он только что видел эту птицу.

— Ю! (есть),— сказал он.

Я побежал к нему. Чжан-Бао стоял около другого сухого дерева, имеющего вид толстого пня с двумя наростами. Верхняя часть ствола его лежала на земле. Я тотчас узнал березу Эрмана.

— Где? — спросил я, думая, что Чжан-Бао поймал птицу.

— Здесь! — отвечал он, положив руку на пень.

Я думал что коренастый ствол был дуплистым и птица сидела внутри него, но так как я никакого отверстия в нем не обнаружил, то снова спросил:

— Где?

— Здесь! — опять ответил китаец и указал на болезненный нарост сбоку пня.

— Ничего не понимаю, — сказал я своему приятелю.

Он сделал нетерпеливый жест и объяснил мне, что птицу поглотило дерево. Он сам видел, как она мгновенно пропала, едва подлетела к нему вплотную.

После этого я окончательно перестал понимать его и засмеялся. Однако Чжан-Бао настаивал на своем Он говорил, что некоторые деревья с наплывами обладают способностью поглощать зверей и птиц, если только они сядут на них или просто как-нибудь случайно коснутся боком, лапой или крылом. Пропавших птиц и зверей всегда можно найти внутри в древесине. Мне показалось это тем более забавным, что он, только что относившийся с таким недоверием к предрассудкам удэхейцев, теперь вдруг сам на том же самом месте верил в возможность поглощения ночной птицы сухой старой березой. В ответ на мой смех Чжан-Бао сказал многозначительно:

— Цзунья, мин тэ ни канка (хорошо, завтра сам увидишь).

Минут через двадцать мы снова взбирались на мыс Суфрен. По пути я стал расспрашивать Чжан-Бао о чудесном дереве. Он шел некоторое время молча, но затем стал говорить о том, что китайцы много знают таких вещей, которые не известны русским. В тоне его речи слышалась убежденность в своем превосходстве над спутником, которому волею судеб не дано этих знаний.

Я старался дать понять ему, что прислушиваюсь к его поучениям. Игра на психологии удалась.

Чжан-Бао сообщил мне, что такие деревья на земле встречаются крайне редко. Это может быть и живое и сухое дерево, безразлично. Есть опасные деревья, которые поглощают в себя всех животных и птиц. Иногда они вновь отпускают пернатых на волю, а чаще всего задерживают на всю жизнь. Есть и такие деревья, которые, как фотографический аппарат, отпечатывают под корой всех, кто к ним приближается. Человек никогда не подвергается опасности быть поглощенным, но образ его может быть запечатлен в древесине. По мнению китайца, то дерево, которое мы видели сегодня, принадлежит к категории опасных и называется «Сю-чо-ля».

Тогда я спросил, что он думает относительно шаманского дерева. Чжан-Бао как-то особенно пронзительно плюнул.

— Таза совсем дурак, — сказал он, и в голосе его послышалась презрительная ирония.

Было поздно. Ночной сумрак уже овладел землей. Мы прибавили шагу. Лес начал редеть, тропа сделалась лучше. Наконец впереди показался свет. Это был наш бивак.

После ужина мы опять заговорили о дереве, поглотившем ночную птицу. Вензи и Янгуй еще более укрепились в своем мнении, что всему причиной шаманское дерево и что все это не более, как проделки «злого духа». Я указал им, что с нами ничего худого не случилось. На это у Янгуя опять было по-своему веское возражение. Русские живут в городах и селениях и не бывают в тайге, а поэтому им и не приходится иметь дело с злыми духами, которые сторожат удэхейцев на каждом шагу. Опять ироническая улыбка мелькнула на губах Чжан-Бао.

После ужина все стали устраиваться на ночь, а я взял дневник и сел записывать свои дневные впечатления. Покончив с работой, я встал и по тропе взошел на самый мыс. Величественная картина представилась моим глазам. Поверхность океана была абсолютно спокойной. В зеркальной поверхности воды отражалось небо, усеянное миллионами звезд. Было такое впечатление, будто я нахожусь в центре

мироздания, будто солнце удалилось на бесконечно далекое расстояние и затерялось среди бесчисленного множества звезд. Все земные радости и горе показались мне такими мизерными и ничтожными, как предрассудки моих спутников о чудесных деревьях тун около реки Адими. Когда я очнулся от своих грез, было уже поздно, потому что звезды значительно переместились на небе.

В той стороне, где стояло сухое дерево, ухал филин-пугач.

Возвратившись на бивак, я еще раз подбросил дров в огонь и, завернувшись в одеяло, лег около костра и тотчас все покончил глубоким сном.

День чуть только начинал брезжить, когда я разбудил своих разоспавшихся спутников. Пока удэхейцы грели чай, я с Чжан-Бао приготовил все для наблюдений. Скопившиеся на востоке туманы как будто хотели заслонить собою солнце, но, убедившись в бесполезности неравной борьбы, стали быстро таять. Я выждал, когда лучезарное светило немного поднялось по небосклону, и начал инструментом брать абсолютные высоты его над горизонтом.

Эта работа отняла времени не более часа, затем мы собрали свои вещи и пошли по старой дороге. Когда мы поравнялись с шаманским деревом, Чжан-Бао снял котомку и достал из нее топор. Он попросил меня подождать немного и направился туда, где вчера мы видели ночную птицу. При дневном свете оба удэхейца не так боялись «чорта», но все же не подходили к дереву вплотную и держались в стороне. Они сели на землю и принялись курить трубки, а я пошел посмотреть, что будет делать китаец. Чжан-Бао разыскал березовый пень и принялся рубить один из его наростов. Работал он хорошо, как столяр: топор в руках его мог заменить наструг. Когда он срубил выпуклую часть нароста, он стал его стесывать начисто. Время от времени, нагибаясь к пню, внимательно рассматривал место порубки, часто повторяя одно и то же восклицание: «Ай-яха...».

Затем он обратился ко мне со словами: «Ни канка тэ иоу цзы» (т. е. посмотри, вот ночная птица). Я наклонился к пню и в разрезе древесины увидел такое расположение слоев ее, что при некоторой фантазии, действительно, можно было усмотреть рисунок, напоминающий филина или сову. Рядом с ним был другой, тоже изображавший птицу поменьше, потом похожий на жука и даже на лягушку. По словам китайца, все это были живые существа, поглощенные деревом для того, чтобы больше в живом виде никогда не появляться на земле.

Я пожалел, что со мной не было фотографического аппарата, и хотел было зарисовать странные фигуры древесины, но у меня ничего не вышло.

Чжан-Бао, полагая, что убедил меня, отошел от дерева с выражением удовлетворения на лице.

Всю остальную дорогу мы шли молча и вскоре после полудня прибыли в фанзу Кивета.

Ожидание грузов с реки Кузнецовой отняло много времени. Чтобы сократить его, я предпринимал экскурсии в окрестностях нашей штаб-квартиры.

Во время этих прогулок я имел возможность наблюдать, как замерзает река. 20 октября появилась первая шуга. Сибиряки называют ее «салом». Это маленькие, тонкие, плывущие по воде кусочки льда. Они увеличивались в количестве и в размерах. 28-го числа шуга пошла особенно густо. С 4 до 10 ноября стояла холодная и ветреная погода. В это время на перекатах стал образовываться донный лед. Как объяснить его появление? Вероятно, в образовании его принимает участие холодный воздух, захватываемый пенящейся водою. Может быть, это была также шуга, застрявшая между камнями. Первоначально смерзшиеся ледяные кристаллики были рыхлые и без труда отделялись ото дна палкой, но потом они сделались тверже. В течение недели на перекатах они так возросли, что образовались настоящие ледяные пороги с водопадами. Мало-помалу донный лед стал распространяться от порогов вниз по течению на более глубокие места. Когда его накопилось много, он начал всплывать и поднимать со дна камни разной величины.

Около половины ноября на Самарге начался ледостав. Пловучий лед в массе стал собираться на поворотах реки и образовал торосовые пробки. Лед ломало и грудами нагромождало на берег. Тогда вода пошла по сухим протокам и затопила все низменные острова. Такие протоки в зимнее время значительно облегчают путешествие, позволяя сокращать путь. К 20 ноября Самарга встала на протяжении 25 километров от устья, но выше она была еще свободна ото льда, если не считать заберегов, которые то узкими, то широкими карнизами окаймляли с обеих сторон.

При ледоставе вода долго стояла высоко и затем покрылась ледяною корою. Потом уровень ее стал понижаться; тогда лед осел посредине реки, а у берегов выгнулся и местами обломился, образовав значительные пустоты.

Мы как-то шли вдвоем с Чжан-Бао по берегу реки и о чем-то разговаривали. Вдруг он остановился и сказал:

— Яза! (т. е. утки).

— Где? — спросил я его удивленно.

— Погоди, слушай,— сказал он.

Через минуту-две я, действительно, услышал такие звуки, какие производят утки, когда ищут в воде добычу.

— Вот диво! — сказал я вслух. — Утки в декабре, когда все лужи промерзли насквозь. Да где же они?

— Здесь! — отвечал Чжан-Бао, указывая на лед.

Мы принялись искать птиц. Чжан-Бао ложился на лед и по звукам старался определить их местонахождение.

В одном месте была большая дыра во льду. Между нижней ее кромкой и уровнем воды в реке оказалось расстояние около метра. Я подошел к отверстию и увидел двух чирков, мирно проплывших мимо меня. Один из них все что-то искал в воде, а другой задержался рядом, встряхивал хвостиком и издавал звуки, похожие нето на писк, нето на кряканье.

Это было любопытное явление. Значит, не все утки улетают осенью, значит, часть их остается зимовать. В пустотах подо льдом они защищены от холодов и, повидимому, находят себе достаточно пищи.

Около фанзы Кивета была установлена наша походная метеорологическая будка с инструментами и довольно высокая мачта с длинным вымпелом, который позволял судить о направлении ветра, силе его и направлении движения облаков. Наблюдателем был Вихров. 4 декабря рано утром он вышел из фанзы с записной книжкой в руках, но тотчас вернулся и сообщил, что на небе появились какие-то яркие цвета. Я оделся и тоже поспешил на улицу. Был полный штиль. Термометр показывал —26°С при барометрическом давлении 750 миллиметров. На небе было два слоя облаков. Нижние лежали большими редкими массами, верхние — тонкие перистые. Когда солнце поднялось над горизонтом градусов на десять, верхние облака приняли чрезвычайно красивую окраску. Края их, обращенные к солнцу, были точно вылиты из расплавленного металла. За ними располагались цвета: бирюзовый, золотисто-желтый, пурпуровый и фиолетовый. Одновременно нижние облака окрасились в оранжевый цвет и стали похожими на дым, освещенный заревом пожара. Явление было не длительным. Оно быстро исчезло, вслед за тем началось падение барометра. На небе появились тучи, и к вечеру пошел снег.

Два дня я просидел за приведением в порядок своих записей. На третий день я окончил свою работу, закрыл тетрадь и вышел из дому, чтобы немного пройтись по реке до переката.

Около метеорологической будки я увидел стрелка Глеголу. Он стоял нагнувшись и надевал ошейник на Хычу, самую крупную из наших собак; за спиной у него была заброшена винтовка.

— Ты куда? — спросил я его.

— Хочу на охоту сходить, — ответил он, стягивая ремень потуже.

— Пойдем вместе, — сказал я ему и стал спускаться к реке.

Глегола был один из тех людей, которым, как говорят, не везет на охоте. Целыми днями он бродил по лесу и всегда

возвращался с пустыми руками. Товарищи подсмеивались над ним и в шутку называли «горе-охотником».

— Ну, что, видел зверя? — обыкновенно спрашивали они его, когда он голодный и усталый возвращался ни с чем домой.

— Плохо! — говорил Глегола. — Ничего не видел.

— Уж где тебе добыть зайца, ты хоть тигра убей, и то ладно будет,— иронизировали стрелки.

Но Глегола был человек тихий, терпеливый и не обижался на шутки своих товарищей.

— Завтра опять пойду,— говорил он им в ответ, смазывая свою винтовку, на которую возлагал большие надежды.

Итак, я пошел вперед, а через минуту догнал меня и Глегола. Собака у него была на поводке.

Река быстро замерзала. За ночь местами забереги соединились и образовали естественные мосты. Чтобы не провалиться, мы взяли в руки тяжелые дубины и, щупая ими лед впереди себя, благополучно и без труда перебрались на другую сторону Самарги.

Стояла холодная погода: земля основательно промерзла, а снегу еще не было. Пасмурное небо, хмурые посиневшие горы вдали, деревья, лишенные листвы, и буро-желтая засохшая трава — все вместе имело унылый вид и нагоняло тоску.

Против фанзы Кивета левый берег реки равнинный. Горы здесь уходят далеко в сторону, по крайней мере километров на двадцать. За ними, по словам удэхейцев, будет бассейн небольшой речки Адими.

Обширное низменное пространство, о котором здесь идет речь, покрыто редким смешанным лесом плохого качества. Перелески, если смотреть на них с высоты птичьего полета, наподобие ажурных кружев окружали заболоченные низины. Изредка кое-где попадались большие старые деревья: тополь, липа, осокорь и другие в возрасте от полутораста до двухсот лет.

Как только мы отошли от берега, мы сразу попали в непролазную чащу: неровная почва, сухие протоки, полосы гальки, рытвины и ямы, заваленные колодником и заросшие буйными, теперь уже засохшими травами; кустарниковая ольха, перепутавшаяся с пригнутыми к земле ветвями черемушника; деревья с отмершими вершинами и мусор, нанесенный водой,— таков поемный лес в долине реки Самарги, куда мы направились с Глеголой на охоту.

Дальше бурелома было, как будто, меньше, но кустарники и молодые деревья, искривленные, тощие и жалкие, как рахитики, росли в удивительном беспорядке и мешали друг другу.

Мы шли с Глеголой и разговаривали. Собаку он держал на поводке. Она тащилась сзади и мешала итти: ремень то

и дело задевал за сучки. Иногда Хыча обходила дерево справа, в то время как Глегола обходил его слева. Это принуждало его часто останавливаться и перетаскивать собаку на свою сторону или, наоборот, самому итти к собаке.

— Пусти ты ее,— сказал я своему спутнику. — В таком лесу едва ли зверь будет.

— В самом деле,— ответил Глегола и стал снимать поводок с Хычи. Затем он заткнул его за пояс и пошел со мной рядом. Собака, почувствовав свободу, весело встряхнулась и, перепрыгнув через колодину, скрылась в чаще.

Пробравшись через заросли, мы подошли к краю большого оврага, заросшего внизу кустарниками, а по склонам — редким молодняком, состоящим из дуба и белой березы.

Тут мы остановились и стали совещаться. Решено было пройти немного по краю оврага, а затем итти к дому, держа направление на приметную сопку, у подножья которой находилась фанза Кивета.

Не успели мы пройти и сотни шагов, как вдруг из оврага выскочила дикая козуля. Она хотела было бежать вверх по оврагу, но в это время навстречу ей бросилась собака. Испуганная коза быстро повернула назад и при этом сделала громадный прыжок кверху. Перемахнув кусты, она в мгновение ока очутилась на другом краю оврага и здесь замерла в неподвижной позе.

Глегола быстро прицелился и спустил курок, но выстрела не последовало. Поспешно он снова взвел курок и, приладившись, нажал на спуск, но опять у него ничего не вышло.

Увидев приближающуюся собаку, козуля побежала в чащу леса, сильно вскидывая задом.

— Осечка, — сказал Глегола и открыл затвор, чтобы вынуть испорченный патрон, но оказалось, что ружье его вовсе не было заряжено.

Надо было видеть его досаду. Единственный раз иметь возможность стрелять в стоячего зверя и лишиться такого ценного трофея. И ради чего? Вследствие простой забывчивости. Никогда он не забывал заряжать свое ружье перед выходом на охоту, а тут как на грех такая оплошность. Глегола был готов расплакаться.

— Ничего, — сказал я ему. — Имей терпение, брат! И на твоей улице будет праздник. Ничего не делается сразу, ко всему надо приспособиться и присмотреться.

Мои слова, видимо, успокоили его. Он зарядил ружье, и мы пошли дальше.

За оврагом среди высокой травы довольно часто попадались лежки козуль.

— Вот ты теперь знаешь, где надо искать зверя, — обратился я к Глеголе. — Когда подходишь к ним, всегда иди против ветра.

При этом я объяснил ему, что всякий зверь не столько боится вида человека, сколько запаха, исходящего от него.

Так мы шли и разговаривали. Наконец, я устал и сел отдохнуть на краю оврага.

Вдруг, в кустах недалеко от нас послышался визг собаки. Мы бросились туда и там у подножья старой липы увидели следующую картину.

Хыча лежала на спине, а над нею стояла большая рысь. Правая лапа ее была приподнята как бы для нанесения удара, а левой она придавила голову собаки к земле. Пригнутые назад уши, свирепые зеленовато-желтые глаза, крупные оскаленные зубы и яростное хрипение делали ее очень страшной. Глегола быстро прицелился и выстрелил. Рысь издала какой-то странный звук, похожий на фырканье, подпрыгнула кверху и свалилась на бок. Некоторое время она, зевая, судорожно вытягивала ноги и, наконец, замерла.

Как только собака освободилась, она, поджав хвост, бросилась было бежать, но вскоре одумалась и начала лапами тереть свою морду и встряхивать головою. В это время я увидел там другую рысь, по размерам вдвое меньше первой. Это оказался молодой рысенок. Испуганный собакой, он взобрался на дерево, а мать, защищая его, отважно бросилась на Хычу.

Мы оба растерялись от неожиданности. Тем временем рысенок быстро пробежал по ветке, спрыгнул на землю и исчез в кустах.

Собака же, испуганная появлением нового зверя, сорвалась с места и бросилась наутек. Глегола было побежал за рысенком, но ничего не нашел и скоро возвратился.

— Вот, видишь,— сказал я ему. — Теперь ты вернешься в фанзу Кивета с ценным трофеем. Забирай рысь, и идем домой.

Глегола взвалил рысь себе на плечи, и мы вместе направились прямо к реке. Когда мы шли редколесьем, мне раза два показалось, что кто-то рядом с нами быстро бежит по кустам.

Мертвое животное было довольно тяжелым, и поэтому Глегола часто останавливался и отдыхал. Я предлагал ему вдвоем нести рысь на палке, но он отказался и попросил меня взять только его ружье.

Пройдя таким образом еще километра два, мы сели отдохнуть. Глегола стал скручивать папиросу, а я принялся рассматривать убитого зверя и стал гладить рукой по его шерсти.

В это время в поле моего зрения попал какой-то посторонний предмет. Я повернул голову и увидел рысенка. Он вышел из травы, внимательно смотрел на меня и, вероятно, недоумевал, почему его мать не может двигаться и позволяет себя трогать.

Я не стрелял, но Глегола не мог утерпеть и потянулся за винтовкой. Резкие движения и шум испугали рысенка, и он снова исчез в кустах.

На следующем привале мы снова увидели его. Рысенок был на дереве и обнаружил себя только тогда, когда мы подошли к нему вплотную... Так провожал рысенок нас до самой реки, то забегая вперед, то следуя за нами по пятам. Я надеялся поймать и быть может даже приручить рысенка.

Наконец, лес кончился. Мы вышли на галечниковую отмель реки. Рысенка не было видно, но слышно было, как он мяукал в соседней траве.

Вдруг из кустов выскочили сразу три собаки. Среди них была и Хыча, вероятно, в качестве проводника. По тому, как они бежали, по их настороженным ушам и разгоревшимся глазам было видно, что они уже учуяли зверя.

Я принялся кричать на собак, бросился за ними, но не мог их догнать, запутался в зарослях и упал. Когда я поднялся и добежал до места, где неистовствовали собаки, рысенок был уже мертв.

Мне стало жаль погибших животных. Мать защищала детеныша, а детеныш следовал за мертвой матерью.

Я хотел было поделиться своими мыслями с Глеголой, но он имел такой ликующий вид, что я воздержался.

— Поймали и эту! — воскликнул он весело. — Ну, слава богу. Вот фарт [54]! Завтра я опять пойду на охоту и возьму с собой всех трех собак.

Минут десять мы просидели на берегу. У каждого были свои думы.

— Пойдем, брат,— сказал я своему спутнику.

Мы поднялись с земли.

По небу ползли тяжелые черные тучи: в горах шел снег. От фанзы Кивета поднималась кверху беловатая струйка дыма. Там кто-то рубил дрова, и звук топора звонко доносился на эту сторону реки. Когда мы подошли к дому, стрелки обступили Глеголу. Он начал им рассказывать, как все случилось, а я пошел прямо к себе, разделся и сел за работу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТРЕВОГА

На другой день стрелок Марунич объявил о своем намерении итти на охоту. Заявление это было встречено дружным смехом. Ему было поручено заведывание хозяйством, и эту должность он исполнял все время, пока мы плыли вдоль берега моря на лодках и пока стояли в фанзе Кивета на реке Самарге.

Весь день он был занят хлопотами по хозяйству: утром он кашеварил, в полдень варил обед, вечером готовил ужин, потом опять варил чай. В то время как другие могли ходить на охоту, Марунич был привязан к кухне.

Но сегодня он объявил, что ему надоело сидеть без мяса и потому он забирает всех собак и идет на охоту. Мы сначала приняли это за шутку, но потом убедились, что он, действительно, решил уйти на целый день.

Марунич уговорил остаться за себя Глеголу, а сам начал собираться: надел полушубок, валенки, большую косматую папаху и рукавицы. Затем он собрал всех ездовых собак на один длинный ремень и с ружьем в руках отправился в лес. Собаки бежали вразброд, путаясь между деревьями, и мешали ему итти. Сопровождаемый остротами и ироническими советами, он скоро скрылся в лесу.

Ночью выпал мелкий снежок и тонким слоем покрыл землю. К утру небо немного очистилось, и кое-где образовались просветы. Солнечные лучи, прорвавшись сквозь облака,

озарили мягкие очертания отдаленных гор, побелевших от снегов, и лес около фанзы Кивета.

Придя домой, я сел за работу: надо было записи путевого дневника сличить с вычерченным маршрутом и произвести барометрическую нивелировку; кое-кто из стрелков остался снаружи. Прошло с полчаса.

Вдруг в фанзу как сумасшедший вбежал Рожков. Схватив винтовку, висевшую на стене, он стремглав выбежал из дома. Следом за ним вбежал другой стрелок, потом третий, потом все начали хватать ружья и бежали куда-то, сталкиваясь в дверях и мешая друг другу. На мои вопросы, что случилось, они не отвечали, но по лицам их я увидел, что все были чем-то возбуждены и спешили, чтобы не упустить какой-то редкий случай.

Поспешно следом за стрелками вышел и я из фанзы и увидел интересное зрелище.

С той стороны, куда пошел на охоту Марунич, неслась испуганная козуля; ничего не видя перед собой, она вплотную набежала на стрелков около фанзы. Испугавшись еще более, козуля бросилась к реке с намерением перебраться на другую сторону, но на беду попала на гладкий лед, поскользнулась и упала. Она силилась встать, но копытца ее скользили, ноги разъезжались в разные стороны, и она падала то на один бок, то на другой.

Все стрелки, захватив ружья, бежали к козуле, растянувшись в одну линию шагов на двести. Первым прибежал Рожков. Он, не целясь, выстрелил в козулю чуть ли не в упор и, как всегда бывает в таких случаях, промахнулся. Затем стрелял следующий, потом третий, и так все по очереди. Наконец, козуля поднялась и с большим трудом, скользя по зеркальной поверхности запорошенного снегом льда, направилась к другому берегу реки. Стрелки открыли по ней беглый огонь, но так как все торопились, то никто не попал Козуля благополучно достигла противоположного берега, сделала прыжок и исчезла в кустах. Кто-то побежал следом за ней, а остальные пошли к фанзе. По жестам и интонациям голосов я понимал, что стрелки укоряли друг друга в промахах и больше всех ругали Рожкова, сделавшего первый выстрел.

В это время в лесу показались собаки. Они бежали вразброд, связанные по две, по три и в одиночку. Настороженные уши, горящие глаза и порывистое дыхание их указывали на то, что они гнались по следам козули. Собаки пронеслись мимо нас с такой быстротой, что задержать их нам не удалось.

Минут через десять пробежал и Марунич, держа в левой руке винтовку, а правой отчаянно жестикулируя. Вид у него был растерянный, папаха сдвинута на глаза, физиономия исцарапана, одежда изорвана.

— Где? Где? — кричал он.

— Кто? — спрашивали изумленные стрелки.

— Да коза! — нетерпеливо отвечал он. — Она в вашу сторону побежала,— и, увидев собак на реке, он бросился за ними.

— Постой, погоди,— кричал ему Рожков,— все уже кончено, коза давно ушла.

Марунич остановился, испытующе посмотрел на реку, потом махнул рукой и воротился назад.

Стрелки окружили его, начали осматривать со всех сторон и засыпать вопросами.

— Где ты был? В чем дело? — спрашивали они.

Марунич отдышался, поправил папаху и стал рассказывать, и чем больше он говорил, тем громче смеялись его товарищи.

А случилось с Маруничем вот что.

Собираясь на охоту, он не зарядил ружья, а обойму с патронами сунул за голенище валенка.

Двенадцать ездовых собак, которых он взял с собою, все время сильно тянули за поводки. Опасаясь, как бы они не вырвались и не убежали, он, улучив удобную минутку, задержался у какого-то дерева и привязал их к своему поясу.

Как на грех, в это время из соседнего распадка выскочила козуля. Вспомнив, что ружье его не заряжено, Марунич стал искать за голенищем патроны, но обойма спустилась так низко, что достать ее рукой он никак не мог.

Тогда он сел, снял валенок и вытряхнул обойму. В этот момент собаки, почуяв козулю, бросились под уклон с горы.

Марунич рассказывал, что собаки его тащили по земле, как чурбан на веревке. Он кричал, хватался за кусты, камни, за все, что попадалось под руку.

Но скоро ему удалось заклиниться между двумя близко растущими деревьями, поводок наконец-то лопнул, и собаки уже одни погнались дальше за зверем.

Следы, оставленные Маруничем на земле, были еще свежи, и по ним он легко дошел до своего валенка. Тут же рядом лежала винтовка и обойма с патронами.

Зарядив ружье, он побежал за собаками в надежде, что они догонят козулю. Людские голоса, стрельба из ружей и собачий лай привели его к фанзе Кивета.

Когда Марунич узнал, что козуля ушла, он рассердился:

— Сколько времени я с собаками гнал ее, а вы, столько народу, не могли в лежачую попасть, — недовольным тоном говорил он,— не стану я больше ходить для вас на охоту.

После этого он принялся вынимать из рук занозы и смазывать иодом ссадины и ушибы, а их было так много, что после этой «операции» кожа его сделалась пестрой, как шкура пантеры.

—Полно вам зубоскалить, — огрызнулся Марунич на стрелков, которые продолжали комментировать его приключение и покатывались со смеху, глядя на его разрисованную подом физиономию.

Марунич отправился на кухню и занялся своим делом, а Вихров, собрав всех свободных людей, пошел искать собак.

Близился вечер. Усталое небо поблекло, посинел воздух; снег порозовел на вершинах гор, а на темных склонах принял нежнофиолетовые оттенки. Тишина и сумрак спустились на землю.

Совсем в сумерки возвратился Вихров с собаками. Одна из них подошла к Маруничу и начала лаять.

— И ты туда же. Уйди, окаянная! — крикнул он сердитым голосом и пустил в нее головешкой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ФИЛИН-РЫБОЛОВ

Сидение в фанзе Кивета особенно было тягостно для стрелков и казаков. Они придумывали всякие способы, чтобы развлечься и чаще всего ходили на охоту. Наиболее удачливым был из них Ноздрин. Уходил он в одиночку на целый день и возвращался совсем в темноте.

Однажды он поднялся задолго до рассвета. Сквозь сон я слышал, как он собирался и заряжал ружье. Потом я снова заснул и проснулся тогда, когда уже было совсем светло. Открыв глаза я увидел Ноздрина. Он был недоволен тем, что рано встал, ходил понапрасну, проголодался и разорвал обувь, которую теперь надо было починять. За утренним чаем он рассказал, между прочим, что спугнул с протоки филина, который, по его словам, был в воде.

Этот день прошел как-то скучно: все записи в дневниках были сделаны, съемки вычерчены, птицы и мелкие животные препарированы. Словом, все было в порядке, и надо было заняться сбором новых материалов. Весь день мы провели в фанзе и рано вечером завалились спать. Как-то вышло так, что я проснулся ночью и больше уже не мог заснуть. Проворочавшись с боку на бок до самого рассвета, я решил одеться и пойти на рекогносцировку в надежде поохотиться за крохалями и кстати посмотреть, как замерзает река.

Когда я выходил из дому, чуть брезжилось. Неясный свет утра боролся с ночным сумраком, еще господствовавшим над

землей. От дома шло несколько троп. Я наугад пошел одной из них. Она скоро разделилась на две, а потом на три отдельных следа. Я взял тот, который шел к реке, два других уходили в горы. Протока, сначала широкая, стала быстро суживаться. В одном месте две галечниковые отмели совсем близко подошли друг к другу; только узенькая полоска мелкой воды разделяла их между собой. На краю одной из них находился какой-то темный предмет. Мне показалось, что он шевельнулся. Я остановился, чтобы лучше его рассмотреть, но в это время темный предмет вдруг поднялся на воздух и полетел в лес. Я вспомнил, что вчера вечером Ноздрин говорил о том, что видел филина в воде. Что он мог тут делать? Я спустился вниз и прямо направился к гальке.

Долголетние скитания по тайге и уроки туземцев приучили меня разбираться в следах. Вода в протоке была чистой, галька в нескольких местах запачкана экскрементами пернатого хищника, а на свежей пороше по льду — десятка два старых и новых следов больших птичьих лап. Значит, филин прилетал сюда часто. А так как я и Ноздрин видели его на рассвете, то надо полагать, что и впредь его можно будет застать здесь в это же время. Я решил заняться наблюдением и еще раз притти сюда, но пораньше. Так я и сделал. На следующий день я поднялся, когда было еще совсем темно, оделся и, стараясь не шуметь, вышел из фанзы, тихонько прикрыв за собою дверь.

Еще и не начинало светать. Высоко на небе почти в самом зените стояла луна, обращенная последнею четвертью к востоку. Она была такая посеребренная и имела такой ликующий вид, словно улыбалась солнцу, которое ей было видно с небесной высоты и которое для обитателей земли еще скрывалось за горизонтом.

В стороне от месяца над сопкой, очертания которой в ночной тьме чуть были заметны, ярко блистал Юпитер. Со стороны северо-западной тянуло холодным, резким ветром. Он сначала резал мне лицо, но потом оно обветрилось: неприятное ощущение быстро исчезло, и на смену ему явилось бодрящее чувство.

Я пошел по старому следу сначала быстрым шагом, а потом все тише и тише. Мне не хотелось спугивать филина. Но все мои предосторожности оказались излишними. На протоке никого не было. Тогда я спустился на гальку и спрятался за колодник, нанесенный сюда большой водой. Потому ли, что я осмотрелся и глаза мои приспособились к темноте, или потому, что, действительно, начало светать, я мог разглядеть все, что делается около воды: я ясно различал гальку, следы филина на снегу и даже прутик, вмерзший в лед, на другой стороне протоки.

Я уже подумал, что напрасно пришел сюда, но для очистки совести решил покараулить еще минут двадцать. И вдруг увидел того, ради которого предпринял утреннюю экскурсию. Большой филин появился неожиданно и совсем не с той стороны, откуда я его ждал. Он спустился на край одной из отмелей и осмотрелся, затем нагнулся вперед и, расправив каждое крыло по очереди, сложил их по сторонам своего тела. Потом он подпрыгнул, вошел в протоку и встал против течения. Тогда он пустил оба крыла в воду и подогнул под себя хвост, образовав, таким образом, запруду во всю ширину проточки между двумя отмелями. В этой позе филин оставался некоторое время неподвижно и внимательно смотрел в воду. Вдруг он быстро клюнул и вытащил небольшую рыбку, которую он проглотил, потом клюнул второй раз, третий и так далее. Вероятно, он поймал около десятка мелкой рыбешки. Удовлетворившись добычей, филин вышел из воды и, сильно встряхнувшись, стал клювом перебирать перья в хвосте. Он не замечал меня и держал себя спокойно. Ночной пернатый хищник уже намеревался было снова залезть в воду, но в это время из лесу неожиданно выскочил хорек. Как сумасшедший, сломя голову, он бросился через галечниковую отмель и перепрыгнул через узкую полосу воды. Испуганный филин поднялся на воздух и полетел вдоль протоки. Я видел, как он на лету встряхивался то одним, то другим крылом и вслед за тем скрылся за поворотом.

Уже светало. На востоке горизонт окрасился в багрянец, от него кверху поднялось пурпурное сияние, от которого розовели снега на высоких горах, а в долинах дремучий лес еще грезил предрассветным сном. Месяц еще более побледнел, тьма быстро уходила на запад...

Теперь больше здесь делать было нечего, и я пошел домой. Когда я подходил к фанзе Кивета, из лесу вышли два удэхейца Венди и Дилюнга, и мы вместе вошли в дом. Я стал рассказывать своим спутникам о том, что видел, и думал, что сообщаю им что-то новое, оригинальное, но удэхейцы сказали мне, что филин всегда таким образом ловит рыбу. Иногда он так долго сидит в воде, что его хвост и крылья плотно вмерзают в лед, тогда филин погибает.

Удэхейцы, высмотрев место, куда он прилетает для рыбной ловли, вмораживают в лед столбик с перекладинкой, на которой укрепляется капкан или просто волосяная петля. Ничего не подозревающий филин, прилетев на место охоты, предпочитает сесть на перекладинку, чем на гладкий лед, и попадает в ловушку.

Все амурские туземцы считают мясо филина очень вкусным и с увлечением за ним охотятся.

Последние дни мы как-то плохо питались. Утром пустая каша, в полдень чай с сухарем, вечером опять каша. Стрелки

стосковались по мясу. Поэтому, заметив на снегу кое-какие следы, мы нарочно пораньше все встали, чтобы пойти на охоту.

Когда необходимые бивачные работы были закончены, пять человек пошли искать зверя.

Рожков и Глегола отправились на другой берег реки, Чжан-Бао и Ноздрин — вверх по Самарге, а я прямо с бивака стал подыматься на сопку по маленькому ключику, заваленному колодником.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОХОТА

Был один из тех хороших зимних дней, когда в атмосфере надолго устанавливается равновесие. Солнце светило ярко. Синее небо, чистый воздух и земля, покрытая белой пеленой, имели праздничный вид. Лес, молчаливый, засыпанный снегом, словно замер в неподвижной позе и всматривался вдаль, где виднелись мягкие очертания каких-то гор, а за ними — белые кучевые облака причудливой формы. Старые мохнатые ели, под тяжестью снега опустив книзу темнозеленые ветви свои, находились в том напряжении, когда бывает достаточно малейшего ветерка, чтобы вывести их из состояния покоя.

Иногда случалось, что с верхнего сучка срывался небольшой ком снега. При падении своем снег задевал за другие такие же сучки, и тогда все дерево вдруг оживало. Большие размашистые ветви, сбросив с себя белые капюшоны, сразу распрямлялись и начинали качаться, осыпая все дерево сверху донизу снежной пылью, играющей на солнце тысячами алмазных огней. В такие тихие дни воздух делается особенно звукопроницаемым. Тогда бывают слышны звонкие щелканья озябших деревьев, бег какого-то зверька по колоднику, тихий шум падающего на землю снега и шелест зябликов, лазающих по коре сухостоя.

Взобравшись на гребень большого отрога, идущего к реке от главного массива, я остановился передохнуть и в это время услышал внизу голоса. Подойдя к краю обрыва, я увидел

Ноздрина и Чжан-Бао, шедших друг за другом по льду реки. Отрог, на котором я стоял, выходил на реку нависшей скалой, имевшей со стороны вид корабельного носа высотою более чем в 100 метров.

Взбираясь по отрогу, я дошел до небольшой седловины и решил здесь же еще раз немного отдохнуть, а затем спуститься к реке по другому распадку. Вдруг из лесу выскочила кабарга. Увидев меня, она шарахнулась в сторону и тотчас скрылась в молодом ельнике. Я хотел было итти по ее следам, но в это время внимание мое было привлечено другим животным. По следам кабарги бежала крупная росомаха. Появление ее было так неожиданно, что я не успел даже снять ружье с плеча. Я знал, что кабарга сделает круг по снегу и вернется на свой след и что по этому же кругу за ней погонится и росомаха. Однако мои надежды не оправдались. Прождав напрасно минут двадцать, я решил пойти по их следам. По ним я увидел, что кабарга один раз как будто споткнулась, а расомаха бежала, хотя и неуклюже, но ровными прыжками. Исход этого бегства и погони был очевиден. Скоро, очень скоро кабарга должна будет сдаться.

Следы вывели меня опять на седловину, а затем направились по отрогу к реке. Тут я наткнулся на совершенно свежий след молодого лося. Тогда я предоставил кабаргу в распоряжение росомахи, а сам отправился за сохатым. Он, видимо, почуял меня и пошел рысью под гору. Скоро след привел меня к реке. Лось спустился на гальку, покрытую снегом, оттуда перешел на остров, а с острова — на другой берег.

Я был уже на середине реки, когда услышал окрики. Оглянувшись, я увидел Ноздрина и Чжан-Бао, стоявших у подножья нависшей над рекой скалы и делавших мне какие-то знаки. Я понял, что они зовут меня к себе. Догнать испуганного лося нечего было и думать, и потому, забросив ружье на плечо, я скорым шагом пошел к своим товарищам.

Еще издали я заметил, что они ходили не даром. У Чжан-Бао и Ноздрина был веселый вид; у ног их лежали кабарга и росомаха. Странным показалось мне, что я не слышал их выстрелов, и я спросил об этом Ноздрина.

— Наша стреляй нету, — отвечал за него Чжан-Бао, посмеиваясь в усы.

— Как так? — спросил я, ничего не понимая.

— Они сами сюда пришли, — сказал Ноздрин, закуривая папиросу. Наконец, постепенно из ответов я понял, что случилось.

Оказалось, что кабарга, спасаясь от росомахи, случайно попала на утес, нависший над рекой, Чжан-Бао поспешно снял ружье, чтобы стрелять, но вдруг кабарга заметалась. Она поняла опасность, которой подвергалась, и хотела было бежать назад, но путь отступления ей был уже отрезан росомахой.

Тогда она стала жаться к краю обрыва, высматривая, куда бы ей спрыгнуть. В это мгновенье росомаха бросилась на нее. Кабарга рванулась вперед, и оба животных, потеряв равновесие, полетели в пропасть. Кабарга разбилась насмерть, росомаха еще выказывала признаки жизни. Один раз она хотела было подняться на ноги, но тут же упала на лед. В это время к ней подбежал Ноздрин и ударом палки по голове добил ее окончательно.

Убившихся животных никак нельзя было назвать «трофеями». Оба они достались нам случайно. Все трое мы были свидетелями лесной драмы. Я в лесу видел, как она началась, а Ноздрин и Чжан-Бао, — как она кончилась. Забрав мертвых животных, мы пошли домой.

Западный край неба уже нежился в закатном сиянии, над снежными полями кое-где розовел туман, и теневые склоны гор покрылись мягкими фиолетовыми тонами.

Через полчаса мы были на биваке, куда уже собрались все охотники. Рожков принес дикую козулю. Теперь мы были обеспечены мясом, по крайней мере, на трое или четверо суток. Кабарга в тот же день пошла на ужин, а с росомахи сняли шкуру для чучела.

Дней через десять я решил предпринять еще одну экскурсию по речке Токто, впадающей в Самаргу с левой стороны в 24 километрах от устья. Я намеревался выйти на реку Укумига и от нее через второй перевал выйти на реку Адими, впадающую в море около мыса Суфрен. На этот раз со мной пошли Ноздрин, удэхеец Дилюнга и Чжан-Бао. Наше походное и бивачное снаряжение состояло из ружей, топора, двух полотнищ палаток и продовольствия по расчету на пять суток.

Первую половину пути мы выполнили успешно и к концу второго дня достигли истоков реки Токто, где и решили заночевать в лесу на краю болота, покрытого большими кочками. Каждая из них была почти в метр величины и имела вид гриба, украшенного сверху длинной осокой.

Когда палатка была поставлена, Чжан-Бао и Ноздрин пошли за ельником, а я и Дилюнга—за травой. Подойдя к одной из кочек, я собрал в горсть всю растущую на ней траву, поднял кверху и сказал удэхейцу:

— Посмотри, с одной кочки можно срезать травы на постель.

— Манга! Неу октонгай дэлини, — закричал Дилюнга (т. е. нельзя трогать болотную голову).

Он убеждал меня уйти на другое место, где нет кочек. Из слов Дилюнга я понял, что по обычаю удэхейцев болотные кочки табуированы. Их нельзя дергать и в особенности нельзя растущую на них траву заплетать в косу. С человеком, позволившим себе такие шутки, непременно случится какая-нибудь беда.

Не желая нарушать покоя своего проводника, я направился к опушке леса, где среди тальников росло много вейников. Через четверть часа мы вернулись с ним на бивак с большими охапками сухой травы.

В это время пришел Ноздрин и сообщил, что он вместе с Чжан-Бао видел лису, которая перебежала им дорогу. Стрелок бросил в нее топором. Она остановилась на мгновенье и оскалила зубы, а потом повернула назад и скрылась в траве.

Когда все бивачные работы были закончены, мы уселись около огня и стали снимать обувь. Разговор опять коснулся лисы. Оказывается, что в китайских поверьях животному этому отводится большое место. Лисы, больше чем другие звери, стараются войти в общение с человеком и тем ослабить свое животное начало. Это им удается, и они часто появляются в виде оборотней. Лисы хитры и злопамятны. Человеку, обидевшему их, они стараются сделать какую-нибудь неприятность. Они делают так, что человек блуждает около жилища и никак не может попасть домой, во время ненастья залезет в какую-нибудь яму и вымажется нечистотами и т. п. По мнению Чжан-Бао, сегодняшняя встреча с лисой не предвещала ничего доброго.

Недолго длилась наша беседа. За день мы сильно устали и поэтому рано легли спать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СНЕЖНАЯ БУРЯ

На другой день первое, что мне бросилось в глаза, это серое небо, покрытое слоистыми тучами. Отдаленные горы тонули в туманной мгле. Там шел снег.

Опасаясь пурги, мы решили итти домой. Наскоро напившись чаю с сухарями, мы сняли палатки и пошли в направлении на юго-восток. Сперва мы попали в осыпи, где я больно ушиб ногу, потом залезли в ветроломную гарь, причем Чжан-Бао разорвал свои штаны, затем мы вышли на зверовую тропу.

— Вот дорога, — сказал я своим спутникам. — Теперь мы пойдем хорошо.

— Маманды! Канка ба (т. е. погоди, еще увидим), — заметил китаец многозначительно.

Покурив немного, мои спутники пошли дальше в таком порядке: впереди шел Ноздрин, за ним Дилюнга, потом Чжан-Бао. Я замыкал шествие. Не успели мы сделать и полсотни шагов, как вдруг Дилюнга схватил стрелка за пояс и сам быстро вышел вперед, все время к чему-то настороженно присматриваясь.

— Что случилось? — спросил я его.

— Си исай (т. е. сам посмотри), — ответил он, указывая на стрелу, воткнутую в землю.

Это был какой-то знак, но что он означал, мне было неизвестно. Дилюнга обошел стрелу и осторожно двинулся вперед, глядя себе под ноги. Шагов через десять он опять остано-

вился перед заструганной палочкой, лежащей поперек тропы. Это был знак, что отсюда совсем близко насторожен самострел. Действительно, в трех метрах за палочкой виднелась тонкая нить, протянутая через звериную тропу.

— Би (вот), — сказал удэхеец, указывая на лук толщиною в человеческую руку с большой стрелой на крупного зверя.

Я понял, какой опасности подвергался Ноздрин. Не обратив внимание на условные знаки, он задел бы нить и был бы убит наповал.

От самострела дальше мы пошли целиною.

После полудня погода совсем испортилась. Сумрачное небо словно снизилось к земле. Белесоватая мгла надвинулась на нас, и пошел снег.

На вопрос, далеко ли до фанзы Кивета, наш проводник отвечал уклончиво и, повидимому, сам не знал, где мы теперь находимся, но все же, по его соображению, к сумеркам мы должны были выйти на реку Самаргу. Так прошли мы по компасу еще два часа.

Казалось, гари не будет конца. То встречались участки совершенно оголенные от леса, то заросшие молодой березой. Местность была как-то странно пересеченная, мелкие распадки чередовались с подъемами на уваль, с крутыми и пологими склонами.

Усилившийся ветер, шум в горах, снег и короткие вихри — все говорило за то, что собирается сильная пурга.

Мы прошли уже километров пятнадцать, по моим расчетам, и давно должны были бы выйти на реку Самаргу. Возможно, что мы шли и параллельно ей, но теперь за снегом ничего не было видно.

Между тем ветер с юго-востока перешел на восток, а теперь дул с северо-востока. Я ориентировался по закону Бэйо-Бэлло и понял, что центр циклона шел прямо на нас, а мы ему навстречу. Ветер, дувший теперь с острова Сахалина, то ослабевал на мгновенье, то вдруг, словно зверь, сорвавшийся с цепи, бросался на людей. Он поднимал тучи снега с земли, и тогда казалось, будто в лесу пожар. Мгновенно деревья пропадали из глаз. Порыв ветра уходил, дымовая завеса исчезала и большие древесные стволы, запорошенные снегом, опять появились в непосредственной близости. Наконец стало смеркаться. Я заметил, что мои спутники начали уставать. В это время мы вступили в густой хвойный лес. Все словно по команде бросили котомки. Чжан-Бао достал смолье, Дилюнга принес бересту, я из сумочки вынул кусочек целлюлоида, а Ноздрин собрал большую охапку хвороста. Через минуту вспыхнул огонек, и завилась струйка дыма; ветер отнес ее в сторону. Через несколько минут костер разгорелся как следует. Потом мы поставили две односкатных палатки лицом друг к другу и принялись таскать дрова.

Чем больше смеркалось, тем сильнее неистовствовала пурга. Ночь провели без сна, дремали, зябли и с нетерпением ждали утра.

Наконец появились первые признаки рассвета. Небо стало очищаться, но зато ветер еще более усилился. Он зашел с севера и, поднимая снег с земли, его заметал.

Собрав котомки, мы снова пошли вперед и не успели сделать и сотни шагов, как сразу вышли на реку Самаргу против самой фанзы Кивета.

Это всех одновременно обрадовало и рассердило. В такую погоду ночевать в лесу, рядом с домом! Неудачу свою я приписывал непогоде, Дилюнга — болотным кочкам, а Чжан-Бао — лисе. Китаец и удэхеец считали себя правыми, а мои доводы ошибочными.

Через полчаса мы сидели дома, пили чай и рассказывали давно ожидавшим товарищам свои приключения.

Около полудня с северной стороны надвинулась черная туча с разлохмаченными краями, и ветер сделался чрезвычайно сильным. Он сломал мачту нашей метеорологической станции до самого основания. К сумеркам стали опасаться за крышу дома и на всякий случай привязали ее к соседним деревьям.

Буря свирепствовала всю ночь. Дня через два после этой экскурсии прибыли, наконец, долгожданные грузы с реки Кузнецовой. К этому времени мой санный обоз был готов, и собаки собраны.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПО ГОРНЫМ РЕЧКАМ

В организации зимнего путешествия самый важный вопрос составляет собачий корм. Он зависит от количества юколы, заготовленной удэхейцами, что, в свою очередь, зависит от хода рыбы в этом году. Недолов рыбы заставляет удэхейцев убивать часть своих собак и отказываться от дальнейших выездов на соболевание. 1909 год был средний по ходу рыбы, и это дало мне возможность собрать достаточное количество кормовой юколы. Надо иметь в виду, что всякая собака съедает больше, чем человек, и потому самый громадный груз в наших нартах составлял собачий корм. Поэтому в далекое путешествие мы, к сожалению, не могли взять много собак. Каждую нарту тащит один человек, и в помощь ему впрягается три-четыре собаки. Обоз нашей экспедиции состоял из семи нарт и двадцати восьми собак, приобретенных у самаргинских удэхейцев. 29 декабря мы распрощались с фанзой Кивета и тронулись в далекий путь.

На старых картах сорокаверстного масштаба река Самарга названа Беглянкой и показана маленькой горной речкой. На самом деле она имеет около 200 километров в длину и охватывает бассейны рек Нельмы и Ботчи. Самарга течет в верховьях по продольной долине, в меридиональном направлении, в среднем течении она режет горные складки вкрест их простирания и поворачивает сперва на юго-восток, а потом на восток, каковое направление и сохраняет до впадения в море.

Во время последней бури ветром намело большие сугробы, а в других местах, наоборот, совершенно очистило реку от снега. Чистый и прозрачный лед был от 40 до 60 сантиметров толщины. Во многих местах в нем находились пустоты беловатого цвета, расположенные друг над другом. Это были пузырьки воздуха, поднимавшиеся со дна и примерзшие ко льду. Верхние пузырьки были маленькие, вторые побольше, средние самые большие, потом они опять уменьшались, и самыми маленькими были последние. Во многих местах лед был смешан с галькой и имел вид конгломерата, в котором роль цемента играла замерзшая вода. Размеры камней во льду были различны и в некоторых случаях (исключительно в чистом льду) величиной чуть ли не в конскую голову. Под ними еще полтора метра глубины, где спокойно текла вода. Очевидно, эти валуны были подняты всплывшим льдом с перекатов и плыли вместе с ними до тех пор, пока река совсем не стала.

В первый день мы дошли до местности Путугу, а в следующий — до устья реки Буй (что значит зверь).

Отсюда до знакомой нам сопки Дэлахчи Самарга течет в направлении с северо-запада на юго-восток. С правой стороны вплотную к реке подходят горы Чжангда Гуляни, состоящие из зеленокаменного порфирита с большими шлирами краснобурого цвета, которые входят в толщу основной породы то горизонтальными клиньями, то вертикальными куполообразными массами. Как раз напротив, с левой стороны реки, располагается обширное низменное пространство, поросшее поемным, хвойным и лиственным лесом и известное под названием Чжангда Мукудуони. Оно прорезается притоком Уйга и является местом, весьма удобным для заселения.

На второй день нового года наш маленький отряд достиг первого большого притока Самарги — реки Кукчи. По этой реке через перевал Де лежит путь на реку Сурпак (Сукпай), приток Хора. Местность около Кукчи носит название Мукда. Там я сделал дневку и произвел астрономические наблюдения.

Река Самарга от устья реки Кукчи до реки Буй течет почти в меридиональном направлении. Если отсюда итти вниз по течению, то с левой стороны будут слагающиеся из метаморфизованных песчаников возвышенности Уаля Селини, протока Ундека и местности Улени и Си, затем две речки Окчжа и Чжадо. Самарга проходит в «щеках» между гор Кабахта, склоны которых состоят из высоких террас, покрытых осыпями. При более близком знакомстве это оказались большие обломки базальтовой лавы. Снаружи метаморфизованная порода принимает буро-красный оттенок. Края обломков под влиянием тех же атмосферных явлений несколько округлены. Камни слабо держатся на своих местах и легко обваливаются в долину. Ниже горы Кабахта Самарга принимает в себя приток Чжору с перевалом на реку Нельму, ниже будет местность

Саге Мукудуони и два ключика Яй и Омуге. Около устья последней есть выступающая в долину скала с тем же названием. Возле рек Кукчи и Самарги находится высокая кольцеобразной формы гора Кямо. Она очень похожа на древний разрушенный вулкан. Ниже сопки Кямо с правой стороны Самарги находится местность Лухуну, и после щек в горах Кабахта до речки Курими и ключика Бугу следует обратить внимание на скалы, состоящие из кремнистого сланца. Здесь сохранилась надпись «1885 Д. И.», оставленная геологом Д. Л. Ивановым. Я счел своим долгом подновить ее, насколько это было возможно. После реки Бугу в Самаргу впадают еще два небольших ключика: Умугды и Ульга, затем следует местность Пукдотани около речки Чжаами, впадающей в реку Буй, о которой уже говорилось выше.

Географу следует посетить реку Самаргу зимою и посмотреть, как она замерзает. Там он увидит весьма интересные явления. В местности Кабахтэана русло проходит у левого берега и так подмывает его, что образуется нечто вроде нависшего карниза. Здесь вода волнуется, всплескивается на лед и тотчас замерзает. Повидимому, русло реки сжимается с боков и повышается; повышаются и ледяные карнизы по сторонам его. В конце концов получается нечто вроде коридора, по которому с большой стремительностью идет вода. Уровень ее находится на высоте глаза человека. Причиной этому является, может быть, опять-таки донный лед. Мы полюбовались красивым зрелищем и пошли дальше.

Если мы проведем условную линию от устья реки Холонку (мыс Сосунова) через среднее течение Самарги, около Кукчи через верхнее течение Анюя и ниже Хунгари, то получим идеальную границу двух флор: маньчжурской и охотской. Одна из них входит в другую клиньями, причем проводниками охотской флоры будут горные хребты, а проводниками маньчжурской—долины. Этим и объясняется наличие хвойных лесов (лиственица, ель, пихта) в нижней части Самарги и широколиственных маньчжурских (пробковое дерево, орех, виноград, даурская береза и актинидия) — около реки Кукчи.

В связи с таким распределением растительности находится и распределение животных. Когда стало известным, что около Кукчи встречаются все вышеперечисленные представители маньчжурской флоры, можно было вперед сказать, что там должны обитать тигры, кабаны, изюбры, что и подтвердилось в действительности. Фауна нижнего течения Самарги характеризуется, главным образом, медведем, лосем, кабаргой, лисой, соболем и росомахой.

В день нашего прибытия на реку Кукчи удэхейцы-охотники поблизости от нашего бивака нашли свежие следы большого тигра. Опасаясь за своих собак, я велел их забрать в

палатку и всю ночь поддерживать большой огонь. Несмотря на это, перед рассветом, когда костры потухли совсем, собаки всполошились. Они ворчали, скалили зубы и жались к людям. С восходом солнца выяснилось, что другой тигр поменьше, судя по оставленным следам, близко подходил к биваку, но, предупрежденный собачьим лаем и голосами людей, поспешил ретироваться.

Выше Кукчи километров на двенадцать Самарга принимает в себя второй большой приток Исими, по которому можно выйти на реку Ботчи. Между этой рекой и маленьким ключиком Джюкда находится сопка Сингачжалегени, а затем еще ключик Уаки. Правый край долины Исими при соединении ее с рекой Самаргой оканчивается сопкой Кохтоа.

В 3 километрах от нее мы нашли самое большое удэхейское стойбище Ягуятаули. Еще ниже, но немного выше реки Кукчи,— другое селение Пяфу. Обитатели того и другого жили в юртах из корья; эти удэхейцы сохранили в наибольшей чистоте свой физический тип и все обычаи и нравы лесных людей. С правой стороны Самарги между этими стойбищами мы видим две горы — Юку и Чуганьга, состоящие из порфира, потом ключик Сеели и еще две горы Лендоо и Пяфу, в обнажениях которых виден песчаниковый сланец.

В этот день дальше мы не пошли. Вечером я записывал в свой дневник много интересного. От удэхейцев я узнал, что выше есть еще два стойбища, Курнау и Элацзаво, а затем начинается пустынная область. Один из удэхейцев, Ваника Камедичи, ножом на куске бересты начертил мне реку Самаргу со всеми притоками. Когда я впоследствии сличил ее со своими съемками, то был поражен, до какой степени она была верно составлена и как правильно выдержан всюду один и тот же масштаб.

В здешних местах главным ориентировочным пунктом будет гора Миле, с которой видны реки Копи и Нахтоху. От Миле река Самарга течет в направлении от северо-северо-запада к юго-юго-востоку. Километрах в пятнадцати от нее находится другая высокая гора Пио. В обнажениях ее на реке выступает андезит. Между этими двумя сопками долина Самарги значительно расширяется и носит название Курнау. Правый край долины образует возвышенности Гула и Цзаа, слагающиеся из хлоритизованного порфирита и известкового песчаника. Ниже долина опять расширяется и образует обширное пространство, покрытое лесом, состоящим из широколиственных пород, и известное под названием Подоляго, Саптола и Актэвуани. Там, где Самарга разделяется на две речки, с запада впадает еще небольшая речка Цзовуани, вследствие чего и местность стала называться Элацзаво, что значит Трехречье. Около устья ее Самарга шириною 100 метров. От моря до Элацзаво удэхейцы поднимаются на лодках десять

сугок, а обратно по воде спускаются в два с половиной дня. Из этого читатель ясно может представить себе, какова быстрота течения реки Самарги.

В среднем течении ее встречаются открытые полыньи, а в лесу, в местах, защищенных от ветра, — незамерзающие протоки. В морозные дни от них подымаются испарения. Около таких проталин на чистом льду можно видеть изящные розетки инея, напоминающие узоры на заиндевелых окнах зимою. Если стереть иней рукой, то оказывается, что в этом месте изо льда торчит травинка или тоненький прутик. Служат ли они объектами, около которых конденсируется пар, или они сами служат проводниками его из воды на поверхность? Вопрос этот может быть выяснен только путем специальных исследований.

Чем ближе мы подходили к Сихотэ-Алиню, тем больше было снегу. Собаки не видели перед собой дороги и отказывались итти. Они останавливались и оглядывались назад. Чжан-Бао и один из удэхейцев пошли вперед на лыжах протаптывать дорогу собакам, так как за ночь лыжница заносилась снегом.

Десятого января экспедиция наша достигла небольшой речки. За последние дни стрелки и казаки очень утомились, и потому я решил сделать дневку.

По мере того, как мы удалялись от моря, температура воздуха падала все ниже и ниже. Утром она снижалась до —35°, днем термометр показывал —26°, а к вечеру опять доходил до —32° С.

Воспользовавшись дневкой, я на другой день решил отправиться на экскурсию. Сопровождать меня вызвался Чжан-Бао. Мы хотели встать пораньше, но оба проспали. Часов в девять утра, после утреннего завтрака, мы взяли ружья и направились на соседнюю сопку. Подъем на нее не был затруднителен, и минут через сорок пять мы были на ее вершине.

Отсюда можно было хорошо проследить реку Самаргу от места нашего бивака до горы Миле, о которой упоминалось выше. На этом участке она течет от западо-северо-запада к востоко-юго-востоку между базальтовыми возвышенностями, которые, быть может, находятся в связи с кольцеобразной сопкой Кямо. От безымянного ключа вниз по течению географические названия в долине Самарги идут в следующем порядке. По левому берегу от Дыровитого утеса (Када Сангани) ряд невысоких сопок, оканчивающихся утесом Хонтоаса, за которым расстилается обширное низменное пространство с речкой Пакту; потом горы опять подходят к речке и на протяжении пяти километров образуют отвесные обрывы. За ними до самой горы Миле — другая большая низина, покрытая горелым лесом. Правый берег более гористый. Сначала идет ряд сопок, разобщенных короткими развилистыми

долинами, поросшими хвойно-смешанным лесом. Ниже реки Пакту начинается равнина, прорезанная лавовым потоком. Западная часть ее носит название Тиляни, а восточная — Онго. Затем следует река Фухи, а ниже ее — ключик Тюхе и утес Дукдумогуени и, наконец, местность Ялахчи. Как раз против утеса Поляллиги находятся обрывы горы Миле.

Полюбовавшись видом долины реки Самарги, мы спустились в долину реки Пакту и пошли вверх по ней. Я стал присматриваться к следам, которых здесь было довольно много. Вот характерный след зайца. Он двигался мелкими прыжками, глодал кору тальника, затем чего-то испугался и проворно убежал в кусты. Тут же неподалеку виднелись следы глухаря. Сначала он шел размеренным шагом, потом остановился (оба следа стали рядом) и поднялся на воздух. При первых взмахах крыльев он испещрил снег веерообразными полосами. Немного дальше изюбр перешел через реку и направился к горам. По пути он тоже глодал кору деревьев и обкусывал кончики мелких веток. Потом попался след соболя, пробиравшегося с колодника на колодник. Так прошли мы километра четыре, но, несмотря на обилие следов, самих зверей мы не встретили. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг Чжан-Бао остановился и сказал:

— Хай-ся-цзы (т. е. медведь).

Я взглянул в указанном направлении и, действительно, увидел старый, уже занастившийся след медведя средней величины. Очевидно, его кто-то побеспокоил в берлоге, в которую он залез во второй половине октября. Такие медведи-шатуны всегда очень злы, и встреча с ними считается опасной.

— Его далеко ходи нету,— сказал Чжан-Бао.— Наша скоро его могу догоняй.

Он был прав: зимой медведь не будет долго ходить по снегу и постарается забиться под первый попавшийся колодник.

Мы пошли дальше. Следы шли вдоль сопки зигзагами. Медведь подходил к большим деревьям, заглядывал под опрокинутые корневища, копался в осыпях и разбрасывал мерзлый валежник на земле. В одном месте наводнением нанесло много мелких веток, сверху их занесло опавшей листвой и засыпало снегом. Медведь залез под этот мусор, но что-то ему не понравилось. Он пролежал, видимо, только несколько часов и пошел снова к реке.

— Пойдем дальше,— сказал я китайцу.

Чжан-Бао осмотрел свое ружье и стал продираться сквозь чащу, стараясь как можно меньше шуметь. Минут через десять он остановился и, не говоря ни слова, протянул вперед руку. Интересное зрелище предстало перед нашими глазами.

Большой старый кедр лежал на земле. При падении он разломился на несколько частей. На том месте, где он рос,

стоял большой пень, полый внутри и на одну треть открытый с нашей стороны. В середине его сидел медведь. Он разбросал вокруг весь снег и лапами сгреб целый ворох мерзлого мха, которым и обложил себя спереди и с боков до пояса. Большие лепешки мха случайно или преднамеренно лежали у него на плечах и на голове. Сверху мох был украшен еще капюшоном из снега. Зверь сидел неподвижно и, повидимому, спал. Можно было подумать, что он мертв, если бы не пар, выходивший из ноздрей.

Нам предстояло или тихонько ретироваться или стрелять. Чжан-Бао первый поднял ружье. Два выстрела раздались почти одновременно. Снежный капюшон свалился с головы медведя, он вздрогнул, рванулся было вперед и тут же ткнулся мордой в снег. Наши выстрелы оказались смертельными.

Чжан-Бао остался на месте охоты, чтобы снять с медведя шкуру, пока он еще не окоченел. На обратном пути я встретил удэхейца Ваника Камедичи и рассказал ему о случившемся.

— Гы байта (худо, грех),— отвечал он мне и при этом добавил, что они никогда такое сонное животное не бьют. Каждый охотник знает, что всякого зверя сперва надо разбудить криком или бросить в него камень и стрелять только тогда, когда он подымется со своей лежки. Это закон, который нельзя нарушать. Человек, не соблюдающий его, рано или поздно поплатится жизнью.

В тот же день убитое животное было доставлено на бивак. Часть мяса мы взяли с собою, большую часть отдали удэхейцам, а шкуру отправили к устью реки Самарги для доставки ее весною на пароходе в город Владивосток.

Дня через два мы дошли до ключика Сололи, по которому нам надлежало подниматься на Сихотэ-Алинь. Тут был пустой балаган, выстроенный гольдами, которые ежегодно после нового года приходят сюда с Амура и соболюют на землях, принадлежащих самаргинским удэхейцам. Пользуясь своей численностью, они не обращают внимания на протесты последних.

Сопровождавшие нас удэхейцы расположились в балагане, а мы — в своем шатре. Мне хотелось определить географические координаты устья ключика Сололи, но так как небо было не совсем чистое, то я решил совершить еще одну экскурсию по реке Самарге. Истоки ее находятся в высоком горном узле, откуда берут начало реки Анюй, Копи, Хор и Самарга, текущие в разные стороны от Сихотэ-Алиня. Таким образом с Самарги можно выйти на Уссури, Амур и обратно к морю.

В верховьях Самарга течет вдоль Сихотэ-Алиня в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу. От ключика Сололи она начинает отклоняться к югу, потом к юго-востоку. Долина реки Самарги около моря неширокая, но выше Кукчи

она значительно расширяется. Небольшие разбросанные сопки, сглаженные контуры, многочисленные мелкие ручьи и общая заболоченность их долин свидетельствуют о постоянных эрозионных процессах и о древнем строении Сихотэ-Алиня, который по существу представляет собой остатки бывших когда-то величественных гор. Подтверждение этому мы находим и в плавниковом лесе, скопившемся большими завалами на поворотах рек и там, где она разбивается на протоки. В нижнем течении Самарги завалов нет вовсе.

Самым верхним притоком Самарги будет река Даагды. Удэхейцы говорят, что там часто встречаются кости сохатых, из чего они делают вывод, что лоси уходят туда умирать,— это их место упокоения — «Бунна».

Геологический состав горных пород от ключика Сололи до Дыровитого утеса характеризуется главным образом глинистыми сланцами с плитняковой и листовитой отдельностью. Кроме того, здесь встречается еще какая-то темная порода, похожая на андезит.

В верхнем течении реки интересно отметить наледи. Под этим именем надо понимать воду, идущую поверх льда. Просачиваясь по трещинам в горных породах, она выходит в береговых обнажениях на дневную поверхность и тотчас покрывается тонким слоем льда, который не выдерживает давления ноги человека. Глубина наледей различна: от 1 до 10—15 сантиметров. Издали их можно узнать по заиндевелым деревьям и по клубам пара, который поднимается от воды утром при восходе солнца и вечером, когда температура воздуха понижается. Если воды из береговых обнажений выходит много, она бежит вниз по реке до тех пор, пока не найдет какое-нибудь отверстие во льду. Тогда здесь образуются красивые бирюзового цвета водопады с водоворотами. Если вода по трещинам горной породы выходит на дневную поверхность высоко над рекой, то, стекая вниз по береговым обрывам, она намерзает в виде очень красивых ледяных каскадов, которые все увеличиваются в размерах, и кажется, будто здесь, действительно, был водопад, но замерз. На самом деле воды выходит так мало, что летом можно пройти мимо и не заметить ее вовсе.

Мы сделали небольшой опыт над измерением температуры воздуха. Вечером после заката солнца, когда началось излучение тепла от земли, термометр в лесу показывал —24° С. Там же термометр на открытом месте, не защищенном древесной растительностью, показывал —28° С. Вот почему все животные на ночевку забираются в самую глушь тайги. Это делают и люди, находя в чаще леса защиту от холодного ветра.

Горы, окаймляющие верхнюю часть долины Самарги, покрыты хвойно-смешанным лесом. Берега реки еще некоторое

время дают приют широколиственным древесным породам: ясеню, белой березе, клену, ольхе и тонкоствольным тальникам, но вскоре они начинают уступать свои места лиственнице, ели и пихте.

Среди пернатого населения верхнесамаргинских лесов характерны снегири.

Добродушные миловидные птички эти имеют очень красивую пурпуровую окраску. У самок преобладают желтые тона. Снегири подпускали нас к себе очень близко. Они пили воду, поднимая кверху свои головки, нимало не смущаясь присутствием людей, и только неосторожное движение кого-нибудь из нас заставляло их с криком подниматься со льда и садиться на ветви ближайших деревьев. Недалеко от гольдского балагана удалось застрелить северного рябчика. Самец выдал себя тонким пронзительным криком и шумом полета, похожим на глухую дробь барабана. Среди тальников я заметил восточного воробьиного сыча с желтыми ногами и желтым клювом. Он подпустил меня к себе очень близко, но все же нахохлился, стал переступать с ноги на ногу и поворачивать голову чуть ли не на все 180 градусов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВАЛ ЧЕРЕЗ СИХОТЭ-АЛИНЬ

Двадцатого января мы покинули Самаргу и направились к Сихотэ-Алиню, на ключик Сололи, который имеет общее направление от северо-запада к юго-востоку и в нижней своей части протекает по местности совершенно равнинной, среди густого хвойного леса плохого качества. Многие деревья стояли в наклонном положении, имели отмершие вершины и были украшены бородатым лишайником. Километрах в четырех от Самарги начинается подъем, сначала медленный, а потом крутой. На самом перевале, высота которого оказалась равной 910 метрам над уровнем моря, стояла маленькая деревянная кумирня, поставленная китайскими скупщиками пушнины в честь «старого духа дорог» (Лао ба-тоу). Восточный склон Сихотэ-Алиня со всеми реками, текущими в море, удэхейцы называют Ада-Намузани, а западный склон в бассейне притоков Ассури — Ада-Цазани. Сообразно этой терминологии и туземное население прибрежного района называет себя удэ с Намука, в отличие от людей, обитающих по рекам Иману, Бикину, Хору, Анюю и Хунгари, носящих название удэ с Дэзаха.

Западный склон Сихотэ-Алиня значительно положе восточного. Спустившись с перевала, мы вышли на какую-то маленькую речку, которая текла к северо-западу; по сторонам высились небольшие сопки, покрытые исключительно хвойным лесом. По мере удаления от водораздела горы становились

выше. Километрах в восьми от перевала слева подошел еще такой же ручей. Тут мы и заночевали. На другой день километров через десять мы дошли до реки Чуина, которая течет здесь с юга на север. Теперь глинистые сланцы остались сзади, и сначала появился мелкозернистый песчаник, а затем какая-то кварцитовая метаморфизованная порода, относящаяся, повидимому, к азоической сланцевой группе.

Еще на реке Самарге от удэхейцев я слышал, что на реке Чуине есть дерево, которое выросло не на земле, а на другом живом дереве, стоящем на корню. Теперь наш проводник опять повторил то же. Я просил его показать мне это чудо и сам стал внимательно смотреть по сторонам. Долина Чуина покрыта хвойным лесом, несравненно лучшим, чем на самом Сихотэ-Алине. Около реки в изобилии росли ольха довольно крупных размеров и тальники, имеющие вид строевых деревьев, но с мелкими ветвями почти от самого корня. Места повыше заняла лиственница, а ель и пихта отступили на самые вершины гор.

Наконец-то я увидел то замечательное дерево, о котором так много говорили удэхейцы. Это был осокорь с большим наплывом с северной стороны, метрах в десяти над землей. Сверху в наплыве было естественное углубление, заполненное разным мусором и перегнившей листвою. Случайно в него попало семя, высыпавшееся из еловой шишки. В этом углублении и выросла стройная елочка в метр величиною.

Река Чуин некоторое время (около 15 километров) течет параллельно Сихотэ-Алиню по продольной долине, а затем поворачивает на запад. В этом месте она проходит между двух скалистых сопок, образующих как бы ущелье. Дальше долина Чуина приобретает резко выраженный денудационный характер: широкие низины чередуются с отдельными сопками, которые в шахматном порядке подходят к реке то с одной, то с другой стороны. Образцы горных пород, собранных мной по пути следования от истоков к устью реки Чуина, располагаются в таком порядке: сначала идут филлитовый и кремнистый сланцы, потом песчаник, витрофир, друзы мелких кристаллов и роговообманковый порфирит.

Последние пять километров река Чуин протекает по лесистой равнине и встречает большую реку Хор.

Истоки реки Хора находятся далеко в горах. От Сихотэ-Алиня они отделяются особой горной складкой и верховьями реки Анюя. Хор течет по кривой от северо-востока на запад так, что выпуклая часть его дуги обращена к югу. Из притоков Уссури он занимает самый обширный бассейн, отделяемый от реки Бикина хребтом Синку. Течение его быстрое. Чистая прозрачная хорская вода с такой стремительностью входит в реку Уссури, что мутную воду последней прижимает к противоположному берегу. Устье Хора находится под

47° 49′ северной широты и 134° 49′ восточной долготы от Гринвича.

Самым большим притоком Хора считается река Сукпай. Она имеет в длину около 200 километров и течет на западо-северо-запад. По ней лежит путь через Сихотэ-Алинь на реку Кукчи, впадающую в Самаргу, о чем уже говорилось выше. Около устья Сукпай исстари живут удэхейцы. Это самое верхнее стойбище, имеющее почтенную давность. Иногда удэхейцы поднимаются по Хору выше и доходят до реки Сор, по которой лежит путь на реку Томпасу, приток Анюя, но долго там не задерживаются и всегда спешат снова вернуться на Сукпай. От устья последнего Хор течет на юго-запад. На этом участке правый берег его гористый. Здесь можно отметить только два ручья — Букгое и Кадаа, а с левой стороны — ручей Тынгтыма и рядом с ним сопку того же имени, затем ключик Танда и небольшую речку Чукку. Далее Хор делает небольшие изгибы. После юрт Чукку, расположенных недалеко от устья речки того же имени, с правой стороны описание местности идет в следующем порядке: небольшая речка Колами, затем долина сужается. Около ключика Чжуача Хор проходит в щеках. До ключика Актога правый берег нагорный и скалистый. Далее на протяжении 25 километров долина Хора значительно сужается и становится изломанной. То с одной, то с другой стороны реку подпирают скалистые сопки. После речки Актога справа впадает ручей Тулами, а в шести километрах от него Хор опять проходит в щеках и делает длинную узкую петлю. Здесь стояли юрты Чжоннига и рядом с ними ключ, носящий то же название. Вниз по течению с правой стороны — скалистая сопка Билли и ключ Кимми. Затем долина вновь расширяется, и река устремляется на юго-запад, принимая в себя еще два ключика — Бионко и Безымянный. Чтобы познакомиться с географией левого берега, читателю необходимо вновь совершить плавание по Хору, начиная от речки Чукка. Справа будут два ключа Сой и Чжульма Адани, затем в начале узкого места долины горный ручей Ясыга, а против реки Кимми — ключ Киколю. В пяти километрах от поворота Хора на юго-запад есть опасный перекат, а ниже — большой камень на самой середине реки. Весь левый край долины гористый, причем гребень хребта, окаймляющего долину с левой стороны, украшен скалами Яагу. Это место, где в Хор впадает река Капан, а против нее — ключик Бионко, о котором говорилось выше. Еще ниже, километрах в десяти, Хор принимает в себя большой приток Катэн. Последний при устье разбивается на два рукава, из которых западный, наиболее длинный, идет параллельно Хору и носит название протоки Хаде. Недалеко от этой протоки с юга подходит небольшая речка Оло. Как бы следуя указанному ею направлению, Хор делает поворот и

тоже течет к северу на протяжении 10—12 километров. С крутых левобережных склонов сбегает ключик Пянг Кулукчи. Затем горы далеко отходят в сторону, и здесь правый берег делается гористым, а левый — низменным. Река Хор становится шире, глубже и разбивается на протоки. С правой стороны в Хор впадают ключик Чжоо и речка Дукчи Силини, затем речка Уфа, ключики Имага, Сикин, Самагда и Янгу. Тут же находится протока Юмгма, немного ниже ее — второй опасный порог, а еще ниже — речка Дунгу. Здесь когда-то стояла кумирня и был последний китайский поселок, состоявший из двух фанз. Высокие скалистые сопки Анбан прорезываются руслами ключиков Дальми, Унгуни, Дыльма, Сикчи и Кокуя. Здесь сопки кончаются, Хор выходит на равнину, имея направление течения к северу. Следуя принятому нами правилу, укажем сперва речки, ручьи и названия местностей с правой стороны, а потом — с левой стороны. У горы Анбан от Хора отделяется одна из самых больших проток. Вновь с рекой она соединяется ниже, километрах в двенадцати. Отсюда начинают часто встречаться столбы лесоустроителей с разными знаками и зимовья, сложенные из бревен. Миновав протоки Буо и Чжафкди, Хор делает крутой поворот на запад. Здесь в углу с правой же стороны широко раскинулись 60 корейских фанз, носящих название селения Александро-Михайловского. Здесь же находится и переволок (Табань, Табаньдо) на Кию, которым пользуются удэхейцы, направляющиеся в сторону Хабаровска. Судя по тому, что долина Кии изрезана множеством протоков, стариц, вообще судя по тем следам, которые оставила здесь вода, видно, что эта река еще в недавнем прошлом была руслом Хора.

Читателю остается проследить только левый край долины Хора от того места, где Хор вышел из гор на равнину. Сначала Хор разбивается на две протоки, причем левая называется Чжигдыма, ниже — еще две протоки Большая и Малая Були и юрта Могочжи близ устья реки Мутен. Здесь последний раз к Хору подходят одинокие сопки Нита, Фунеа ниже переволока, представляющие собой остатки более высоких гор, частью размытых, частью потопленных в толщах потретичных образований.

После переволока Хор течет на запад, каковое направление и сохраняет до впадения своего в реку Уссури.

С высоты птичьего полета бассейн реки Хора представляется лесистой горной окраиной. Наиболее ценной породой является кедр. Он занимает все возвышенные места по среднему течению до Чуина. По теневым склонам гор произрастают ель, пихта и каменная береза, а на солнцепеках — липа, дуб, клен и осокорь. Внизу около самой реки — поемные леса, состоящие из самых разнообразных хвойных и широколиственных пород с преобладанием ясеня, ильма, тополя,

черемухи и тальника. Последние образуют густые заросли по галечниковым отмелям и островам.

От устья реки Чуина мы пошли вверх по Хору и через какие-нибудь пять-шесть километров подошли к речке Сальму (Сииму), впадающей в него с правой стороны. В этих местах долина Хора не широка и окаймлена сопками, имеющими такое очертание, что сразу можно сказать, что слагаются они из пород, изверженных вулканами. Адресуясь к дневникам, я нашел в них под соответствующими номерами серый гранит.

Дальнейший наш путь шел по речке Сальму. Она имеет длину около 35 километров, и ее истоки на перевале между реками Хор и Мухенем, впадающим в Амур. Первые пять километров она течет с севера на юг, потом километров на двадцать в широтном направлении, при этом становится очень извилистой и разбивается на мелкие проточки, совершенно недоступные даже для плоскодонных туземных лодок. Последние десять километров Сальму снова склоняется к югу и впадает в Хор двумя рукавами. Долина Сальму непомерно широка. Гор за лесом не видно вовсе. Впрочем, раза два они подходят к реке пологими скатами. Лес березовый и лиственный. Ближе к перевалу стали попадаться заболоченные мари, покрытые сухостойной лиственницей.

Дня через два мы подошли к перевалу. Речка, служившая нам путеводной нитью, сделалась совсем маленькой. Она завернула направо к северу, потом к северо-западу и стала подниматься. Подъем был все время равномерно пологий и только под самым гребнем сделался крутым. На перевале стояла небольшая кумирня, сложенная из тонких еловых бревен и украшенная красными тряпками с китайскими иероглифическими знаками. На вершине хребта лес был гораздо гуще. Красивый вид имеют густые ели, украшенные белоснежными капюшонами.

Надо было немного передохнуть. Пока мои спутники курили, я произвел измерение абсолютной высоты перевала и определил ее в 604 метра.

Спуск с водораздела в долину реки Садомабирани оказался гораздо круче, чем подъем с восточной стороны. Дорога, протоптанная соболевщиками и служившая нам нитью, была хорошо накатана, и это в значительной степени облегчило нам продвижение с грузовыми нартами.

Для таких новичков, какими являлись стрелки, подъем на лыжах в гору был гораздо легче, чем спуск с нее. Для неопытного спортсмена даже небольшой уклон книзу всегда является причиной падения. Но перед нами был большой и крутой спуск, к тому же собаки имели нарты с грузом, которые напирали сзади и развивали все большую и большую скорость. Стрелки были в затруднительном положении.

Уссурийские казаки подтрунивали над ними и давали советы, как быть. Мои спутники выпрягли собак, сняли лыжи, пустили нарты вперед и, сдерживая их на веревках, стали легонько спускаться вниз. Так сделали все, за исключением Марунича. Он решил спускаться на лыжах, а чтобы собаки не тянули вперед, он привязал их сзади, рассчитывая, что они будут сдерживать нарту, упираясь лапами в снег. Но получилось наоборот. Я в это время находился внизу под перевалом, когда позади себя услышал все приближающийся шум. Я оглянулся и увидел Марунича. Стоя на лыжах и изо всей силы упираясь в дышло своей нарты, он стремглав несся книзу. Собаки, вместо того, чтобы следовать за нартой, обежали ее справа и слева и, напрягая все силы, врастяжку мчались вперед и тем еще более увеличивали скорость движения. Марунич несся вниз все быстрее и быстрее, что-то кричал, и нельзя было разобрать, кричал ли он от испуга, просил ли помощи или предупреждал, чтобы идущие впереди сторонились и давали ему дорогу.

Едва я успел отскочить в сторону, как он вихрем пронесся мимо меня, и вслед за тем точно от взрыва кверху поднялось большое облако снежной пыли. Марунич с нартой врезался в мелкий ельник, собаки оторвались и побежали дальше. Такой спуск мог кончиться очень плачевно. Казаки бросили свои нарты и, ловко лавируя между деревьями, спешили к Маруничу на выручку. Когда я приблизился к месту катастрофы, то увидел нарту, лежавшую в снегу вверх полозьями, и вылезавшего из-под нее злополучного Марунича. Он весь был в снегу, лицо его выражало крайнее недоумение. Видно было, что он сам не понимал, как попал в такое положение. Он ощупывал свою голову, руки, как бы желая убедиться в их целости. В это время прибежали остальные люди и окружили его. С хохотом они сравнивали себя с товарными поездами, которые становились на запасные пути, чтобы дать дорогу курьерскому поезду. Марунич не отвечал им. Он обтирал рукавом мокрое лицо и пробовал вытащить нарту из снега. В это время собаки его вернулись назад. Считая их главными виновниками своего падения, Марунич схватил палку и бросился было за ними вдогонку, но запутался в постромках и опять упал в сугроб. Стрелки и казаки снова покатились с хохоту. Они помогли ему подняться на ноги, поймали собак и затем пошли за своими нартами, а я, гольд Косяков и Чжан-Бао пошли дальше.

За перевалом река Садомабирани начинается маленьким ручейком, текущим в западном направлении на протяжении пяти километров. Тут она сливается с другой такой же горной речкой, бегущей с северо-востока. Как раз у места слияния их мы нашли юрту и около нее семью удэхейцев. Они укладывали нарту и, видимо, собирались куда-то перекоче-

вать совсем. На вопрос, кто они и куда собираются, мужчина ответил, что он с реки Хора, зовут его Миону из рода Кимунку, что живет он на реке Хор и прибыл сюда на соболевание, но тигры потаскали у него почти всех собак. Поэтому он решил уступить им свое место и уйти обратно на реку Хор. Я сказал удэхейцу, что буду здесь ночевать, и просил его остаться с нами для того, чтобы завтра указать нам место, где чаще всего держатся полосатые звери, выжившие его с Садомабирани.

Женщина, услышав, что муж ее согласился на мою просьбу, совершенно равнодушно и молча стала разбирать нарту и таскать имущество обратно в юрту. Когда подошли казаки, было как раз время для остановки на бивак. Все дружно взялись за работу: одни ставили палатку и налаживали печь с трубами, другие рубили дрова, третьи резали траву для постелей, Марунич готовил обед. Когда начало смеркаться, я велел всех собак забрать внутрь помещения и всю ночь поддерживать костры на биваке, а сам вместе с Косяковым пошел в юрту удэхейца. Миону был мужчина лет тридцати восьми, невысокого роста, бедно одетый. Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки говорили о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни. В глазах жены — покорность судьбе.

Я стал его расспрашивать о реке, на которую мы вышли. Он сообщил мне, что все правые притоки верхнего Мухеня считаются хорошим охотничьим местом. Горы между Нефикцой и Мэка подвергались сильному разрушению, вследствие чего здесь образовалось много скал, имеющих причудливые формы. Это самое тигровое место в крае. Где бы они ни ходили, всегда туда возвращаются. Там они выводят и тигрят. Все охотники знают это, и потому никто не хочет соболевать около запрещенных скал. Тигр, который повадился у него таскать собак, пришел именно оттуда. Это очень дерзкий зверь. Сначала он посещал удэхейца ночью, а теперь повадился ходить и днем. Не позже, как сегодня утром, он унес еще одну собаку — пятую по счету. Когда удэхеец закричал на тигра, он ощетинился, показал зубы, заревел и стал бить себя хвостом по бокам. Из этого удэхеец заключил, что ему с семьей грозит смертельная опасность. Он решил уйти обратно на реку Хор, оставив щенка в распоряжение царственного зверя.

Были сумерки, когда я вышел из юрты и направился к своему биваку.

После ужина я снова вернулся в юрту удэхейца. Ребятишки его уже спали, жена его готовила ужин, а сам он исправлял ремни у лыж. Я подсел к огню и стал расспрашивать его о страшных утесах Мэка. Миону некоторое время молчал, и я думал, что он не хочет говорить на эту тему, полагая, что я хочу взять его в проводники.

— Место совсем худое. Наши люди никогда туда ходи нету, — наконец ответил он.

С этого начался разговор.

Скалы Мэка считаются недосягаемыми. Это пристанище чорта Онку. Там всегда завывает ветер. Проходящие мимо люди постоянно слышат, как вверху кто-то свистит, иногда слышны голоса, шум лыж, удары топора. Вот почему скалы Мэка называются Онку Чжугдыни, что значит — жилище злого духа Онку, или Амба Чжугдыни, потому что там всегда держалось много тигров. Они в качестве собак служат Онку и исполняют его поручения. И долго еще говорил мне этот человек про лесные страхи, которые все больше и больше разжигали мое любопытство. После ужина жена его тоже легла спать, а мы все еще сидели у огня и вели дружескую беседу.

Незаметно разговор перешел на другие темы: Миону спрашивал меня о том, как живут удэхейцы на берегу моря, и вспоминал кое-кого из своих старых знакомых.

Затем мы как-то оба замолчали. Я перенесся мыслями в прошлое и вспомнил свое длинное путешествие через Сибирь, когда ехал на Дальний Восток. Миону тоже о чем-то задумался и молча смотрел на огонь.

Вдруг он вздрогнул, на лице его выразился испуг. Я видел, как он побледнел и приложил дрожащую руку ко лбу.

— Что случилось? — спросил я его в тревоге.

— Куты-Мафа (тигр) близко ходи есть, — прошептал он чуть слышно.

Я прислушался, но ухо мое не уловило ни малейшего шороха. Тогда я взял ружье и вышел из юрты.

Была светлая ночь. Луна, более полная и яркая, чем накануне, только что скрылась за тучкой, нашедшей на нее с северо-запада. Порой она показывалась на мгновение, и тогда казалось, будто облако стоит на месте, а месяц бежит сквозь него в другом направлении. В кротком сиянии звезд на небе, в чистом морозном воздухе и в беззвучном движении воды в полынье — всюду царило невозмутимое спокойствие. Река казалась широкой белой аллеей, обсаженной по сторонам высокими старыми елями и уходящей в глубь леса. В нашей палатке было темно, из чего я заключил, что там уже все спали. От притухших костров кверху вздымались дымки тонкими струйками, пахло гарью.

Я осмотрелся и прислушался, но кругом царило полное безмолвие. Такая тишина кажется подозрительной. По ту сторону реки стеной стоял безмолвный лес, озаренный луной. Как-то даже не верилось, что в природе может быть так тихо. Словно весь мир погрузился в глубокий сон.

Я возвратился в юрту и сказал Миону, что не заметил ничего подозрительного. На это он мне ответил, что, хотя

я и не видел и ничего не слышал, но все-таки тигр был поблизости. Все люди знают, что если человек вдруг испугался без всякой видимой причины, значит страшный зверь подошел к его жилищу.

Тогда я сказал, что можно один или два раза выстрелить в воздух или бросить несколько головешек в сторону леса. Он ответил, что это не поможет. Тигр отойдет на время, потом снова явится, и тогда будет еще хуже.

На другой день я не хотел рано будить своих спутников, но, когда я стал одеваться, проснулся Глегола и пожелал итти со мною. Стараясь не шуметь, мы взяли свои ружья и тихонько вышли из палатки. День обещал быть солнечным и морозным. По бледному небу протянулись высокие серебристо-белые перистые облака. Казалось, будто от холода воздух уплотнился и приобрел неподвижность. В лесу звонко щелкали озябшие деревья. Дым от костров точно туман протянулся полосами и повис над землей.

Миону был на ногах. Жена его готовила завтрак, сам он чистил ружье, а ребятишки играли костями рыси. Во время еды он сказал, что проводит нас только до того места, где обыкновенно держатся тигры, а затем вернется и, не дожидаясь нашего возвращения, пойдет на реку Хор. Я знал, что отговаривать его было напрасным трудом, и потому сказал ему, что хорошо помню свое обещание не задерживать его дольше полдня.

Когда все было готово, мы надели лыжи и пошли вслед за нашим провожатым. Он направился по протоке вдоль обрывистого берега, поросшего вековым лесом. Во многих местах яр обвалился и обнажил корни деревьев. Одна ель упала. При падении своем она увлекла большой кусок земли. Здесь по снежному сугробу шла хорошо протоптанная тропа.

— Ни одного человеческого следа нет, — все тигровые, — сказал Миону, указывая на тропу.

Видно было, что зверь ходил здесь очень часто. Тропа была хорошо утоптана, и тигровые следы блестели так, как будто они были проложены по мокрому снегу и затем замерзли.

Стоило только насторожить здесь ружье или самострел, чтобы нанести зверю тяжелую рану, но удэхеец предпочитал уступить ему не только место, но и всех своих остальных собак.

Отсюда мы начали подъем в гору. Снег в лесу не был достаточно глубок, и потому все валежины на земле отмечались тенями, которые то розовели, то синели в зависимости от того, как высоко поднялось солнце над горизонтом. Также синела и тигровая тропа, пока не разбилась на несколько следов. Один был совсем свежий. Удэхеец оказался прав: ночью тигр, действительно, подходил к жилищу. Я обратил

внимание на то, что следы были не одинаковой величины. Очевидно, Миону навещал не один зверь, а два, так как следы шли вразброд и часто навстречу один другому, значит тигры охотились за собаками каждый сам по себе. Мы взяли свежий след и прошли по нему с версту. Он направился в гору и завел нас в непролазный бурелом, заросший молодым ельником. Там мы нашли совершенно свежую лежку. Тигр лежал на боку, закинув голову кверху. На снегу получился точный его позитив: голова с ушами, шея, корпус и вытянутые лапы. Лежа, он легонько помахивал хвостом и разбросал снег в стороны. Разбираясь в следах, мы установили, что он вдруг чего-то испугался и, вскочив на ноги, некоторое время стоял неподвижно, потом отбежал немного и опять остановился. Вероятно, мы были причиной его испуга. Как ни осторожно мы шли, но все же шум от лыж в тихом морозном воздухе должен был быть слышен на довольно большом расстоянии. Тут Миону остановился и заявил, что дальше он не пойдет, и посоветовал нам быть осторожными, так как тигр понял, что его выслеживают. После этого он повернул назад, а мы пошли дальше по следу. Тигр сделал большой круг в направлении к реке Садомабирани. Но вот след пересечен один раз, другой. Нам стало ясно, что тигр хочет обороняться и напасть на своих врагов из-за угла. Тогда я решил оставить опасную игру и итти прямо на бивак.

Вскоре мы нашли лыжню, принадлежавшую Миону. Он почему-то бросил старую дорогу и пошел под гору целиною.

На биваке я застал только одного Марунича. На вопрос, где остальные люди, он ответил, что все пошли на охоту вверх и вниз по реке.

Около юрты удэхейцы торопливо укладывали нарту. Я подошел к Миону. Он был не в духе. Из расспросов выяснилось, что он едва не поплатился жизнью за то, что ходил с нами по тигровому следу. На обратном пути как-то вышло так, что «Куты-Мафа», т. е. тигр, путая следы, оказался недалеко от старой лыжни. Услышав приближение удэхейца, он пришел в ярость. Миону видел, как он залег на бурелом и ждал приближения двуногого врага. Тогда удэхеец круто свернул в сторону и очень быстро спустился с горы в долину Садомабирани. Я сказал, что он упустил удобный момент для выстрела, но, по мнению удэхейца, лучший способ отделаться от страшного зверя — это уступить ему дорогу.

Когда нарта была уложена, Миону привязал щенка к дереву, запряг двух взрослых собак и пошел по нашей дороге вверх по реке Садомабирани. Жена его стала палкой подталкивать нарту сзади, а ребятишки на лыжах пошли стороной. Щенок, которого Миону отдавал тигру, навострил свои ушки и затем, повернувшись задом, изо всей силы стал тянуться на ремешке, стараясь высвободить голову из петли.

Марунич подошел к щенку и, отвязав ремешок, на руках отнес в нашу палатку и накормил его кашей. Щенок как-то сразу освоился с новой обстановкой и через полчаса уже заигрывал с какой-то собакой, но той не нравилась фамильярность молокососа, она долго ворчала и скалила на него зубы.

Незадолго до сумерек возвратились стрелки и казаки с охоты. Все они видели тигровые следы. Глегола подстрелил одну кабарожку. Это было как раз кстати, потому что каша нам надоела и всем хотелось мясного. К вечеру мороз усилился. В нашей палатке было очень уютно. Докрасна раскаленная печка распространяла кругом тепло. На ней шумел чайник. Казаки поправляли ремешки у лыж и делились свежими впечатлениями, смеялись, вспоминали спуск Марунича с перевала, а я делал записи в путевой дневник. Щенок пробрался в палатку, стрелки гладили его, тормошили за уши, а он шалил, валялся на спине и легонько кусал им руки.

Так как место это было опасным, то мы решили установить очередь для окараулнвания бивака. Один раз ночью собаки подняли большой шум. Мы забрали их всех в палатку и развели большой костер.

Лишь только начало светать, Марунич разбудил меня. Я произвел метеорологические наблюдения и приготовил планшет для съемки, а когда утренний завтрак был готов, мы вдвоем стали будить разоспавшихся стрелков и казаков.

Наши утренние сборы заняли времени не больше одного часа. Каждый знал, что ему надо делать: движенья каждого человека были согласованы, и потому уборка палатки и укладка походной печки, увязка нарт и запряжка собак делались всегда без лишней проволочки.

Когда собаки были запряжены, курильщики, как всегда, побежали к костру, чтобы закурить на дорогу. Затем, надев на себя лямки и прикрикнув на собак, стрелки и казаки друг за другом гуськом тронулись в путь.

Отойдя от бивака шагов полтораста, я оглянулся назад и увидел тонкую струйку дыма, поднимавшуюся от костра кверху.

Начало съемки всегда отнимает несколько больше времени, чем производство ее в пути. Надо выверить шагомер, взять обратный азимут на последний отрезок вчерашнего пути, надо взять пеленги на видимые высоты и т. д. Когда я кончил проделывать все манипуляции, я вдруг вспомнил, что забыл на биваке барометр. Ничего не оставалось больше делать, как вернуться. Стрелки и казаки ушли уже порядочно вперед. Я не стал их окликать в надежде, что догоню на первом же перевале.

Когда я подходил к биваку, мне показалось, что что-то большое желтое быстро мелькнуло в кустах.

Я остановился и прислушался, но так как ничего подозрительного не видел, то решил, что мне это показалось. Времени нельзя было тратить даром, я подошел к дереву, на котором висел барометр, снял его с дерева и стал надевать себе на шею, для чего снял шапку, но нечаянно выронил ее из рук. Нагибаясь к земле за шапкой, я увидел на снегу отпечатки больших тигровых лап. Сознание своего одиночества в присутствии такого страшного и дерзкого зверя наполнило мое сердце страхом. Я поспешно сунул барометр в боковой карман, надел шапку и, постоянно оглядываясь, пошел по нартовой дороге. Я не бежал, шел спокойно, держа указательный палец на спуске затвора своего ружья. Потом я прибавил шагу и через несколько минут достиг поворота реки.

Долина расширялась. Вдали около второго поворота я увидел стрелков и казаков. Чувство страха оставило меня, и я спокойно приступил к съемке.

Долина Садомабирани залегает между двух отрогов Хорского хребта, идущих в широтном направлении. В обнажениях виден все тот же гранит, и изредка встречается какой-то плотный песчаник. Долина Садомабирани, пока она течет в горах, покрыта великолепным лесом, состоящим, главным образом, из кедра с небольшой примесью других хвойных деревьев. В верхнем течении Садомабирани разбивается на столь мелкие протоки, что кажется, будто вода прямо идет по лесу и вовсе не имеет русла. Она просачивается между корнями деревьев, исчезает среди каменистых россыпей и потом вновь появляется на дневную поверхность.

Как только река выходит из гор, хвойно-смешанные леса кончаются, и на сцену выступают широколиственные леса, состоящие из дуба, березы, осины и прочих пород. Здешняя осина имеет столь светлую кору, что я сначала принимал ее за березу и, только подойдя вплотную, заметил свою ошибку. Ближе к устью лес начинает редеть. Все чаще и чаще появляются заболоченные полянки, число и размеры их все увеличиваются и наконец становятся преобладающими.

Самым верхним притоком Мухеня будет речка Алчи. Около устья ее есть выходы бурого угля на дневную поверхность. Алчи осталась у нас правее и сзади.

Немного ниже Садомабирани в Мухень впадают с той же стороны (правой) еще две речки — Нефикца и Мэка, что значит «чорт». Последняя получила свое название от скал, находящихся в ее верховьях, служащих, якобы, местом обитания злых духов. Все перечисленные четыре речки заслуженно считаются зверовыми. В вершинах их живут лоси, ниже — изюбры и кабаны.

Леса в верховьях Мухеня довольно богато населены пернатыми. Я видел ворон, дятлов, поползней и снегирей. Они наполняли лес криками и ударами клювов по стволам сухостойных деревьев. Вороны и ронжи при нашем приближении улетали прочь, дятлы прятались за ветвями и только одним глазом поглядывали на проходящих людей. Только поползни и снегири держали себя независимо и свободно, даже в тех случаях, когда мы подходили к ним совсем близко.

После принятия в себя Нефикцы Мухень становится чрезвычайно извилистым. Ничтожный склон долины, медленное течение — все это характеризует старческий возраст реки.

С левой стороны против Мэка и Нефикцы расстилаются болота, покрытые сфагновым мхом и поросшие редкой лиственицей.

Еще ниже Мухень принимает в себя с левой стороны приток Пунчи и два ключика Дай Холга и Нючь Холга с ржавою болотною водою. Может быть, это обстоятельство и является причиной того, что в Мухень идет мало кеты. Зато он богат частиковой рыбой всевозможных пород, начиная от максунов и кончая карасями.

В нижней части Мухень пролегает среди обширных низменных пространств, кочковатых и заболоченных. Древесная растительность встречается только группами по рекам, потом исчезают и одиночные деревья, и на сцену выступают ольховники и тальники, имеющие вид высокоствольных кустарников, которые, как бордюрами, окаймляют берега реки, ее притоков, стариц, заводей и слепых рукавов.

Пять дней мы шли по реке Мухеню, следуя всем ее изгибам, которые удлиняли наш путь по крайней мере в два или три раза. Во время пути мы кормили собак два раза в день: немного утром, перед выступлением в поход — сухой рыбой и затем вечером на биваке — жидкой гречневой или чумизной кашей, сваренной с юколой. Сначала они неохотно ели кашицу, и это вынуждало нас прятать от них на деревья наши лыжи, обтянутые кожей, ремни, обувь и прочее имущество, иначе все это было бы сразу съедено.

На Мухене у нас пала одна собака. Я велел оттащить ее немного в сторону и бросить в кусты. Вскоре мы стали биваком.

Вечером собаки вели себя неспокойно. Они грызлись друг с другом и рвались с привязи. На другой день утром обнаружилось исчезновение двух собак. Я думал, что они убежали совсем, но незадолго перед выступлением в поход обе беглянки вернулись. Они облизывались, и животы их были вздуты.

— Где они кормились? — спросил удивленно Крылов.

— Собака собаку всегда кушай, — отвечал Чжан-Бао.

Желая удостовериться в этом, я надел лыжи и вместе с Крыловым сбегал туда, где была брошена дохлая собака.

Действительно, она оказалась съеденной более чем наполовину. На снегу виднелись собачьи следы, они шли от нашего бивака и обратно на бивак.

Мы поняли, что на длинные переходы можно брать больше ездовых собак. По мере того как число нарт будет сокращаться вследствие расходования продовольственных грузов, слабых собак можно убивать и кормить наиболее молодых и сильных животных.

Река Мухень привела нас к реке Немпту, в которую она впадает с правой стороны. Еще шесть километров, и мы дошли до устья последней.

Река Немпту берет начало с Хорского хребта и имеет в длину около 200 километров. В верховьях она захватывает истоки Мухеня и состоит из двух речек, протекающих по узким долинам среди скал. По словам удэхейцев, там много всякого зверья, в том числе и тигров. После слияния Немпту склоняется к северо-востоку. Долина реки завалена большими камнями, промежутки между которыми заполнены вязкой глиной. Километров через двадцать Немпту поворачивает к северу. Это направление она сохраняет очень долго и по пути принимает в себя следующие притоки: с левой стороны — Си, Дайхео, Темсо и Боянсор, а с правой — Анхалга, Юшки, Полян, Осима и Мухень. По выходе из гор река начинает делать меандры и чем дальше, тем больше. В некоторых местах во время большой воды река сама выпрямляет свое русло и входы в старицы заносит илом и песком. Так образовалось множество заводей, слепых рукавов, длинных озерков, которые сопровождают реку с обеих сторон. Не доходя километров пятнадцати до озера, Немпту делает крутой поворот к востоку, затем еще раз меняет направление на северо-восточное, которое и сохраняет до конца. Течение ее медленное, вода тепловатая, ржавого цвета. Немпту впадает в озеро Синдинское и при устье образует множество островов, которые становятся все ниже и ниже, наконец сравниваются с горизонтом воды и превращаются в мели.

Само озеро имеет неправильно округленную форму, суженную с севера и расширяющуюся на юге, с небольшим заливом с западной стороны. Древний его берег восточный. В недавнем прошлом (в геологическом смысле) все пространство, занимаемое реками Немпту (до притока Анхалга) и Мухень (до притока Мэка), представляло собой обширное водное пространство; только плоские возвышенности Аур и Мухенский увал казались островами, покрытыми древесной растительностью. В это древнее озеро впадало множество мелких речек, составляющих ныне притоки Мухеня и Немпту. С течением времени громадный водоем заполнялся выносами рек, в него впадающих. Заболоченная низина, о которой здесь идет речь, не высохла и по сие время. Гумусовый горизонт

нарастает чрезвычайно медленно. Берега возвышаются над уровнем воды в реке не более как на 25—75 сантиметров, и потому в дождливое время года все низменные места, все едва заметные для глаза углубления снова заполняются водою. Особенно большие болота располагаются около южной стороны Синдинского озера. Наиболее глубокие места его узкой полосой проходят сначала у восточного, а потом у западного берега. Особенно мелководна юго-западная часть этого исчезающего водоема.

Было бы ошибочно думать, что озеро питается водою только из рек Мухеня и Немпту. Повышение уровня воды его зависит и от Амура. И в этом случае наблюдается уже знакомый нам процесс засорения озера песком и илом. В ненастное время года мутная амурская вода входит в спокойное Синдинское озеро и отдает ему тот материал, который находится в ней во взвешенном состоянии.

С Амуром Синдинское озеро соединяется двумя рукавами. Один — наиболее длинный и узкий — направляется на запад к селу Сарапульскому, а другой — короткий и широкий — впадает в так называемую Синдинскую протоку.

Кроме Немпту, в озеро впадают еще две маленькие речки: с юго-запада — Бухта и с юго-востока — Тон. Между этой последней и рекой Немпту образовалось еще маленькое озеро Доцен, соединяющееся несколькими протоками как с обеими названными реками, так и непосредственно с озером Синда.

День был уже на исходе. На западе пламенела заря, когда мы поровнялись с лысой горой Кадар на правом возвышенном и лесистом берегу озера. Освещенные закатными лучами покрывающие ее снега окрасились в нежнорозовые тона.

Место для ловли рыбы, сушилка, составленные лодки на берегу и т. д. — все указывало, что где-то недалеко есть люди. Собаки тоже, как бы почуяв близость человеческого жилья, пошли бодрее. Вот и дорога, вот и свежие следы лыж. Кто-то недавно рубил дрова. И действительно, едва мы вышли на синдинскую протоку, как увидели с правой стороны огоньки. Это было гольдское селение Люмоми.

Мужчины все ушли на охоту, дома остались старики, женщины и дети. Выбрав одну из фанз побольше, я постучался в дверь. Из нее вышли две женщины. Узнав, что мы пришли издалека, они пригласили нас к себе и стали помогать распрягать собак.

Через час мы сидели на теплых канах, сбросив с себя обувь и верхнюю одежду. Женщины угощали нас чаем, мужчины лепешками с сухой рыбой. Мы решили никуда дальше не итти и отдохнуть в селении Люмоми как следует.

Дальнейший наш путь шел к верховью Анюя и по реке Копи к морю.

Обычно таяние снегов в бассейне правых притоков Анюя происходит чуть ли не на месяц раньше, чем в прибрежном районе. Уже в конце февраля стало ощущаться влияние весны. Снег сделался мокрым и грязным, в нем появились глубокие каверны. Днем он таял и оседал, а ночью смерзался и покрывался тонкой ледяной корой.

Я опасался распутицы: мне казалось, что реки будут в таком состоянии, что я не смогу двигаться ни на лодках, ни с нартами. Но старики-гольды говорили, что Анюй всегда раньше вскрывается в нижнем течении и что в верховьях будет хорошая санная дорога, а по ту сторону водораздела мне придется воду добывать из прорубей.

Тогда я вспомнил значение Сихотэ-Алиня, протянувшегося параллельно берегу моря, и, приняв во внимание затяжную весну на восточном его склоне, велел своим спутникам готовиться к походу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОПЯТЬ К МОРЮ

Двадцать седьмого февраля мы расстались с Люмоми и через двое суток дошли до другого селения — Найхин, расположенного около устья Анюя. Здесь я остановился у старого своего приятеля гольда Николая Бельды. Он сообщил мне, что по Анюю сообщение не сегодня-завтра должно прекратиться, и будет лучше, если я спущусь по Амуру до речки Гяу, затем, пойдя по ней до истоков, перевалю на реку Мыныму, поднимусь по этой последней и через второй небольшой перевал выйду на Анюй около местности Улема. Это — обычный путь запоздавших гольдов-соболевщиков в том случае, когда им надо возвращаться из прибрежного района на Амур. Я мог встретить их на пути и воспользоваться проложенною ими дорогой. Надо заметить, что в Уссурийском крае снега обычно выпадают во второй половине зимы. Совет Николая Бельды был очень разумен, и я решил им воспользоваться.

Все пространство между устьем реки Анюя и высотами, на которых расположено село Троицкое, и все острова, прилегающие к этому берегу, в основании своем слагаются из окатанной речной гальки, тогда как все берега Амура состоят из ила и песка; это свидетельствует о том, что весь правый берег Амура, о котором здесь идет речь, намыт рекой Анюем. В недавнем прошлом она имела устье значительно ближе к селу Троицкому. Можно проследить, как Анюй постепенно перемещал русло к юго-западу, пока не дошел до возвышен-

ного берега около гольдского селения Найхин. Ныне он стал заносить галькой и амурскую протоку Дырен. В недалеком будущем она тоже обречена на исчезновение. Тогда Анюй проложит себе новое русло где-нибудь около селения Торгон и, может быть, смоет самый Торгонский остров.

Речка Гяу протекает по одной из таких старых проток Анюя. Она имеет длину около 10 километров и берет начало с горного хребта Мыныму, который хорошо видно с Амура. Увалы между многими селениями и старицами Анюя покрыты редколесьем, состоящим из липы, ильма и дуба. Хребет Мыныму расположен в направлении от юго-запада к северо-востоку. Одним концом он подходит к Анюю. Отсюда к северу отделяется от него длинный отрог, соединяющийся с высотами селения Троицкого.

Река Гяу привела нас сначала к этому отрогу. Перейдя его, мы попали в марь. Судя по растительности, она должна быть заболоченной. Дальнейший наш путь пролегал к югу через невысокую седловину между хребтом Мыныму и упомянутым отрогом. Тут за сопками поблизости протекала и сама река Мыныму. Истоки ее находятся в горах, служащих водоразделом между ней и бассейном Гобилли. Она течет с северо-востока по сравнительно узкой горно-лесистой долине. Один из притоков ее близко подходит к Анюю. Их разделяет только невысокая сопка Амбанку Хоянбекчи. Здесь и есть тот переволок, о котором мне говорил Николай Бельды.

В 1909 году старики-туземцы предсказывали раннюю весну. Действительно, в конце февраля началось уже таяние снегов. Горные ручьи как-то сразу наполнились водою, вешние реки, казалось, находились в состоянии покоя, но из-под льда доносился шум, похожий на отдаленный гром. Слышно было, как он дрожит под напором быстро бегущей под ним воды. Местами лед стал подниматься кверху и взламываться у берегов, всюду появились проталины. Посредине реки лед был прочный, но в тех случаях, когда необходимость заставляла приближаться к берегу, надо было итти с палкой в руках. Вообще реки Анюй, Мыныму плохо замерзают, во многих местах круглую зиму стоят открытые полыньи. Гольды объясняют это обилием рыбы, которая якобы гуляет, дышит и не дает воде замерзнуть как следует.

Но как только подул холодный северо-западный ветер, лед на реке немного окреп. Это в значительной степени облегчило наше путешествие.

11 марта мы достигли перевала на Анюй. Здесь мы застали семью удэхейцев, состоявшую из двух мужчин, двух женщин и мальчика девяти лет.

В этот год на Анюе было много тигров, которые вели себя крайне дерзко и подходили близко к человеческим жилищам. Недели за две до нашего прихода один зверь проявил удиви-

тельную назойливость. Чуть ли не ежедневно он навещал удэхейцев и часто среди белого дня. Удэхейцы сначала убеждали его оставить их в покое, потом грозили ему копьями и огнестрельным оружием, шаманили по ночам и просили Буйнь Ацзани (хозяина зверей) отозвать «свою собаку» обратно. Ничего не помогало. Тигр ходил по другому берегу реки, ложился на льду против юрты, зевал и пугал людей. Тогда удэхейцы поняли, что страшный зверь самовольно ушел от своего хозяина, что он не подчиняется ему и потому убой его не ляжет тяжким грехом на них.

Однажды вечером одна из женщин хотела было выйти из юрты за водой. Это было как раз во время полнолунья. Едва она приоткрыла дверь, как увидела полосатое чудовище совсем близко от жилища. Она быстро захлопнула дверь. Тогда один из удэхейцев проделал ножом отверстие в корье юрты и сквозь него выстрелил в тигра. Зверь упал, но тотчас поднялся и пополз по льду реки. Наутро его нашли издохшим около другого берега. Удэхейцы прикрыли его снегом и по сторонам выставили два кола со стружками, чтобы дать знать проходящим людям, что место это запретное, а сами отошли немного ниже по течению, где я и застал их всех в сборе.

Узнав об этом, я на другой день отправился к тому месту, где лежал тигр. Это был великолепный рослый самец, но с бледной окраской и редкими крупными черными полосами на задней части тела. К сожалению, шкура его погибла совсем, шерсть из нее лезла большими клочьями. Я хотел было взять скелет животного, но мои намерения взволновали удэхейцев. Они говорили, что делать этого нельзя, потому что им житья не будет от других тигров, которые станут мстить за надругательство над одним из их сородичей. Дня через два я все же отправился к мертвому зверю, но, к своему сожалению, уже не нашел его совсем. На том месте, где лежал тигр, была большая промоина: темная вода быстро и бесшумно бежала под лед. Это обстоятельство убедило удэхейцев, что Буйнь Ацзани не допустил кощунства над своей собакой, хотя бы и вышедшей из повиновения.

Распрощавшись с удэхейцами, я отправился через переволок на Анюй. В этот день утром мы имели случай наблюдать интересное оптическое явление. Сибиряки называют его «солнцем с ушами» и говорят, что оно предвещает морозы.

Часов в десять утра, когда дневное светило поднялось над горизонтом градусов на десять, справа и слева от него появилось два радужных светящихся пятна, и от них в сторону протянулись длинные лучи, суживающиеся к концам. Одновременно над солнцем появилась радуга, обращенная выпуклой частью к горизонту, а концами — к зениту. День был морозный, тихий, небо безоблачное, деревья сильно заиндевели.

На другой день, 15 марта, явление повторилось, но было еще эффектнее. Утром был легкий туман, а на небе тонкая паутина перистых облаков. Вокруг солнца сперва появились два концентрических радужных круга. От вершины внутреннего круга отделилась радужная дуга, тоже обращенная концами кверху. На этот раз, кроме действительного солнца, было два ложных по сторонам и одно внизу. От боковых светящихся пятен вправо и влево потянулись лучи, которые все удлинялись до тех пор, пока не соединились, образовав по всему небу гигантский круг, параллельный горизонту. Затем появились еще дополнительные дуги, образовавшие ряд красивых сплетений; места пересечений их тоже издавали довольно яркий свет. Положение кругов не менялось, но одни из них блекли, другие же становились более яркими. К полудню на небе осталось одно только гало с внешней ахроматизацией. Я ждал снега, но вышло наоборот. Небо совершенно очистилось от перистых облаков. Ночью звезды сильно мерцали. Снег хорошо занастился. Несколько дней подряд держалась тихая солнечная погода.

Перейдя через гору Амбанку Хоянбекчи, мы вышли как раз к местности Улема на Анюе, где я решил сделать дневку и астрономически определить точку своего стояния. Место для наблюдений было выбрано на гальке, а шатер был поставлен несколько в стороне в лесу, где не так было ветрено. Я не стал терять времени и, воспользовавшись хорошей погодой, дважды произвел поправки хронометра и взял несколько высот до и после кульминации. Во время наблюдений в трубу инструмента на солнце были видны три пятна, расположенные наискось в одну линию. Самое большое пятно было верхнее, меньшее — среднее и самое маленькое — нижнее. Большое пятно можно было наблюдать даже просто сквозь дымчатое стекло.

На другой день мы на большом дереве вырезали надпись «20 марта 1909 г. Астрономический пункт. В. К. Арсеньев».

Когда все было закончено, я сделал распоряжение готовиться к походу вверх по Анюю, но в это время случилось происшествие, задержавшее нас в Улеме еще четверо суток.

День выдался на-редкость хороший: было тихо, светло и в меру холодно. Живительный прохладный воздух подбадривал, но не знобил, дышалось легко, и на душе было весело. Пока стрелки готовились к походу, я с Крыловым, захватив с собой собаку Кады, отправился на разведку.

В местности Улема весь правый берег Анюя на небольшом протяжении представляет собой низменное пространство, изрезанное бесчисленным множеством мелких проток и стариц. Рытвины, ямы и канавы встречались нам чуть ли не на каждом шагу, они соединялись друг с другом, сходили на-нет и пересекались под различными углами. Прибавьте к этому

пригнутые к земле и обезображенные наводнениями деревья, кусты, росшие в беспорядке, и завалы колодника вперемешку с мусором, нанесенным сюда водою, и вы получите полное представление поемного леса, у которого мы стали биваком.

Удэхейцы сказали правду. Здесь оказалось так много тигровых следов, что можно было подумать, будто все тигры, сколько их есть в Уссурийском крае, собрались на Анюй для зимовья. Однако скоро я заметил, что всего было только два следа: один большой — старый, другой поменьше — свежий. Следы шли вдоль по рытвинам и каналам в ту и другую сторону, шли поперек, делали круги и возвращались обратно. В одном месте мы натолкнулись на совершенно свежий след зверя. Крылов спустил собаку с поводка, но она не бросилась вперед, а, глубоко уткнувшись носом в снег, принялась обнюхивать каждую травинку, мимо которой мы проходили. Через минуту Кады опять пошла по рытвинам весьма осторожно, затем остановилась и стала прислушиваться. Раза два она ложилась на брюхо, поджав под себя задние ноги и вытянув вперед передние лапы. По тому, как вела себя собака, и по настороженным ушам видно было, что она что-то учуяла. Нервное настроение собаки передалось и нам, и я не был уверен, что если бы в эту минуту выскочил тигр, то стрелял бы в него спокойно. Кады не решалась итти вперед, и мы тоже замерли на месте в томительном ожидании. Наконец, Крылов не выдержал. Он подошел к собаке, осмотрелся и погладил ее. Она не шелохнулась. Тогда мы оба перешагнули через нее. Кады тихонько встала и поплелась сзади. Пройдя шагов с десяток, Крылов пропустил собаку вперед, но через несколько сот шагов она опять остановилась. Прижав уши, она стала озираться по сторонам, потом вдруг поднялась и торопливо побежала назад. Обойдя Крылова, Кады плотно прижалась к моим ногам. Я стал гладить ее и почувствовал, что она дрожит.

Значит, тигр где-то поблизости.

Любопытство и страх наполнили мое сердце. Оно усиленно билось, и мне казалось, что я слышу каждый его удар. Волнение сказалось и на дыхании. Мы оба замерли на своих местах, напрягая слух и зрение, но ни малейший шорох не нарушал глубокой тишины леса. Вдруг в тайге гулко щелкнуло мерзлое дерево. Словно электрический ток пронизал меня от головы до ног. Крылов круто повернулся в сторону шума, собака вздрогнула и еще больше стала жаться к людям. Прошло некоторое время, прежде чем мы поняли, что это была шутка мороза. В это время Кады снова пошла вперед. Мы последовали за ней. Она вела себя очень странно, шла по кривой и заглядывала в середину пространства, которое обходила по спирали. Это обстоятельство заставило нас удвоить внимание. В центре круга, который мы описывали, находился

огромный тополь, росший в сильно наклонном положении. Можно было подумать, что он лежит на земле. Около тополя снег был примят, местами изрыт, а в пространстве между деревом и землей что-то виднелось. Некоторое время мы стояли в нерешительности. Под ногу мне что-то попало, я нагнулся и поднял замерзший клубень корневища папоротника. Крылов взял его и бросил по направлению к тополю, но там было попрежнему тихо. Тогда мы направились к дереву смелее.

Это было логовище тигра. Тополь оказался дуплистым по всей длине, причем открытая часть дупла была обращена к земле. Снегу под ним не было вовсе, а сухая трава сильно примята; кругом и в особенности в самом логовище валялось много перегрызенных костей. Видно было, что полосатый хищник долго пользовался этим логовом. На соседнем дереве на высоте, которую я едва достал концом ружья, виднелся ряд продольных царапин. Я обратил внимание Крылова на ободранную кору. Я живо представил себе картину, как тигр вышел из логовища, зевнул, посмотрел вправо и влево, потом поднялся на задние лапы, оперся передними в дерево и, выгнув спину, стал расправлять свои когти.

На снегу около тополя было много старых следов — больших и малых. Значит, в логовище ютился сперва один тигр, потом он ушел, а его место занял другой зверь, помоложе. Было неизвестно только, ушел ли тигр сам на охоту или мы спугнули его. Вероятно, он ушел сам, иначе он не упустил бы случая поживиться собакой, которая сама пришла к его жилищу.

Осматривая следы, Крылов удалился немного, а я остался на месте, и чем дольше я оставался один, тем страшнее казалась мне вся обстановка. Мне казалось, что страшный зверь возвращается к своему логовищу и, увидев около себя человека, сначала останавливается и смотрит в недоумении, потом ползет на брюхе вот именно по этой самой рытвине, что находится сзади. Вдруг какой-то шум заставил меня вздрогнуть и повернуться назад. На соседнее дерево села ворона. Через минуту возвратился Крылов, и мы пошли обратно по своим следам.

Над сумрачным лесом раскинулось бледное зелено-голубое небо, окрашенное на западе в желтые и оранжевые цвета; кругом стало как будто еще тише, белый снег немного порозовел, стало заметно холоднее.

Скоро мы выбрались на протоку, но по ошибке пошли не в эту сторону и вышли на Анюй на полкилометра выше того места, где мы расположились биваком.

На душе сразу стало легче: лес — предательский, полный опасностей — остался позади, а впереди расстилалась широкая полоса реки, покрытая снегом. Закат уже начал темнеть; кое-где на небе замигали первые звезды, на смену усталому дню на землю торжественно спускалась ночь.

Через полчаса мы подходили к биваку. Там все было в порядке: палатка поставлена, из трубы ее вместе с дымом вылетали искры, а рядом с нею на подстилках из хвои и сухой травы отдыхали ездовые собаки; очередной артельщик готовил ужин.

Вечером я занялся дневниками, потом сделал необходимые распоряжения и рано лег спать.

Ночью я проснулся и, открыв глаза, увидел сияние звезд через окна палатки. Царившая кругом тишина нарушалась чьим-то легким храпом, да слышно было, как ворчали две неполадившие между собой собаки; потом они, видимо, разошлись, и тогда вновь воцарилось спокойствие. Минут через пять я уснул вторично. Вдруг меня разбудил сильный шум. Я вскочил на ноги, мои спутники тоже проснулись и недоумевающе смотрели по сторонам. Снаружи были слышны визг, лай и вой. Собаки как сумасшедшие рвались на своих поводках. Марунич, Глегола и Вихров наскоро надели сапоги и выбежали из палатки. Я тоже начал спешно одеваться.

Темнота на горизонте сквозила — день начал брезжить. По небу двигались большие облака, а за ними блестели редкие побледневшие звезды; земля была окутана еще мраком, но уже можно было рассмотреть все предметы; белоснежная гладь реки, пар над полыньей и деревья, одетые в зимний наряд, казалось, грезили и не могли очнуться от охватившего их оцепенения.

Первое, что мне бросилось в глаза,— это собаки. Они перепутались ремнями, сбились в кучу и боязливо озирались по сторонам. Некоторые из них сорвались с привязи и, поджав хвосты, бегали около бивака. Что случилось? Почему такой переполох?

— Должно быть, приходил тигр,— сказал Крылов, вышедший в это время из палатки.

Я велел посадить собак на место, развести огонь и согреть чай.

— Моей собаки нет! — вдруг крикнул Марунич не своим голосом.

Мы с Крыловым подошли к нему и тут на снегу увидели капли крови и свежие следы тигра. Теперь все стало ясно. Полосатый хищник задавил и унес собаку. Все стрелки сбежались к Маруничу, а я взял ружье и пошел на ближайшую разведку.

Помня уроки Дерсу, я принялся внимательно изучать следы и по ним без труда восстанавливал картину происшествия. Тигр шел по реке вдоль нашего берега. Увидев бивак, он встал за бурелом, застрявший на галечниковой отмели у поворота реки. Здесь он долго стоял, потом лег на брюхо, вытянув вперед свои лапы. Затем он перебрался через бурелом и по рытвине, идущей параллельно берегу, подкрался к биваку.

Эта рытвина своим обрывистым краем всего ближе подходила к месту, где были привязаны собаки. Выскочить из засады, схватить одну из собак и опять скрыться в зарослях — было для него делом одной минуты.

Наконец, собаки успокоились. Тогда на смену им выступили стрелки. Неописуемое возбуждение воцарилось среди них; все говорили и рассказывали друг другу, как произошло нападение тигра, как кто спал и что слышал и что видел во сне; у каждого был свой план, где искать зверя и как отбить у него собаку. За чаем, обсудив все спокойно, мы решили взять с собою четыре ружья и итти по следу тигра. Если он понес собаку к логовищу, то мы застанем его там, а если он бросит свою добычу и убежит, то мы насторожим ружья около тополя, затем возвратимся и будем ждать результатов. Так мы и сделали. В шесть часов утра я, Крылов, Рожков и Глегола отправились в путь, захватив с собой все необходимое для настораживания винтовок.

Утро было тихое. Туман над полыньей сгустился еще больше. Золотисто-розовые лучи восходящего солнца алели на высоких облаках в небе и на восточных склонах гор, покрытых заиндевелыми кедровниками. День обещал хорошую погоду.

Следы тигра шли прямо в лес. По ним видно было, что зверь, схватив собаку, уходил сначала прыжками, потом бежал рысью и последние 500 метров шел шагом. Оборванный собачий поводок волочился по снегу. Отойдя с километр, он остановился на небольшой полянке и стал есть собаку. Заслышав наше приближение, тигр бросил свою добычу и убежал. Когда мы подошли к собаке, она оказалась наполовину съеденной. Мы стали настораживать здесь ружья.

Кстати, вот как это делается. Для этого в землю вбивается два кола на небольшом расстоянии один от другого. Вместо вбивания кольев, если позволяет обстановка, можно воспользоваться стволами растущих вблизи деревьев, что еще лучше, так как щепа и свежевбитые в землю колья могут вызвать у зверя подозрение и излишнюю осторожность. К кольям привязывается ружье перпендикулярно к тому направлению, по которому предполагается ход зверя. На тигра винтовка настораживается (судя по величине его) на высоте от 17 до 35 сантиметров от колена человека. Когда ружье укреплено, оно заряжается, взводится курок, а в промежуток между скобой и спуском вкладывается деревянный рычажок, за длинный конец которого прикрепляется прочная волосяная нить или вычерненный тонкий шпагат, который протягивается через след зверя и привязывается к какому-нибудь предмету: к ветке куста, дереву, камню и пр. Не следует сильно натягивать шнур из-за ворон, которые всегда в большом количестве слетаются на падаль. Если они сядут на бечевку, то своей тяжестью могут произвести выстрел. Тигр, привыкший в чаще

грудью рвать заросли, мало обращает внимания на шнурок, который коснется его тела. Он продолжает лезть вперед, натягивает шнур и ранит себя в убойное место. Таким именно способом мы поставили четыре винтовки в расчете, что с какой бы стороны тигр ни пришел, он непременно должен попасть в настороженное ружье.

Покончив с этой операцией, мы замели свои следы еловыми ветвями и возвратились на бивак. Когда стало смеркаться, я велел Вихрову разложить около собак костер и выставить вооруженного часового. Ночь прошла спокойно, выстрелов не было слышно. Раненько утром Рожков и Крылов сбегали на лыжах к настороженным винтовкам и сообщили, что ночью тигр приходил к своей добыче. Обойдя собаку по большому кругу, он подошел к ней с противоположной стороны, но, предчувствуя что-то неладное, не решился тронуть ее. Не доходя шагов двух до бечевы, тигр прилег на брюхо. Судя по тому, что снег под ним подтаял, он лежал в этой позе довольно долго. Перед рассветом зверь снялся и пошел назад. Рожков и Крылов следили его некоторое время и дошли до логовища, откуда он убежал, заслышав приближение людей.

Надо было окружить настороженными ружьями и самое логовище. Эту работу взялся выполнить Крылов с двумя стрелками, а я остался на биваке. Совсем в сумерки они возвратились и сообщили, что на обратном пути на берегу одной из проток они нашли штабель мороженой рыбы, со всех четырех сторон оплетенный ивовыми прутьями. Рыба принадлежала, должно быть, удэхейцу Маха Кялондига. Тигр разломал плетенку и лакомился рыбой. Судя по следам, это было сделано вчера ночью.

Когда стало смеркаться, мы забрали всех собак к себе в палатку. Правда, это доставляло нам множество неудобств, но мы решили запастись терпением.

Вторая ночь тоже прошла спокойно. Тигр ходил вокруг логовища и около мертвой собаки. Он чуял опасность и не хотел рисковать своей жизнью, но я решил стоять здесь хоть неделю и ждать, когда голод сделает его менее терпеливым и менее осторожным. Однако тигр оказался умнее, чем я думал. Весь день мы просидели в палатке. Каждый использовал случайную дневку по-своему: стрелки починяли одежду, налаживали собачью упряжь, исправляли нарты. К вечеру я оделся и вышел из палатки.

День только что кончился. Уже на западе порозовело небо и посинели снега, горные ущелья тоже окрасились в мягкие лиловые тона, и мелкие облачка на горизонте зарделись так, как будто они были из расплавленного металла, более драгоценного, чем золото и серебро. Кругом было тихо; над полыньей опять появился туман. Скоро, очень скоро зажгутся на небе крупные звезды, и тогда ночь вступит в свои права.

В это время я увидел удэхейца Маха, бегущего к нам по льду реки. Он был чем-то напуган.

— Что случилось? — спросил его Косяков.

— Гыпы — отвечал он,— Куты-Мафа оно инаки дзябзянгии (т. е. худо, тигр унес одну собаку).— При этом он добавил, что зверь далеко не ушел и ест собаку поблизости от его жилища.

До наступления полной темноты оставалось не больше полутора часов. Я рассчитал, что если я побегу за ружьями, туда и обратно — два километра, а затем полтора километра до юрты удэхейца и еще до тигра, вероятно, с полкилометра, на что потребуется не менее часа, то тигр за это время успеет съесть всю собаку и спокойно удалится. Подумав немного, я спросил удэхейца, есть ли у него ружье. Он ответил, что имеет берданку, но стрелять священного зверя не будет, но так как Куты-Мафа сам напал на его дом, то он обещал проводить меня и указать место, где сейчас тигр находится. Тогда я решил итти с удэхейцем, а Крылов и Рожков побежали в лес за ружьями. Через двадцать минут я был уже в юрте Маха. Жена его с двумя детьми сидела испуганная, забившись в угол и разложив у входа в жилище большой огонь. Собаки тоже были собраны в юрту и привязаны к жердям, поддерживающим корье крыши.

Удэхеец достал из-под изголовья свое ружье и подал его мне. Это была старенькая берданка кавалерийского образца. Я осмотрел ее, все было как будто в порядке. Я оттянул замочную трубку и нажал на гашетку. Мне показалось, что пружина действовала слабо, потому что не было той резкости, которая требуется при спуске ударника. Я спросил его, не делает ли ружье осечек и как оно бьет. Он ответил, что винтовка исправна и бьет хорошо. В это время я услышал позади себя шопот и почувствовал запах багульника. Обернувшись, я увидел, что жена Маха откуда-то достала деревянное изображение человека величиной в 20 сантиметров, без рук, с согнутыми ногами, вытянутой физиономией и с синими бусинами вместо глаз. Она повесила закоптелого идола на веревочке к одной из стоек очага, называла его именем Касалянку, что-то шептала и жгла перед ним листья багульника.

Мне теперь некогда было ее расспрашивать о бурхане, которому она вверяла охрану своего дома или просила оградить мужа от страшного зверя. Я стал торопить удэхейца. Он переобулся и взял копье в руки.

Перед тем как итти, Маха заявил мне, что это не он идет бить тигра, а я, и что копье он берет с собою только так, на всякий случай.

Я понял его и подтвердил, что вся ответственность за убийство грозного зверя ляжет исключительно на меня одного и что его семья тут не при чем. После этого мы надели лыжи

и пошли: он — впереди, а я следом сзади. Пройдя шагов двести по реке, мы свернули в небольшую проточку.

Пока удэхеец бегал к нам на бивак и пока я осматривал его ружье и патроны, произошло событие, которого мы никак не могли предусмотреть. Тигр перешел ближе к юрте и, расположившись под яром на льду протоки, принялся за собаку.

Не подозревая, что зверь так близко, мы шли по протоке — удэхеец впереди, а я сзади по его следу — и довольно громко говорили между собой.

Вдруг Маха сразу остановился, а так как я не ожидал этого, то наткнулся на него и чуть было не упал. Я посмотрел на своего спутника. Лицо его выражало крайний испуг. Тогда я быстро взглянул в том направлении, куда смотрел туземец, и шагах в тридцати от себя увидел тигра. Словно каменное изваяние, он стоял неподвижно, опершись передними лапами в вмерзшую в лед колодину, и глядел на нас в упор.

Мне показалось, что зверь сделал коротенькую гримасу и на мгновение оскалил зубы: шерсть на спине его поднялась дыбом и тотчас опустилась; мне показалось, что у него дрогнули усы, и он дважды медленно повел кончиком хвоста налево и направо. В таких случаях в мозгу на всю жизнь особенно ярко запечатлеваются какие-нибудь две-три несущественные детали. Я не могу сказать, чтобы в этот момент я особенно испугался,— вернее, я просто растерялся и оцепенел, как и мой спутник Маха Кялондига.

Вдруг я вспомнил про ружье. «Надо стрелять, —мелькнула мысль в голове. — Обязательно надо стрелять, а то будет поздно...» Я приложил приклад к плечу и нажал спуск. Курок щелкнул, но выстрела не последовало. Быстро я снова взвел курок, и опять не произошло выстрела. В это время шагах в двадцати пяти сзади меня показались Рожков и Крылов. Видя, что я целюсь в тигра и не стреляю, они решили открыть огонь по зверю с дальнего расстояния. Но тут случилось то, чего опять-таки никто не ожидал: их ружья, пробывшие двое суток на морозе и, вероятно, густо смазанные маслом, тоже дали осечки.

Тигр простоял на месте еще минуты две, затем повернулся и, по временам оглядываясь назад, медленно пошел к лесу. В это мгновение мимо нас свистнули две пули, но ни одна из них не попала в зверя. Тигр сделал большой прыжок и в один миг очутился на высоком яру. Здесь он остановился, еще раз взглянул на своих врагов и скрылся в кустарниках.

Тогда мы вчетвером отправились на то место, где только что стоял тигр, и там на льду за колодником увидели наполовину съеденную собаку.

Взволнованный, я сел на бурелом и не знал, что делать. Винтовка удэхейца была у меня еще в руках. Всердцах я швырнул ее, как палку, в кусты. Когда удэхеец узнал, что

все три ружья дали осечки, он пришел в неописуемое волнение. Я стал ругать его берданку, но у него на этот счет были свои соображения.

Тигр в его глазах стал еще более священным животным. Он все может: под его взглядом и ружья перестают стрелять. Он знает это и потому спокойно смотрит на приближающихся двуногих врагов. Разве можно на такого зверя охотиться? Эти рассуждения казались удэхейцу столь резонными, что, не говоря больше ни слова, он поднял свою винтовку, сдунул с затвора снег и молча отправился по лыжнице назад в свою юрту, а мы сели на колодину и стали обсуждать, что делать дальше.

Обменявшись мнениями, мы решили насторожить два ружья по сторонам мертвой собаки. Третья сторона была защищена высоким яром, но четвертая оставалась открытой.

Как быть? Вдруг мне пришла в голову счастливая мысль насторожить в этом месте самострел.

Поставив ружья, мы замели следы и по льду протоки направились обратно к юрте. Удэхеец дал свой самострел, показал, как надо его ставить, но опять упомянул, что в покушении на жизнь тигра он участия не принимает. Я опять должен был успокоить его и сказать, что это наше дело и за него он не будет отвечать.

Тотчас же мы с Крыловым вернулись к мертвой собаке. Закрыв самострелами доступ к ней со стороны протоки, мы взобрались на противоположный крутой берег и стали караулить тигра.

Было поздно. На западе уже поблекла последняя полоска вечерней зари. На небе одна за другой зажглись яркие звезды. Казалось, будто вместе с холодным и чистым сиянием их спускалась на землю какая-то непонятная грусть, которую нельзя выразить человеческими словами. Мрак и тишина сливались с ней и неслышными волнами заполняли распадки в горах, молчаливый лес и потемневший воздух.

Я сидел за кустом и не смел шевельнуться. Иногда мне казалось, что я вижу какую-то тень на реке. Мне становилось страшно, я терял самообладание, но не от страха и не от холода, а от нервного напряжения. Наконец, стало совсем темно, и нельзя уже было видеть того места, где лежала мертвая собака. Я поднял ружье и попробовал прицелиться, но мушки не было видно.

— Надо итти, — сказал я тихонько Крылову, — начинает сильно морозить. Я чувствую озноб.

— У меня ноги тоже озябли, — ответил казак и поднялся с места.

Через полчаса мы были в юрте. Там все уже спали, только удэхеец сидел у огня и ожидал нас. Мы с Крыловым согрели воду, поели мороженой рыбы, напились чаю, затем легли на медвежью шкуру и тотчас заснули как убитые.

Утром часов в шесть меня разбудила жена удэхейца, она сварила нам две рыбины с икрой и чумизой. Все уже бодрствовали, только я один заспался. Первое, что я спросил, не было ли ночью слышно выстрела. Удэхеец ответил, что он всю ночь не спал, но ничего не слышал. Я попросил его сходить к настороженным ружьям. Он тотчас начал одеваться, а мы стали завтракать.

Минут через двадцать Маха вернулся взволнованный и сообщил, что тигр попал на стрелу. Удэхеец не задерживался около мертвой собаки, не рассматривал как следует следов. Он видел только спущенную тетиву самострела и кровь на снегу. Сообщение это сразу подняло наше настроение. Если тигр ранен серьезно, то он далеко не уйдет и заляжет где-нибудь поблизости.

Наскоро закусив, я, Крылов и Маха Кялондига побежали к месту происшествия.

Было тихое морозное утро. Солнце только что начинало всходить. Уже розовели восточные склоны гор, обращенные к солнцу, в то время как в распадках между ними снег еще сохранял сумеречные лиловые оттенки. У противоположного берега в застывшем холодном воздухе над полыньей клубился туман и в виде мелкой радужной пыли садился на лед, кусты и прибрежные камни.

Когда мы прибыли на место, то в глаза нам прежде всего бросился взрыхленный снег и на нем многочисленные, ярко-красные пятна крови. Из осмотра следов выяснилось, что тигр пришел к мертвой собаке незадолго перед рассветом; обойдя ружья, он остановился с лицевой стороны и, не видя преграды, потянулся к своей добыче, задел волосяную нить и спустил курок лучка. Стрела попала ему в лапу. Тигр сделал громадный прыжок и, изогнувшись в левую сторону, старался зубами вытащить стрелу, но лапы его все время скользили по льду, запорошенному снегом. Извиваясь, он свалился в полынью, но тотчас выбрался из нее. Тут же валялось помятое зубами древко стрелы, но наконечник остался в ране и, видимо, сильно беспокоил зверя. По следам видно было также, что тигр долго бился, чтобы достать наконечник: он ложился на бок, круто сгибал свое тело, упираясь лапами во всякую неровность льда. Наконец, он забился под яр. Здесь, упершись спиной в скалу, передними лапами — в бурелом, а задними — в смерзшуюся гальку, ему удалось зубами захватить наконечник стрелы и вырвать из своей лапы.

Здесь на снегу было больше всего крови. Освободившись от стрелы, тигр тотчас направился в лес. Сначала он волочил лапу, но затем стал на нее легонько наступать. Солнце взошло, и хотя на небе не было ни единого облачка, но цвет его был странный, белесоватый в зените и серый ближе к горизонту. Все наше внимание было сосредоточено на следах

тигра. Он шел и выбирал места, где были гуще заросли и меньше снега. След, оставленный правой лапой, был глубокий, а левый только слегка отпечатывался на снегу. Видно было, что зверь берег больную ногу и старался не утруждать ее. Крови становилось все меньше и меньше, и, наконец, она исчезла совсем. Значит, зверь был ранен не тяжело, и потому вряд ли нам удастся его догнать скоро, тем более, что и снег в лесу был недостаточно глубок и позволял животному двигаться без особых затруднений.

Чем дальше, тем лес был гуще и больше завален буреломом. Громадные старые деревья, неподвижные и словно окаменевшие, то в одиночку, то целыми колоннадами выплывали из чащи. Казалось, будто нарочно они сближались между собой, чтобы оградить царственного зверя от преследования дерзких людей. Здесь царил сумрак, перед которым даже дневной свет был бессилен, и вечная тишина могилы изредка нарушалась воздушной стихией, и то только где-то вверху над колоннадой. Эти шорохи казались предостерегающе грозными.

Один раз мы подошли было близко к тигру. Он забрался под бурелом и лежал на боку, видимо, зализывая рану. Он так был занят этим делом, что не заметил, как мы подошли к нему почти вплотную.

В таких случаях надо быть очень осторожным.

— Капитан, — шепнул мне удэхеец, — не надо торопиться.

И в этот миг я услышал сильный шум и увидел большое пестрое тело, мелькнувшее по другую сторону лесного завала. Зверя заметил и Рожков, но не успел выстрелить, как и я.

Было около полудня. Здесь у бурелома мы отдохнули и закусили сухой юколой, которую предусмотрительно захватил с собой удэхеец.

На общем совещании решено было продолжать преследование зверя, но туземец остался при особом мнении. Он говорил, что дальше гнать зверя бесполезно, потому что он ранен слабо, успел оправиться и не только не избегает бурелома, а, наоборот, всячески старается итти там, где гуще заросли и больше валежника.

Доводы удэхейца были убедительны, но мы все же решили еще раз испробовать счастье. После скудного завтрака, поглотав немного снега, чтобы утолить жажду, мы пошли снова за тигром. По следам было видно, что он сначала пошел прыжками, потом рысью, а затем опять перешел на шаг.

Но вот поемный лес остался позади, и теперь мы вступили в старый кедровник. Громадные стволы хвойных деревьев высились кверху и словно пилястры старого заброшенного храма поддерживали тяжелый свод. Внизу рядом с ними разросся молодняк. И старые и молодые деревья переплелись между собою ветвями и были густо опутаны ползучими растениями, которые образовали как бы сплошную стену из зарослей.

Девственный лес стоял плотной стеной. Сосредоточенное молчание наполняло весь лес. Зеленая полутьма, словно какая-то невыносимая тайна, тяготела вокруг, и невольно зарождалась мысль, не лучше ли вернуться, пока не поздно.

Вдруг шедший впереди Крылов остановился и, указывая на землю, сказал тихонько:

— Тигр нас обходит.

Действительно, наискось и поперек следа преследуемого нами тигра шел еще другой такой же след. Предательская хромота на левую лапу выдала тигра с головою. Стало ясно, что, выведенный из терпения настойчивыми преследованиями, он решил сам перейти в наступление. Для этого он сделал большую петлю и, перейдя свой след дважды, решил где-нибудь устроить засаду. Дело становилось серьезным. Мы удвоили внимание и пошли еще медленнее. Метров через пятьсот тигр пересек свой след в третий раз.

Мы так увлеклись охотой, что и не заметили, как исчезло солнце и серый холодный сумрак спустился на землю. Вверху сквозь просветы между ветвями деревьев виднелось небо в тучах.

— Манга, — говорил удэхеец, поглядывая наверх. — Тамна. Имаса сагды би... (т. е. плохо; тучи — снег большой будет).

В лесу стало совсем сумрачно. Казалось, будто стволы деревьев плотнее сдвинулись между собою, чтобы преградить нам дорогу. Казалось, что лес, видя, что не в силах остановить людей, преследовавших его зверя, позвал на помощь небесные стихии.

Я взглянул на часы. Было около пяти часов пополудни. Скоро солнце должно было скрыться за горизонтом, и наступят сумерки.

Взвесив все шансы за и против, мы пришли к заключению о необходимости возвратиться, хотя бы для того, чтобы утолить голод, который все настойчивее давал себя чувствовать. Вместе с тем появилось и другое чувство—чувство горечи и досады на неудачу. Крылов и Рожков ругались, поглядывая в сторону тигровых следов. И в самом деле, обстоятельства принуждали «оставить поле» за зверем в то время, когда он уже начал было сдаваться. Но голос благоразумия подсказывал: как бы тигровая шкура ни была дорога, своя все же дороже.

— Имаса би, — сказал удэхеец (т. е. снег будет).

Я взглянул на небо. Оно быстро темнело и как будто спустилось к земле, и от этого становилось неприятно и жутко. На лице своем я почувствовал прикосновение падающих сверху снежинок.

В это время опять над тайгой пронесся порыв ветра. Лес зароптал, зашумел, когда ветер ударил с другой стороны, потом налетел сзади и оборвался. И тотчас весь воздух напол-

нился белесоватой мутью, в которой потонули соседние сопки, земля и все, что было видно до сих пор. Ветер налетал порывами, и в промежутках между ними слышно было шуршание снега, большими хлопьями падающего на землю.

— Надо торопиться, — сказал Крылов, — а то как бы нам не пришлось ночевать в лесу.

Мы прибавили шагу, но от этого не пошли скорее. Лыжню быстро заносило снегом. Она чуть только была заметна. Скоро следы пропали совсем. Крылов остановился. Тогда удэхеец пошел вперед. Он хорошо знал эти места и прокладывал новую дорогу через снежные сугробы напрямик к своей юрте. Стало совсем темно, так темно, что трудно было рассмотреть, что делается шагах в десяти. Ветер и снег, словно сговорившись, с ожесточением набрасывались на все, что попадалось им на пути. Изредка сквозь мглу виднелась какая-нибудь ель, ветви которой неистово качались из стороны в сторону; иногда из темноты неожиданно выплывали то большой пень, запорошенный снегом, то валежина на земле или сухостой, лишенный сучьев. Мы шли дальше, а они, как привидения, проносились мимо и исчезали бесследно в ночной мгле.

Удэхеец скоро вывел нас на какую-то старицу, которая шла, как мне показалось, вовсе не туда, куда надо. Точно понимая мои мысли, он повернулся ко мне и лаконически сказал: «Далеко нету». Минут через пятнадцать старица вывела нас на тропу. Последняя круто повернула влево. Здесь порывы ветра сделались сильнее. Я начал зябнуть и стал опасаться за своих стрелков, которые легкомысленно оделись легко, чтобы на лыжах было удобнее преследовать зверя.

Итти становилось все труднее и труднее; мешали встречный ветер и рыхлый снег, в котором глубоко тонули лыжи. Я совершенно забыл про тигра и думал только о том, как бы поскорее добраться до юрты. Напрягая остаток сил, я еле волочил ноги. У меня сильно озябли руки и ознобилось лицо. Как раз в эту трудную минуту мы подошли к месту, где были насторожены наши ружья около мертвой собаки. Это всех нас подбодрило. Еще минут десять хода, и я увидел между деревьями красноватые клубы дыма, которые вместе с искрами вырывались из отверстия в крыше юрты.

Слава богу, опасность миновала! Наученный горьким опытом, я схватил горсть снега и, повернувшись спиной к ветру, стал натирать им лицо. Это было нестерпимо больно, но я тер долго и крепко, с сознанием, что это нужно и даже очень нужно. Онемевшая на щеках кожа стала понемногу отходить, пальцы на руках тоже сделались подвижными и чувствительными. Теперь можно было войти в теплое помещение.

В юрте ярко горел огонь, распространяя свет и тепло. Жена Маха тотчас принялась варить ужин, а мы согрели чай и с аппетитом взялись за сухари. После ужина удэхеец рас-

стелил нам медвежьи шкуры. Мы разулись и легли на них с величайшим удовольствием. Я пил чай и слушал, как пурга бушует снаружи.

— Хорошо, что мы во-время повернули обратно, — высказал я вслух свои мысли. — Дальнейшее преследование тигра было бы совершенно невозможно. Вьюга замела бы его следы, и мы напрасно только измучились и потеряли бы время.

У удэхейца на этот счет были свои соображения.

Тигр — священное животное. Его охраняют леса и горы. Бороться с ним с помощью оружия никогда не следует. Можно только шаманить и просить его удалиться в другое место.

Крылов пробовал было ему возражать, но он не соглашался с ним и в подтверждение своих слов приводил целый ряд доказательств: три ружья дали осечки, раненный стрелой зверь скоро оправился, лесная чаща старалась скрыть его, создавая нам всяческие препятствия, а когда мы почти совсем уже догнали его, вдруг неожиданно разразилась буря, ветер замел его следы и принудил нас вернуться.

Удэхеец был глубоко убежден, что если бы мы продолжали преследование запретного зверя, несомненно случилось бы несчастье, мы заблудились бы в тайге и погибли бы от голода и вьюги. Слушая его слова, я стал дремать.

Сильные порывы ветра потрясали юрту до основания. Вьюга злобно завывала в лесу, точно стая бешеных животных, которые с ревом неслись куда-то в пространство.

По соседству с юртой качалось и скрипело какое-то дерево. На крыше кусок коры дребезжал разными тонами, в зависимости от того, усиливался или ослабевал ветер. Убаюкиваемый этими звуками, иззябший и утомленный долгой ходьбой на лыжах, я крепко уснул.

Ночью меня разбудили какие-то звуки. Открыв глаза, я увидел, что огонь в юрте был притушен: в очаге только тлелись уголья. Прямо против меня на берестяном коврике сидел Маха. В руках у него был шаманский бубен и колотушка. Он пел что-то заунывное и прижимал лицо свое к бубну, отчего звук его голоса, отражаясь от туго натянутой кожи, то усиливался, то ослабевал до шопота. Маха пел и в то же время бил тихонько колотушкой в свой бубен. Перед удэхейцем на веревочке висел тот самый деревянный идол с глазами из синих бус, перед которым вчера женщина жгла листья багульника. Постепенно пение Маха перешло в речитатив. Он поднялся со своего места, взял топор, два маленьких деревянных колышка и железный котел, в который положил четыре уголька и вышел из юрты. Я поднялся и пошел за ним следом.

Снаружи бог знает что творилось. Была абсолютная тьма. Ветер чуть было не опрокинул меня с ног, словно кто нарочно бросал горстями снег в лицо. Лес гудел, и в ропоте его слы-

шались недовольство, жалобы и угроза. Через минуту я освоился с мраком и кое-как огляделся.

Удэхеец вбил два колышка в снег перед входом в свое жилище, затем обошел юрту и у каждого угла, повертываясь лицом к лесу, кричал «э-е» и бросал один уголек. Потом он возвратился в жилище, убрал идола с синими глазами, заткнул за корье свой бубен и подбросил дров в огонь. Затем Маха сел на прежнее место, руками обтер свое лицо и стал закуривать трубку. Я понял, что камланье кончено, и начал греть чай.

Минут пять мы просидели молча, потом я начал говорить о пурге, перешел к тигру и осторожно коснулся деревянного идола, повешенного на веревочке. Я спросил его, что означает камланье колышками и угольками.

— О, это изображение духов, — сказал удэхеец.

Затем он сказал мне, что трижды чувствует себя виноватым перед тигром: во-первых, потому, что он сообщил мне о похищенной у него собаке, во-вторых, потому, что дал мне свое ружье и лучок, и, в-третьих, потому, что вместе со мной ходил преследовать раненого зверя. Он просил Касалянку оградить его дом от тигра, для чего наговоренными колышками закрыл доступ в юрту и окружил жилище священным огнем со всех четырех сторон. Теперь он может попрежнему ходить без опасения на охоту. Выкурив трубку, Маха стал укладываться, я тоже последовал его примеру, но долго не мог уснуть.

Часа через два буря стала понемногу стихать. Ветер сделался слабее, и промежутки затишья между порывами стали более удлиненными. Сквозь дымовое отверстие в крыше виднелось темное небо, покрытое тучами. Снег еще падал, но уже чувствовалось влияние другой силы, которая должна была взять верх и успокоить разбушевавшуюся стихию, чтобы восстановить должный порядок на земле.

На другой день мы все встали довольно поздно, немного закусили печеной рыбой и отправились на свой бивак.

С юго-запада тянулись хмурые тучи, но уже кое-где между ними были просветы и сквозь них проглядывало голубое небо. Оно казалось таким ясным и синим, словно его вымыли к празднику. Запорошенные снегом деревья, камни, пни, бурелом и молодые елочки покрылись белыми пушистыми капюшонами. На сухостойной лиственнице сидела ворона. Она каркала, кивая в такт головою, и неизвестно, приветствовала ли она восходящее солнце или смеялась над нашей неудачей.

Невдалеке виднелась наша палатка, и около нее струйка беловатого дыма поднималась кверху. Это Марунич готовил себе утренний завтрак.

Через три дня мы были около устья реки Гобилли, памятной нам по маршруту на реке Хуту в прошлом году, где мы едва не погибли с голоду.

Все большие притоки Анюя находятся в верхнем его течении. Если итти вверх по течению, то первой рекой, впадающей в него с левой стороны, как мы уже знаем, будет река Тормасунь, потом в двух днях пути от нее — река Гобилли. Затем в половине дня расстояния с левой же стороны две реки — Малая и Большая Поди, а за ними в четырех километрах — река Дынми. По ней я и наметил путь на реку Копи, впадающую в бухту Андреева.

На этом участке (между Гобилли и Дынми) Анюй протекает в меридиональном направлении по чрезвычайно узкой и изломанной долине, обставленной высокими горами с остроконечными вершинами. Места эти можно было бы сравнить со Швейцарией, если бы эта красота не была такой дикой и суровой.

Петрографические образцы, взятые мною из обнажений с обеих сторон реки, идут в следующем порядке: гнейс, слюдяной сланец и кремнистый песчаник, повидимому, относящиеся к азоическим метаморфизованным.

Оставив свой отряд около устья реки Дынми, я с двумя удэхейцами и с Чжан-Бао поднялся еще по Анюю километров на тридцать и стал биваком на правом нагорном берегу.

Вечером у огня мои провожатые на бересте начертили мне план верхнего Анюя со всеми притоками. Их география все время переплеталась с рассказами о разных приключениях то со зверями, то с злыми духами. Чжан-Бао вставлял свои критические замечания, которые поражали меня то верностью, то своеобразной китайской фантазией. Например, он был убежден, что тигр в каждом человеке видит чушку и потому хочет его съесть. На всякий случай у него были готовые примеры, взятые из жизни предков Китая, а все, что исходит из «Великого срединного царства», достоверно и не подлежит сомнению.

Уверенный тон, которым говорил Чжан-Бао, сильно действовал на удэхейца, и я увидел, что авторитет моего приятеля поднимался все выше и выше. Это нисколько не задевало моего самолюбия, и я со вниманием слушал повествования всех троих.

Не помню, как я заснул, и не знаю, долго ли сидели у огня мои спутники, рассказывая друг другу разные были и небылицы.

На другой день мы все полезли на сопку к одинокой ели, чтобы последний раз взглянуть на Анюй. Он уходил куда-то далеко на юго-юго-запад. Вдали виднелся хребет Тальдаки Янгени, закутанный в облака. За ним были истоки Хора. Еще южнее виднелось много гор, расположенных как бы в беспорядке, но имеющих, повидимому, один общий узел, с которого берут начало четыре главные реки Северо-Уссурийского края: Хор, Анюй, Копи и Самарга. По словам удэхейцев,

истоки Анюя слагаются из трех маленьких горных речек. Место слияния их называется Элацзаво. Там есть солонцы, где всегда держится много сохатых, ниже есть пещера, откуда выходят горячие пары, есть и водопад, но места те запретны, так как там хозяйничает Буйнь Ацзани.

Двадцать пятого марта утром я присоединился к своему отряду и в тот же день пошел дальше вверх по реке Дынми.

Если встать лицом против течения, то движение вверх по реке Дынми проходит в юго-восточном направлении. Река Дынми небольшая, но она разбивается на много проток, которые летом из-за их засоренности должны очень мешать плаванию на лодках, но теперь, зимой, они облегчали наш путь, давая возможность без труда переходить из одной протоки в другую, пересекать петли реки в любом месте и т. д. Путеводной нитью нам служила нартовая дорога, проложенная гольдами. Правда, она была занесена снегом и заплыла наледями, но плавник везде был прорублен, разобран, вследствие чего наше продвижение происходило довольно быстро.

Чем дальше я уходил от Амура, тем больше отставала весна. Николай Бельды был прав: на Дынми уже совсем не было проталин, не было талого снега, и воду для питья нам приходилось добывать из проруби.

Петрографу стоит посетить Дынми. Он увидит древнейшие слоистые породы. От устья к Сихотэ-Алиню они идут в следующем порядке: сильно перемятые глинистый и филлитовый сланцы, потом амфиболит и эпидиорит. Геолог увидит здесь большие пороги, вроде водопадов, гроты, пробитые водою, слоистые породы, поставленные на голову, с белыми, желтыми и черными прослойками. Некоторые слои во время повторной дислокации образовали красивую плойчатость; одни имеют плитняковую отдельность, другие при выветривании рассыпаются на мелкие чешуйки, третьи оказываются очень устойчивыми и, несмотря на все климатические невзгоды, только снаружи покрываются какой-то твердой корой, по внешнему виду совершенно отличной от основной породы.

За день мы прошли далеко и на бивак стали около первой развилки, которую удэхейцы называют «цзаво». Этим же именем они называют и речку, по которой можно выйти в самые истоки реки Наргами (приток Буту). На этом биваке произошел курьезный случай. Вечером после ужина один из удэхейцев стал раздеваться, чтобы посмотреть, почему у него зудит плечо. Когда он снял нижнюю рубашку, я увидел на груди у него медный крест и спросил:

— Что это такое?

Удэхеец спокойно ответил:

— Лоца чиктама севохини (т. е. русский медный «севохи»).

Чтобы читатель понял, в чем дело, надо сделать маленькое разъяснение. Дух, помогающий человеку, — «севон», изобра-

жение его называется «севохи», причем этот «севохи» бывает и медный, и железный, и деревянный. Шаманы на основании снов делают «севохи» в виде человечков, фантастических зверей, рыб, птиц, насекомых, иногда тех и других вместе в разных позах, в разных комбинациях, причем такая фигурка нашивается под одежду к больному месту: на живот, на грудь, на плечо. Их возят с собой на охоту; «севохи» крупных размеров держат в юртах, им мажут губы кровью и салом убитых животных и т. д.

— Кто тебе его дал? — спросил я удэхейца.

— Лоца самани (т. е. русский шаман).

После этого он сам стал меня спрашивать о том, почему у них, удэхейцев, много есть разных «севохи», а у нас, русских, только один, почему всегда он изображает человека с раскрытыми руками, почему его носят на груди. В заключение он выразил свое неудовольствие по адресу какого-то Фоки, который привез ему «лоца севохини», но не сказал, зачем его надо носить. Если для удачной охоты, то на какого зверя, а если против болезни, то какой именно.

Забавным мне показалось столь естественное недоумение удэхейца, которого, повидимому, сначала где-то окрестили, потом с каким-то Фокой послали крест с приказанием носить на груди.

От места скрещивания двух перекладинок шло сияние, вроде расходящихся во все стороны коротких лучей. Чжан-Бао сказал, что это перья. Вот почему у «лоца севохини» всегда руки раскрыты и вот почему он улетел на небо. И опять начались разговоры про летающих людей, у которых на спине и руках вырастают крылья—и у китайца и у удэхейца были свои аргументы. Первый обосновывал свои доказательства на мнениях древних мудрецов, а удэхеец ссылался на какого-то гольдского шамана, сильнее которого не было еще на земле.

Еще один день пути, и я подошел к подножию Сихотэ-Алиня. Река Дынми здесь течет вдоль водораздела с некоторым уклоном к северо-западу, обходя, насколько возможно, многочисленные отроги хребта. Местность, где мы остановились, представляла собой как бы большую котловину; кругом высились горы, состоявшие из плотных метаморфизованных песчаников и зеленоватых кремнистых глинистых сланцев.

С той поры, как мы расстались с Анюем, широколиственные древесные породы стали быстро сокращаться в числе: сначала они уступили место сибирской лиственице, а теперь и эту последнюю стали вытеснять аянская ель и белокорая пихта. Только по самому низу долины около воды еще виднелись тальники, ольха, рябина и еще какие-то деревья, лишенные листвы, которые по внешнему виду издали определить было трудно.

Узнав от проводников, что самый перевал через Сихотэ-Алинь покрыт хвойным лесом, я выбрал место, где заросли были не так густы, и стал готовиться к астрономическим наблюдениям. Казаки срубили несколько больших деревьев так, чтобы открыть возможно бо́льшую часть неба. На следующий день утро было тихое, солнце взошло в туманной мгле. Воздух был наполнен мельчайшими снежными кристалликами. Немного позже на небе опять появились круги и ложные солнца, потом поднялся ветер и нагнал облака с разлохмаченными краями. Однако мне все же удалось вычислить поправку хронометра и взять несколько высот солнца до и после кульминации.

Во время наблюдений я заметил, что солнечные пятна, впервые замеченные мною несколько дней назад, остались в том же соотношении друг к другу, но переместились к верхнему краю диска.

Был уже конец марта. Со дня на день надо было ждать оттепели, а путь нам предстоял еще длинный. Продовольствие наше тоже быстро иссякало. Надо было торопиться. Мучимый этими сомнениями, я почти всю ночь не спал и поэтому, как только появились первые признаки рассвета, поднял на ноги всех своих спутников.

Чем ближе к Сихотэ-Алиню, тем подъем на его гребень становился все круче и круче. Самый перевал представляет собой седловину, имеющую вид площади высотою около 1 100 метров над уровнем моря. Со стороны Анюя он был настолько крутым, что нартовую дорогу гольдам пришлось проложить зигзагами. С правой стороны тропы какой-то благочестивый китаец, вероятно скупщик мехов, поставил небольшую деревянную кумирню и повесил в ней лубочную картинку с изображением многочисленных божеств с прищуренными глазами и сияниями вокруг голов. Против этой кумирни на дереве я прибил свою доску, на которой ножом было вырезано время нашего перехода через Сихотэ-Алинь, фамилии моих спутников, а также название перевала, который мы окрестили именем Русского Географического общества.

Пока стрелки и казаки отдыхали на перевале и курили трубки, я с удэхейцем успел подняться на соседнюю вершину высотою в 1 300 метров. Чем дальше к югу, тем гребень Сихотэ-Алиня все повышался, приблизительно до 1 700 и 1 800 метров. Это и был тот цоколь, с которого берут начало Анюй и Копи.

Когда мы вернулись, то уже не застали своих товарищей на перевале. Следы указывали, что они, не дождавшись нас, пошли дальше. Нам ничего не оставалось делать, как только постараться догнать их. Как при подъеме на перевал, так и при спуске с него явственно видна была нартовая дорога. Она шла с километр по лесу и затем вдруг вышла на обшир-

ное маревое пространство, покрытое сфагновым мхом и поросшее редкостойным замшисто-хвойным лесом. Перед нами развернулась слегка всхолмленная местность, обставленная небольшими, сильно размытыми сопками. Нигде эрозионный ландшафт не выражен так типично, как в верховьях реки Копи.

Минут через двадцать хода тропа привела нас к какому-то мелкому оврагу, который вскоре оформился в долину, идущую в направлении к юго-востоку. Километрах в трех от перевала наш безымянный ключик впал в небольшую речку, подошедшую справа. Это и есть Иггу, верхний левый приток Копи. Здесь она течет в широтном направлении.

Прошлой ночью был небольшой мороз. Весенний талый снег хорошо занастился, что в значительной степени облегчало продвижение нашего обоза. Под уклон горы стрелки и казаки шли очень скоро, а мне, наоборот, приходилось итти медленно.

Река Иггу делала бесчисленное множество мелких изгибов, которые я должен был наносить на планшет. Это вынуждало меня часто останавливаться, чтобы делать все новые и новые измерения. Идя с удэхейцем, я спрашивал его, как дальше пойдет река, и он указывал мне отдаленные предметы, к которым мы подойдем вплотную.

Удэхеец видел, что я подносил к лицу инструмент, прищуривал левый глаз и сквозь диоптры смотрел вдаль.

Ему казалось, что я целюсь точно так же, как из ружья.

— Вот теперь стреляй в то сухое дерево, — говорил он, указывая мне на одинокую лиственицу, стоящую на конце обрывистого мыса.

Когда я отнял от глаза буссоль, он спросил меня:

— Как, попади есть?

— Есть, — отвечал я ему.

Через несколько минут мы подошли к приметному дереву; он побежал к нему и стал внимательно осматривать кору, рассчитывая на ней найти какие-нибудь следы моей стрельбы из буссоли. Потом он вернулся ко мне и стал засматривать через плечо в планшет.

— Где это дерево? — спросил он.

— Вот здесь, — отвечал я, указывая на мыс, изображенный горизонталями.

— Гм, — усмехнулся он.—Моя понимай,—продолжал он.— Один ружье — пуля стреляй, другое — карточка стреляй. Как это ружье стреляй — ни пуля нет, ни карточка нет, ничего нет. Куда попади?

Объяснить ему сущность съемки мне не удалось.

Случилось, что удэхеец отстал, а я ушел вперед.

Теперь долина круто повернула на юг, по сторонам стали появляться явственно выраженные древние речные террасы с

основанием из глинисто-кремнистых сланцев. Заболоченные хвойные леса остались сзади, и на сцену вновь выступила лиственица. Кое-где виднелись следы, оставленные старыми пожарами. На местах выгоревших хвойных деревьев выросли березняки. Всюду встречались следы сохатых, но самих животных не было видно: их спугнули стрелки и казаки, идущие впереди с обозом.

Только к сумеркам мы догнали свой обоз и то потому, что он остановился около какой-то безымянной речки, впадающей в Иггу с левой стороны. Это было дикое ущелье величественной красоты. В глубине его клубился туман, а вершины остроконечных гор еще озарялись лучами солнца, уже скрывшегося за горизонтом.

Горный хребет с зубчатым гребнем был изрезан глубокими барранкосами и ледопадами. У подножья ближайшей сопки виднелись два небольших темных пятна. Они передвигались. Это были лоси. Услышав звуки человеческих голосов и увидев дым на биваке, осторожные животные проворно скрылись в березняке.

После перехода через Сихотэ-Алинь порядок рабочего дня пришлось изменить. Днем солнце начинало уже сильно припекать. Снег становился очень рыхлым, под ним стояла вода. Часа в четыре температура снова понижалась, а ночью морозило так, что промоины опять покрывались слоем льда, выдерживающим давление лыж. Хотя у нас и были дымчатые очки, но это мало помогало. Мы все очень страдали глазами от солнечных лучей, отраженных от блестящей занастившейся поверхности снега. Тогда я решил выступать с бивака как можно раньше и итти до десяти часов утра, затем мы ставили палатку и прятались в нее от солнца, а после четырех часов пополудни вновь шли до самой темноты.

Согласно этому расписанию, на другой день удэхейцы разбудили нас ночью, когда еще не было ни малейших признаков рассвета. Мы скоро собрались и пошли дальше по реке Иггу. Она течет все время к юго-востоку и местами разбивается на мелкие рукава, забитые плавником, переправа через которые доставляет немало трудов не только летом, но и зимою. В некоторых местах около заломов скопилось много гальки, вследствие чего уровень воды в реке повысился и образовались широкие водопады. Еще одна теснина, и мы вышли на реку Копи.

Верхнее течение реки Копи представляет собой дугу, обращенную выпуклой стороной на север. Выше Иггу она принимает в себя две небольшие горные речки — Буланиза и Дю, а ниже на 8 километров — речку Иоли, о которой у местного населения нет никаких сведений. На ней никто не бывал, потому ли, что она безрыбная, или там нет промысловых зверей, или потому, что около устья ее находится сопка Омоко Мама-

га, перед которой все гольды и орочи совершают поклонения. Провожавший нас удэхеец Цазамбу, соблюдая прадедовские обычаи, тоже преклонил перед ней свои колена и на один из камней положил кусочек красного кумача и два листочка табаку.

Осмотр таинственной сопки не отнял много времени. Со стороны реки Копи она представляется руинами древнего замка, уже поросшего вековыми деревьями. Многочисленные скалы, украшающие ее гребень, имеют весьма причудливые очертания. Одна из них — самая большая — похожа на человека — это и есть Омоко Мамага. По этому поводу у копинских орочей есть сказание о борьбе великана Кангей с двумя великаншами — Омоко и Атынига. Все они окаменели: Кангей остался в верховьях реки, Омоко села около устья Иоли, а Атынига — еще ниже по течению, около реки Чжакуме. Это было в очень давние времена. С тех пор они стоят уже много веков и окарауливают порядок в долине Копи. Вот почему к именам их прибавили слово Мамага (что значит прабабушка).

К востоку от реки Иоли находится гора Инда, командующая над всеми сопками этой части прибрежного района. На вершине ее есть озеро, из которого берет начало река Хади. Длинные отроги горы Инда Иласа вынуждают реку Копи отклоняться к юго-востоку и вторично описывать большую дугу, но уже в обратном направлении. После Иоли в очередном порядке идут две реки, сравнительно близко расположенные друг от друга: Чжауса и Чжакуме, представляющие собой естественные соболиные питомники.

Как мы ни старались уйти от весны, она все-таки догнала нас на реке Копи: дни ненастные чередовались с днями солнечными и теплыми. Поверх льда в реке стояла талая вода. Она тотчас выступала на снегу позади лыж. Всюду появились промоины: днем они вскрывались, а к утру опять затягивались тонким слоем льда. В тех случаях, когда их нельзя было обойти стороною, мы выстраивались в одну шеренгу и по данному сигналу все разом бросались вперед. Лед начинал выгибаться, и на поверхности его появлялась вода. Задержись кто-нибудь хоть на мгновение, и кончено. Быстро бегущая вода сразу затянет неудачника под лед. Все спасение заключалось в быстроте передвижения. К счастью, перебеги через такие промоины кончались для нас благополучно.

Река Копи протекает по долине поречного прорыва. Горы то вплотную подходят к реке с той и с другой стороны одновременно, то удаляются от нее так, что их за лесом совсем не видно. Теперь вместо глинистых сланцев и песчаников на сцену стали выступать массивно-кристаллические породы: гранофир, эпидотизированный и кварцевый порфир и т. п.

За последние дни мы все очень устали. Наши нарты были почти пустые, но тащить их по талому снегу было тяжело.

Лямки резали плечи. Из двадцати восьми собак, взятых нами с Амура, в живых осталось только девять. Они едва плелись, так что нартовые ремни висели фестонами. В довершение несчастья я и мои спутники стали болеть. Лучи солнца, отраженные от снега, слепили глаза. Дымчатые очки мало помогали. Нахлобучив шапки как можно глубже, мы шли, опустив головы так, чтобы видеть только то, что было в непосредственной близости под ногами.

Первый день апреля был особенно утомительным. Надежда найти людей около реки Чжакуме не оправдалась, и я видел, что мои спутники нуждаются в отдыхе более продолжительном, чем ночной сон, но опасение, что ледоход может захватить нас в дороге, заставляло итти через силу. Особенно тяжело было идущему впереди. Он должен был прокладывать дорогу. Когда он выбивался из сил, его заменял следующий, потом третий и т. д.

Сначала эта смена происходила через полчаса, потом через пятнадцать, десять, пять минут и, наконец, обоз остановился совсем. Делать нечего, надо было устраиваться на бизак, и я уже стал присматривать место поудобнее, так, чтобы его не затопило водою при «воспалении» реки, как вдруг издали донесся собачий лай.

Как немного надо, чтобы воодушевить усталых людей и животных! Собаки вскочили на ноги и натянули постромки. Обоз тронулся.

Впереди за поворотом виднелась большая полынья, а за ней устье какой-то реки. Это была Бяпали. Один берег ее был низменный, а другой возвышенный. На самом краю его стояла юрта. Из отверстия в юрте поднималась кверху голубоватая струйка дыма.

Когда последняя нарта была вытащена на берег, я почувствовал себя настолько усталым, что, войдя в юрту, не стал дожидаться ни обеда, ни чая, лег на цыновку и тотчас уснул.

Когда я проснулся, были уже сумерки. В юрте горел огонь. По одну сторону его вместе со мной были стрелки и казаки, а по другую сторону сидел сам хозяин дома, его жена и удэхеец Цазамбу.

Глава семьи был мужчина лет пятидесяти семи с сильной проседью в волосах. Он был широк в костях, имел нос с горбинкой, подслеповатые глаза, носил бороду и редкие усы. Родом он был с Амура. Отец его, как я узнал впоследствии, был полукореец, полугольд, а мать орочка. Нашего нового знакомого звали Лайгур.

Его жена Чегрэ родилась около Торгона и тоже была метиской. В жилах ее текла смешанная кровь. Она была тоже лет пятидесяти, ниже среднего роста, с морщинистым лицом и маленькими пестро-серыми глазами.

Минут через десять женщина сняла котел с огня и стала по чашкам разливать похлебку, сваренную из юколы, сухой кетовой икры и жидкой чумизы.

В это время в юрту вошел Рожков и сообщил, что начинает итти снег. Это известие как будто обрадовало всех. Непогода сулила отдых на весь завтрашний день.

После чая мы недолго еще сидели. Меня опять стало клонить ко сну, я откинулся на спину и сам не помню, как уснул.

Ночью я проснулся и не сразу мог сообразить, где я нахожусь. Кругом было темно; край моего одеяла заиндевел. Снаружи слышался какой-то шум, словно кто-то песок бросал лопатой на корье. Это ветер наметывал снег на стены юрты.

Я повернулся на другой бок, подобрал под ноги одеяло и хотел было снова уснуть, как вдруг ухо мое уловило другой звук, который заставил меня вздрогнуть. Это был человеческий крик.

«Вероятно, мне послышалось», — подумал я и стал опять завертываться в одеяло, но в это время крик повторился — протяжный, словно вымученный, сквозь слезы.

Я быстро сбросил с себя одеяло и сел.

В юрте было темно, только в очаге тлели две головешки. Снаружи завывала вьюга. Сильные порывы ветра иногда спадали до штиля. И вот в минуту одного такого затишья я в третий раз услышал тот же крик о помощи и затем плач.

«Где-то погибает человек, может быть, женщина, ребенок!».

Я разыскал удэхейца Цазамбу и стал трясти его за плечо. Он сел и, покачиваясь спросонья, спросил, что случилось. Я сказал ему, что слышал чьи-то крики снаружи и что надо итти на помощь.

— Ничего, — сказал он мне. — Это больная девка. Скоро будет светать, и тогда ей дадут кушать и принесут дрова.

— Да где же она находится? — продолжал я допытывать сонного удэхейца.

— Там, — отвечал он, указывая рукой на один из углов в юрте.

Вслед за тем он так решительно улегся на свое место, что я понял, что поднять его мне не удастся.

Тогда я принялся будить кого-то из своих спутников. Кажется, это был Ноздрин. Старик сел и стал искать свою обувь. Я не стал его дожидаться и выбежал из юрты.

Сильным порывом ветра меня чуть было не опрокинуло на землю. Снежная пыль ударила в лицо. Я ухватился за край юрты и прислушался. Минута ожидания показалась мне томительно долгой. Затем я вернулся в юрту, захватил спички, кусок бересты, несколько смоляных щепок и, выйдя наружу, направился в том направлении, которое указал мне Цазамбу.

Ветер был очень сильный и порывистый. То он завывал тоненьким голоском, то вдруг визг его превращался в яростный рев. Точно зверь, сорвавшийся с привязи, он бросался на все, что встречалось ему на пути.

«Как бы самому не заблудиться», — подумал я, но в этот момент наступило короткое затишье. Крик о помощи рассеял мои опасения. Я быстро пошел вперед.

Глаза мои уже несколько успели привыкнуть к темноте. Сквозь снежную пыль я различил ствол большого кедра и рядом с ним что-то темное. Подойдя поближе, я увидел маленькую юрту, наполовину занесенную снегом. Тихий плач и стоны исходили из нее. Я быстро откинул полог у дверей и вошел внутрь помещения.

В темноте что-то шевельнулось и притихло. Я достал спичку и зажег бересту. При первой вспышке огня я увидел в углу юрты какое-то человеческое существо, одетое в лохмотья. Я увидел широко раскрытые испуганные глаза и черные растрепанные волосы.

Когда береста и смоляные щепки разгорелись, я сложил дрова и разжег костер. Теперь я мог хорошо рассмотреть, с кем имею дело.

Юрта была маленькая, грязная. На полу валялись кости и всякий мусор. Видно было, что ее давно уже никто не подметал. На грязной, изорванной цыновке сидела девушка лет семнадцати. Лицо ее выражало явный страх. Левой рукой она держала обрывки одежды на груди, а правую вытянула вперед, как бы для того, чтобы защитить зрение свое от огня, или может быть, для того, чтобы защитить себя от нападения врага. Меня поразила ее худоба и в особенности ноги — тонкие и безжизненные, как плети.

Пока я возился с огнем, девушка сидела неподвижно и испуганно наблюдала за мною.

— Не бойся, — сказал я ей по-удэхейски.

— Мне холодно, — отвечала она, поникнув головой, и тихо заплакала.

Не медля нимало, я сходил в общую жилую юрту и принес оттуда одеяло, чайник с водой, несколько кусков сухарей.

Одеялом я накрыл ей плечи, повесил чайник над огнем, а сам сел по другую сторону костра.

Понемногу она стала приходить в себя, выражение страха в глазах ее сменилось недоумением.

— Ты больна? — спросил я ее.

— Ноги болят, — отвечала она, — я не могу ходить.

Когда закипела вода, я подал ей кружку чая и сухари. Я не торопился расспрашивать ее. Надо было, чтобы она присмотрелась ко мне и перестала чуждаться.

Через час она успокоилась совсем и стала связно отвечать на мои вопросы.

Я услышал печальную историю. Она была сирота, рано потерявшая родителей, умерших от эпидемии оспы, когда ей было около четырех лет. Как и почему она попала к Лайгуру, не знает. Когда она достигла десяти лет, с ней начались делаться припадки, которые полтора года назад кончились параличом нижних конечностей. Девушка, лишенная ног, не могла быть работницей, к тому же она грязнила в общей юрте. Тогда ее изолировали в особое помещение. Убедившись, что она неизлечима, Лайгур и Чегрэ перестали о ней заботиться; ей не всегда даже давали есть, она давно уже не мылась и не расчесывала своих волос, одежда на ней истлела, ногти сильно отросли на руках и на ногах. Летом она мучилась от комаров, а зимой от холодов, в особенности по ночам, когда нехватало дров.

Жестокий старик не раз говорил ей о том, что ей надо умереть, и она сама считала, что это был бы лучший способ избавиться от страданий.

Мне стало очень жаль эту ни в чем не повинную страдалицу. Надо было ей что-то сказать, как-то утешить, помочь, и я солгал, сказав, что пришлю ей хорошего лекарства («ая окто»), которое вернет ей силы и здоровье.

Костер догорал; надо было еще принести дров. Я встал со своего места и вышел из юрты.

Начинало светать, но буря не унималась. Ветер с воем носился по лесу, поднимая с земли целые облака снежной пыли. Они зарождались вихрями, потом превращались в длинные белые языки, которые вдруг внезапно припадали к земле и тотчас вновь появлялись где-нибудь в стороне в виде мечущихся туманных привидений.

Когда я вернулся в юрту, больная, сидя, дремала у огня. Тихонько поправив огонь, я тоже пошел спать.

Проснулся я поздно. Первое, что проникло в мое сознание, был сильный шум ветра, который сделался еще порывистее. Он сотрясал юрту до основания и грозил ее опрокинуть совсем. Эта угроза была настолько реальной, что удэхейцы привязали юрту ремнями за стволы и корни ближайших деревьев.

Первое, что я сделал, это пристыдил Лайгура и его жену за бесчеловечное отношение к безногой девушке. Вероятно, утром Цазамбу рассказал старику о том, что я будил его и сам носил дрова к больной, потому что, войдя в ее юрту, я увидел, что помещение прибрано, на полу была положена свежая хвоя, покрытая сверху новой цыновкой. Вместо рубища на девушке была надета, правда, старая, но все же чистая рубашка, и ноги обуты в унты. Она вся как бы ожила и один раз даже улыбнулась.

Вскоре пришла старуха и сказала, что будет мыть и чесать больной голову.

Двое суток свирепствовала пурга. За это время мои спутники основательно отдохнули. Я заполнял свои дневники, вычерчивал пройденный маршрут и несколько раз навещал больную девушку. Я говорил ей, чтобы она не падала духом, и опять пообещал выслать ей хорошее лекарство.

К вечеру пурга стала стихать, а ночью и небо очистилось... Я воспользовался этим и занялся астрономией. На солнце опять появилось два больших пятна рядом и третье поменьше — справа и внизу.

За последние два ненастных дня снегу выпало много. Дружное таяние его могло пресечь всякую возможность сообщения по реке. Надо было торопиться скорее выйти к морю. Поэтому я выслал Лайгура и удэхейца Цазамбу вперед протаптывать дорогу. Вечером я позвал старуху в юрту больной и строжайше наказал ей ухаживать за девушкой, сказав, что я опять вернусь и проверю, как она держит свое обещание. Бедная девушка! В ночь накануне нашего выступления с ней сделался сильный припадок. Мне дали знать... Я застал ее в полном беспамятстве. Она лежала на спине бледная, как полотно. Взяв ее руку, я не нащупал пульса; зрачок глаза не реагировал на свет. Она умерла.

Мы тронулись в путь. Весь день мои мысли раздваивались: то я сосредоточивал внимание свое на маршрутной съемке, то думал о смерти безногой девушки. Мой длинный жизненный путь пересек жизненный путь какой-то совершенно мне чуждой больной девушки и оборвал его. Мы родились в разных местах, в разное время и шли разными дорогами, пока не встретились на реке Копи. Она умерла, а я продолжал свой путь и буду итти по нему дальше. Таковы были мои мысли в день выступления с реки Бяпали. Я не сразу от них смог отделаться.

Мало-помалу новые образы и новые впечатления стали их заслонять. Они начали блекнуть и теперь остались только в воспоминаниях.

После притока Чжакуме Копи повернула на восток, отклоняясь то немного к северу, то немного к югу. Это широтное направление она сохраняет до впадения своего в море. Отсюда до устья реки — около 120 километров. Теперь долина сделалась заметно шире. Денудационный характер ее выражен рядом больших котловин, чередующихся со щеками. На пути к морю путешественник видит с правой стороны высокую сопку Чуйхойни, а за ней в самом русле реки шаманский камень Тараки, состоящий из обогащенного эпидотом и хлоритом бескварцевого порфира. Мимо него туземцы всегда проходят с опаской, стараясь не вспоминать злых духов. Немного дальше есть две ничем особенно не замечательные сопки: Байлаки и Бокки. С левой стороны в Копи впадают две речки — Чонеко и Кумуку, разделенные гранитной горой Каданку, потом

небольшая возвышенность Ку и за ней базальтовые столбы. Это и есть Атынига Мамага.

Все сопки оголены от леса. Места старых пожарищ заросли березняком. Тут же я заметил малину, сухой прошлогодний вейник и иван-чай.

После пурги в атмосфере водворилось равновесие. На небе исчезли последние бровки туч. Снег, пригретый весенними солнечными лучами, быстро оседал. Талая вода, сбегающая с гор, распространялась по льду реки. Всюду появились большие промоины. Словом, здесь, в низовьях Копи, мы застали ту же картину, что и на Анюе месяц назад.

С каждым часом, с каждым километром итти становилось труднее. Представьте себе полную распутицу: снег превращается в мокрую кашу, и река накануне ледохода, и вы поймете то состояние, в котором находились мои спутники. Они выбивались из сил и с такой страстностью стремились к морю, словно это было целью их жизни. Собаки совершенно не тащили нарт, но зато были полезны в другом отношении. Они как-то чутьем узнавали, где непрочен лед, и сами сворачивали в сторону. Как ни тяжело итти на лыжах по мокрому снегу, но это был единственный безопасный способ передвижения. Производить съемку тоже становилось трудно, надо было зарисовывать рельеф в горизонталях, смотреть под ноги, обходить опасные места и ощупывать палкой лед чуть ли не на каждом шагу.

Между Бяпали и Тепты, о которой будет речь ниже, тянутся андезитовые лавы, прорезанные глубокими оврагами, по которым бегут горные ключи Мононге, Моймн и Но. Правый берег представляется рядом массивных террас, являющихся основанием для возвышенностей Конгосу, Сюмукуло, Добойса и Агубуони. Против них по другую сторону реки располагается лесистое низменное пространство, прорезанное речкой Чанику.

Восьмого апреля мы подошли к реке Тепты, по которой можно выйти на реку Мука, впадающую в Ботчи. Это обычный путь для удэхейцев, совершающих зимнее путешествие вдоль берега моря на собаках.

Здесь мы застали одну семью удэхейцев, состоящую из старика лет шестидесяти и двух женщин: матери и дочери, пятидесяти и двадцати лет. За последние дни у моих спутников от ярких солнечных лучей, отраженных от снега, так разболелись глаза, что надо было хоть на один день сделать дневку, хоть один день просидеть в относительной темноте или с повязкой на глазах.

Удэхейцы жили в большой, просторной юрте. Старик сам предложил нам остановиться у него. Обе женщины тотчас освободили нам одну сторону юрты. Они подмели пол, наложили новые берестяные подстилки и сверху прикрыли их

медвежьими шкурами. Мы, можно сказать, разместились даже с некоторым комфортом, ногами к огню и головами к берестяным коробкам, расставленным по углам и под самой крышей, в которых женщины хранят все свое имущество.

Вечером старик принялся оттачивать копье. На мой вопрос, куда он собирается, удэхеец ответил, что он завтра хочет пойти поискать сохатого по свежевыпавшему снегу.

Я попросил его взять меня с собой, на что он охотно согласился, но предупредил, что встать придется на рассвете. Чтобы выспаться и собраться с силами, я нарочно лег спать пораньше.

Было еще темно, когда удэхеец разбудил меня. В очаге ярко горел огонь, женщина варила утренний завтрак. С той стороны, где спали стрелки и казаки, несся дружный храп. Я не стал их будить и начал осторожно одеваться. Когда мы с удэхейцем вышли из юрты, было уже совсем светло. В природе царило полное спокойствие. Воздух был чист и прозрачен. Снежные вершины высоких гор уже озарились золотисто-розовыми лучами восходящего солнца, а теневые стороны их еще утопали в фиолетовых и синих тонах. Мир просыпался...

Прямо от юрты мы свернули на реку Тепты, придерживаясь ее левого берега, но вскоре по маленькому ключику стали подыматься в горы. Перейдя небольшой кряжик, мы начали спускаться в соседнюю долинку. На свежевыпавшем снегу, действительно, было много новых следов. Среди них я узнал лисий, — он тянулся цепочкой и был с поволокой в сторону движения животного, затем кабарожий, оставленный ее маленькими острыми копытцами, а рядом другой, весьма похожий на медвежий, но значительно меньший размерами. Это шла росомаха. Старик-удэхеец не обращал внимания на них и шел все дальше до тех пор, пока не нашел то, чего искал.

— Буй хоктони (т. е. дорога сохатого), — сказал он, указывая на широко расставленные большие следы.

В это время вырвавшиеся из-за гор солнечные лучи сразу озарили всю долину, проникая в самую середину леса и мгновенно превращая в алмазы иней на обледеневших ветвях деревьев. С первых же шагов было видно, что лося долго следить не придется. Он шел лениво, часто останавливался и, повидимому, дремал. Один раз он даже попробовал лечь, но что-то принудило его подняться и итти дальше. Мы умерили шаг и удвоили осторожность. Минут через двадцать следы вывели нас на прогалину, поросшую редкой лиственицей. Вдруг мой спутник остановился и подал мне знак, чтобы я не шевелился. Я взглянул вперед и увидел лося. Он лежал на снегу, подогнув под себя ноги и положив голову на брюхо. Я осторожно поднял ружье и стал целиться, но в это время удэхеец громко крикнул. Испуганный лось вскочил на ноги и бросился бежать. Я выстрелил и промахнулся. Второй мой выстрел был

также неудачен. Я рассердился на старика, думая, что он подшутил надо мной, и в этом духе высказал ему свое неудовольствие. Но удэхеец тоже был в претензии и заявил, что если бы он знал, что я промахнусь, то сам стрелял бы в зверя и, наверное, убил бы его на бегу. Я ничего не понимал. Сам он крикнул, сам вспугнул животное с лежки, сам мне помешал и теперь еще в претензии.

На это старик мне сказал, что стрелять в спящего зверя нельзя. Его надо сперва разбудить криком и только тогда можно пускать в ход оружие. Такой закон людям дал тигр, который сам, перед тем как напасть на свою добычу, издает оглушительный рев. Человек, нарушивший этот обычай, навсегда лишается успеха на охоте и даже может пострадать. Преследовать лося теперь было бесполезно. Поэтому мы решили вернуться, но только по другой стороне реки Тепты, где было чище и меньше зарослей. Там мы увидели свежие следы волка, повидимому, испуганного моим выстрелом, потом нашли следы двух колонков. Они подрались, один из них полез на дерево, а другой побежал в сторону. Теперь мы шли без опаски, свободно разговаривая вслух. Вспоминая свою молодость, удэхеец рассказывал о том, что раньше, когда у них были фитильные ружья, нужда заставляла их особенно осторожно подкрадываться к зверю. Он помнил рассказы стариков о том, как один охотник подкрался к спящему лосю и положил на него тоненькую тальниковую стружку. Возвратившись на бивак, он сказал об этом своим товарищам. Тогда другой охотник надел лыжи и пошел по его следу. Он скоро нашел лося, тихонько подкрался к нему, снял стружку и принес в табор как доказательство, что он, действительно, снял ее с животного.

В этом рассказе много невероятного, но все же он иллюстрирует прежние времена, когда удэхейцы умели лучше выслеживать и окладывать, чем теперь.

Около полудня мы возвратились на бивак, где застали всех в сборе. Остальная часть дня прошла за различными мелкими работами. Вечером после ужина я пошел в юрту к удэхейцу и стал расспрашивать его о том, как было раньше. Сначала разговор наш не клеился, но потом старик оживился и стал говорить с увлечением. Он говорил о прошлом, когда зверя было гораздо больше. Тогда люди понимали зверей, а теперь все животные стали пугливыми. В этот вечер он рассказал мне много любопытного. Один из эпизодов был особенно интересен. Речь шла о том, как один охотник приручил молодого лося. Он условился со своими сородичами, что приведет лося живым в селение, но с условием, чтобы они увели подальше собак и не выходили бы из юрт, пока он их сам не позовет. На другой день, захватив с собой достаточный запас юколы и охапку сухой травы, смоченной в растворе соли и

высушенной на солнце, он пошел за зверем. В этот год зима была глубоко-снежная, и загнать сохатого не представляло особых затруднений. Удэхеец очень скоро нашел след молодого лося и стал его преследовать и довел его до такого состояния, что обессиленное животное остановилось, ожидая смертельного удара копьем, но человек не тронул его. Отдохнув немного, сохатый поднялся и пошел дальше. Охотник последовал за ним и опять, когда утомленный зверь лег, человек расположился тоже на отдых. Такое совместное хождение по тайге продолжалось несколько суток, причем каждый раз человек устраивался на отдых все ближе и ближе к животному. В конце концов лось понял, что охотник зла причинить ему не хочет, и стал к соседству человека относиться спокойнее. Тогда удэхеец начал подкармливать лося, время от времени бросая ему пучки соленой травы. Через несколько дней они уже поменялись ролями. Раньше вставал лось и за ним шел человек, теперь первым поднимался человек и за ним следовал сохатый. Направление держал удэхеец и привел его к селению сородичей, но последние не выдержали. Узнав, что по опушке леса ходит человек с лосем, они выбежали к нему навстречу. Увидев приближающуюся толпу, лось испугался и убежал в лес.

Слушая старика, я невольно подумал о том, что, возможно, первобытные люди стояли к животным ближе, чем теперешние туземцы. Между ними и дикими зверями было больше общений и, быть может, и больше взаимного понимания, чем теперь. Охотники целыми днями наблюдали за животными, изучали их нравы и повадки, знали, как подойти к ним и как их приручить. Лошади, собаки, рогатый скот и все вообще домашние животные приручены первобытным человеком. Горожане ушли от природы и навсегда утратили общение с четвероногими, но иногда и среди них встречаются отдельные личности, у которых как атавизм сохранилась способность влияния на животных. Обычно это свойственно лучшим дрессировщикам.

После реки Тепты характер местности заметно изменился, начались столообразные горы. Громадный лавовый покров, захвативший весь бассейн реки Хади с главным ее притоком Тутто, распространился и далее на юг. Вот почему по нижнему течению Копи мы видим пологие сопки с плоскими вершинами, слагающиеся из базальтов. Километрах в тридцати от устья река делает большую излучину к северу. В северо-западный угол этой излучины впадает речка Никми, а немного ниже находится селение Улема. Здесь Хади ближе всего подходит к Копи. Их разделяет между собой небольшая гряда, через которую пролегает кратчайший путь на Императорскую гавань.

В селении Улема я застал орочу Савушку Бизанка, с которым мы плыли на лодках вдоль берега моря к реке Самар-

ге. Он сообщил нам, что Иван Михайлович (Чочо), из того же рода Бизанка, обеспокоенный нашим отсутствием, ввиду надвигавшейся распутицы выслал его нам навстречу.

Савушка дошел до Улема и здесь решил дождаться ледохода, а затем с четырьмя орочами на двух лодках итти нам на помощь.

Я поблагодарил Савушку за внимание и рассказал ему, как мы шли, как охотились на тигров и что случилось с нами на реке Бяпали.

Селение Улема состояло из трех деревянных домиков, в которых проживало семь мужчин, шесть женщин и семь детей, всего двадцать человек. Туземцы с рек Хади и Тумнина считают себя настоящими орочами. Копинских жителей они тоже считают своими людьми, но говорят, что язык их немного другой, и потому называют их «орочами-копинка».

В этот день мы дальше не пошли и заночевали в селении Улема. Один раз я проснулся и видел орочей, сидевших у камина. Они что-то рассказывали друг другу и упоминали Омоко Мамага и какие-то каменные бревна. Я хотел было послушать эти рассказы, но сон против моей воли осилил меня. Убаюкиваемый их говором, я снова крепко уснул.

На другой день Савушка поднял нас задолго до рассвета. Он распорядился заменить наших усталых собак свежими. Не медля нимало, мы уложили свои нарты и тронулись в путь.

Ночью был туманный мороз, мокрый снег занастился, все деревья заиндевели; сквозь мглу на небе чуть-чуть виднелись две-три крупные звезды.

К моменту восхода солнца мы отошли от селения Улема километров на двенадцать.

Еще 15 марта, когда мы были в верховьях Иггу, в полдень на снегу при температуре —1,5°С я заметил странные живые существа, по внешнему виду очень похожие на пауков. Они двигались торопливо и каждый раз, когда я хотел поймать их, старались зарыться в снег. Второй раз я увидел эти странные создания около Бяпали. Термометр показывал +3° С. Они были вялыми и двигались медленно. На пути от Улема к морю на рассвете я снова имел возможность наблюдать этих странных насекомых.

Пока было холодно, они довольно энергично копались в снегу, но как только взошло солнце и температура повысилась до +5°С, они стали замирать и еле-еле двигались своими длинными паукообразными ногами. Савушка называл их «имаса кулигани» (имаса — снег, кулига — все наземные, ползающие живые существа: черви, гусеницы, насекомые, змеи и т. д.). Они всегда появляются весной и даже при морозах, когда лужи промерзают насквозь. Иногда их бывает так много, что можно подумать, будто снег покрыт пылью.

Чем ближе к морю, тем больше исчезали широколиственные древесные породы. Первым отстал тополь, потом клен. Отстал также и кедр, зато преобладающими сделались аянская ель, белокорая пихта и даурская лиственица. Изредка попадался тисс.

Ближе к морю лавовый покров вытянулся длинными плоскими языками и в таком виде застыл. В последовательном порядке по течению они имеют следующие названия: с правой стороны — Цзюгбу, около которой в Копи впадает небольшая речка Май, затем будет местность Тектоно и за ней сопки: Таленку, Даулкей, Сунтакуле и Гулика. С левой стороны после горы Юшангу — гора Сололо Гуляни. Через нее тоже лежит путь на реку Хади.

Обнажение сопки Гулика представляет собой великолепный образчик столбчатого распадения базальтов, причем столбы лежат горизонтально, как поленница дров. Я остановился и стал рассматривать отдельные глыбы лавы.

— Ни када моени (т. е. это каменные бревна), — сказал Савушка.

И опять на сцену выступил Кангей, который из целых бревен сложил много костров и хотел сжечь всю землю, но ему не позволили Омоко и Атынига. Сам он превратился в скалу, и костры его тоже окаменели.

За сопкой Гулика река Копи выходит на равнину Цзаусано и разбивается на несколько больших проток. Характер береговых обрывов, далеко отодвинутых в сторону, и заболоченные острова между протоками свидетельствуют о том, что раньше здесь был морской залив и что маленькие речки Яна, Улике и Копка самостоятельно впадали в море. В те времена устье реки Копи находилось около сопки Гулика.

Мы рассчитывали дойти до моря к трем часам дня, но после полудня погода стала портиться. Небо покрылось тучами, и повалил крупный влажный снег. Затем поднялся ветер.

— Манга Суала бо (т. е. плохой ветер со стороны острова Сахалина), — говорил Савушка. — Надо торопиться! Опять будет скоро пурга! Скорей вперед идем!

Только к сумеркам мы услышали шум морского прибоя. Вот и лиственичная роща, вот и юрты орочей. Кто-то вышел нам навстречу. Я сразу узнал приземистую фигуру Карпушки.

— Сородэ, сородэ, — обменивались орочи приветствиями.

После скудного ужина, состоявшего из сухой юколы, утомленные тяжелыми переходами, мы легли ногами к огню и мгновенно уснули под завывание пурги и шум морского прибоя.

Шесть суток продержала нас ненастная погода. Наши продовольственные запасы иссякли. У орочей ничего нельзя было купить: они сами жили впроголодь и ждали, когда вскроется река, чтобы заняться весенним ловом рыбы.

17 апреля сильный ветер и волнение с моря взломали лед в устье реки. Карпушка и Савушка сейчас же отправились на рыбную ловлю, а я пошел по берегу поохотиться на каменушек. Проходив напрасно около часа и отчаявшись в успехе, я уже хотел было повернуть назад, но в это время увидел какое-то странное пятно на снегу. Сначала я подумал, что это проталина, но скоро заметил на ней движение. Я притаился за кустами шиповника и стал наблюдать. Предмет, привлекший мое внимание, действительно оказался проталиной, на которой столпилось несколько десятков больших птиц. Они, повидимому, зябли на снегу и поэтому сбились в одну кучу. Некоторые падали на снег, но тотчас поднимались и, распустив крылья, вытянув длинные шеи, старались снова как-нибудь втиснуться в общую кучу. Я отступил тихонько назад, обошел птиц стороною и, подкравшись к ним возможно ближе, выстрелил из ружья. Мгновенно вся стая с криками поднялась в воздух. Сначала птицы полетели вразброд, но скоро выстроились большим косяком и направились вдоль берега моря на север. Одна из птиц осталась на месте. Она еще была жива. Подойдя ближе, я узнал восточную белобокую казарку.

С богатой добычей я вернулся домой.

Часа через два вернулись и орочи. Они поймали на перемет двух крупных тайменей весом около двенадцати килограммов каждый и небольшого осетра весом около восьми килограммов.

Из остатков сухарей мы сварили нечто вроде каши. На обед мы имели гуся, а к ужину отварную рыбу самого высокого качества.

На другой день мы распрощались с Копи и в сопровождении Савушки и Карпушки на большой морской лодке отправились в Советскую гавань.

Зимний проход от Амура до берега моря по Анюю, Дынми, Иггу и Копи был нами успешно закончен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ныне — Ворошилов.

2. П. Словцов. Историческое обозрение. Сибирь, 1886 г. Также см. Н. Боголюбский. Очерк Амурского края, 1876 г.

3. У подножья хребта Хехцир, о чем речь будет ниже.

4. А. Мичи. Путешествие на восток Сибири, 1868 г.

5. «Подвиги русских моряков на Крайнем Востоке России в 1849—1852 гг.» и «Морской сборник», 1878 г., №№ 3 и 4.

6. И. Бошняк. Экспедиция в Приамурский край. «Морской сборник», 1858 г., № 12. Ныне Императорская гавань переименована в Советскую гавань.

7. Свербеев. Описание плавания по реке Амуру. (Экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири 1854 г.). «Записки Сибирского отдела Русского Географического общества», 1857 г., кн. 3.

8. Р. К. Богданов. Воспоминание амурского казака о прошлом. «Записки Приамурского отдела Русского Географического общества». 1900 г., том V, вып. III. См. также: П. В Шумахер. К истории приобретения Амура. (Наши сношения с Китаем, 1848 — 1860 гг.). «Русский архив», 1878 г., № 11, стр. 257—343.

9. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Изд. Академии наук, 1883 г. и «Вестник Русского Географического общества», 1857 г., кн. 19.

10. Г. Пермыкин. Путевой журнал плавания по Амуру. «Записки Сибирского отдела Русского Географического общества», 1857 г., кн. 2.

11. Усольцев. Заханкайский край. «Вестник Русского Географического общества», 1857 г., кн. 22. Также: «Морской сборник», 1864 г., № 6.

12. Отчет о действиях амурской приисковой партии в Приморской области в 1857—1858 гг. «Иркутские губернские ведомости», 1860 г., №№ 7, 8, 12, 14, 16, 17.

13. М. Венюков. Обозрение реки Уссури и земель, лежащих к востоку от нее до моря. «Вестник Русского Географического общества», 1859 г., ч. 23, № 4.

14. Из путевых записок астронома капитана Гамова, определявшего в 1859 году местность рек Амура и Уссури. «Записки Русского Географического общества», 1862 г., кн. 1 и 2.
15. К. Максимович. Очерк верхнего Уссури и юго-восточного маньчжурского побережья. «Записки Русского Географического общества», 1861 г., № 3.
16. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью, том V. Леса Приморской области, 1898 г.
17. Путешествие по долине реки Уссури, совершенное на средства С. Ф. Соловьева. «Записки Сибирского отдела Русского Географического общества», 1861 г., том I.
18. А. Мичи. Путешествие на восток Сибири, 1868 г.
19. Исторические отчеты о физико-географическом исследовании начальника физического отдела Сибирской экспедиции.
Труды Сибирской экспедиции Русского Географического общества. Физический отдел, 1866—1868 гг., том I.
20. Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае, 1870 г.
21. И. Боголюбский. Поиски рудных месторождений в Приморской области, 1870—1871 гг. «Отчет Сибирского отдела Русского Географического общества», 1871 г.
22. Арх. Палладий: 1) Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии. «Записки Русского Географического общества», 1878 г., том VIII; 2) Путешествие в Амурский и Уссурийский края. Двадцатипятилетие Русского Географического общества, юбилейное издание, 1872 г.; 3) «Записки Русского Географического общества», 1871 г., том VII.
23. С. В. Максимов. На Дальнем Востоке. Пионеры 1887 г. Сведения о работах топографов под начальством полковника Большева можно найти в «Известиях Русского Географического общества», 1876 г., № 3.
24. И. Надаров. Северо-Уссурийский край. (Материалы по изучению Уссурийского края). См. «Сборник материалов по Азии», 1887 г., вып. 26 и 27.
25. И. Поляков. Отчет об исследованиях на острове Сахалине и в Южно-Уссурийском крае. Изд. Академии наук, 1886 г. См. также приложение к XIV тому «Записок Академии наук», 1884 г., № 6.
26. Ф. Буссе. Древности Амурского края. «Записки Общества изучения Амурского края», 1908 г., том XII.
27. М. Жданко. Работа русских моряков по описи лимана реки Амура. «Известия Русского Географического общества», 1916 г., том III, вып. X
28. С. Леонтович. Орочско-русский словарь. «Записки Общества изучения Амурского края», 1896 г., том V, вып. 2.
29. Д. В. Иванов. Основные черты оро-геологического строения хребта Сихотэ-Алиня. «Записки Приамурского отдела Русского Географического общества», 1897 г., том I, вып. 3.
30. «Труды Приамурского отдела Русского Географического общества», 1895 г.
31. В. Л. Комаров. Флора Маньчжурии, том I, 1901 г.
32. С. Брайловский. Опыт этнографического исследования. «Живая старина», 1901 г., вып. 2.
33. М. М. Иванов. Предварительный отчет о геологических исследованиях в Северном Уссурийском крае. «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги», вып. 4, СПб., 1897 г.
34. П. Яворский. Геологические исследования 1901 года в бассейне рек Керби, Нимана и Селемджи (с картой). «Геологические исследования золотоносных областей Сибири. Амурско-Приморский золотоносный район», вып. 4, СПб., 1904 г.

35. М. И. Янковский. Орнитологический дневник с 7 мая по 5 ноября 1897 г., с прибавлением заметок о чешуекрылых (Экспедиция Русского Географического общества в Корею и Маньчжурию под начальством В. Л. Комарова в 1897 г.) «Записки Приамурского отдела Русского Географического общества», том III, вып. 3, 1898 г.

36. Гольды — прежнее наименование народа нанайцев.

37. А. Мичи. Путешествие по Восточной Сибири, 1868 г., стр. 335.

38. М. Венюков. Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря. «Вестник Русского Географического общества», 1859 г., ч. 25.

39. Парчевский. Поездка зимним путем вверх по Амуру в 1856—1857 гг. (Исследования и материалы). «Вестник Русского Географического общества». 1858 г., ч. 21, стр. 168.

40. Иакинф. Статистическое описание Китайской империи.

41. В. П. Васильев. Описание Маньчжурии. «Записки Русского Географического общества», 1857 г., стр. 91.

42. Иакинф. Статистическое описание Китайской империи, ч. 2, 1842 г.

43. В 1926 году в селении Вятском был 61 дом, и в селении проживало 278 человек обоего пола.

44. Надаров. Материалы военно-статистического обзора Приамурского края. «Сборник материалов по Азии», 1883 г., вып. XXXI, стр. 23.

45. В 1926 году в Найхине было 22 фанзы с населением в 144 души обоего пола.

46. Ли — китайская мера длины, ра́вная приблизительно 500 метрам.

47. Так называют сибиряки мошку.

48. Теперь на реке Копи большое русское селение.

49. Записано в 1917 году со слов самого Гроссевича за несколько дней до его смерти.

50. А. А. Емельянов. Северное побережье Японского моря.

51. И. Бошняк, стр. 209.

52. С. В. Максимов. На Востоке, 1909 г., том XII, ч. 2, стр. 32.

53. В 1912 году вся гробница Ингину с гробом и хорошо сохранившимся трупом (естественная мумизация) со всеми погребальными аксессуарами была мною отправлена в Музей антропологии и этнографии Академии наук.

54. Сибирское выражение, означающее удачу.

ТРИ ГРОБА*

После полудня погода испортилась. Небо стало быстро заволакиваться тучами, солнечный свет сделался рассеянным, тени на земле исчезли, и все живое попряталось и притаилось. Где-то на юго-востоке росла буря. Предвестники ее неслышными, зловещими волнами спускались на землю, обволакивая отдаленные горы, деревья в лесу и утесы на берегу моря.

Пора было становиться на бивак, но вдруг я вспомнил, что, уходя из села Дата, я не завел хронометра. Если его не завести, завтра утром он остановится, и тогда—прощайте мои долготы!

Надо было немедленно возвращаться назад. Я сообщил об этом моему спутнику Ноздрину. Он не протестовал и молча последовал за мною.

Мы старались держаться своих следов, но скоро потеряли их и дальше пошли медвежьей тропой. Она то приближалась к реке Улике, то снова углублялась в лес. Иногда мы ее теряли, но потом находили опять там, где была сильно примята трава. До сумерек все же успели пройти порядочное расстояние, что придало нам больше уверенности, и мы прибавили шаг. Незаметно скрылось солнце за горизонт. Сумерки надвинулись неожиданно. Воздух посинел, потом потемнело не-

* «Три гроба» и следующие 10 рассказов являются набросками последних глав книги «В горах Сихотэ-Алиня», незаконченной из-за смерти автора.

бо: начал накрапывать дождь. Как раз в это время медвежья тропа, которой мы все время держались, стала забирать в сторону от реки. Полагая, что она снова выйдет на Улике, мы доверились ей. Однако она уходила все дальше и дальше в тайгу. Тогда я решил оставить ее и свернул на юго-восток, чтобы целиной через лес выйти прямо к реке.

— Как бы нам не заблудиться, — сказал Ноздрин.

Но, по моим соображениям, река не должна была быть далеко. Часа через полтора начало смеркаться. В лесу стало быстро темнеть, пошел мелкий и частый дождь. Уже трудно было рассмотреть что-нибудь на земле. Нога наступала то на валежину, то на камень, то проваливалась в решетины между корнями. Одежда наша быстро намокла, но мы мало обращали внимания на это и энергично продирались сквозь заросли.

Вот впереди показался какой-то просвет. Я полагал, что это река; но велико было наше разочарование, когда мы почувствовали под ногами вязкий и влажный мох. Это было болото, заросшее лиственицей с подлесьем из багульника. Дальше за ним опять стеною стоял дремучий лес. Мы пересекли болото в том же юго-восточном направлении и вступили под своды старых елей и пихт. Здесь было еще темнее. Мы шли ощупью, вытянув вперед руки, и часто натыкались на сучья, которые как будто нарочно росли нам навстречу.

— Собака лает, — сказал Ноздрин и остановился.

Но как я ни напрягал слух, не слышно было ничего, кроме легкого ветерка, пробегающего по вершинам деревьев, да шума дождя.

— Это тебе показалось, — сказал я своему спутнику, и мы опять начали пробираться через заросли кустарниковой березы, поминутно натыкаясь на бурелом и обходя его то с одной, то с другой стороны.

— Надо бы «взреветь», — сказал Ноздрин и, приложив руки ко рту в виде рупора, закричал что есть силы, но звук голоса не распространился по лесу и как-то глухо затерялся поблизости.

Иногда мне казалось, что я узнаю то или иное место. Казалось, что за перелеском сейчас же будет река, но вместо нее опять начиналось болото и опять хвойный лес. Настроение наше то поднималось, то падало. Наконец, стало совсем темно, так темно, что хоть глаз выколи. Одежда наша намокла до последней нитки. С головного убора сбегала вода. Тонкими струйками она стекала по шее и по спине. Мы начали зябнуть.

— Делать нечего, — сказал я Ноздрину. — Придется ночевать.

— Ну что же, ночевать — так ночевать, — отвечал стрелок. — Здесь много бурелома, дров хватит.

В это время я наткнулся на что-то большое, громоздкое. Потеряв равновесие, я упал поперек какого-то большого предмета. Я стал подыматься и руками ощупывать длинный ящик в виде корыта, сверху забитый досками.

— Гроб, — сказал я своему спутнику.

— Должно быть, деревня недалеко, — ответил Ноздрин. — Это — кладбище, значит нам надо держать направление так...

Я не видел, куда показывал Ноздрин, и, поднявшись на ноги, пошел за ним следом. Едва мы сделали несколько шагов, как теперь он наткнулся на второй гроб, прикрытый сверху корьем. Представив себе мысленно, как расположено кладбище, я взял еще правее, но снова гроб преградил мне дорогу. Тогда я остановился, чтобы сообразить, куда держать направление.

Ночь была черная и дождливая. Ветер дул все время с северо-востока порывами, то усиливаясь, то ослабевая. Где-то в стороне скрипело дерево. Оно точно жаловалось на непогоду, но никто не внимал его стонам. Все живое попряталось в норы, только мы одни блуждали по лесу, стараясь выйти на реку Улике.

— Попробуй выстрелить, — обратился я к Ноздрину.

Стрелок снял винтовку с плеча, и я слышал, как он взвел курок затвора. Короткая молния на мгновение прорезала тьму. Звук выстрела, так же, как и окрик, не мог распространяться далеко и замер тут же, где и родился. С минуту мы неподвижно, напрягая слух и зрение, простояли на месте, но не слышали ничего, кроме шума дождя и журчания воды, бежавшей ручьями по земле. Посоветовавшись, мы решили пройти еще немного, и если скоро не выйдем из лесу, то развести огонь и ждать рассвета. Пройдя сто шагов, я увидел, что Ноздрин отстал, и окликнул его. Стрелок тотчас же отозвался.

— Сейчас, я только гроб обойду, — ответил он.

Мы стали перекликаться и пошли друг другу навстречу. Когда он был совсем близко от меня, я слышал, как он упал и выругался.

— Что случилось? — спросил я его.

— Да опять гроб! Чорт бы его побрал! — ответил он мне всердцах.

Наконец мы сошлись и, чтобы не потерять друг друга, взялись за руки. Одиннадцатый гроб вывел меня из терпения.

— Стой, — сказал я Ноздрину. — Давай устраиваться на ночь. Дальше не пойдем.

Мы сняли с себя ружья и прислонили их к дереву, затем принялись ломать сухие сучья. Один сучок упал на землю. Я наклонился и стал искать его у себя под ногами. Случайно рукой я нащупал большой кусок древесного корья.

Опыт страннической жизни научил меня всегда держать при себе засмолённую баночку со спичками и обломками целлулоида. Ноздрин нашел где-то бересту. Сунув под нее кусочек целлулоида с гребенки, он чиркнул спичкой, и тотчас желтоватое пламя взвилось тонким длинным языком. Я держал над огнем корье, чтобы его не заливало дождем, пока Ноздрин сверху накладывал сухие сучки и смолье, которое случайно оказалось на стволе растущей поблизости старой пихты. Когда костер разгорелся, мы увидели в непосредственной близости от себя целую гробницу, прикрытую сверху двускатной крышей из древесного корья. Точно сговорившись, мы стали разводить огонь около самого гроба. Когда он так же разгорелся, как и первый, мы перенесли в него весь жар и головешки от первого костра. Потом Ноздрин поправил крышу гробницы, там, где она немного обвалилась и протекала. Затем мы стали устраиваться для ночлега. Стрелок снял с гроба два куска берестяной покрышки; я положил их на еловые ветки, устроив таким образом сухое ложе. Мы с Ноздриным сидели лицом к огню, я — с правой стороны гроба, он — с левой. Покойник лежал тоже головой к огню. Гроб выдвигался немного вперед и разделял нас настолько, что мы вынуждены были нагибаться, чтобы видеть друг друга. Под крышей гробницы, согреваемые теплом костра, мы почувствовали себя счастливыми.

Как немного надо человеку и как растяжимо понятие о комфорте!

После полуночи дождь начал стихать, но небо попрежнему было морочное. Ветром раздувало пламя костра. Вокруг него бесшумно прыгали, стараясь осилить друг друга, то яркие блики, то черные тени. Они взбирались по стволам деревьев и углублялись в лес, то вдруг припадали к земле и, казалось, хотели проникнуть в самый огонь. Кверху от костра клубами вздымался дым, унося с собою тысячи искр. Одни из них пропадали в воздухе, другие падали и тотчас же гасли на мокрой земле.

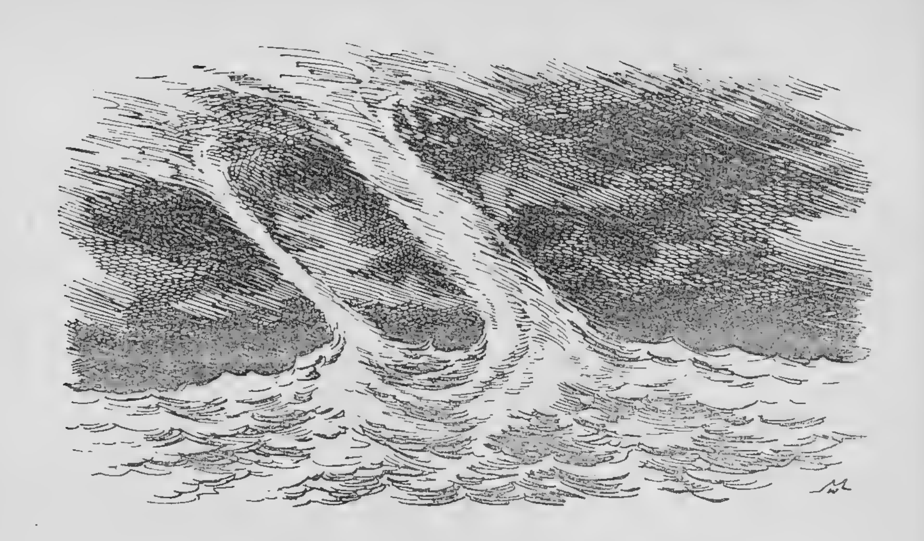
Мы с Ноздриным сняли с себя верхнее платье и повесили его под крышей гробницы, чтобы оно просохло. Всю ночь мы сидели у костра и дремали, время от времени подбрасывая дрова в огонь, благо в них не было недостатка. Мало-помалу дремота стала одолевать нас. Я не сопротивлялся ей, и скоро все покончил глубоким сном.

Проснулся я оттого, что прозяб.

Светало. Дождь совсем перестал, и ветер совершенно стих. Густой туман заполнял весь лес. С деревьев падали на землю редкие крупные капли. Листва и трава казались неподвижными. От почти погасшего костра кверху подымалась тонкая струйка дыма. Ноздрин спал на левом боку. Я подбросил дров в огонь и разбудил его. Мы погрелись, обулись и стали осма-

триваться. Оказалось, что кладбище, на котором мы ночевали, состояло всего только из трех гробов. Значит в темноте мы все время кружили по одному и тому же месту, постоянно натыкаясь на эти три гроба.

В это время потянул слабый ветерок. Туман пришел в движение, и тогда шагах в четырехстах впереди мы увидели орочское селение Дата.



СМЕРЧ ОКОЛО УСТЬЯ РЕКИ ТУМНИН

После недавней бури в природе воцарилась полная тишина, хотя небо больше чем вчера было покрыто тучами. В виде темной скатерти они неподвижно повисли над морем; на запад, в глубь материка, серо-свинцовое небо простиралось насколько хватал глаз. Лохматые тучи стояли над землею так низко, что все сопки, как срезанные под один уровень, имели вид разобщенных между собою столовых гор. Свежевыпавший снег толстым слоем словно капюшоном прикрыл юрты туземцев, опрокинутые вверх дном лодки, камни, пни, оставшиеся от порубленных недавно деревьев, и валежник на земле. Однако белоснежный убор земли не придавал ландшафту веселого и праздничного вида. В темном небе, в посиневшем воздухе, хмурых горах и в черной, как деготь, воде чувствовалось напряжение, которое чем-то должно было разрядиться.

Я взял лодку и переехал на другую сторону реки Улики. Перейдя через рощу, я вышел к намывной полосе прибоя. Абсолютный штиль был в море. Даже трудно представить его себе в таком спокойном состоянии: ни малейшего всплеска у берега, ни малейшей ряби на его гладкой поверхности. Большой мыс Лессепс-Дата, выдвинувшийся с северной стороны в море, с высоты птичьего полета должен был казаться громадным белым лоскутком на темном фоне воды, а в профиль его можно было принять за чудовище, которое погрузилось на половину в воду и замерло, словно прислушиваясь к чему-

то. И море и суша были безмолвны, безжизненны и пустынны. Белохвостые орланы, черные кармораны, пестрые каменушки и белые чайки — все куда-то спрятались и притаились.

Я пошел вдоль берега навстречу своему спутнику, который тоже спешил мне навстречу и озабоченно смотрел куда-то в море.

— Куда вы торопитесь? — спросил я его.

— Пароход идет, — сказал он, указывая рукой в сторону Советской гавани.

Я оглянулся и увидел столб дыма, подымающийся из-за мыса, отделяющего бухту Чжуанка от бухты Дата. Сначала я тоже подумал, что это дым парохода, но мне показалось странным, что судно держится так близко к берегу, да, кроме того, ему и не зачем заходить за этот мыс.

Потом меня удивило вращательное движение дыма, быстрота, с которой он двигался, и раскачивание его из стороны в сторону. Темный дымовой столб порой изгибался, утончался, опять делался толще, иногда разрывался и соединялся вновь.

Я терялся в догадках и не мог дать объяснение этому необычайному явлению. Когда же столб дыма вышел из-за мыса на открытое пространство, я сразу понял, что вижу перед собой смерч. В основании его вода пенилась, как в котле. Она всплескивалась, вихрь подхватывал ее и уносил ввысь, а сверху в виде качающейся воронки спускалось темное облако.

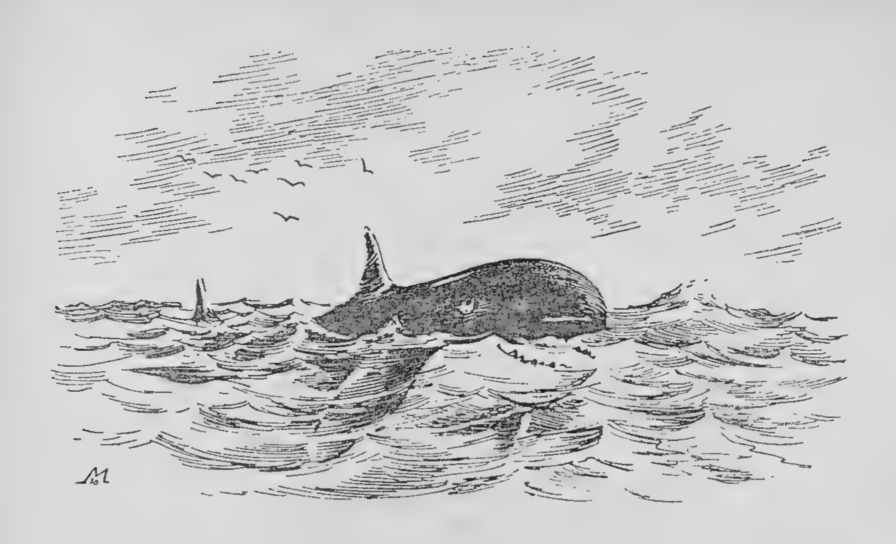
Из-за мыса смерч вышел тонкой струйкой, но скоро принял большие размеры, и по мере того, как он увеличивался, возрастала быстрота его вращения и поступательное движение на северо-восток. Через несколько минут он принял поистине гигантские размеры и вдруг разделился на два смерча, двигавшиеся в одном направлении к острову Сахалину.

Спустя некоторое время они снова стали сходиться. Тогда небо выгнулось, а вода вздулась большим пузырем. Еще мгновение, и смерчи столкнулись. Можно было подумать, что там взорвалась громадная мина. В море поднялось гигантское волнение, тучи разорвались и повисли клочьями, и на месте смерчей во множестве появились вертикальные полосы, похожие на ливень. Затем они стали блекнуть, и нельзя было решить, что это — дождь или град падает в воду. Потом в море появилась какая-то мгла, заслонившая полосы, оставшиеся от смерчей.

Тучи, до сего времени неподвижно лежавшие на небе, вдруг пришли в движение. Темносерые с разлохмаченными краями, словно грязная вата, они двигались вразброд, сталкивались и поглощали друг друга. Ветер, появившийся сначала в высших слоях атмосферы, скоро спустился на землю, сначала небольшой, потом все сильнее и сильнее. Небо стало быстро очищаться.

Сделав необходимые записи в дневник, я отправился к старшине Антону Сагды. У него я застал несколько человек орочей и стал их расспрашивать о смерчах. Они сказали мне, что маленькие смерчи в здешних местах бывают осенью, но большие вроде того, который я наблюдал сегодня, — явление чрезвычайно редкое. Орочи называют его сагды сюи.

Старшина рассказал мне, что однажды, в бытность его еще молодым человеком, он в лодке с тремя другими орочами попал в такой смерч. Он подхватил лодку, завертел ее, поднял на воздух и затем снова бросил на воду. Лодка раскололась, но люди не погибли. Помощь оказали другие лодки, находившиеся поблизости.



КАСАТКА — ТЭМУ

Обойти «непропуск» оказалось не так-то легко. Мы лезли в гору, пробирались сквозь густые заросли и обходили осыпи; местами крутизна принуждала нас взбираться еще выше и долго итти косогором. Судя по времени и пройденному расстоянию, «непропуск» должен был быть уже сзади. Теперь начался спуск, сначала крутой, но потом он сделался положе. Я полагал, что мы скоро выйдем к морю, но ошибся. Сквозь просветы между деревьями, уже виднелась вода и слышался шум прибоя, как вдруг совершенно неожиданно опять оказался обрыв и на этот раз совершенно отвесный. По краю его мы дошли до оврага. Это обходное движение отняло у нас много времени. Спуск в овраг был очень крут и загроможден большими камнями. Глубокие ямы по руслу его, замаскированные травою, представляли настоящие ловушки. Туземцы двигались медленно, разбирая траву руками и, несмотря на это, часто падали и ушибались. Овраг, по которому мы спускались, оказался длинным. Но вот кустарники стали редеть; в лицо повеяло сыростью и запахом моря. Еще несколько шагов, и мы все разом вышли на намывную полосу прибоя.

Свежий юго-восточный ветер гнал к берегу волны. Они зарождались далеко там, где небо сходится с землею, и шли в стройном порядке, не сталкиваясь и не обгоняя друг друга. Ветер срывал с их гребней белую бахрому и мелким дождем разносил ее по морю. Со стороны казалось, будто волны

дымятся. Как раз против оврага из воды торчали два больших камня. Один из них был похож на каравай хлеба, другой на гигантскую жабу, обращенную головой к югу. Волны с шумом разбивались о них. На мгновение жаба пропадала, но вслед затем из белой пены опять появлялась ее голова на том же месте. Вода каскадом сбегала с ее спины, но тотчас ее накрывала другая волна, за ней третья. Это было какое-то тупое соревнование между неподвижной каменной жабой и морской водою, нападающей на берег.

Горная порода, вынесенная из оврага и разрушенная морским прибоем, превратилась в гравий и образовала широкую отмель. Вода взбегала на нее с сердитым шипеньем и тотчас уходила в песок, оставляя после себя узенькую полоску пены, но следующая волна подхватывала ее и бросала на отмель дальше прежнего.

Шагах в полутораста от камней на прибрежной гальке у самого края воды лежала какая-то большая темная масса. От ударов волн она вздрагивала и колыхалась. Иногда она подымалась немного кверху, но каждый раз, как только волны отходили назад, она снова сползала к морю. Это было что-то грузное, рыхлое, мягкое. Как только мы спустились из оврага, с нее снялось несколько птиц, в числе которых были и вороны. Несомненно, это был морской зверь, выброшенный волнами на берег. Мы тотчас направились к нему. Оба туземца шли впереди, а я несколько отстал. Вдруг они остановились, стали всматриваться в темную массу и затем бросились назад. На лицах их был написан испуг. Не зная в чем дело, я тоже остановился и приготовил ружье, но, убедившись, что животное мертво, подошел к нему вплотную. Это оказалась касатка — самое свирепое из морских чудовищ, наводящее ужас на всех зверей и рыб. Даже акула от нее убегает и в страхе выбрасывается на отмель.

Я обошел мертвое животное кругом. Большое веретенообразное тело ее было покрыто темной кожей, к которой во многих местах прикрепились раковины усоногих. Оно имело в длину около шести метров и оканчивалось хвостовыми плавниками, как у всякого китообразного. Брюхо ее было грязнобелого цвета; два небольших боковых плавника находились недалеко от головы, а на спине, кроме того, выдавался еще огромный трехугольный плавник. Небольшая голова, но громадная пасть, вооруженная многочисленными острыми зубами, маленькие глаза, с светлыми пятнами позади их, в которых застыло выражение жестокости и злобы, придавали ей действительно страшный и отталкивающий вид. Повидимому, касатка давно уже подохла; туша начала разлагаться и издавала зловоние.

В это время я услышал крики. Я оглянулся и у входа в овраг увидел туземцев, делающих мне какие-то знаки. Когда

я подошел к ним, они тревожно стали говорить о том, что мертвый зверь есть «Тэму» — грозный хозяин морей и потому надо как можно скорее уходить отсюда. Человека, который позволит себе подойти к Тэму, да еще тронуть его, непременно постигнет страшное несчастье.

Я стал говорить, что касатка мертва и потому совершенно неопасна, но они ответили мне, что Тэму может прикидываться мертвым, оставлять на берегу свою внешнюю оболочку, превращаться в наземных зверей и даже в неодушевленные предметы. Они ни за что не хотели дальше итти берегом моря и предпочитали вновь карабкаться в горы. Напрасно я приводил им всякие резоны; они оставались непреклонны.

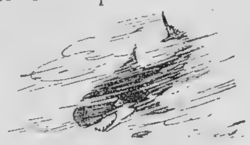
Тогда я условился, что буду ждать их около второго мыса. Мы расстались; туземцы пошли назад по оврагу, а я по намывной полосе прибоя. Как и надо было ожидать, к указанному мысу я пришел раньше их часа на два.

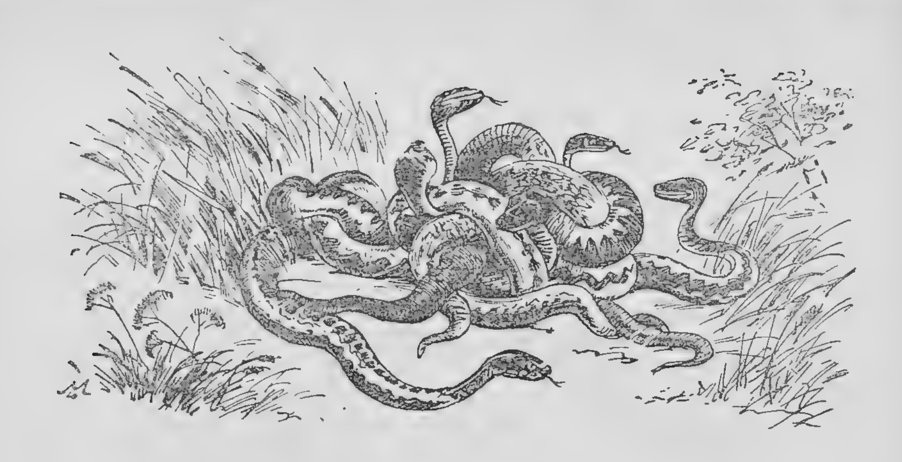
С закатом солнца ветер засвежел, небо покрылось тучами, и море еще более взволновалось. Сквозь мрак виднелись белые гребни волн, слабо фосфоресцирующие. Они с оглушительным грохотом бросались на берег. Всю ночь металось море, всю ночь гремела прибрежная галька и в рокоте этом слышалось что-то неумолимое, вечное.

Рано утром один из стрелков ходил на охоту за нерпами. Возвратясь, он сообщил, что бурей ночью мертвую касатку снова унесло в море. Я не придал его словам никакого значения, но орочи нашли это вполне естественным: Тэму вернулся, принял свой обычный вид и ушел в свою родную стихию.

После полудня ветер начал стихать, и море стало успокаиваться; вместо волн с острыми гребнями появилась мертвая зыбь. Незадолго до сумерек мы пошли собирать дрова. Вдруг один удэхеец что-то закричал. Я обернулся и увидел недалеко от берега большой черный плавник, быстро рассекающий воду. Это была касатка-гладиатор. Она дважды прошла вперед и назад, затем остановилась и встала к нам головой так, что плавник ее сделался похожим на палку. Касатка то опускалась вглубь, то снова всплывала на поверхность воды, порой она совсем близко подходила к берегу и вдруг бросалась назад, издавая какие-то странные звуки, похожие на грузные вздохи или заглушенное мычание.

Когда на западе угасли отблески вечерней зари и ночная тьма окутала землю, удэхейцы камланили. Они притушили огонь. Один из них накрыл себе голову полотенцем и, держа в руках древесные стружки, произносил заклинания, а другой взял листочек табаку, несколько спичек, кусочек сахару и сухарь и все побросал в море. Это было жертвоприношение.





ЗМЕИНАЯ СВАДЬБА

Солнце только что перевалило за полдень. Жара стояла невыносимая. Был один из тех знойных июльских дней, когда нагретая солнцем земля не успевает за ночь излучить тепло в мировое пространство, а на другое утро накопляет его еще больше, и от этого становится невыносимо душно. Сегодня было как-то особенно «глухо». Солнце палило немилосердно и так нагревало камни на берегу, что от прикосновения к ним обнаженной рукой получалось впечатление ожога. Солнечные лучи отражались от воды ослепительными бликами, так что больно было смотреть. Все птицы и звери попрятались от зноя. Глубокая тишина в природе нарушалась только однообразно монотонным шумом воды в реке, да жужжанием насекомых. И чем сильнее пекло солнце, тем больше они проявляли жизни. Одни из них летали, другие бегали по песку, третьи взбирались по цветковым растениям как бы для того, чтобы убедиться, все ли здесь в порядке. Достигнув вершины, они тотчас поворачивались и начинали спуск по стебельку или, расправив жесткие надкрылья, вдруг снимались с места и перелетали на другое растение, где торопливо начинали тот же осмотр. Я долго следил за ними. Их было так много: больших и малых, ярко окрашенных и мало заметных, изящных и безобразных, некрасивых, всевозможных форм, простых или представляющих из себя настоящих чудовищ в миниатюре. Внимание мое привлекли какие-то насекомые из семейства жужелиц. Они бегали по песку и иногда замирали в непо-

движной позе, вдруг делали прыжки и, схватив какое-нибудь насекомое, тут же принимались пожирать его с жадностью. Это очень хищные, прожорливые и осторожные жуки, пестро окрашенные, с выпуклыми глазами и сильными челюстями. При малейшем намеке на опасность они тотчас поднимались на воздух и мгновенно исчезали из вида.

В это время ко мне подошел Ноздрин и напомнил, что мы с ним собирались к мысу Чжуанка. Покончив с насекомыми, я взял свое ружье и отправился с ним вдоль берега, имея намерение осмотреть береговые обнажения. Здесь у подножия валялось много угловатых обломков различной величины — от метра в кубе до размеров человеческой головы, с острыми краями и заросших грубой осокой и каменной полынью. На высоте двух метров от подножья скала имела длинный карниз. Я подошел к нему вплотную и стал высматривать, где можно было бы на него взобраться. В это время в поле моего зрения на самом краю выступа, как мне показалось, мелькнул какой-то небольшой предмет, величиной с наперсток. Мелькнул и пропал... Я уже хотел было схватиться руками за край выступа, как опять показался тот же небольшой продолговатый предмет, но уже в другом месте. На этот раз я успел рассмотреть его лучше. Он был на длинной ножке. Это меня заинтересовало, и я удвоил внимание. Минуты через две на самом краю обрыва опять увидел два таких предмета. Один сразу скрылся, а другой остался неподвижным. И вдруг мне стало ясно. Из верхнего конца «предмета» на стебельке высунулся темный вилообразный язычок змеи. Невольно вскрикнув, я поспешно отдернул свои руки прочь от камней. Я отодвинулся от выступа шага на два, а Ноздрин пошел искать, нельзя ли взобраться на карниз где-нибудь в другом месте. Поиски его увенчались успехом. Я видел его идущим вдоль карниза и крикнул, чтобы он был осторожней. Ноздрин замедлил шаг и внимательно стал смотреть себе под ноги. Немного не доходя до места, где я видел змей, он вдруг остановился. По выражению его глаз я видел, что он сосредоточил свое внимание на чем-то страшном и неприятном.

— В чем дело? — спросил я его.

— Да тут змей много, и все они в куче,— ответил стрелок.

— Будь осторожен, не трогай их, — сказал я Ноздрину, снова подходя к обрыву.

Отступив немного назад, он протянул мне руку, и я без труда взобрался на уступ, где увидел большую расщелину, идущую наискось вдоль террасы; одной стороной она близко подходила к самому краю террасы. Расщелина была длиною более метра и шириною в 12 сантиметров. Судя по тому, что верхние края ее круто падали внутрь, надо полагать, что она была глубиною около полуметра. Вся она доверху была на-

полнена змеями. Плоские головки их ромбовидной формы, пестрый рисунок на теле, короткие шеи и хвосты и злобное выражение глаз с щелевидными зрачками, указывали на то, что все это были ядовитые змеи. Они сплелись в большой клубок, так что трудно было сказать, которой из них принадлежала та или иная часть тела. Змеи едва шевелились; время от времени они поднимали свои головки и высовывали язычки. Их-то я и видел, когда стоял внизу у подножья карниза.

В это время на краю щели появился большой черный муравей. Он спустился внутрь на одну из змей и взобрался ей на голову. Муравей лапками коснулся глаза и рта пресмыкающегося, но оно чуть только показало язычок. Муравей перешел на другую змею, потом на третью — они, казалось, и не замечали присутствия непрошенного гостя.

Тогда Ноздрин потрогал змей палкой. Я думал, что они разбегутся во все стороны и готовился уже спрыгнуть вниз под обрыв, но к удивлению своему увидел, что они почти вовсе не реагировали на столь фамильярное к ним отношение. Верхние пресмыкающиеся чуть шевельнулись и вновь успокоились. Стрелок тронул их сильнее. Эффект получился тот же самый. Тогда он стал бросать в них камнями, но и это не помогло вывести их из того состояния неподвижности, лени и апатии, в котором они находились.

Было неприятно смотреть на расщелину, буквально заполненную змеями, которые к тому же издавали какой-то особый специфический запах.

Когда мы возвратились на бивак, Ноздрин стал рассказывать своим товарищам о том, что видел. Стрелки хотели итти туда и обварить змей кипятком, но я отсоветовал им делать это и объяснил, что пресмыкающиеся всегда собираются в клубки для копуляции, во время которой оплодотворяются самки. Весь вечер казаки и стрелки говорили про змей. У каждого было что вспомнить. Чжан-Бао говорил, что они могут превращаться в людей. Ороч Намука сказал, что по словам Кяка (удэхейца), где-то живет тоже большая змея Модуми, которая может изо рта изрыгать пламя, а гольд Косяков с таинственным видом сказал, что у них на Уссури был шаман, который водил за собою змей и давал им разные поручения в качестве посыльных. В заключение выступил Марунич. «Два года тому назад, — сказал он, — я увидел змею, свернувшуюся на песке. Я ударил ее палкой. Так что бы вы думали: она схватила зубами за эту самую палку». У него выходило так, что змея обнаглела до того, что осмелилась кусать тот предмет, который ей нанес удар по голове.

Часов в девять вечера с моря надвинулся туман настолько густой, что на нем, как на экране, отражались тени людей,

которые то вытягивались кверху, то припадали к земле. Стало холодно и сыро. Я велел подбросить дров в огонь и взялся за дневники, а казаки принялись устраиваться на ночь.

На другой день мы продолжали наш путь. Когда лодки проходили мимо мыса Чжуанка, я, Ноздрин, Крылов и Чжан-Бао отправились посмотреть на змей, но расщелина оказалась пустой. Мы перевернули несколько больших камней у подножья карниза, но и тут ничего не нашли.

ЯСТРЕБ И ЗАЯЦ

С вечера погода стала портиться, а к утру все небо уже покрылось серыми тучами. Вчера еще они шли поверх самых высоких сопок, а теперь спустились вниз. Тяжелые, лохматые, они двигались куда-то на юго-запад, взбирались по распадкам, обволакивали мысы и оставляли в поле зрения только подошвы гор. Тучи ползли медленно, окутывая в сумрак поверхность земли. В темном небе и в тишине, воцарившейся в природе, чувствовалось напряжение, которое вот-вот должно было разразиться жестокой бурей. Казалось, будто небесные стихии выжидали только удобного момента, чтобы всеми силами обрушиться на землю, но какие-то другие силы мешали им, и потому небо так хмурилось и грозило дождем.

Опасаясь, что дождь будет затяжным и в палатке придется сидеть, как под арестом, я решил, пока еще сухо, погулять по ближайшим окрестностям, не уходя далеко от бивака. Я пошел по тропе, протоптанной медведями, но скоро ее потерял; тогда я направился целиною к соседним холмам.

Взобравшись на вершину одного из них, я увидел за перевалом длинный пологий склон, покрытый травянистой растительностью и кустарниковой ольхой по ложбинкам, служившими для стока дождевой воды. Слева в виде длинной зубчатой развалившейся стены протянулся горный кряж, слагающийся из гранитных утесов, а справа — широкая долина,

по которой извивалась речка, а за ней стоял хмурый елово-пихтовый лес.

Я прошел с полверсты и хотел было уже повернуть назад, как вдруг что-то мелькнуло в отдалении и низко над землей, потом еще раз, еще, и вслед затем я увидел какую-то небольшую хищную птицу, которая летела низко над землей и, повидимому, кого-то преследовала. Такое заключение я сделал потому, что пернатый хищник летел не прямо, а зигзагами. Почти одновременно я увидел зайца, который со страху несся, не разбирая куда: по траве, мимо кустарников и по голым плешинам, совершенно лишенным растительности. Когда заяц поравнялся со мною, крылатый разбойник метнулся вперед и, вытянув насколько возможно одну лапу, ловко схватил ею свою жертву, но не был в состоянии поднять ее на воздух. Это не остановило зайца, и он побежал дальше, увлекая за собой своего врага. Хищная птица при помощи крыльев старалась сдержать зверька, однако это ей не удавалось. Тогда она, не выпуская из левой лапы своей добычи, правой на бегу стала хвататься за все, что попадалось по дороге: за стебли зимующих растений и сухую траву и прочее. Но они обрывались, и заяц с своим странным всадником на спине неслись дальше. Но вот на пути оказался ольховник. Когда они поравнялись с кустарником, пернатый хищник ловко ухватился за него. Ноги птицы растянулись, левая удержала зайца за спину, а правая вцепилась в корневище. Заяц вытянулся и заверещал. Тогда ястреб, я теперь мог его хорошо рассмотреть, подтянул зверька к ольховнику и нанес ему два сильных удара клювом по голове. Заяц затрепетал. Скоро жизнь оставила его. Только теперь хищник выпустил корень и обеими ногами взобрался на свою жертву. Он оглянулся, расправил свой хвост, оглянулся еще раз, затем взмахнул крыльями и поднялся на воздух. Ястреб полетел к лесу вместе с добычей. Две вороны тотчас полетели за ним следом. Они знали, что после завтрака ястреба и им кое-что перепадет. Среди птиц вороны играли роль шакалов. Так же как и последние, они питаются падалью и остатками от трапезы сильных хищников.

БОЙ ОРЛАНОВ В ВОЗДУХЕ

После завтрака я взял свое ружье и пошел осматривать долинку, в которой мы встали биваком. С утра погода стояла великолепная: на небе не было ни единого облачка, солнце обильно посылало свои живительные лучи, и потому всюду на земле было так хорошо — по-праздничному. Кустарниковая и травяная растительность имела ликующий вид; из лесу доносились пронзительные крики дятлов, по воздуху носились шмели, порхали бабочки...

Обойдя небольшое болотце, я нашел звериную тропу, протоптанную, должно быть, медведями, которая привела меня на старую гарь, заваленную колодником, заросшую ерником и ежевикой.

С утра я неладно обулся, что-то жесткое попало мне под подошву и мешало ступать. Я стал на первую попавшуюся валежину и стал переобуваться. Вытряхнув из обуви посторонний предмет, я снова оделся, и только хотел было встать, как вдруг увидел белохвостого орлана.

Распластав свои сильные крылья, он летел мне навстречу, направляясь к лиственице, растущей посреди небольшой полянки. Описав около меня большой круг, он ловко, с наскока, уселся на одну из верхних ветвей и сложил свои крылья, но тотчас приподнял их немного, расправил и сложил снова.

Орлан оглянулся по сторонам и затем нагнул голову вниз. Тут только я заметил в лапах у него какой-то предмет, но

что именно это было — за дальностью расстояния не было видно.

Вдруг сзади и немного влево от меня послышался крик, какой обыкновенно издают пернатые хищники. Орлан насторожился. Он нагнул голову, дважды кивнул ею и раскрыл свой могучий желтый клюв. Оперение на шее у него поднялось. В этом виде он действительно оправдывал название царя птиц.

В это мгновение я увидел другого орлана, направляющегося к той же лиственице. Царственный хищник, сидевший на дереве, разжал лапы и выпустил свою жертву. Небольшое животное, величиною с пищуху, полетело вниз и ударилось о землю с таким шумом, с каким падают только мертвые тела.

Затем орлан сорвался с ветки и стремительно полетел по наклонной плоскости, забирая влево и стараясь как можно скорее выравняться с противником. Другая птица, что была выше него, начала трепетать крыльями, чтобы задержаться на одном месте, но потом вдруг стремительно кинулась на своего врага, промахнулась и так снизила, что едва не задела меня своим крылом.

Теперь оба орлана были на одном уровне. Они описывали спиральные круги, быстро сближаясь, и вдруг бросились друг другу навстречу. Птицы приняли в воздухе вертикальное положение, они неистово хлопали крыльями и издавали пронзительные крики, которые можно было бы назвать квохтаньем. Сцепившись, они рвали друг у друга тело когтями, разбрасывая перья по сторонам. Естественно, что во время боя оба орлана стали падать, и, когда крылья их коснулись травы, они вновь поднялись на воздух, описав небольшие круги, и вторично сцепились в смертельной схватке.

На этот раз я заметил, что они работали не только лапами, но и клювами. Опять посыпались перья. Теперь я уже не знал, который из орланов сидел на дереве и который прилетел отнимать добычу, — оба они были одинаковой величины и имели тождественное оперение. При третьей схватке у одной из птиц показалась на шее кровь, у другой было оголено и расцарапано брюхо. У обоих были потрепаны крылья и поломаны маховые перья. Орланы стали кружиться, и тот, которому удавалось подняться выше, старался нанести удар своему противнику сверху. Нижний орлан ловким движением крыла уклонялся от нападения врага и, пользуясь промахом, сам переходил в наступление, но тоже падал книзу. Так, меняясь местами, они спускались все ниже и ниже, пока вновь не достали земли. Потом они разлетелись в стороны и начали парить, стараясь занять по отношению друг к другу командное положение и вместе с тем удалялись от места поединка. Раза два они еще показались за деревьями и, наконец, скрылись совсем.

Тогда я решил посмотреть, что было в лапах у первого орлана. Когда я подходил к лиственице, мне показалось, что кто-то бросился в заросли, но я не успел разглядеть, кто именно.

Тщетно я искал оброненную орланом добычу — она изчезла. Мне стало ясно, что какой-то другой хищник, на этот раз четвероногий, быть может колонок, соболь или лисица, воспользовался суматохой и подобрал лакомый кусок.

Забросив ружье за плечо, я пошел по левому нагорному краю долины. Выбрав место положе, я поднялся к одной из ближайших седловин на хребтике и сел здесь отдохнуть.

Через минуту я опять услышал шум и увидел одного из только что дравшихся орланов. Он сел на коряжину недалеко от меня, и потому я хорошо мог его рассмотреть. В том, что это был именно один из забияк, — я не сомневался. Испорченное крыло, взъерошенное оперение на груди и запекшаяся кровь с правой стороны шеи говорили сами за себя.

Сильно уставший, победитель или побежденный, он сидел теперь с опущенными крыльями, широко раскрытым клювом и тяжело дышал. С четверть часа, если не больше, отдыхал орлан. Потом он стал клювом оправлять перья в крыльях, выбрасывая испорченные, и приводить в порядок свой наряд на груди. Этой процедурой он занимался довольно долго. Я сидел и терпеливо наблюдал за ним и не шевелился.

Посидев еще спокойно несколько минут, орлан снялся и полетел на место боя. Он сел на ту же лиственицу, на то же место и стал смотреть вниз. Затем он опустился на землю и, не найдя там ничего, снова поднялся на воздух и полетел вверх по долине за новой добычей.

В это мгновение у ног моих шевельнулся сухой листик, другой, третий... Я наклонился и увидел двух муравьев — черного и рыжего, сцепившихся челюстями и тоже из-за добычи, которая в виде маленького червячка, оброненная лежала в стороне. Муравьи нападали друг на друга с такой яростью, которая ясно говорила, что они оба во что бы то ни стало хотят друг друга уничтожить.

Я так был занят муравьями, что совершенно забыл о червячке и когда посмотрел на то место, где он лежал, его уже не было там видно. Поблизости находилось маленькое отверстие в земле, и я увидел как его утащило туда какое-то насекомое вроде жужелицы. Когда я вновь перевел взгляд на место поединка, то увидел одного только рыжего муравья. Он суетился и, видимо, искал оброненную личинку, но не найдя ее, отправился за новой добычей.

Меня поразила аналогия: два события — одно в царстве пернатых, другое из царства насекомых — словно нарочно были разыграны по одному и тому же плану. Тогда я вспом-

нил весьма обычные драки собак из-за кости, причем третья собака, не принимавшая участия в свалке, пользуется всегда случаем и уносит лакомую кость. Это и есть борьба за жизнь. У всякого живого существа есть две цели жизни. Первая — поддержание собственной жизни и вторая — оставление после себя потомства, и потому все живые существа ведут борьбу за обладание питанием и за обладание матками. Природа хорошо позаботилась о продолжении видов.

ПТИЧИЙ БАЗАР

Удивительные вещи увидели мы на птичьем базаре.

Читатель должен представить себе высокую скалу, отвесными обрывами падающую в море. Горная порода, из которой она состоит, расположилась горизонтальными слоями. Под влиянием атмосферных факторов скала подверглась частичному разрушению. Во многих местах она выветрилась и обвалилась в море, вследствие чего по всему обрыву, от верха до самой воды, образовалось множество карнизов различной длины и ширины. Одни из них были длинными и узкими, другие, наоборот, — короткими и широкими, одни выклинивались и сходили на-нет, другие обрывались в самом начале или располагались правильными ступенями. Местами над морем нависли большие плоские глыбы, которые каким-то чудом держались на весу, некоторые из них имели вид полок гигантской этажерки, подпираемых снизу громадными кронштейнами.

В одном месте как-то странно вывалился целый пласт и образовалась длинная галлерея, замкнутая с трех сторон и открытая со стороны моря. И все эти карнизы, все трещины, все углубления были заняты бесчисленным множеством птиц разной величины и разной окраски.

Самые нижние карнизы занимали карморапы. Несмотря на свой мрачный характер, они любят гнездиться большими обществами. Как на выставке, сидели они чинно в ряд и с бес-

покойством поглядывали на наши лодки. Среди массы белых испражнений, которыми был покрыт весь карниз, они довольно резко выделялись своим черным цветом. Тут же поблизости, частью вперемежку с карморанами или по соседству с ними небольшими группами, точно солдаты, вытянувшись в линию, сидели малые бакланы, оперение которых ярко отливало сине-зеленым металлическим блеском. Если бы они не поворачивали голов для того, чтобы проводить нас глазами, их можно было бы принять за чучела, выставленные нарочно на показ.

Повыше бакланов, но тоже недалеко от воды, устроились утки-каменушки, с окраской черного, коричневого и белого цветов. На фоне темнобурой скалы, густо вымазанной гуано, они были бы мало заметны, если бы сидели неподвижно.

Трещины и углубления в камнях были заняты топорками— странными птицами величиной с утку, с темной общей окраской, белесоватой головой и уродливыми оранжево-зелеными клювами, за которые они получили название морских попугаев.

На самых верхних уступах помещались многочисленные чайки. Белый цвет птиц, белый пух и белый помет, которым сплошь были выкрашены края карнизов, делали чаек мало заметными, несмотря на общий темный фон скалы.

Большие чайки серого и белого цветов сидели вперемежку с грациозными клушами и не ссорились между собою, только некоторые из них как бы переминались с ноги на ногу и немного передвигались в сторону. Иногда они сталкивали друг друга со скалы. Тогда упавшая птица отлетала немного, но тотчас старалась вернуться на прежнее место или сесть рядом. Но больше всего на птичьем базаре было кайр, относящихся к семейству чистиков. Их было бесчисленное множество: каждый выступ, каждое углубление, можно сказать, каждая пядь карниза, где хоть мало-мальски можно было присесть для высиживания яиц, — все было занято этими остроклювыми птицами с темно-серобурым оперением. Несмотря на то, что мы проходили очень близко к скале, все птицы сидели крепко и не хотели покидать своих мест. Только некоторые бакланы слетали, но видя, что никто не следует их примеру, тотчас возвращались обратно.

Миновав утесы, мы свернули в небольшую бухточку и, как всегда, встали биваком на намывной полосе прибоя, где было достаточно плавника, высушенного солнцем и ветрами.

На другой день была назначена дневка. Я решил воспользоваться свободным временем и посетить птичий базар.

Со стороны суши подойти к нему было нетрудно. Некоторые карнизы загибались в долинку и были вполне доступны, без риска сорваться и получить ушибы. Я взобрался по ним, как по лестнице, иногда опираясь на колено и хватаясь ру-

камп за выступ скалы. Здесь так много было кайр, что я должен был двигаться с большой осторожностью, чтобы не задевать их ногами. Как-то странно было видеть птиц в непосредственной близости, которые не выказывали ни малейшего беспокойства и не делали никаких попыток улететь или отодвинуться в сторону. Кайры сидели на земле сплошной массой и все были обращены головами к морю. Они высиживали яйца, причем гнезда их были устроены на камнях без всякого укрытия сверху. Эти глупые птицы совершенно не смущались моим присутствием; даже в тех случаях, когда я протягивал руку, чтобы дотронуться до них, они только оборонялись клювами, не подымаясь с места.

В это время справа от меня я увидел ворону, потом еще двух. Они садились на свободные камни и быстро осматривались по сторонам и часто перелетали с места на место. Я заметил, что вороны сопровождали меня и все время следовали за мной по пятам. Сначала я не обращал на них внимания, но потом это стало меня изводить. Я никак не мог понять, что им от меня нужно. Раза два я бросал в них камнями. Хитрые птицы караулили мои движения, и только я нагибался за камнем или замахивался рукой, как они предупреждали меня и во-время поднимались в воздух, но тотчас опять садились по соседству и иногда даже ближе, чем раньше.

Так, пробираясь по карнизам, я скоро попал в самую гущу кайр. Очень часто мне приходилось ставить ногу совсем вплотную к какой-нибудь птице, и лишь тогда она откидывала немного голову назад и с некоторого отдаления, как бы с недоумением, рассматривала большой и незнакомый ей предмет. Я нагнулся, взял одну кайру в руки и поднял ее кверху. Тотчас откуда-то сбоку появилась ворона. В мгновенье ока, она схватила единственное в гнезде яйцо и полетела вдоль террасы. Теперь я понял, почему так настойчиво следовали за мной черные пернатые воровки. Они отлично знали, что, сопровождая человека по птичьему базару, легко можно будет полакомиться яйцами, надо только не отставать. Поступок вороны так возмутил меня, что я выпустил из рук кайру и снял с плеча ружье. Я выстрелил в ту ворону, которая с яйцом в клюве только что уселась на краю соседней террасы. Звук выстрела подхватило гулкое эхо. Тысячи птиц с криками поднялись на воздух. Они буквально затмили солнце. В это время я опять увидел ворон. Та, что была ближе, только что украла чье-то яйцо. Она расколола его своим сильным клювом. Из яйца вывалился почти высиженный, совершенно голый цыпленок. Ворона разорвала его и съела, потом она схватила второе яйцо и улетела. Мало-помалу бакланы, топорки, каменушки, чайки и кайры стали успокаиваться и возвращаться на свои места. Я тогда решил не тревожить их больше и двинулся назад по карнизу.

Уже смеркалось, когда я подходил к биваку. На фоне светлого неба темной массой выделялся птичий утес, где тысячами собрались пернатые, чтобы вывести птенцов, научить их плавать, летать, добывать себе пищу, которые в свою очередь и на том же самом месте тоже будут выводить себе подобных. Кто знает, скольким поколениям эта скала уже дала приют и сколько еще поколений будут считать ее своей родиной. Вечерняя заря угасла, и только узенькая багровая полоска на горизонте показывала место, где скрылось солнце. Ночная тьма властно вступала в свои права, а вверху в беспредельной высоте зажглись таинственные светила, из века в век расположенные в созвездия.

Огонь на биваке разгорался все ярче и ярче.

На другой день мы все встали поздно. После завтрака казак Крылов отправился на птичий базар. Ему как-то не верилось, что птицы в гнездах сидят так крепко и не улетают даже тогда, когда их трогают руками. Я рассказал ему, как попасть на среднюю террасу, где было больше всего чистиков. Казак взял ружье и направился вдоль берега. Когда он стал приближаться к птичьему базару, с одного из кустов снялась ворона и полетела ему вдогонку. Она как-то странно кричала курлы, курлы. Тотчас ей ответили еще две вороны. Одна появилась со стороны нашего бивака, другая вылетела из леса, и обе они тоже пустились за казаком. Черные вороны не старались его обогнать. Они сели на камни около береговых обрывов, ожидая, когда человек пройдет мимо них. Часа через полтора Крылов вернулся и сообщил, что ночью птичий базар посетил медведь. Казак нашел его следы; много разоренных гнезд и раздавленных яиц, которыми лакомился косолапый.

ОХОТА НА ЛОСЕЙ

Погода нам благоприятствовала. День выпал на редкость теплый, было даже жарко. Солнце сильно припекало. Лучи его отражались от гладкой и спокойной поверхности воды и утомляли зрение. Мы плыли вдоль берега моря в таком от него расстоянии, чтобы одним взором можно было охватить всю толщу обнажений сверху донизу. С некоторого расстояния были видны ясно и отчетливо сдвиги, слоистость горных пород, изгибы их, синклинали и антиклинали. Распадки между гор, ущелья тоже удобнее обозревать с некоторого отдаления. Мои спутники, и в особенности орочи, тоже осматривали берег, но в виду имели совсем другое. Они выискивали следы зверей, которые в первые дни путешествия, когда путь пролегал по безлюдной местности, попадались во множестве.

Время было весеннее. Лодка шла вдоль берега и попадала то в полосы прохладного морского воздуха, то в струи теплого, слегка сыроватого ветерка, дующего с материка. Яркое июньское солнце обильно изливало на землю теплые и живительные лучи свои, но по примятой прошлогодней траве, по сырости и полному отсутствию листвы на деревьях видно было, что земля только что освободилась от белоснежного покрова и еще не успела просохнуть как следует.

На южных склонах прибрежных гор и на намывной полосе прибоя все же кое-где появилась свежая растительность,

которая и могла послужить приманкой для обитателей угрюмого хвойного леса — лосей и медведей, покинувших свои берлоги под корнями вековых деревьев.

И, действительно, часов в одиннадцать утра Копинка, стоявший на руле, вдруг как-то насторожился. Он уставился глазами в одну точку, пригнулся книзу и стал шопотом издавать звуки: ти-ти-ти-ти, что означало предупреждение не шевелиться и соблюдать тишину. Вслед за тем он стал быстро направлять лодку к берегу.

Я оглянулся и увидел двух лосей, мирно расхаживающих по берегу около самой воды. Что заставило их выйти на открытое пространство среди белого дня? Они не щипали морского горошка, который только что начал кое-где пробиваться, и не лизали камней, орошаемых соленой морской водой. Они просто ходили по берегу, иногда стояли неподвижно и лениво поглядывали на беспредельную ширь океана. Очевидно, лоси привыкли к тому, что сюда можно выходить во всякое время дня и ночи, чтобы понежиться на прохладном морском берегу, где нет докучливых, кровь сосущих насекомых.

Впереди, шагах в трехстах от берега, выдвигалась в море высокая гряда камней, около которых пенилась и шумела вода. Копинка налег на руль, и через две-три минуты эти камни заслонили от нас животных.

Как только лодка коснулась берега, оба ороча, Крылов и Вихров, схватили винтовки и выскочили в воду, за ними последовал Рожков; я вышел последним. Мы вдвоем с Рожковым принялись подтаскивать лодку, чтобы ее не унесло ветром и течением, а остальные люди побежали к камням. Скоро они взобрались на них и начали целиться из ружей. Три выстрела произошли почти одновременно. Затем они поспешно перебрались через гряду и скрылись из наших глаз.

Привязав лодку к концу бревна, погребенного в гальке, мы пошли туда, где были охотники. Когда мы взобрались на каменистый гребень, я увидел небольшую бухту с низким пологим берегом, поросшим хвойным лесом.

На песке, около самой воды, лежали оба лося и в предсмертных судорогах двигали еще ногами. Один из них подымал голову. Крылов выстрелил в него и тем положил конец его мучениям. Когда я подошел к животным, жизнь оставила их. Это были две самки; одна постарше, другая — молодая. Удачная охота на лосей принудила нас остановиться на бивак раньше времени.

Берег, как я уже сказал, был низкий, песчаный; тут же протекала небольшая речка с чистой прозрачной водой и валялось множество сухого плавника.

Я немедленно распорядился перевести сюда лодку. Стрелки пошли к камням, откуда они стреляли, а около лосей остался я и два ороча. Один из туземцев подошел к молодой самке

и за ухо приподнял ее голову от земли. Из носа ее вывалилось несколько крупных личинок паутов. Они изгибались и делали такие движения, которые ясно указывали, что им не нравилось то положение, в которое они теперь попали. Я нагнулся к голове лося и заглянул в полость носа и там увидел множество личинок; они двигались в слизи, некоторые ползали во рту и по языку, который теперь безжизненно свесился в сторону. У другого лося тоже и рот и нос были полны таких же личинок. Эти отвратительные короткие, толстые, белые и жирные черви, повидимому, выходили из животных не только через задний проход, но и через глотку. Лоси должны были кашлять и выплевывать их на землю, где они, вероятно, и окукливались.

Когда был вскрыт желудок старой лосихи и выброшено на землю его содержимое, я увидел, что стенки его находятся в каком-то странном движении. Присмотревшись поближе, я увидел, что вся внутренняя оболочка желудка сплошь покрыта присосавшимися личинками паутов. Некоторые из них отвалились, и на этих местах были красные пятнышки, похожие на ранки величиной с маленькую горошину. Множество личинок ползало по пищеводу, отсюда они и проникли в полости глотки и носа.

Как только внутренности были извлечены наружу, орочи отрезали печень и положили ее на весло около лодки. Вооружившись ножами, они стали крошить ее на мелкие кусочки и есть с таким аппетитом, что я не мог удержаться и сам попробовал кусочек печени, предварительно прополоскав его в воде. Ничего особенного. Как и всякое парное мясо, она была теплая и довольно безвкусная. Я выплюнул ее и пошел к берегу моря.

В это время подошла лодка, и мы принялись разгружать ее. Затем стрелки и казаки начали устраивать бивак, ставить палатки и разделывать зверей, а я пошел экскурсировать по окрестностям. Солнце уже готовилось уйти на покой. День близился к концу и до сумерек уже недалеко. По обе стороны речки было множество лосиных следов больших и малых, из чего я заключил, что животные эти приходили сюда и в одиночку и по несколько голов сразу.

По мере того, как я удалялся от моря, лес становился гуще, и я начал подумывать о том, не возвратиться ли обратно, но вдруг впереди увидел просвет. Это оказалась полянка и посреди нее небольшое озеро, через которое проходила наша речка. Дальше я не пошел и присел отдохнуть на одну из валежин

Был тихий вечер. За горами, в той стороне, где только что спускалось солнце, небо окрасилось в пурпур. Оттуда выходили лучи, окрашенные во все цвета спектра, начиная от багряного и кончая лиловым. Радужное небесное сияние отражалось в озерке, как в зеркале. Какие-то насекомые крутились

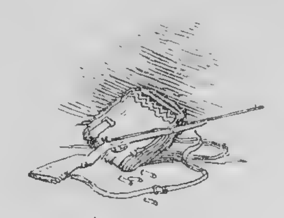
в воздухе, порой прикасались к воде, отчего она вздрагивала на мгновение, и тотчас опять подымались кверху.

Я стал прислушиваться к тихим таинственным звукам, которые всегда родятся в тайге в часы сумерек; кажется, будто вся природа погружается в глубокий сон и пробуждается какая-то другая неведомая жизнь, полная едва уловимых ухом шопотов и подавленных вздохов.

Я уже хотел было встать, как вдруг до слуха моего донесся треск сучьев, и вслед за тем я увидел лося без рогов. По складу корпуса, по мощной шее и бороде я узнал в нем самца. Он быстро подошел к берегу озерка и стал пить воду. Один раз он сильно кашлянул — потому ли, что захлебнулся водой или потому, что личинки паутов раздражали ему горло. Я думал, что он, утолив жажду, сейчас же снова скроется в лесу, но лось смело вошел в воду сначала по колено, потом по брюхо, затем вода покрыла его спину, и на поверхности ее осталась только одна голова, а потом только ноздри, глаза и уши. Лось медленно передвигался с места на место, поворачивал головой то в одну, то в другую сторону, отчего большие уши его хлопали по воде и вздымали множество брызг. Известно, что лоси очень любят купаться. Лось минут через пять снова вышел на берег. Вода текла с него ручьями. Он сильно встряхнулся, сначала передом, потом задом, мотнул головой и зубами почесал свой бок и затем легкой рысцой направился к лесу.

Я не заметил, как ушло время.

Должно быть, солнце только что скрылось за горизонтом, потому что на западе по ту сторону гор зарделась вечерняя заря. Отдаленные мысы приняли сиреневую окраску. На утомленном небе кое-где замигали звезды. Я вспомнил, что теперь новолуние и поспешил на бивак. В лесу сразу стало настолько темно, что я едва различал тропу, протоптанную медведями. Минут через двадцать я подходил к биваку. Около палатки горел огонь, а около него сидели мои спутники и варили лосиное мясо. У них шла оживленная беседа. Один что-то рассказывал, другие слушали. По выражениям их лиц я видел, что все в хорошем настроении. Тут же рядом сидели оба ороча. Они раскалывали трубчатые кости и с наслаждением глотали сырой костный жир. После ужина я заполнил свой путевой дневник и рано лег спать.



ГНЕЗДО ФИЛИНА

Вечером, сидя у огня, я беседовал с Сунцаем. Он сообщил мне, что долинка речки, где мы стали биваком, считается у удэхейцев нечистым местом, а в особенности лес в нижней части ее с правой стороны. Здесь обиталище чорта Боко, благодаря козням которого люди часто блуждают по лесу и не могут найти дорогу. Все удэхейцы избегают этого места, сюда никто не ходит на охоту и на ночлег останавливаются или пройдя или не доходя речки.

На другой день было как-то особенно душно и жарко. На западе толпились большие кучевые облака. Ослепительно яркое солнце перешло уже за полдень и изливало на землю горячие лучи свои. Все живое попряталось от зноя. Властная истома погрузила всю природу в дремотное состояние. Кругом сделалось тихо — ни звука, и даже самый воздух сделался тяжелым и неподвижным.

После обеда стрелки залезли в палатки и захрапели. Я тоже лег в тени дерева и пытался заснуть, но не мог: то появился комар и запел свою монотонно-звенящую песню, то муравей влез на лицо и довольно больно ущипнул меня в щеку. Я хотел было заняться вычислением астрономических координат, но истома мешала сосредоточиться. Я встал, стряхнул с себя апатию и с ружьем в руках пошел вверх по долинке, окаймленной с обеих сторон невысокими холмами, покрытыми хвойно-смешанным лесом. За ними виднелись другие

горы, а впереди в туманной мгле высился какой-то большой хребет, увенчанный гольцами.

Пройдя немного по берегу реки, я свернул в лес, где царило великое безмолвие и покой. Деревья точно окаменели, и казалось, будто листва на них давно замерла и уже больше не приходила в движение. Здесь было немного прохладнее, потому что солнечные лучи не могли пробить зеленую крону деревьев, перепутавшихся вверху своими ветвями. Пахло сыростью, гниющими остатками растений, удобряющих влажную землю. Это был старый и густой лес, полный сумрака и таинственной тишины, в которой слышатся едва уловимые ухом звуки, рождающие в душе человека тоскливое чувство одиночества и безотчетный страх.

Подлесок состоял из редких кустарников, главным образом из шиповника, березы Миддендорфа и сорбарии. Кое-где виднелись пионы и большие заросли грубых осок и папоротников. Почти все деревья имели коренастую и приземистую форму. Обнаженные корни их, словно гигантские лапы каких-то чудовищ, скрывающихся в земле, переплетались между собою как бы для того, чтобы крепче держаться за камни.

Большинство старых деревьев было дуплисто, с теневой стороны густо покрыто мхами вперемежку с лишайниками. Некоторые лесные гиганты, поверженные в прах, превратились в рухлядь. На гниющих телах их нашли себе приют другие растения. Только сучья погибших великанов, сотканные из более плотного материала, чем обычная древесина, продолжали еще сопротивляться всесокрушающему времени и наподобие нарочно вбитых в ствол клиньев торчали во все стороны из гнилого валежника.

Стволы сухостоев, лишенные мелких веток, с болезненными наростами по сторонам были похожи на людей с вздутыми животами и с поднятыми кверху длинными руками, на людей, застывших в позах выражения сильного физического страдания, как на картинах Густава Доре — там, где изображаются мучения грешников в аду.

Я весь отдался влиянию окружающей меня обстановки и шел по лесу наугад. Один раз я чуть было не наступил на ядовитую змею. Она проползла около самых моих ног и проворно спряталась под большим пнем. Немного дальше я увидел на осокоре черную ворону. Она чистила нос о ветку и часто каркала, поглядывая вниз на землю. Испуганная моим приближением, ворона полетела в глубь леса, и следом за ней с земли поднялись еще две вороны. Подойдя поближе, я увидел совершенно разложившийся труп не то красного волка, не то большой рыжей собаки. Сильное зловоние принудило меня поскорее отойти в сторону. Немного подальше я нашел совершенно свежие следы большого медведя. Зверь был тут совсем недавно. Он перевернул две колодины и что-то искал

под ними, потом вырыл глубокую яму и зачем-то с соседнего дерева сорвал кору.

Еще часа полтора я бродил по лесу и, наконец, почувствовал усталость. Я сел на дерево, лежащее на земле, и, прислонив к нему ружье, снял головной убор и стал вытирать потное лицо платком. В это мгновение по ту сторону стоящего передо мной большого вяза я заметил какое-то движение; что-то мелькнуло в темноте и тотчас скрылось за деревом. Я стал всматриваться в чащу леса, но ничего не заметил. Тогда я спрятал платок в карман и сел поудобнее, чтобы продолжать свои наблюдения. Я знал, что надо запастись терпением и не двигаться. Через несколько минут опять что-то мелькнуло перед глазами. Я удвоил внимание и вскоре увидел на том же дереве, но выше, небольшое животное, сидевшее на ветке у самого ствола. Я узнал в нем соболя. Моя неподвижность, видимо, сильно смущала его. Долго он смотрел на меня, но в конце концов не выдержал, поднялся на лапки, простоял с минуту, а затем тихонько двинулся вдоль сучка, растущего как раз в направлении ко мне. На конце ветки соболь остановился. Со своей позиции я мог хорошо его рассмотреть. Теперь он не был таким пушистым, как зимою, и донельзя походил на своего собрата — хорька, только окраска его была не буроватая, как у последнего, а совершенно черная. Под мордочкой на горле имелось светлое, как мне показалось, оранжево-желтое пятно. В выразительных черных глазках соболя я прочел сосредоточенное внимание и какое-то особенно злое выражение. Дорогой хищник опустил головку вниз и стал усиленно нюхать воздух. Я видел, как он делал гримасы и двигал носиком. Рекогносцировка, видимо, его успокоила, потому что он повернулся и пошел обратно по ветке, затем опустился немного по стволу до следующего сука и здесь через небольшое отверстие скрылся в дупле дерева.

Минуты через две соболь снова выглянул наружу и, убедившись, что кругом все обстоит благополучно, издал какой-то звук, похожий не то на писк, не то на шипенье, и тогда в отверстии дупла появилось несколько маленьких головок таких же черных, как их мать. Это были молодые соболята. Они все толпились у входного отверстия, вылезали до половины из него и снова прятались назад. Сколько в дупле обитало зверьков я сказать не могу, так как все они были одного цвета и постоянно теснили друг друга. Затем матка спустилась с дерева на землю, а молодые соболята вновь спрятались в гнезде. Прождав еще несколько минут, я встал и подошел к дуплу с целью заглянуть в него. Дерево было толстое, а дупло глубокое, к тому же я совершенно не хотел разорять соболиное гнездышко. И без меня у них много врагов. Я взбросил свою винтовку на плечо и взял направление прямо к биваку. Между тем солнце по небосклону прошло большую часть своего

пути и готовилось уже скрыться за облаками, которые из белых сделались темными и фосфоресцирующими по краям. Тяжелые испарения неподвижно лежали над землею, поглощая собою все звуки, и от этого становилось невыносимо душно. Я часто останавливался чтобы набрать в легкие побольше воздуха, но чувствовал, что глубокие вздохи не приносят облегчения.

Впереди виднелся большой приземистый тополь. Безотчетно я подошел к нему вплотную и увидел на земле большую жабу. Она сидела, подняв кверху свою уродливую голову, и закрывала поочередно то один, то другой глаз. Нижняя часть горла ее под самой мордой находилась в частом и непрерывном движении. Видно, духота подействовала и на нее. Жаба вылезла из своей норы задолго до заката и усиленно дышала. Вдруг невероятный шум раздался совсем рядом со мной, и вслед затем я получил сильный удар по голове. Я испугался так, как если бы кто-нибудь неожиданно из-за угла крикнул мне в ухо. Первая мысль, мелькнувшая у меня в голове, была — медведь. Я отскочил в сторону и тотчас приготовился к обороне. В это время я услышал какие-то странные звуки, похожие на пыхтенье и звонкое щелканье. Взглянув на тополь, я увидел, что из него выглядывает страшилище: кургузое, взъерошенное, с большими желтыми глазами и белым клювом. Поистине это чудовище может напугать кого угодно, в особенности того, кто видит его в первый раз. Я не шевелился, и страшилище успокоилось и приняло свой обычный вид. Это оказалась самка филина. В дупле тополя было ее гнездо. Из яиц уже вылупились птенцы. Они шевелились и постоянно открывали свои желтые рты. Теперь все разъяснилось. Когда я подошел очень близко, испуганная птица, защищая своих птенцов, ударила меня своим крылом.

Этот неожиданный удар испугал и в то же время рассердил меня, но я взял себя в руки. Чем виноват филин? Он, пожалуй, испугался больше меня. Чувство материнства принудило его не к постыдному бегству от сильнейшего в сравнении с ним врага, а к обороне и самопожертвованию. Я успокоился и сделал шаг влево, чтобы лучше рассмотреть птенцов. Услышав шум, филин опять взъерошился, распустил свои крылья, пригнул голову к ногам и, издавая опять то же пыхтенье, два раза звонко щелкнул своим клювом. Не желая больше смущать птицу, я пошел своей дорогой, взяв прежнее направление прямо на бивак.

Должно быть, я сбился с пути и попал в самую чащу леса. Место было удивительно дикое. Из земли всюду торчали длинные камни в виде неправильных столбиков, словно надгробные памятники на кладбище, и рядом с ними росли изуродованные деревья, лишенные ветвей. Несколько в стороне виднелся наклонный ствол с одной только веткой, поднятой квер-

ху. Издали он походил на старика, наклонившегося вперед и занесшего руку как бы для нанесения удара. Дальше я заметил какую-то постройку. Я очень обрадовался и направился к ней скорым шагом. Здесь ждало меня полное разочарование. Дом оказался скалой странной формы в виде избы, только без окон и крыши. Вокруг нее было навалено множество камней в беспорядке.

Тогда я понял, почему туземцы место это считают обиталищем злого духа.

Однако время уходило, и надо было возвращаться на бивак. Осмотревшись, я пошел, как мне казалось, прямо к морю, но на пути встретил лесное болото, заваленное колодником. С целью обойти его я принял немного вправо. Минут через десять я увидел дерево, которое показалось мне знакомым. Это был вяз с выводком соболей.

«Ну, слава богу, — подумал я, — отсюда я уже наверно найду дорогу» — и повернул к востоку градусов на девяносто. Велико было мое удивление, когда минут через двадцать ходу я подошел к большой каменной глыбе, которую вначале принял было за дом.

Досада взяла меня. Я рассердился и пошел обратно к соболиному дереву, но вяза этого я уже не нашел. Сильное зловоние дало мне знать, что я попал на то место, где на земле валялось мертвое животное. Я еще раз изменил направление и старался итти возможно внимательнее на восток. На этот раз я попал в гости к филину, а потом опять к каменной глыбе с россыпью.

Тогда мне стало ясно, что я кружился на одном месте. Сунцай, подумал я, наверно решил бы, что это чорт Боко строит свои козни и нарочно сбивает меня с дороги. Я взглянул на небо. Солнце только что скрылось в тучах, которые, подобно театральному занавесу, вдруг поднялись к зениту и заполнили большую часть небосклона. Последние лучи прорвали лохматые облака, скользнули по склонам гор, осветили на мгновение лес и погасли совсем. Туча темнела, разрасталась вширь и захватывала все небо. В облаках поминутно вспыхивали молнии, и глухо ворчал гром. Как-то сразу стало сумрачно и прохладно.

В лесу слышалась тревожная перекличка мелких птиц, потом вдруг замолкли голоса пернатых, и все живое попряталось и притаилось. В движении тучи, медленном для неба и быстром для земли, было что-то грозное и неумолимое. Передний край ее был светлее остальных облаков и очень походил на пенистый гребень гигантской волны, катившейся по небосклону. Облака сталкивались и сливались, потом расходились и зарождались вновь, постоянно меняя свои очертания.

В это время неподвижный доселе воздух всколыхнулся. Внезапно налетел ветер, испуганно зашумели деревья. Стало

еще темнее. Несколько крупных капель тяжело упало на землю. Я узнал, что мне не удастся уйти от дождя и остановился на минуту, чтобы осмотреться. Вдруг весь лес вспыхнул голубоватым пламенем. Сильный удар грома потряс воздух и землю, и вслед за тем хлынул ливень.

Какая-то птица билась в воздухе. Она, видимо, старалась укрыться в лесу, но ее ветром относило в сторону. При свете молнии я увидел, как она камнем падала на землю.

На небо страшно было смотреть. Облака, охваченные какой-то неудержимой силой, стремительно неслись к востоку, изрыгая из недр своих огонь и воду.

За ослепительными молниями следовали жестокие удары грома, от которых вздрагивали небо и земля. Ветер неистово бушевал, ломая сучья и срывая листву с деревьев.

При каждой вспышке молнии я видел тучи на небе, каждое дерево в отдельности, видел одновременно ближние и дальние предметы и горизонт, где тоже поминутно вспыхивали молнии и были горы, похожие на облака, и облака, похожие на горы. Потоки воды, падающей с неба, освещаемые бледноголубыми вспышками атмосферного электричества, казались неподвижными стеклянными нитями, соединявшими небо и землю.

Вдруг необыкновенно яркая молния ослепила мне глаза, и тотчас почти одновременно с ней раздался такой резкий и сильный удар грома, что в ушах моих закололо, и я как будто потерял сознание. Дождь пошел еще сильнее. Через минуту я очнулся. Зрение мое восстановилось понемногу, но в ушах чувствовалось колотье и болела голова. С трудом поднялся я с земли и пошел наугад, сам не зная куда. Холодный бичующий ливень промочил мою одежду насквозь. При вспышке молнии развертывалась убегающая во все стороны даль, и вслед за тем наступала абсолютная тьма. Казалось, что сила, раздвинувшая на мгновение горизонт, также быстро и суживала его, окутывая все в непроницаемый и холодный мрак. Могучие громовые раскаты и шум дождя поглотили все другие звуки на земле.

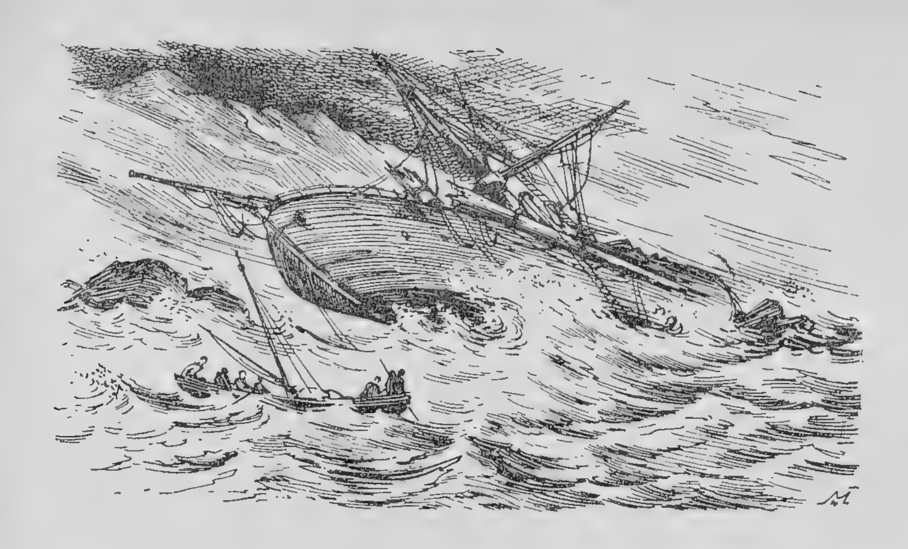
Около часа бродил я по тайге, высматривая дорогу при вспышках молнии и натыкаясь на колодник в траве. Наконец, дождь начал стихать, удары грома сделались не так оглушительны; итти стало труднее. В это время до слуха моего донесся шум прибоя. Я прибавил шаг и, пройдя сквозь заросли тальников, вышел к морю.

Скоро дождь перестал совсем, но на небе все еще вспыхивали молнии и грохотал гром то в небе над головой, то где-то вдали. Гроза уходила на восток. Когда западный край неба очистился, стало видно, что солнце только что скрылось за горизонтом. Теперь там пылала багровая заря, окрасившая в пурпур большие кучевые облака, омытые дождями сопки, вда-

ли деревья в лесу, с которых ветер не успел еще стряхнуть алмазные капли воды. При этом освещении восточный небосклон, покрытый тяжелыми тучами, казался бы еще сумрачнее, если бы его не скрашивала великолепная радуга. Гроза бушевала теперь где-нибудь в северной Японии и на острове Сахалине.

Выйдя на намывную полосу прибоя, я повернул к биваку. Слева от меня было море, окрашенное в нежнофиолетовые тона, а справа — темный лес. Остроконечные вершины елей зубчатым гребнем резко вырисовывались на фоне зари, затканной в золото и пурпур. Волны с рокотом набегали на берег, разбрасывая пену по камням. Картина была удивительно красивая. Несмотря на то, что я весь вымок и чрезвычайно устал, я все же сел на плавник и стал любоваться природой. Хотелось виденное запечатлеть в своем мозгу на всю жизнь.

Через полчаса я подходил к биваку. Мои спутники были тоже в хорошем расположении духа. Они развели большой огонь и сушили около него то, что намокло от дождя.



МЫС СЮРКУМ

От бухты Аука берег делает изгиб к северо-востоку. В проекции, если смотреть на него с высоты птичьего полета, он представляет собой как бы вогнутый нос корабля. Северо-восточная выдающаяся часть его называется мысом Сюркум. Этот берег — ровный как стена, высотой до 200 метров; скалистый и обрывистый — тянется на протяжении 48 километров. У подножья его совершенно отсутствует намывная полоса прибоя; прибрежные скалы отвесно обрываются прямо в море. На всем протяжении от бухты Аука до самого мыса Сюркум нигде нет места, где бы могла пристать лодка и где можно было бы высадиться на берег и найти защиту от непогоды.

Еще в Императорской Гавани старик ороч И. М. Бизанка говорил мне, что около мыса Сюркум надо быть весьма осторожным и для плавания нужно выбирать тихую погоду. Такой же наказ дважды давали старики селения Дата сопровождавшим меня туземцам. Поэтому, дойдя до бухты Аука, я предоставил орочам Копинке и Намуке самим ориентироваться и выбрать время для дальнейшего плавания на лодках. Они все время поглядывали на море, смотрели на небо и по движению облаков старались угадать погоду.

Последние дни море было удивительно спокойное. Если бы оно не вздыхало неуловимой для глаза, но ощутимой в лодке широкой зыбью, его можно было бы принять за тяжелый расплавленный металл, застывший и отшлифованный без

меры в длину и без конца в ширину, уходящий в синеющую даль, где столпились белые кучевые облака с закругленными краями. Видимо, и в атмосфере установилось равновесие, потому что легкие тучки на горизонте в течение всего дня не изменили своей формы и все время стояли неподвижно. Солнце, отраженное в гладкой поверхности воды, всплывало на морскую зыбь и слепило глаза. Но вот волна проходила, отблеск пропадал, и тогда казалось будто небесное светило снова погрузилось « в лоно стеклянных вод».

Такая тишь смущала орочей. Им она казалась предательской; даже в то время, когда коварное море ласкает, надо каждую минуту ждать удара. Достаточно малейшего изменения в атмосфере, чтобы привести его в яростное состояние.

Прошло два дня, и вот второго июня после обычного осмотра моря и неба орочи объявили, что можно ехать.

Стрелки и казаки так приспособились к выгрузке на берег и к погрузке имущества в лодки, что распоряжение собираться в путь никого не застало врасплох. Минут через двадцать мы уже плыли вдоль берега.

В море царила тишина. На неподвижной и гладкой поверхности его не было ни малейшей ряби. Солнце стояло на небе и щедро посылало лучи свои, чтобы согреть и осушить намокшую от недавних дождей землю и пробудить к жизни весь растительный мир — от могучего тополя до ничтожной былинки.

Мы держались от берега на таком расстоянии, чтобы можно было сразу обозревать всю толщу горных пород и жилы, которые их прорезают. Около полудня наши лодки отошли от реки Аука километров на шесть. В это время сидящий на веслах Копинка что-то сказал Намуке, стоящему у руля. Тот быстро обернулся. Копинка перестал грести и спросил своего товарища, не лучше ли заблаговременно возвратиться.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел сзади, там, где небо соприкасалось с морем, темную полоску, протянувшуюся по всему горизонту. Эта темная полоска предвещала ветер. Полагая, что это будет небольшой местный ветерок, Намука подал знак плыть дальше.

Минут через десять полоска на горизонте расширилась и потемнела. Одновременно другая такая же полоса появилась справа от нас. Орочи стали совещаться и решили плыть обратно, придерживаясь ближе к берегу, но в это время темная полоса придвинулась к нам вплотную. Неожиданно появился ветер, и море сразу запенилось и зашумело. В одно мгновение гладь воды покрылась рябью, быстро перешедшей в волнение. Опасаясь, что мы не выгребем против ветра, орочи решили итти дальше к Сюркуму и стали ставить парус, с помощью которого они рассчитывали скоро дойти до бухты Старка.

Парус на туземных лодках представляет собой просто полотнище палатки, привязанное за углы к двум шестам, поставленным косо-крестообразно. За другие два угла обычно привязываются веревки, концы которых должны быть в руках у рулевого.

Копинка взялся управлять парусом, я сел на его место за весла, а Намука остался на руле. С парусом наша лодка пошла быстрее. Ветер дул ровный, но он заметно усиливался. Море изменило свой лик до неузнаваемости. Полчаса назад оно было совершенно спокойно-гладкое, а теперь взбунтовалось и шумно выражало свой гнев.

Небо тоже изменилось. Оно стало беловатым. Откуда-то сразу появились тонкие слоистые тучи. Сквозь них еще виднелся диск солнца, но уже не такой ясный как раньше. На него можно было смотреть невооруженным глазом. Тучи быстро сгущались. Когда я второй раз взглянул на небо, то местонахождение солнца определил только по неясно расплывчатому светлому пятну. Кое-где у берега появились клочья тумана. Скоро начал моросить дождь.

Волны подгоняли нашу утлую ладью, вздымали ее кверху и накреняли то на один, то на другой бок. Она то бросалась вперед, то грузно опускалась в промежутки между волнами и зарывалась носом в воду. Чем сильнее дул ветер, тем быстрее бежала наша лодка, но вместе с тем труднее становилось плавание. Грозные валы, украшенные белыми гребнями, вздымались по сторонам. Они словно бежали вперегонки, затем опрокидывались и превращались в шипящую пену.

Тяжело загруженная лодка глубоко сидела в воде, и волны начали захлестывать ее с боков. Время от времени мы откачивали воду берестяным ковшом, который орочи предусмотрительно захватили с собой. Они все время осматривали берег в надежде найти хоть какое-нибудь укрытие от непогоды, но тщетно. Угрюмые высокие скалы совершенно отвесно падали в воду. Волны с яростью ударялись о них и белыми фонтанами взлетали кверху. К берегу пристать было невозможно, в море итти — нельзя, о возвращении назад нечего было и думать. Нам оставалось только одно — итти по ветру и напрячь все усилия, чтобы как можно скорее обогнуть мыс Сюркум и войти в бухту Старка. Никто не сидел сложа руки: одна смена гребла, другая откачивала воду. В ход были пущены оба чайника и котел. Так продержались мы еще два часа, наконец, стало ясно, что благополучно дойти до мыса Сюркум нам не удастся. Ветер очень засвежел, и море сильно разбушевалось. Волны с неумолимой настойчивостью шли словно на приступ все в одном направлении. Они нагоняли лодку и заливали корму ее. Теперь все зависело от рулевого. Намука следил за лодкой с волнением, а Копинка не спускал глаз с паруса, то подтягивая один конец, то отдавая другой. Все вни-

мание их было сосредоточено на том, чтобы не допустить одновременного наклона лодки под давлением ветра в парус и натиска большой волны с той же стороны. «Неужели мы не найдем какого-нибудь угла около берега, который дал бы нам хоть временное укрытие?» — думал я, со страхом и с тоской поглядывая на высокие скалы.

Вдруг Намука привстал и, внимательно разглядывая берег, стал советоваться с Копинкой. По отрывкам их фраз я понял, что они нашли место, где можно укрыться от непогоды. Копинка кивнул головой. Намука тотчас навалился на руль, и лодка стала приближаться к берегу. Здесь море шумело еще сильнее. Отбойные волны сталкивались с волнами, идущими по ветру, и создавали толчею. Шум прибоя был столь оглушителен, что мы не могли слышать друг друга и объяснялись больше жестикуляцией. Ритмическая качка превратилась в беспорядочную, как только мы вступили в водоворот пены, всплесков и брызг. Я с трудом мог ориентироваться. От скалистого берега под углом по отношению к нему градусов в пятьдесят выдвигался в море большой дейк. Это была гигантская базальтовая жила. Горные породы, сквозь которые она проходила, деятельностью морской воды и атмосферных агентов давно уже подверглись разрушению и обвалились. Распадение базальта было столбчатым: поэтому дейк имел вид поленницы дров. В море он выступал метров на двадцать и вместе с прилегающей к нему частью берега образовывал как бы двугранный угол. По окрику Копинки парус был спущен в одно мгновение. Еще несколько ударов весла — и лодка укрылась за базальтовую стенку. Таким образом мы попали в относительно спокойный водоем.

В самой середине нашего укрытия из воды сантиметров на двадцать поднимался большой плоский камень площадью в восемь квадратных метров. Поверхность его была покрыта бурыми водорослями и раковинами. В другое время я сделал бы вывод не в пользу нашего убежища, но теперь мы все были рады, что нашли тот «угол», о котором мечтали в открытом море и который, как нам казалось, мог защитить нас.

Намука подвел лодку к камню, и мы тотчас вышли на него. Все сразу повеселели. Вихров и Крылов стали откачивать воду, а я с орочами принялся осматривать берег, к которому мы пристали. Наше укрытие представляло собою ловушку, из которой можно было выбраться только по воде. Базальтовая жила упиралась в отвесную скалу. Каких-нибудь выступов или карнизов, по которым можно было бы взобраться наверх, не было.

Вокруг нас высились гигантские утесы, круто, а местами совершенно отвесно обрывающиеся в море. Все наше спасение было в лодке, и поэтому о ней надо было прежде всего позаботиться.

Между тем буря разразилась не на шутку. Волны с грохотом таранили дейк снаружи, но он стойко выдерживал натиск моря.

Ветром перебрасывало через него брызги. Волны пенились, дробились и ослабленные с урчанием заходили за базальтовую стенку и всплескивались на камни, к которым была привязана лодка. Опасаясь за участь наших грузов, я велел перевести лодку в самую глубь бухточки.

Когда вода из лодки была выкачана, мы перебрали все наше имущество и вновь уложили его получше, прикрыв сверху брезентом и обвязав покрепче веревками. Затем мы закусили немного, оделись потеплее, сели на свои места в лодку и стали ждать, когда ветер стихнет и море немного успокоится.

Однако буря усиливалась и к шести часам пополудни превратилась в настоящий шторм.

В сумерки орочи сделали еще одно открытие, которое их сильно взволновало. Начался прилив, во время которого вода здесь подымается до двух метров. Несомненно, плоский камень, за которым мы стояли, будет затоплен. Это бы еще ничего, но беда в том, что ветер переменил направление и погнал волны как раз в угол, дававший нам укрытие от непогоды. Приливные волны все чаще заглядывали в наше укрытие и начали бить лодку о камни. Стало ясно, что если мы сейчас не выйдем в море, потом будет поздно. Это понимал каждый из нас. Сами мы как-нибудь спасемся, выберемся на дейк, спасем даже имущество, но лодка должна неминуемо погибнуть и тогда нам остается один только путь морем в качестве купающихся пловцов. Медлить было нельзя. Словно сговорившись, все взялись за весла. В это время в бухточку вошла большая волна и окатила плоский камень. Орочи воспользовались временным затишьем и вывели лодку за дейк. Новая волна подхватила ее как легкое перышко и на гребне вынесла за буруны. Ветер хлестнул по лицу холодной изморозью. Лодка сильно накренилась — прошла вторая большая волна, потом третья.

Буруны остались позади. Орочи быстро подняли парус. Словно раненая птица, увлекаемая сильным ветром, помчалась наша лодка вдоль берега.

Сумерки быстро спускались на землю. В море творилось что-то невероятное. Нельзя было рассмотреть, где кончается вода и где начинается небо. Надвигающаяся ночь, темное небо, сыпавшее дождем с изморозью, туман—все это смешалось в общем хаосе. Страшные волны вздымались и спереди и сзади. Они налетали неожиданно и также неожиданно исчезали, на месте их появлялась глубокая впадина, и тогда казалось будто лодка катится в пропасть.

Несмотря на усиленное откачивание, вода в лодке не убывала. Результат усиленной работы двух человек сразу сводил-

ся к нулю одним всплеском волны. Скоро одежда наша промокла насквозь. Я был в состоянии какого-то забытья. Порой сквозь завывания ветра и зловещий шум волн я слышал, как у моего соседа стучали зубы. Меня самого трясло, как в лихорадке. Изредка сквозь прорыв в тумане впереди виднелась какая-то большая темная масса. Она казалась громадным чудовищем, которое залезло в море и, погрузившись в воду по подбородок, надулось и вот-вот издаст страшный рев. Это был мыс Сюркум.

Если нам удастся обогнуть его — мы спасены, но до этого желанного мыса было еще далеко. Темная ночь уже опускалась на землю, и обезумевший океан погружался в глубокий мрак. Следить за волнением стало невозможно. Все люди впали в какую-то апатию, и это было хуже чем усталость, это было полное безразличие, полное равнодушие к своей участи. Беда, если в такую минуту у человека является убеждение, что он погиб, — тогда он погиб окончательно.

Я сознавал, что надо людей подбодрить как-нибудь. Стрелки и казаки сидели на веслах лицом к корме. Я воспользовался этим и, собрав все силы легких, крикнул:

— Братцы, самое страшное осталось позади, опасность миновала. Мыс Сюркум совсем недалеко. Навались!

Я умышленно сделал веселое лицо и, сняв фуражку, замахал ею. Этот маневр достиг цели. Мои спутники стали грести энергичнее. Лодка пошла быстрее. Теперь уже чудовища не было видно. Слышно было только, как волны с грохотом разбивались о берег. Сюркум молча выдерживал их удары. Волны с бешенством отступали назад, чтобы собраться с силами и снова броситься в атаку. Ветер вторил им зловещим воем.

Точно маленькая щепочка, лодка наша металась среди яростных волн. Порой казалось, что она бросается вперед, то будто стоит на месте. Стало совсем темно. С трудом можно было рассмотреть, что делается рядом. Как автомат, не отдавая себе отчета, я откачивал воду из лодки и мало беспокоился о том, что она не убывала.

Орочи молчали. Находились ли они в таком же состоянии как все мы или сохранили больше самообладания, сказать не могу.

— Господи, только бы нам дойти до мыса, — вдруг услышал я шопот позади у себя.

— Сюркум далеко нету, — вдруг сказал Намука.

Эти слова всех подбодрили, потому что это была правда.

В это мгновение огромная волна нагнала лодку как-то сразу и сбоку и сзади и наполнила ее водой почти до половины.

— Скоро качай! — крикнул неистово Копинка.

Предчувствие близкой опасности, а главное этот окрик заставил людей стряхнуть апатию. Они стали грести энергичнее,

а я и еще кто-то с удвоенной энергией принялись отливать котлом воду. Мало-помалу лодка снова стала всплывать.

— Качай скорей! — снова закричал Намука.

Вот и мыс недалеко, вот мы с ним и поравнялись, но тут нам предстояло еще одно страшное испытание. Мыс выдвигался далеко в море; ветром здесь развило очень большое волнение. Это было самое опасное место. Какие-нибудь четверть часа, но эти четверть часа были такими, от которых можно потерять рассудок. Вдруг громадная волна, точно какое-то живое непонятное существо с белой гривой, ужасное по своему внешнему виду и по размерам, сразу выросло сбоку. Как перышко взметнуло нашу лодку кверху. Волна исчезла, и мы стремглав полетели вниз.

— Держись! — крикнул Намука, и вслед за тем лодка опять наполнилась более чем до половины. Воды в ней было так много, что ее можно было выкачивать не глядя.

— Надо качать, усиленно надо качать! — крикнул я своим спутникам, — иначе мы погибли!

Гребцы, сидевшие поблизости ко мне, оставили весла и тоже принялись чем-то откачивать воду. Для удобства я опустился на дно лодки прямо на колени и стал быстро работать котлом. Я не замечал усталости, холода, боли в спине и работал лихорадочно, боясь потерять хотя бы одну минуту.

— Ая-ла-би, — услышал я голос Копинки, что означало: «очень хорошо».

Невероятный прилив энергии вселился в людей. Лодка опять всплыла на поверхность моря.

Волнение стало слабее — мы обогнули мыс и входили в бухту Старка. Минут десять мы плыли под парусом и работали веслами. Хотя ветер дул с прежней силой и шел мелкий частый дождь, но здесь нам казалось хорошо. Мы благословляли судьбу за спасение. Сзади слышался грозный рев морского прибоя. Вдруг слева от нас вынырнула из темноты какая-то большая темная масса, и вслед за тем что-то длинное белесоватое пронеслось над нашими головами и сбило парус.

— Что такое? — невольно послышалось несколько голосов.

Намука удержал лодку и стал осторожно подходить к неведомому предмету. Это оказалась шхуна. Я приказал зажечь фонарь. Неровный трепетный свет осветил судно, лежащее на боку и наполовину затопленное водой. Одна мачта шхуны была сломана, другая цела. Она-то и сбила наш парус. Обрывки снастей частью валялись на палубе, частью свешивались в воду. Повидимому, шхуна лежала на мели. Мелкие волны всплескивались на палубе ее. Мы обошли шхуну кругом и снова подошли к мачте. В это время луч фонаря осветил ее оконечности. Тут я увидел небольшое животное с длинным тонким хвостом. Должно быть, это была крыса. Она сделала попытку спрыгнуть в нашу лодку, но промахнулась и попала

в воду. Стрелок Глегола хотел ударить ее веслом, но тоже промахнулся.

— Брось, — сказал Ноздрин, — ты забыл, что сам только что чуть не утонул в море.

Однако холод давал себя чувствовать. Мы поплыли дальше и не успели сделать десятка ударов веслами, как подошли к песчаной косе. Волны с шипением взбегали на пологий берег и беззвучно отходили назад.

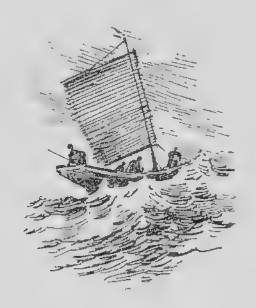
Два стрелка вылезли из лодки через борт и пошли прямо по воде; потом они подтащили лодку на руках, отчего вся вода в ней сбежала на корму. Я быстро откачал воду берестяным ковшом. Потом люди пошли по берегу и стали собирать дрова. Вот мелькнул огонек: кто-то зажег спичку, но ветром ее сразу задуло. То же самое случилось и со второй спичкой и с третьей. Топливо долго не разгоралось. Я разыскал свою походную сумку и подал на берег два обломка целлулоидной гребенки, захваченные мною из города нарочно для такого случая.

Минут через двадцать пылал большой костер.

Люди разгружали лодку, сушили одежду и грелись у огня. Лица их были серьезны. Каждый понимал, что мы только что избегли смертельной опасности и потому было не до шуток.

Моряки с погибшей шхуны, очертания которой смутно виднелись недалеко от берега, были менее счастливы... Что стало с ними?..

Когда мы немного просохли, то начали ставить палатку и греть чай. Только теперь я почувствовал себя совершенно измученным и разбитым. Я лег около костра, но, несмотря на усталость, не мог уснуть. Моим спутникам тоже не спалось. Всю ночь мы просидели у огня, дремали и слушали, как бушевало море.



ЗИМНИЙ ПОХОД ПО РЕКЕ ХУНГАРИ

В зиму 1909 года в районе Императорской Гавани снега выпали рано, что очень беспокоило орочей. Это сулило тяжелую дорогу и затрудняло передвижение охотников, в особенности на пути от стойбищ к местам соболевания. Река обещала замерзнуть непрочно: на льду под снегом должны были образоваться проталины. В глубоком снегу скоро будут погребены ловушки, соболевание плашками придется прекратить раньше времени и гонять по следу, что считалось охотой трудной и мало добычливой. На несчастье ход рыбы в тот год был плохой. Все орочи заготовили так мало юколы, что по подсчету ее не могло хватить для прокорма до весны людей, не говоря уже о собаках. Многие предвидели голодовку и поговаривали о глушеньи старых и слабосильных собак. Недостаток юколы привязал людей к месту и принудил их отказаться от соболевания. Многие орочи решили как-нибудь пробиться до весны около моря, рассчитывая на случайный улов мелкой рыбешки в полосе мелководья.

Все это, вместе взятое, ставило и меня в затруднительное положение. Орочи, всегда готовые мне помочь, были очень озабочены вопросом, кто и как будет меня сопровождать на Хунгари. Старик Антон Сагды и Федор Бутунгари советовали мне отказаться от зимнего похода, предлагали мне остаться у них до весны и с первым пароходом уехать во Владивосток.

Это меня совершенно не устраивало. Выполнение маршрута через Сихотэ-Алинь на Хунгари входило в план моих работ, к тому же средства мои были на исходе, а зимовка на Тумнине затягивала экспедицию по крайней мере еще на шесть месяцев.

Когда я объявил орочам, что маршрут по рекам Акуру и Хунгари должен выполнить во что бы то ни стало, они решили обсудить этот вопрос на общем сходе в этот день вечером в доме Антона Сагды. Я хорошо понимал причину их беспокойства и решил не настаивать на том, чтобы они провожали меня за водораздел, о чем я и сказал им еще утром, и только просил, чтобы они подробно рассказали мне, как попасть на Сихотэ-Алинь. Спутниками моими по этому маршруту вызвались быть стрелки Илья Рожков и Павел Ноздрин.

Совещание орочей длилось недолго. Федор Бутунгари объявил мне, что они решили одного меня не пускать, потому что в истоках Акура легко заблудиться. Он также сказал, что один ороч с нартами и четырьмя собаками проводит меня до самого водораздела и укажет воду, которая течет в Акур. Затем ороч вернется назад, а дальше я сам должен буду итти, придерживаясь горной речки, пока не выйду на Хунгари. Вместе с тем Федор Бутунгари уговаривал меня облегчить нарты и взять как можно меньше собак. Это был весьма разумный совет.

Я еще раз осмотрел свое имущество, часть его оставил в селении Дата и с собой взял только то, без чего никак обойтись было нельзя. Одеты мы были в полушубки, теплое белье и суконные шаровары. На головах имели меховые шапки с наушниками, на руках — вязаные рукавицы, а на ногах шерстяные портянки и унты из рыбьей кожи, с расчетом по одной паре на семь суток. Суконный шатер за его громоздкостью мы оставили в Императорской Гавани, а взамен его взяли два парусиновых полотнища, которыми можно было покрывать поставленные наклонно жерди и устраивать, таким образом, небольшую палатку. Печь с трубами я отдал орочам в селении Дата. Наша палатка была такая маленькая, что еле вмещала нас троих. Внутри ее мы должны были разводить огонь, а сами располагаться на ельнике вокруг него. У каждого было по две пары лыж: одна на ногах, а другая — запасная — в нарте. Мы захватили с собой малую поперечную пилу, два топора, котелок, чайник, кружки, ружья, патроны. У меня в нартах было все научное снаряжение и самое ценное мое имущество — путевые дневники. Для спанья каждый имел козью шкурку, теплые чулки из кабарожьей шкурки мехом внутрь и одеяло, а вместо подушки—простой холщевой мешок с запасным бельем. Я рассчитывал совершить весь маршрут в три недели и сообразно этому взял продовольствие для людей и корм для собак. Даже если бы мы пожелали того и другого захватить

больше, это было бы невозможно. Что, в самом деле, мы могли увезти с собой? Обоз наш состоял из трех нарт — по одной на каждого человека. Нарты мы должны были тащить сами, и в помощь каждому предназначалось две собаки.

Все как будто было предусмотрено, неизвестными для нас оставались только два вопроса: какой глубины снег на Хунгари и скоро ли по ту сторону мы найдем людей и протоптанную нартовую дорогу. Дня два ушло на сбор ездовых собак и корма для них. Юколу мы собрали понемногу от каждого дома. Наконец, все было упаковано и уложено. Я условился с орочами, что, когда замерзнет река Тумнин, в отряд явится проводник орочей со своей нартой, и мы снимемся с якоря.

Мы выступили из Даты 3 октября в девять часов утра. День был морозный, тихий. Даже в воздухе не было движения. Все небо было затянуто темными серо-синими тучами, которые лежали параллельными полосами и казались совершенно неподвижными. Изредка в воздухе мелькали редкие снежинки. После выпавшего снега все предметы на земле были покрыты пышными капюшонами. Из труб на маленьких орочских домиках, погребенных в снегу, тонкими струйками вертикально подымались дымки. Между селениями Дата и Хуту-Дата дорога была уже протоптана, и потому мы довольно успешно продвигались вперед. Собаки тащили старательно. Бедные животные! Они думали, что будут работать только один день, что в орочском селении запрягут в нарты других собак и не знали, какая печальная участь ожидала их в дальнейшем.

В Хуту-Дата мы прибыли совсем в сумерки и очень устали. Если бы мы шли по безлюдной местности, то давно встали бы биваком, но теперь нам хотелось непременно дойти до селения Хуту-Дата. Я остановился в доме ороча Федора Бутунгари, оказавшего мне столько услуг. Весь вечер мы провели с ним в дружеской беседе. Он давал мне полезные советы, а я старался запомнить все мелочи и делал записи в записную книжку.

На другое утро мы продолжали наш маршрут. В этот день погода стояла такая же хмурая, как и накануне. Небо было попрежнему сумрачно. Тучи медленно ползли к юго-западу. В этом движении их была какая-то упрямая настойчивость, и никто не знал, зачем они туда шли и что хотели заполнить своими тяжелыми бездушными массами. Потому ли, что дорога немного занастилась, или потому, что мы хорошо отдохнули и начали втягиваться в работу, но только заметно было, что мы шли легче и скорее.

В селение Акур-Дата мы прибыли засветло. Почти все орочи были дома. Недостаток собачьего корма привязал их к месту. Туземцы промышляли пушнину в ближайших к селе-

нию окрестностях по радиусу, определяемому тем количеством груза, который каждый из них мог унести на себе лично.

В Акур-Дата мы застали одного ороча, которому насчитывалось более 80 лет и к которому все односельчане относились с большим уважением. Он был седой, как лунь, но сохранил зрение и слух. Я стал расспрашивать его о предстоящем мне пути. Он позвал двух охотников и велел им нарисовать план. Орочи принесли лоскут бересты и с помощью ножей стали на ней чертить карту бассейна Акура и всех перевалов через водораздел. Чертили они медленно, часто советовались со стариком и ставили свои значки кружками, крестиками и уголками; с помощью какой-то рыбьей косточки орочи измеряли расстояния и считали число дней пути. Меня поразили их уменье пользоваться масштабом и память, с какой они разбирались в бесчисленном множестве мелких ручьев и речек, из которых слагаются верховья Акура, Хуту и Хунгари. Этот берестяной план сослужил мне потом хорошую службу. Я все время пользовался им до тех пор, пока не нашел других людей по ту сторону Сихотэ-Алиня.

Только здесь я узнал, что обычно все люди ходят с Тумнина на Хунгари по реке Мули. Это наиболее легкая и прямая дорога; по реке же Акур никто не ходит, потому что верховья ее совпадают с истоками Хунгари. Хотя это была кружная дорога и она в значительной степени удлиняла мой путь, но все же я выбрал именно ее, как новый и оригинальный маршрут, тогда как по Мули проходила дорога, избитая многими путешественниками и хорошо описанная Д. Л. Ивановым.

18 октября мы распрощались с селением Акур-Дата. При впадении своем в Тумнин река Акур разбивается на два больших и несколько малых рукавов. Когда идешь по одному из них и не видишь остальных, кажется, будто Акур небольшая речка, но затем протоки начинают сливаться, увеличиваться в размерах и, наконец, исчезают совсем. Тогда только выясняется истинная ширина реки.

Погода попрежнему стояла морочная. Тучи продолжали двигаться все в том же направлении, они опускались ниже и, казалось, придавили воздух к земле, отчего было душно и чувствовался какой-то гнет, тоска. Там, где река Акур образует огромную петлю, огибая с трех сторон хребет Сагды-Уо, образовались щеки. Тут мы заночевали. Наша палатка была так мала, что вчетвером мы в ней не вместились бы, если бы наш проводник ороч не догадался захватить с собой лишние полотнища. Ночью мы все спали плохо, было как-то душно и тепло.

На другой день, когда я вышел из палатки, первое, что мне бросилось в глаза, был густой туман. Он неподвижно лежал на поверхности земли. Сквозь него едва можно было рассмотреть противоположный берег реки. Когда взошло солнце и потянул ветерок вниз по долине, туман заколыхался.

Сквозь просвет в нем видны были за рекой холмы, покрытые гарью, а за ними посиневшие высокие горы, тоже лишенные растительности. Казалось, что погода разгуляется. Это внесло некоторое оживление в наш маленький отряд, но вскоре солнце скрылось, и все небо опять заволокло тучами. Не теряя времени, мы быстро уложили свое имущество в нарты и тронулись в путь.

Так как у ороча было четыре собаки и нарта его была легче наших, то я выслал его вперед прокладывать дорогу, а следом за ним двигались мы со своим обозом.

Дней через пять мы достигли истоков Акура и, немного не доходя водораздела, встали биваком. Незадолго до сумерек все эти дни хмурившаяся погода разразилась обильным снегопадом, который продолжался всю ночь и весь следующий день. Снег кружился в воздухе и падал с характерным для него шуршаньем. Поверхность земли скоро покрылась белой скатертью и словно притихла. На камнях, буреломе и на ветвях елей всюду появились снеговые подушки. Мне надо было произвести здесь астрономические наблюдения и потому я решил ждать, когда утихнет непогода. Томительно и скучно тянулось время. Наш проводник торопился домой, где у него осталась жена и двое малых ребятишек с ограниченными запасами продовольствия.

Наконец, на третий день небо стало очищаться, и хотя еще шел редкий и мелкий снег, но все же сквозь тонкую пелену слоистых туч изредка на одну-две минуты выглядывало солнце. На него можно было смотреть невооруженным глазом. Я тотчас установил ртутный горизонт, взял высоту светила во время его кульминации и определил истинный полдень. Пока я производил наблюдения, мои спутники протоптали дорогу на перевал и возвратились на бивак засветло. После ужина все занялись приведением в порядок лыж. Их надо было выскоблить ножами, смочить горячей водой, выгнуть и просушить над огнем.

Часов в девять мы легли около костра. Я долго и крепко спал. Но вот сквозь сон я услышал голоса и поднялся со своего ложа. Я увидел всех моих спутников и ороча, проворно собирающего свои вещи. Полагая, что пора вставать, я тоже стал собираться и потянулся за обувью.

— Еще рано, — сказал Ноздрин, — до света еще далеко.

Я взглянул на часы и увидел, что было только три с половиной часа утра. Тогда я спросил, зачем все встали так рано. На этот вопрос Ноздрин сказал мне, что наш проводник зачем-то разбудил их и велел поскорее укладывать нарты. Наконец, я узнал, что случилось.

Ороч проснулся ночью от каких-то звуков. Прислушавшись к ним, он узнал крики зябликов. Это его очень встревожило. Крики дневных птиц ночью ничего хорошего не пред-

вещают. Скоро птицы успокоились, и проводник наш хотел было опять улечься спать, но в это время всполошились вороны и стали каркать. Они так напугали ороча, что тот растолкал Рожкова и Ноздрина и попросил их разбудить поскорее меня.

Я стал расспрашивать ороча в чем дело и пробовал его успокоить, но он остался непоколебимым. Из его отдельных фраз я понял, что птицы спят очень чутко, всегда слышат приближение чорта и поднимают крик. Тогда, невзирая ни на какую погоду, надо поскорее уходить с этого места. Если остаться на биваке, то всем грозит смерть. Было много случаев, когда погибали целые семьи от разных эпидемических болезней или пропадали без вести в тайге, замерзали около дома или тонули в воде.

Сон прошел, мы размялись, я оделся и вышел из палатки. Глубокая ночь словно темным саваном облегала землю, кругом царила мертвая тишина. Окоченевший воздух был так чист и неподвижен, что можно было расслышать самый ничтожный шорох. Я стал напрягать зрение, но ничего нельзя было рассмотреть даже вблизи палатки. Вдруг до слуха моего донесся какой-то странный шум — это снег осыпался с ветвей на землю, и затем я услышал хлопанье крыльев в чаще и громкое карканье.

В это время из палатки вышел ороч. Он проворно стал запрягать собак и укладывать нарту. Когда все было готово, он сказал, что будет ждать нас на самом перевале, затем впрягся в нарту, качнул ее за дышло вправо и влево и тронулся в путь.

Я вошел в палатку. Сухие березовые дрова ярко горели. Стрелки успели уже согреть чай. Посоветовавшись, мы решили сняться с бивака чуть только станет светать и на следующий бивак встать пораньше.

Как только появились первые проблески рассвета, мы снялись с бивака и пошли к Сихотэ-Алиню. В лесу попрежнему было тихо. Ни малейшего ветерка. Длинные пряди бородатого лишайника висели совершенно неподвижно. День начинал брезжить.

К великому нашему изумлению на перевале не было ороча. Он спустился на другую сторону хребта — об этом ясно говорили оставленные им следы. Действительно, скоро за водоразделом мы увидели дым костра и около него нашего провожатого. Он объявил нам, что речка, на которую нас теперь привела вода, называется Туки и что она впадает в Хунгари. Затем он сказал, что дальше не пойдет и вернется на Тумнин.

— Моя так ходи, — указал он рукою на северо-запад.

Сначала я его не понял, но потом догадался, что он не хочет итти старой протоптанной дорогой, а предпочитает прокладывать путь целиною, лишь бы обойти опасное место сто-

роною. Предоставив ему самому разбираться с лесными страхами, мы распрощались с ним и пошли дальше. Небольшой ключик, по которому мы теперь спускались, имел направление к югу. Меня это смущало, но по существу мы изменить ничего не могли и должны были следовать за водой, которая (мы знали это наверно) должна была привести нас на реку Хунгари. Вопрос был только во времени.

Погода нас недолго баловала, и вскоре небо стало заволакиваться тучами. Подвигались мы теперь медленно. На западных склонах Сихотэ-Алиня снега оказались гораздо глубже, чем в бассейне рек Тумнина. Собаки тонули в них, что в значительной степени затрудняло наше передвижение. К вечеру мы вышли на какую-то речку, ширина ее была не более 6—8 метров. Если это Хунгари, значит, мы попали в самое верховье ее и, значит, путь наш до Амура будет длинный и долгий.

Уверенность в своих силах, расчет на хорошую погоду и надежды, что мы скоро найдем если не самих людей, то протоптанную ими дорогу, подбадривали и успокаивали нас. Продовольствия мы имели достаточно. Во всяком случае мы были за перевалом, на верном пути, а глубокий снег... Мы отнеслись к нему по-философски: «не все плюсы, пусть среди них будет и один минус».

Однако большая глубина снежного покрова в первый же день сильно утомила людей и собак. Нарты приходилось тащить главным образом нам самим. Собаки зарывались в сугробах, прыгали и мало помогали. Они знали, как надо лукавить: ремень, к которому они были припряжены, был чуть только натянут, в чем легко можно было убедиться, тронув его рукой. Хитрые животные оглядывались и лишь только замечали, что их хотят проверить, делали вид, что стараются.

Чем дальше вниз по реке, тем снег был глубже, тем больше мы уставали и тем медленнее мы продвигались вперед. Надо было что-нибудь придумать. Тогда я решил завтра оставить нарты на биваке и пойти всем троим на разведку. Я прежде всего рассчитывал дать отдых себе, моим спутникам и собакам. Я намеревался протоптать на лыжах дорогу, чтобы ею можно было воспользоваться на следующий день.

Как-то в этот день маршрут затянулся, и на бивак мы встали совсем в сумерки. Остановились мы с правой стороны реки среди молодого ельника у подножья высокой скалы. Место мне показалось удобным: с одной стороны от ветра нас защищал берег, с другой — лес, с третьей — молодой ельник.

На другой день мы пошли протаптывать дорогу налегке. Отойдя немного, я оглянулся и тут только увидел, что место для бивака было выбрано не совсем удачно. Сверху со скалы нависла огромная глыба снега, которая каждую минуту могла

сорваться и погрести нашу палатку вместе с людьми. Я решил по возвращении перенести ее на другое место.

Надо сказать, что по рыхлому снегу самый привычный ходок может итти без отдыха не больше 20 минут. Так как нас было трое, то мы распределили работу между собой следующим образом: через каждые двадцать минут человек, идущий впереди, переходил в хвост, а его место занимал следующий, задний в это время отдыхал. Потом второго по счету заменял третий, третьего опять первый. Так, чередуясь и протаптывая дорогу, за весь день нам удалось сделать только 9 километров. Когда солнце совсем склонилось к горизонту, мы повернули назад. Уже в горах порозовели снега, и от предметов по земле потянулись длинные тени, когда мы кончили свой трудовой день.

Когда мы подходили к биваку, я увидел, что нависшей со скалы белой массы не было, а на месте нашей палатки лежала громадная куча снега вперемешку со всяким мусором, свалившимся сверху. Случилось то, чего я опасался: в наше отсутствие произошел обвал. Часа два мы откапывали палатку, ставили ее вновь, потом рубили дрова. Глубокие сумерки спустились на землю, на небе зажглись звезды, а мы все не могли кончить работы. Было уже совсем темно, когда мы вошли в палатку и стали готовить ужин.

Ночь была тихая и звездная. Холодный воздух застыл и приобрел сонную неподвижность. В лесу изредка потрескивали деревья от мороза. В палатке было уютно и сравнительно тепло. Я делал записи в дневник. Ноздрин мешал кашу в котле, а Рожков, стоя на ногах, свертывал себе папиросу. Вдруг какой-то странный шум пронесся в воздухе. Он исходил откуда-то снизу — из-под земли. Словно там что-то большое, громоздкое падало, рушилось и с грохотом валилось с одного уступа на другой, и в этот момент палатка наша вздрогнула и качнулась. Лес зашумел, и с деревьев посыпался снег на землю. Собаки всполошились и подняли вой. Шум, быстро стихая, унесся к северо-востоку. Я сразу понял, что случилось землетрясение. Теперь мне стали понятны ночные крики птиц. Несомненно, тогда тоже было землетрясение, но настолько слабое, что мы его не ощущали. Теперь я знал, отчего произошел снежный обвал. Опасность нам грозила большая, если бы мы в это время оказались на биваке. Лесные страхи, которые так взволновали нашего проводника, имели свое основание, только объяснял их он вмешательством чорта, устроившего снежный обвал.

Не обошлось и без курьеза. Когда вздрогнула земля, Ноздрин, морщась от дыма и не глядя на Рожкова, недовольным тоном сказал:

— Брось, будет тебе.

— Что? — спросил Рожков.

— Да трястись на месте.

Он думал, что его товарищ шутил и, стоя на ногах, встряхивал землю, палатку и котел с кашей.

Первое время об этом эпизоде я забыл, но потом, когда каша была готова и мы взялись за ложки, я стал смеяться. Больше всего смеялся Рожков, Ноздрин только улыбался. Он чувствовал, что попал в конфузное положение.

Утром он сказал, что ночью было еще два слабых толчка, но я за день так устал, что спал, как убитый, и ничего не слышал. С бивака мы снялись с некоторой надеждой на успех. За ночь наша лыжница хорошо занастилась, и потому девять километров мы прошли скоро и без всяких приключений.

Протаптывание дороги по снегу заставляло нас проделывать один и тот же маршрут три раза и, следовательно, удлиняло весь путь во времени более чем вдвое. Это обстоятельство очень беспокоило меня, потому что весь запас нашего продовольствия был рассчитан лишь на три недели. Растянуть его можно было бы еще дня на три-четыре. Я все же надеялся встретить где-нибудь гольдов-соболевщиков и потому внимательно присматривался ко всяким следам, какие встречались на реке и по сторонам в лесу.

На наше несчастье зима выпала очень суровая: пурга следовала за пургой. Снег был так глубок, что мы даже на биваке не снимали лыж. Без них нельзя было принести воды, дров и сходить к нартам за чем-нибудь.

Ежедневно мы протаптывали дорогу. За день мы так уставали, что, возвращаясь назад, еле волокли ноги, а на биваке нас тоже ждала работа: надо было нарубить и натаскать дров, приготовить ужин и починить обувь или одежду.

Случилось, что протоптанную накануне дорогу заметало ночью ветром, и тогда надо было протаптывать ее снова. Бывали случаи, когда на возвратном пути мы не находили своей лыжницы: ее заносило следом за нами. Тогда мы шли целиною, лишь бы поскорее дойти до бивака и дать отдых измученным ногам.

Наша обувь и одежда износилась до последней степени. И не мудрено: второй год путешествия был на исходе. У орочей на Тумнине я достал унты из рыбьей кожи по четыре пары на каждого человека. При бережном с ними обращении их должно было хватить дней на тридцать. Изношенную обувь мы не бросали, а держали как материал для починки вновь попортившейся. Сначала починки производились редко, а потом все чаще и чаще — почти ежедневно. Когда был израсходован последний лоскуток рыбьей кожи, мы стали рвать полы полушубков и ими подшивать унты. Этот материал тоже был непрочен и быстро протирался. В конце концов мы так обкарнали полушубки, что они превратились в гусарские кур-

точки без пол. Тогда мы бросили верхние поясные ремни, как вещи совершенно ненужные, потому что они постоянно съезжали на нижнюю одежду.

Не лучше обстояло дело и с бельем. Мы уже давно не раздевались. Белье пропотело и расползлось по швам. Обрывки его еще кое-где прикрывали тело, они сползали книзу и мешали движениям. В таких случаях мы, не раздеваясь, вытаскивали то один кусок, то другой через рваный карман, через воротник или рукав.

Я никак не думал, что наш маршрут так может затянуться. Всему виной были глубокие снега и часто следовавшие одна за другой пурги.

Этот переход был одним из самых тяжелых во всей моей жизни.

С 7 по 18 декабря дни были особенно штормовые. Как раз в это время мы дошли до речки Холоми и тут нашли орочокский летник, построенний из древесного корья на галечниковой отмели. Летник был старый, покинутый много лет назад. Кора на крыше его покоробилась и сквозила. Мы так обрадовались этим первым признаком человеческого жилья, как будто это была самая роскошная гостиница. Тут были люди! Правда, давно, но все же они сюда заходили. Быть может, и опять пойдут навстречу.

Мы привели летник в возможный порядок: выгребли снег, занесенный ветром через дымовое отверстие в крыше, выгребли мусор и сухой травой заткнули дыры по сторонам. Поблизости было мало дров, но все же мы собрали столько, что при некоторой экономии могли провести ночь и не особенно зябнуть.

Я рассчитывал, что буря, захватившая нас в дороге, скоро кончится, но ошибся. С рассветом ветер превратился в настоящий шторм. Сильный ветер подымал тучи снегу с земли и с ревом несся вниз по долине. По воздуху летели мелкие сучья деревьев, корье и клочки сухой травы. Берестяная юрточка вздрагивала и, казалось, вот-вот тоже подымется на воздух. На всякий случай мы привязали ее веревками от нарт за ближайшие корни и стволы деревьев.

Мы сожгли все топливо, и теперь надо было итти за дровами. Взялся за это дело Рожков, но едва он вышел из юрты, как сразу ознобил лицо. На посиневшей коже местами выступили белые пятна. Я стал усиленно ему оттирать лицо снегом, и это, быть может, спасло его.

Буря завывала, потрясая юрту до основания, и с подветренной стороны нагромождала большие сугробы. Внутри юрты было дымно и холодно, изменить или улучшить свое положение мы никак не могли. Когда последнее полено было положено в огонь, стало ясно, что, невзирая на ветер и стужу, мы должны итти за топливом. Тогда, завернув голову одея-

лами, с топором в руках я вышел из юрты. Сильным порывом ветра меня чуть не опрокинуло на землю, но я удержался, ухватившись за жердь, глубоко воткнутую в гальку, которой было прижато корье на крыше нашей «гостиницы». Кругом творилось что-то страшное. С невероятной быстротой снег несло ветром сплошной стеной. Было как-то особенно мрачно и жутко. Сквозь снежную завесу я увидел Ноздрина. Он стоял спиной к ветру и старался запахнуть лицо. Совсем наугад я пошел вправо и шагах в ста от юрты на берегу высохшей протоки наткнулся на плавник, нанесенный водою. Я стал его разбирать. Снежная завеса разорвалась, и совсем рядом с собой я увидел того же Ноздрина. Я тронул его рукою. Он поднял голову и узнал меня. Мы набрали дров, сколько могли, и понесли к биваку. Спустя некоторое время вернулся в юрту и Рожков. Он ничего не нашел и сильно прозяб. Я пожурил его за то, что он, будучи больным, ушел, ничего мне не сказав. В такую пургу можно заблудиться совсем рядом с юртой и легко погибнуть.

Согревшись у огня, мы незадолго до сумерек еще раз сходили за дровами и в два приема принесли столько дров, что могли жечь их всю ночь до утра.

Так промаялись мы еще целые сутки, и только к вечеру третьего дня ветер начал понемногу стихать. Тяжелые тучи еще продолжали свое настойчивое движение, но порой сквозь них пробивались багровые лучи заката. В темных облаках, в ослепительной белизне свежевыпавшего снега и в багрово-золотистом сиянии вечерней зари чувствовалось приближение хорошей погоды.

С тех пор, как мы начали сокращать себе ежедневную порцию продовольствия, силы наши стали падать. С уменьшением запасов юколы нарты делались легче, а тащить их становилось все труднее и труднее.

Одежда наша была в самом плачевном состоянии: она износилась и во многих местах была изорвана, суконные ленты на ногах превратились в клочья, рукавицы от постоянной работы продырявились и не давали тепла. Вместо обуви на ногах мы имели не то чулки, не то мешки, сшитые из тряпок, овчины и рыбьей кожи. Из прорех торчали клочьями бараний мех или сухая трава. Чтобы обувь окончательно не развалилась, мы обмотали ноги поверх еще несколькими рядами шпагата. Лучше всего сохранились головные уборы, но и те требовали починки.

Уже несколько раз мы делали инспекторский осмотр нашему инвентарю, чтобы лишнее бросить в тайге, и каждый раз убеждались, что бросить ничего нельзя. Было ясно, что если в течение ближайших дней мы не убьем какого-нибудь зверя или не найдем людей, мы погибли. Эта мысль появлялась все чаще и чаще. Неужели судьба уготовила нам ловушку?..

Неужели Хунгари будет местом нашего последнего упокоения? И когда! В конце путешествия и, может быть, недалеко от жилья.

С охотой нам не везло совсем. Вследствие глубоких снегов зверь не ходил, он стоял на месте и грыз кору деревьев, росших поблизости. Нигде не было видно следов. Из шести собак трех мы потеряли неизвестно где и как. Их вдруг не оказалось на биваке. Быть может, они убежали назад. Две погибли с голода и только одна, казалось, самая слабая и самая старая, плелась следом за нартами. Один раз я убил молодую выдру, другой раз Ноздрин застрелил небольшую рысь. Мы их съели с величайшим удовольствием, а затем началась опасная голодовка. В таком положении, измученные и обессиленные, мы едва передвигали ноги. Будь лето, мы давно бросили бы все лишнее и налегке как-нибудь добрались бы до людей, но глубокий снег, а главным образом морозы принуждали нас тащить палатку, поперечную пилу, топоры и прочие бивачные принадлежности. Бросить все это — значит немедленно обречь себя на верную смерть. В первую же ночь, утомленные дневным переходом, мы уснем, чтобы никогда более не проснуться.

Это вынудило нас, несмотря на крайнюю усталость, тащить нарты. С каждым днем мы стали делать переходы все меньше и меньше, стали чаще отдыхать, раньше становиться на бивак, позже вставать, и я стал опасаться, как бы мы не остановились совсем. Усталость накапливалась давно, и мы были в таком состоянии, что ночной сон уже не давал нам полного отдыха. Нужно было сделать дневку, но отсутствие продовольствия принуждало, хоть и через силу, двигаться вперед. Встреча с людьми — вот что могло спасти нас, и эта надежда еще поддерживала наши угасающие силы.

— Эх, поспать бы теперь как следует! — сказал однажды Ноздрин.

— Есть охота, — возразил ему Рожков. — А часто умирают люди не дома — все где-нибудь на стороне, — высказал он свои мысли.

В это время идущий впереди Ноздрин остановился и грузно опустился на край нарты. Мы оба следовали за ним и как будто только этого и ждали. Рожков немедленно сбросил с плеч лямку и тоже сел на нарту, а я подошел к берегу и привалился к вмерзшему в лед большому древесному стволу, наполовину занесенному песком и илом.

Мы долго молчали. Я стоял и машинально чертил палкой по снегу узоры. Потом я поднял голову и безучастно посмотрел на реку. Мы только что вышли из-за поворота, перед нами был плес не менее полутора километров длины. Солнце уже склонилось к верхушкам самых отдаленных деревьев и косыми лучами озарило долину Хунгари и все малые предме-

ты на снегу, которые только при этом освещении могли быть видны по синеватым теням около них. Мне показалось, что через всю реку протянулась полоска. Словно веревочка, она шла наискось и скрывалась в кустарниках на другом берегу. Сначала я подумал, что это тень от дерева, но она шла не от солнца. Если это трещина на льду, где осел снег, тогда ей место на берегу.

— Лыжница!..

Едва эта мысль мелькнула в моем мозгу, как я сорвался с места и побежал к полоске, которая выступала все отчетливее по мере того, как я к ней приближался. Действительно, это была лыжница. Один край ее был освещен солнцем, другой находился в тени—эту тень я и заметил, когда был около нарт.

— Люди, люди! — закричал я не своим голосом.

Рожков и Ноздрин бросили нарты и прибежали ко мне. Тем временем я успел все рассмотреть как следует. Лыжница была вчерашняя и успела хорошо занаститься. Видно было, что по ней шел человек маленького роста, маленькими шагами, на маленьких лыжах и с палкой в руке. Если это мальчик, то жилище не должно быть далеко. Тотчас мы направились по следу в ту сторону, куда ушел этот человек. Лыжница через кусты вывела нас на небольшую протоку и направилась вниз по течению, но потом она свернула вправо и вышла на протоку побольше. Здесь ее пересекла другая старая лыжница. Я старался не упустить ни одной мелочи в следах и внимательно осматривал все у себя под ногами и по сторонам. В одном месте я увидел четыре уже замерзшие проруби в одну линию — это ловили рыбу подо льдом. Немного далее еще две лыжницы, совсем свежие, пересекли нашу дорогу. А вот кто-то совсем недавно рубил дрова.

— Люди, люди!— каждый из нас повторял это слово несчетное число раз.

Протока сделала еще один поворот вправо, и вдруг перед нами совсем близко появилась небольшая юрточка из корья. Из нее вышла маленькая сморщенная старушка с длинной трубкой.

— Би чжанге, ке-кеу-де елани агде ини. Бу дзяпты анчи,— сказал я ей на туземном языке. (Я начальник, нас три человека, уже много дней мы ничего не ели).

Старушка сначала испугалась, но фраза, сказанная на родном языке, сразу расположила ее в нашу пользу. В это время из юрты вышла другая старушка еще меньше ростом, еще более сморщенная, с еще более длинной трубкой. Я объяснил им, кто мы такие, как попали на Хунгари, куда идем, как нашли их по лыжнице и просили оказать нам гостеприимство. Узнав, что мы обессилели от голода, старушки засуетились и пригласили войти в юрту. Одна из них пошла за

водой к проруби, а другая одела лыжи и с палкой в руках пошла в лес. Минут через десять одна вернулась с большим куском сохатиного мяса и принялась варить обед, а другая повесила над огнем чайник и стала жарить на угольях свежую юколу.

С невероятной жадностью набросились мы на еду. Старушки угощали нас очень радушно, но в то же время убеждали много не есть.

Когда первые приступы голода были утолены, я хотел со своими спутниками итти за нартами, но обе старушки, расспросив, где мы их оставили, предложили нам лечь спать, сказав, что нарты доставят их мужья, которые ушли на охоту еще вчера и должны скоро вернуться. Не хотелось мне утруждать туземцев доставкой наших нарт, но я почувствовал, что меня стало сильно клонить ко сну. Рожков и Ноздрин, сидя на полу, устланном свежей пихтой, тоже клевали носами.

Добрые старушки настойчиво уговаривали нас не ходить и все время говорили одно и то же слово «гыры». Я уступил: не раздеваясь, лег на мягкую хвою; отяжелевшие веки закрылись сами собой. Я слышал, как заскрипел снег под лыжами около дома (это куда-то ушли старушки), и вслед за тем я, как и мои спутники, погрузился в глубокий сон.

Когда я проснулся было уже совсем темно. В юрте ярко горел огонь. Рожков и Ноздрин еще спали. По другую сторону огня против нас сидели обе старушки и их мужья, возвратившиеся с охоты — тоже старики. Один из них был старше и выше ростом, другой — ниже и моложавее. Обе старушки работали. Одна приготовляла новую обувь, другая варила ужин. Тут только я заметил, что мы все были разуты, и на ногах вместо рваных унтов надеты кабарожьи меховые чулки. Я хотел было подняться и сесть, но почувствовал сильную истому и ломоту в костях. Я чувствовал головокружение и усталость еще большую, чем вчера, чем сегодня до сна.

— Спи. Надо много спи, — сказал мне один из стариков.

Я откинулся назад и опять утонул во сне.

На другой день проснулись мы совершенно разбитыми и совершенно неспособными ни к какой работе. Все члены словно были налиты свинцом, чувствовался полный упадок сил, даже поднять руку было тяжело. Когда проснулись Рожков и Ноздрин, я не узнал своих спутников. У них отекли руки и ноги, распухли лица. Они тоже смотрели на меня изумленно испуганными глазами. Оказывается, и я сам имел такой же болезненный вид. Старики-орочи посоветовали подняться, походить немного и вообще что-нибудь делать, двигаться...

Это легко было сказать, но трудно было исполнить.

Орочи настаивали, они помогли нам обуться и подняться на ноги. Они принялись рубить дрова и просили нас то одного, то другого сходить за топором, принести дров, поднять по-

лено и т. д. Я убедил Рожкова и Ноздрина не отказываться от работы и объяснил в чем дело. Кишечник и желудок отвыкли работать, и от этого мы заболели: нужны движения, нужно дать встряску организму, нужен физический труд, хотя бы через силу.

Головокружение, тошнота и сонливое состояние не оставляли нас весь день. Трижды мы вылезли из юрты, кое-как двигались и ничего не ели.

Так проболели мы две недели.

Силы наши восстанавливались очень медленно. Обе старушки все время ходили за нами, как за малыми детьми, и терпеливо переносили наши капризы. Так только мать может ходить за больным ребенком. Женщины починили всю нашу одежду и дали новые унты, мужчины починили нарты и выгнули новые лыжи.

Наконец, мы оправились настолько, что могли продолжать путешествие. Я назначил днем выступления 14 января 1910 года. С вечера мы уложились, увязали нарты и рано легли спать, а на другой день со свежими силами выступили в путь.

Как сейчас вижу маленькую юрточку на берегу запорошенной снегом протоки. Около юрточки стоят две туземные женщины — старушки с длинными трубками. Они вышли нас провожать. Отойдя немного, я оглянулся. Старушки стояли на том же месте. Я помахал им шапкой, они ответили руками. На повороте протоки я повернулся и послал им последнее прости.

Удэхейцы снабдили нас продовольствием на дорогу и проводили, как они сами говорили, на шесть песков, т. е. на шесть отмелей на поворотах реки. Они рассказали нам путь вперед на несколько суток и указали где найти людей. Мы расстались.

Зимний переход по реке Хунгари в 1909 году был одним из самых тяжелых в моей жизни, и все же каждый раз, когда я мысленно оглядываюсь во времени назад, я вспоминаю с умилением двух старушек, которые оказали нам неоценимые услуги и, может быть, спасли нас от смерти.

Путешествие наше близилось к концу. Сплошная тайга кончилась и начались перелески, чередующиеся с полянами. С высоты птичьего полета граница тайги, по выходе в долину Амура, представляется в виде ажурных кружев. Чем ближе к горам, тем они казались плотнее, и чем ближе к Амуру, тем меньше было древесной растительности и больше луговых пространств. Лес как-то разбился на отдельные куртины, отошедшие в стороны от Хунгари.

Сознание, что Амур недалек, волновало нас, и как-то без всякого повода, на основании одних лишь предположений, мы уверили себя, что к вечеру непременно дойдем до села Возне-

сенского, расположенного с правой стороны около устья реки Хунгари.

В этот день с бивака мы выступили в обычное время и в полдень, как всегда, сделали большой привал. В два часа мы миновали последние остатки древесной растительности. Дальше перед нами на необозримом пространстве расстилалась обширная поемная низина, занесенная снегом, по которой там и сям отдельными буро-желтыми пятнами виднелись вейник и тростник, менее других погребенные сугробами.

Здесь с правой стороны реки мы нашли небольшую фанзочку, в которой жили трое корейцев-дроворубов. Они не говорили по-русски, и как я ни пытался узнать, далеко ли до села Вознесенского, толку добиться не мог. Корейцы что-то болтали и спорили между собой. Не помогло и черчение по снегу.

Надо было взять себя в руки и, невзирая на просьбы Рожкова и Ноздрина, остановиться на бивак и отдохнуть как следует, а завтра со свежими силами выступить пораньше и засветло дойти до Амура. Я этого не сделал, уступил своим спутникам и, несмотря на позднее время, пошел дальше.

Скитание по тайге надоело нам, одеты мы были плохо, питались кое-как и потому, естественно, всем нам хотелось поскорее добраться до Амура. Простая элементарная логика заговорила о необходимости устроить бивак, хотя бы в прибрежных кустах, где все же можно было собрать достаточно мелкого хвороста. Но как бывает иногда, находит какое-то помутнение рассудка. И вот ни на чем не основанная уверенность и надежда, что Амур так недалек, что если мы пойдем бодро и будем итти долго, то непременно достигнем цели — заслонили разумную осторожность. В самом деле! Лес кончился — разве это не признак, что Амур недалеко? Положим, что поемные луга протянутся километров 8—10 не более. Без сомнения, мы сегодня же будем в селе Вознесенском. Так говорили мои спутники. Доводы их показались мне убедительными — я махнул рукой и подал знак двигаться дальше.

От корейских фанз река сделалась извилистой. Еще некоторое время по берегам попадались одиночные кусты, но они скоро исчезли. Там, где река разбивалась на протоки, образовались молодые острова, еще не успевшие покрыться растительностью. Пора было остановиться на бивак, но так как мы решили во что бы то ни стало дойти до села Вознесенского, то этой мысли не суждено было воплотиться в действительность, она мелькнула только и бесследно исчезла. К тому же ночевка под открытым небом была абсолютно невозможна. Еще час, другой ходьбы и мы, вероятно, будем на Амуре.

Часа через два начало смеркаться. Солнце только что скрылось за облаками, столпившимися на горизонте, и окрасило небо в багрянец. Над степью пробегал редкий ветер. Он

шелестел засохшею травою, пригибая верхушки ее к сугробам. Снежная равнина безмолвствовала. Вдруг над головой мелькнуло что-то белесоватое, большое. По бесшумному полету я узнал полярную сову открытых пространств.

«Я предвестница мрака, за мною ночь идет»,— словно пророчила она своим появлением. Сова скрылась, и вместе с нею, казалось, улетела и угроза, оброненная ею по пути.

Мы шли еще некоторое время. На землю надвигалась ночь с востока. Как только скрылось солнце, узкая алая лента растянулась по горизонту, но и она уже начала тускнеть, как остывающее раскаленное докрасна железо. Кое-где замигали звезды, а между тем впереди нигде не было видно огней. Напрасно мы напрягали зрение и всматривались в сумрак, который быстро сгущался и обволакивал землю. Впереди попрежнему плес за плесом, протока за протокой сменяли друг друга с поразительным однообразием.

— Что за диво,— сказал молчавший до сего времени Рожков, — давно бы надо быть Амуру.

— А ты почему знаешь, что ему давно надо быть?— возразил Ноздрин.

«А и в самом деле, — подумал я, — почему мы решили, что Амур недалеко? Быть может, до него еще целый переход». Эта мысль напугала меня, и я постарался отогнать ее прочь.

Через час ночь окончательно вступит в свои права и принудит остановиться. Итти в темноте наугад целиною по глубокому снегу трудно для здоровых людей, но совершенно не по силам было для нас, утомленных такой длинной и тяжелой дорогой. И днем-то мы часто сбивались с главного русла и залезали то в старицу, то в смежную протоку.

Как только кончился лес, стало заметно холоднее. Над снежной равниной пробегал холодный резкий ветер. Мы стали зябнуть и выбиваться из сил. Прошло еще два часа, а мы все шли. Ночь окончательно вступила в свои права. Стало так темно, что мы то и дело натыкались то на обрывистый берег, то на ледяной торос, то на колодник, вмерзший в мокрый песок. Впереди ни малейшего признака жилья, ни одного огонька. На небе горели бесчисленные звезды. Они сильно мерцали и в морозном воздухе переливались всеми цветами радуги.

Случайно мы остановились все сразу. В таких случаях самое худшее решение — ни на что не решаться. Через час, даже через какие-нибудь полчаса будет уже поздно. Тогда я обратился к обоим спутникам с короткой речью. Я сказал им, что мы попали в очень опасное положение. Мы не рассчитали своих сил и без всяких данных решили, что Амур недалеко. Если мы пойдем вперед, то вынуждены будем заночевать в открытом поле и без огня. За это мы поплатимся в лучшем случае отмороженными конечностями, а в худшем — уснем навеки. Единственный способ выйти из бедственного положения—

оставить здесь нарты и налегке с одними топорами итти назад по протоптанной дороге.

Рожков и Ноздрин молчали. Не давая им опомниться, я быстро пошел назад по лыжнице. Оба они сняли лямки с плеч и пошли следом за мной. Отойдя немного, я дождался их и объяснил, почему необходимо вернуться назад. До Вознесенского нам сегодня не дойти, дров в этих местах нет и, значит, остается один выход — итти назад к лесу.

Мои спутники ничего мне не ответили. Путь назад был длинный, а силы наши на исходе. Занаствшаяся дорога позволяла не смотреть под ноги, протоптанный след сам направлял наши лыжи и для того, чтобы выйти из него на целину, нужно было употребить довольно большое усилие. Значит, сбиться с дороги мы не могли. Однако усталость дала себя чувствовать очень скоро. Около полуночи Ноздрин начал отставать. Опасаясь, как бы он не отстал совсем, я велел Рожкову пропустить его вперед и подбадривать словами. Мы шли, как пьяные, и качались из стороны в сторону. Я трижды поймал себя в дремоте во время коротких остановок. Около часа ночи Ноздрин стал просить разрешения на отдых, обещая нас догнать очень скоро. Тогда я прибегнул к обману. Впереди виднелась какая-то длинная темная масса. Я сказал, что это лес, где мы разведем огонь и остановимся совсем. Поверил ли мне Ноздрин или его уговорил Рожков, но только он пошел дальше. Темный предмет оказался возвышенным берегом реки, но, к сожалению, совершенно голым. Я сказал, что ошибся, что лес начинается не от этого, а от другого мыса. Оба стрелка шли безучастно и ни слова не говорили. Вот и второй мыс, на нем тоже не было леса. Надо было опять что-нибудь выдумать, иначе мои спутники потеряют уверенность в своих силах и остановятся. Рожков стоял согнувшись, опираясь на палку, а Ноздрин уже готовился сесть в сугроб.

— Лес! Лес! Я вижу лес впереди, — закричал я, на самом деле ничего не видя.

Собрав остатки последних сил, мы все тихонько пошли вперед. И вдруг действительно в самую критическую минуту с левой стороны показались кустарники. С величайшим трудом я уговорил своих спутников пройти еще немного. Кустарники стали попадаться чаще вперемежку с одиночными деревьями. В 2½ часа ночи мы остановились. Рожков и Ноздрин скоро развели огонь. Мы погрелись у него, немного отдохнули и затем принялись таскать дрова. К счастью, поблизости оказалось много сухостоя, и потому в дровах не было недостатка.

Разгребая снег, мы нашли под ним много сухой травы и принялись ее резать ножами. В одном месте, ближе к реке, виднелся сугроб в рост человека. Я подошел к нему и ткнул палкой. Она уперлась во что-то упругое, я тронул в другом месте и почувствовал то же упругое сопротивление. Тогда я

снял лыжу и стал разгребать снежный сугроб. При свете огня показалось что-то темное.

— Балаган! — закричал я своим спутникам. Тотчас Рожков и Ноздрин явились на мой зов. Мы разобрали корье и у себя на биваке сделали из него защиту от ветра. Затем мы сели на траву поближе к огню, переобулись и тотчас заснули. Однако сон наш не был глубоким. Каждый раз, как только уменьшался огонь в костре, мороз давал себя чувствовать. Я часто просыпался, подкладывал дрова в костер, сидел, дремал, зяб и клевал носом.

Как реакция после напряженной деятельности, когда надо было выиграть время и заставить себя преодолеть усталость, чтобы дойти до лесу, вдруг наступил покой и полный упадок сил. Теперь опасность миновала. Не хотелось ничего делать, ничего думать. Я безучастно смотрел, как перемигивались звезды на небе, как все новые и новые светила, словно алмазные огни, поднимались над горизонтом, а другие исчезали в предрассветной мгле.

...На другой день к вечеру мы были в селе Вознесенском.

СКВОЗЬ ТАЙГУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СБОРЫ И ОТЪЕЗД

Вопрос о географическом обследовании Уссурийского края в границах: Нижний Амур — озеро Кизи, Татарский пролив и река Хор был поднят еще в 1908 году. Тогда Приамурским отделом Русского Географического общества была снаряжена экспедиция под моим начальством, работавшая подряд в течение двух лет в северной части горной области Сихотэ-Алинь.

В 1926 и 1927 гг. было решено снарядить ряд специальных экспедиций с заданиями осветить бассейны рек Хора, Анюя, Копи и Хади в дендрологическом, геологическом, экономическом и колонизационном отношениях.

В ноябре 1927 года Дальневосточное районное переселенческое управление предложило мне сорганизовать экспедицию по маршруту г. Хабаровск—Советская Гавань с целью выяснить, что́ представляют собой в колонизационном отношении местности, тяготеющие к проектируемой железной дороге. На эту экспедицию было ассигновано 12 000 руб., и выступление ее предполагалось ранней весной, как только спадут снега и вскроются реки.

Так как путь экспедиции должен был пролегать по местности совершенно пустынной и безлюдной или только изредка касающейся границ обитания туземного населения внутри страны, то он мог быть выполнен лишь при наличии питательных баз, заранее устроенных в верховьях рек Тутто, Хади,

Копи, Анюя, Хора, Пихцы, Мухеня и Немпу. Завоз грузов на эти базы предполагалось произвести заранее, пока реки были еще скованы льдом и имелось нартовое сообщение; но вследствие недоразумений деньги переведены были в мое распоряжение лишь в конце апреля. Только с этого момента экспедиция фактически приступила к снаряжению в далекий путь.

Однако время было упущено, реки вскрылись от льда, и потому завоз грузов на питательные базы надо было производить на лодках, что́ было несравненно труднее и стоило значительно дороже.

Экспедиции в пути надлежало перейти четыре горных хребта, где возможно было встретить большие каменистые россыпи, предстояли переправы через быстрые горные реки с высокими обрывистыми берегами и через зыбучие болота. Поэтому я решил отказаться от вьючных животных и весь маршрут построил так, что две трети пути мог пользоваться лодками, и только через водоразделы из одного бассейна в другой мы должны были итти пешком с котомками за плечами.

Надо сказать, что в это же время и в тех же местах по изысканию железнодорожного пути работали две партии. Одна под руководством инженера путей сообщения Н. Н. Мазурова, другая возглавлялась инженером Н. М. Львовым.

Первоначально я предполагал итти от Хабаровска на Советскую Гавань и в состав экспедиционного отряда пригласил профессора-ботаника В. М. Савича и сотрудника хабаровского краевого музея А. И. Кардакова.

Позднее ассигнование денег вынудило нас перестроить весь маршрут в обратном порядке и разделиться на два отряда. В. М. Савич со студентами К. К. Высоцким, Г. И. Каревым и Г. П. Гончаровым должен был произвести обследование верховьев рек Немпту, Мухеня и Пихцы, затем перевалить на реку Хор и спуститься по этой последней до Уссурийской железной дороги. Я же с А. И. Кардаковым и студентом-геоботаником Н. Е. Кабановым должен был начать свое путешествие от Советской Гавани, итти вверх по реке Хади к истокам реки Копи, потом через хребет Сихотэ-Алинь на реку Анюй, затем перейти на реку Хор, а с Хора на Пихцу и держать курс на г. Хабаровск. Словом, пока я буду работать на восточной стороне Сихотэ-Алиня, В. М. Савич тем временем устроит в указанных местах три питательные базы.

Сообразно этому плану и денежные средства были распределены на три части: 1 000 руб. оставлены забронированными для отчетных камеральных работ по возвращении экспедиции в г. Владивосток; мой отряд, совершивший весь маршрут от моря до реки Амура, располагал 7 060 рублями и отряд В. М. Савича — 4 545 руб.

Маршрут от г. Хабаровска к Советской Гавани можно было начинать в любой день. Это направление давало целый ряд преимуществ, от которых мы теперь вынуждены были отказаться. Путешествие от моря к Хабаровску зависело не только от расписания пароходных рейсов, но и от других причин, которые никто не в силах предвидеть заранее.

Казалось, будто все наладилось, но вдруг совершенно неожиданно выплыла новая неприятность. Совторгфлот грузы экспедиции вместо Советской Гавани заслал на остров Сахалин. Ничего более не оставалось, как дождаться их возвращения в г. Владивосток, чтобы со следующим рейсом самому доставить их куда следует.

Обязанности между участниками экспедиции распределились следующим образом. Лично я взял на себя: руководство экспедицией, подготовительные, организационные и ликвидационные работы, производство маршрутной съемки и обследование пути в колонизационном и естественно-историческом отношениях. А. И. Кардаков выполнял все поручения, связанные с званием помощника начальника экспедиции. Кроме того, на него же были возложены обследование охотничьего и промыслового хозяйства туземцев и фотографическая съемка в пути. Студент-геоботаник Н. Е. Кабанов собирал гербарный и почвенный материал и вел наблюдения по своей специальности.

Кроме научных сотрудников, в состав экспедиции еще входили туземцы. Я умышленно взял только одних орочей, потому что: они знали хорошо окрестности и служили одновременно рабочими и проводниками, умели долбить лодки и управляться с ними на перекатах, снабжали рыбой и мясом всех участников экспедиции. Ныне, оглядываясь назад, в прошлое, я вижу, что поступил правильно. Во время наводнения многие экспедиции потерпели аварии, только в моем отряде не было несчастий, и мы благополучно дошли до г. Хабаровска.

Я взял сначала девять туземцев. Троих я вернул еще с реки Тутто, двое должны были сопровождать Н. Е. Кабанова при спуске по реке Копи, а остальные четверо: Прокопий Хутунка, Федор Мулинка, Александр Намука и Сунцай Геонка совершили со мной весь маршрут. Последние два работали со мной еще в 1907, 1908 и 1909 гг. и имели награды от Русского Географического общества.

По окончании экспедиции из Хабаровска в г. Владивосток они были отправлены по железной дороге, а затем на пароходе Совторгфлота к месту своего жительства в Советскую Гавань и на реку Нахтоху.

В пути мы должны были пересечь пять горных складок и, следовательно, все имущество (походное, научное, личное) и продовольствие нести на себе в котомках. Поэтому с собой взято было только то, без чего никак обойтись нельзя. Все лиш-

нее отброшено: был взвешен каждый золотник и учтена всякая мелочь.

Научное снаряжение состояло из: фотографического аппарата, секундомера, буссоли Шмалькальдера, пикетажных тетрадей для съемок, дневников, гербарной папки, бумаги, маленькой рулетки, половинки небольшого бинокля, барометра-анероида, термометра-пращи, термометра для воды, минимального термометра, небольшой шанцевой лопатки, маленьких монолитных ящичков для образцов почв, почвенных мешочков, фотографических пластинок, ботанических ножей, цветных и обыкновенных карандашей, резинки и т. д.

Бивачное снаряжение составляли: комарники-палатки (по одной на научного работника и по одной бо́льшего размера на двух рабочих), тенты для защиты их от дождя, три алюминиевых котелка, входящих один в другой, с крышками (чайников не брали вовсе), козьи шкурки как подстилки для спанья, три топора и пр.

Походным снаряжением были: легкие дождевики, куски клеенки для укрытия котомок от дождя, веревки для увязки тех же котомок, поясные ножи, сигнальные ракеты для розысков заблудившихся людей, острога, инструменты для долбления лодок (упала). Сюда же надо отнести огнестрельное оружие, состоящее из одной магазинной винтовки и одного дробового ружья, патронташи, запас пороха, дроби, ружейных гильз и инструментов для снаряжения патронов, рыболовные удочки, блесны и т. п.

Личное имущество каждого участника экспедиции состояло из: легкого одеяла, двух смен белья, запасной пары унтов, полотенца, которое было использовано для лямок к котомке, мыльницы с мылом, зубной щетки, гребенки, игольника с нитками, кусочков материи для заплат и прочей мелочи.

Все имущество без исключения — как то, что́ отправлялось на питательные базы, так равно и то, что́ мы везли с собою, — было уложено в жестяные банки, запаянные и укупоренные в ящики керосинового типа. Такая упаковка очень удобна. На базах продовольствие предохраняется от расхищения грызунами, большие звери тоже боятся шума, издаваемого жестяными банками, да и в походе в ненастную погоду оно не нуждается в укрывании брезентами.

На базах груз хранился в особых амбарчиках на сваях, сделанных из накатника и крытых древесным корьем. Места для баз были заранее указаны. Пройти их мимо мы не могли. Туземцы по целому ряду мелких, едва заметных признаков сразу определяли их местонахождение.

1 июня я закончил последние формальности, подал телеграммы и в три часа дня взошел на пароход «Син-пин-ган». Когда окончилась погрузка лошадей для геологической экспедиции, направляющейся на остров Сахалин, были уже полные

сумерки. Накрапывал дождь... В 9 час. вечера «Син-пин-ган» снялся с якоря и вышел в море. Несмотря на ненастье, пассажиры еще долго находились на палубе и любовались Владивостоком, который при вечернем освещении действительно имел эффектный вид. Дома города, расположенные по склонам гор, взбирались до самых вершин, отчего все сопки казались иллюминованными. Множество огней как бы повисло в воздухе; они расходились, перемещались, сливались вместе и все разом отражались в черной воде.

Когда «Син-пин-ган» вышел из бухты «Золотой Рог», красивая панорама исчезла, и пароход очутился в непроницаемой тьме. На небе не видно было ни звезд, ни луны; шел мелкий дождь. При слабом свете, который вырывался из иллюминаторов и люков, виднелись иногда темные силуэты матросов, проходивших по мокрой палубе, и вахтенный начальник на капитанском мостике. Утомленный за день, я спустился в свою каюту и постарался забыться сном.

На пароходе было людно и тесно, а в каютах душно. Поэтому, как только стало светать, я оделся и вышел на палубу.

Первое, что̀ мне бросилось в глаза, были: чистое, безоблачное небо и широкая гладь спокойного моря. «Син-пин-ган» шел вдоль берега, держа курс к северо-востоку. Я сел на скамейку и стал любоваться картиной, которая развертывалась подобно длинной панораме. Вдали виднелись задернутые дымкой зубчатые кряжи гор, прорезанные узкими долинами. К востоку от них тянулись длинные отроги, падающие в море отвесными скалами. Это — типичный «продольный» берег, который тянется на многие сотни километров в направлении от юго-юго-запада к северо-северо-востоку. Читателю, быть может, интересно узнать, что надо понимать под этим названием. Продольный берег тянется параллельно горным складкам, которые в тех местах, где они близко подходят к морю, смыты вдоль оси своего простирания, вследствие чего здесь совершенно отсутствуют какие бы то ни было бухты и заливы. Вот почему к северу от мыса Мосолова высадка на берег весьма затруднительна, в особенности в летнее время, когда ветер дует с моря и создает сильный прибой.

Многочисленные мысы, стойко выдерживающие натиск волн, образовали тип берега, который в географии принято называть «кулисным». И действительно, словно кулисы в театре, они выдвигаются вперед один за другим. Первый мыс виден ясно, отчетливо, второй слегка затянут синеватой дымкой, следующий виден еще слабее, а дальше они совсем тонут во мгле и кажутся повисшими в воздухе и как бы отделившимися от воды. Неопытный мореплаватель может подумать, что между двумя мысами есть бухта, где судно могло бы найти укрытие от непогоды. На самом деле это лишь небольшой выгиб

скалистого и высокого берега, иногда даже лишенного намывной полосы прибоя.

От мыса Песчаного берег Уссурийского края делает поворот к северу и дальше идет в меридиональном направлении. Таким образом, часть побережья, прилегающая к означенному мысу, является местом, где пересекаются две тектонические линии. Вот почему поблизости образовалась глубокая впадина, именуемая Советской Гаванью; вот почему здесь чаще всего бывают землетрясения, о которых у туземцев сохранилось много интересных рассказов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ

Пароход наш прибыл в Советскую Гавань 4 июня. Поздно вечером мы высадились на берег, а на другой день получили свой багаж.

Мои спутники занялись разборкой имущества, а я отправился в районный исполнительный комитет для выполнения некоторых служебных формальностей.

Советская Гавань, о которой здесь идет речь, состоит из огромной юго-западной бухты в двенадцать километров и из ломанного залива Константиновского в десять километров длиною. Кроме того, у берегов ее образовалось еще несколько второстепенных бухточек, из которых заслуживают внимания: Маячная, откуда идет грунтовая дорога на Маяк, затем Японская, где больше всего поселилось русских колонистов, потом бухта Концессии, где находятся ныне все государственные и административные учреждения, и, наконец, бухта Хади, в которую впадает река того же имени.

В заливе Константиновском есть бухта Постовая, где был потоплен воспетый Гончаровым фрегат «Паллада» и где до сих пор сохранились развалины укреплений, построенных еще в 1854 году. Большой остров Милютина недавно соединился с материком узким песчаным перешейком, по обе стороны которого образовались две бухты, не имеющие русских названий.

Таких гаваней, как Советская, немного на земле. Большая, закрытая со всех сторон, она может вместить любой флот в

мире. Берега ее настолько приглубы, что большие океанские пароходы могут приставать к ним вплотную, как в благоустроенном порту. Единственным недостатком гавани является изолированность ее от населенных пунктов страны.

Берега Советской Гавани слагаются из базальтов, которые имеют не столбчатую, а матрацевую отдельность. От моря со стороны юго-восточной Советская Гавань отделяется довольно высоким горным хребтом Доко, слагающимся из пород массивно-кристаллических.

На оконечности этого хребта после гибели парохода Добровольного флота «Владимир» в 1897 году поставлен Николаевский маяк (48° 58′ северной широты и 140° 25′ восточной долготы).

К Советской Гавани нам еще придется возвратиться, когда будем говорить об устройстве поверхности в бассейнах рек, в нее впадающих.

Все население Советской Гавани делится на три группы: администрацию, обывателей и туземцев. Первые являются государственными служащими девятнадцати государственных учреждений. Администрация обслуживает не только одну Советскую Гавань, но все побережье моря от устья Тумнина до реки Самарги.

Что делают жители Советской Гавани и откуда добывают средства к жизни? Земледелием занимаются очень немногие. Обитатели Советской Гавани имеют прямые и косвенные заработки в Дальлесе и немного рыбачат. Некоторые эксплоатируют лошадей, отдавая их как бы «напрокат» по 30 рублей в месяц с головы. Живут они на берегу в ожидании каких-либо заработков по выгрузке, разгрузке, перевозке, переноске грузов, прибывающих на пароходах. Кое-какие плотничные, столярные и слесарные работы они имеют в административных учреждениях. Несмотря на то, что все здесь выпивают, нигде не слышишь площадной ругани, нет краж, ссор, драк, и если вы видите где-нибудь замок на двери, то больше для того, чтобы дать знать посетителю, что хозяев нет дома. С этой стороны «совгаванцы» безупречны.

Третью группу населения составляют орочи — народность маньчжурского племени. В отдаленном прошлом они обитали где-то на севере и неизвестно когда появились на берегах Великого океана. Своей родной колыбелью они все же считают Советскую Гавань, которую они называют Хади. Но с тех пор, как в окрестных лесах застучали топоры лесорубов, орочи покинули свои прежние поселения и ушли частью на Тумнин и приток его Хуту, а частью за водораздельный хребет Сихотэ-Алинь в верховья реки Хунгари, куда к ним трудно проникнуть не только от моря, но и со стороны реки Амура.

В три дня мы закончили все подготовительные работы, разобрали имущество и часть грузов отправили на Копи для

питательной базы. Как раз к этому времени прибыли туземцы со своими лодками.

Самым старшим из них был ороч Александр Намука — человек невысокого роста, лет сорока пяти, молчаливый и спокойный. Он имел мелкие черты лица; волосы его на голове начали уже седеть. Когда Намука говорил по-русски, то все твердые согласные буквы произносил как мягкие. Если он делал что-нибудь неудачно, то конфузился, и на лице его появлялась растерянная улыбка.

Вторым по возрасту был удэхеец Сунцай Геонка, мужчина сорока лет, сухощавого сложения и роста ниже среднего. Это был человек порывистый, у которого периоды безделья чередовались с весьма напряженной деятельностью. С деньгами он обращался как с вещью, совершенно бесполезной, и тратил их на всякие пустяки, покупая все, что попадалось на глаза. Когда он хотел в чем-нибудь убедить меня, то лицо его принимало такое выражение, как будто он испытывал большие физические страдания. Сунцай был незаурядный шаман и этот дар наследовал от своего покойного отца.

Затем в порядке возраста следует ороч Федор Мулинка, тоже среднего роста, лет 36. Природа наградила его золотыми руками. Он был хорошим кузнецом, хорошим звероловом, ловко бил острогой рыбу, считался лучшим специалистом по изготовлению лодок. Федор Мулинка говорил мало. Когда он старался что-нибудь запомнить, то напрягал свое мышление и морщил лоб. Это был самый суеверный человек в отряде.

Четвертым моим спутником был Прокопий Хутунка — ороч в возрасте тридцати лет, роста ниже среднего. Я его знал еще мальчиком. От природы любознательный, он сам научился читать по-русски. Хутунка был человек умный, трудолюбивый, с покладистым характером. Несмотря на свою худобу и некоторую кривоногость, он мог нести большие тяжести и совершать длительные переходы. В данном случае сказывалась не столько его физическая сила, сколько втянутость в работу. Хутунка еще молодой был шаманом.

Все четверо имели черные волосы, темнокарие глаза, желтовато-смуглую кожу, маленькие руки и ноги. Одеты они были в смешанные костюмы, состоящие из частей одежд русских и орочских. Обувь все они, да и мы с А. И. Кардаковым, носили туземную, сшитую наподобие олоч из выделанной сохатиной кожи.

В дальнейшем изложении я буду называть их сокращенно по родам: Намука, Мулинка, Хутунка и Геонка.

Орочи привезли неприятное известие, что устье реки Хади, по которой нам надлежало подниматься в горы, загромождено плавниковым лесом. Последние дни были сильно ненастные — все время шли дожди, перемежавшиеся со снегом. Вода в реках поднялась значительно выше своего уровня. Как раз на

реке Хади Дальлес производил порубки. Вода, вышедшая из берегов, подхватила этот лес и понесла его вниз по течению. Недалеко от устья, где Хади разбивается на протоки, образовался большой затор, который грозил задержать нас на неопределенно долгое время.

На другой день я поднялся чуть свет и поспешил на улицу. Было прохладно. Солнце еще скрывалось за горами, но уже чувствовалось благотворное влияние его живительных лучей. Над Советской Гаванью стоял туман. Он медленно двигался к морю. Все говорило за то, что день будет ясный, светлый и теплый.

В 10 часов утра на четырех лодках мы вышли из Японской бухты и направились в залив Константиновский, где я должен был связаться с астрономическим пунктом и от него уже начать свои съемки.

В Советской Гавани в 1855 году соединеная англо-французская эскадра выжгла старый лес артиллерийским огнем. На месте его вырос другой лес, но его в возрасте около семидесяти лет сожгли русские. Потом опять стал появляться совсем молодой лесок, состоящий из лиственицы и березы.

Сухостой, оставшийся кое-где одиночными деревьями со времени Севастопольской кампании, — крупного размера. Туземцы говорят, что он твердый, как сталь, и не поддается рубке.

Ближе к выходу в море западный берег гавани подвержен наводнению. Под влиянием атмосферных агентов порода разрушается и обваливается на намывную полосу прибоя громадными глыбами. Здесь можно наблюдать удивительную эрозию. Некоторые образцы, несмотря на свои большие размеры, так и просятся в музеи.

Размытые глыбы лавы приняли весьма причудливые очертания. Одни из них похожи на людей, другие на птиц, третьи на фантастических животных, застывших в позах невыразимых страданий. Когда море «дышит», мертвая зыбь проникает и в Советскую Гавань. Блестящая грудь воды медленно вздымается, бесшумно подходит к берегу и с зловещим шорохом старается как можно глубже проникнуть в каверны между камнями. Другая сила вынуждает ее уйти обратно в море. Но волны упрямы и с ропотом настойчиво опять идут к берегу — и так без конца в течение многих веков.

Местные туземцы одухотворили причудливые камни и в появлении их на земле усмотрели вмешательство сверхъестественной силы.

Следующий день был воскресный. Покончив с работами в заливе Константиновском, мы сели в лодки и направились к устью реки Хади. Погода была какая-то странная. Весь день в воздухе стояла густая мгла; солнце имело вид оранжевого диска с резко очерченными краями, так что на него можно

было свободно смотреть невооруженным глазом, и, как всегда в таких случаях бывает, появилась сильная звукопроницаемость. Где-то далеко выстрелили из ружья. Стоголосое эхо превратило этот звук в грохот пушечной пальбы, который, подобно грому, прокатился из конца в конец, над всей гаванью. По опыту я знал, что такая мгла и такое эхо предвещали непогоду. И действительно, к вечеру мгла рассеялась, и тогда на небе стали видны тучи, низко бегущие над землей.

День был на исходе, когда мы вошли в реку Хади и достигли орочского селения Дакты-Боочани. Это был последний жилой пункт, за которым начиналась глухая тайга на многие сотни километров. Туземцы встретили нас на берегу. Грустно выглядели орочские балаганы и не менее жалкий вид имели обитатели их. После гражданской войны орочи впали в бедность и к новым условиям жизни еще не успели приспособиться, а Комитет содействия малым народностям Севера на Дальнем Востоке только недавно начал свою работу.

Один из домиков оказался порожним. Он принадлежал слепому старцу Ивану Бизанка, о котором речь будет ниже.

Туземные женщины быстро привели покинутую юрту в жилой вид, подмели пол и поправили корье на крыше.

После ужина я пошел осматривать селение. Было сумрачно и холодно; начинал накрапывать дождь. Дым от костров не поднимался кверху, а повис в воздухе неподвижными белыми полосами. В одном из домиков жила вдова с двумя детьми. Она недавно потеряла своего мужа, с которым я был хорошо знаком. Я навестил ее. Сюда же собрались и остальные туземцы. Бедная женщина засуетилась и не знала, чем нас угощать. Я попросил ее не беспокоиться и велел принести свои запасы. Мои спутники роздали детишкам сухари. Они стали их грызть с большим наслаждением. Среди орочей находился уже пожилой человек и хороший следопыт — Андрей Намука. Он дал нам много полезных советов и указал, как попасть в истоки реки Иоли. Надо сказать, что никто из моих провожатых не бывал в верховьях реки Тутто и никто не знал, что́ представляет собой перевал между нею и бассейном реки Копи. Единственно, чем могли мы руководствоваться, — это расспросными данными. Андрей Намука сообщил целый ряд мелких примет, которые должны были служить нам ориентировочными пунктами и привести нас в самые истоки реки Иоли.

Мы все вместе пили чай и вспоминали прошлое. В этот вечер я узнал, что многих из моих друзей-туземцев уже не было в живых. В загробный мир ушли: Антон Сагды, Егор Лабори, Федор Бутунгари, Тимофей Бизанка и многие-многие другие. Все старые люди перемерли, и один только Иван Бизанка (по-орочски «Чочо») доживал свои последние дни на реке Копи. С ним я был особенно дружен.

Как-то разговор затих, я задумался, и тотчас передо мною встала невысокая тщедушная фигура Чочо с лицом оливково-красного цвета от дыма и загара, с косой на голове, одетого в длинную рубашку маньчжурского покроя, узкие штаны с кожаными наколенниками и унты из выделанной сохатиной кожи. Это был удалой охотник, известный повсеместно как хороший кузнец, умеющий «починять замки у ружей». Он родился давно. Его отец и мать погибли в тайге от страшной оспы, а малолетка подобрали своеродцы и воспитали как приемыша. Чочо долго, очень долго жил на земле и много-много видел диковинных вещей. Так, он видел, как первый раз в Гавань пришли русские и как они сами потопили свой большой корабль фрегат «Паллада» и как потом многих из них покосила голодная болезнь — цынга.

Однажды в 1897 году он после удачной охоты с двумя товарищами возвращался в Гавань. Плыли они на небольшой лодке вдоль берега моря и везли с собой мясо только что убитого сохатого. Когда они поравнялись с мысом Гыджу, то вдруг увидели большое судно у самого берега. Это оказался пароход Добровольного флота «Владимир», наскочивший в тумане на камни. Пассажиры были высажены на берег. На судне был крайне ограниченный запас продовольствия, и среди людей начался голод. Узнав, в чем дело, Бизанка тотчас отдал им всего лося, а сам поспешил в Гавань, где собрал всех окрестных орочей и отправил их на помощь погибающим. Затем, не теряя времени, он взял небольшую лодочку и со своим братом Тимофеем отправился морем в залив Де-Кастри, где тогда была телеграфная станция. Днем и ночью они гребли веслами, иногда пользовались парусом и на третий день явились на военный пост, где и сообщили о происшествии. Только тогда узнал Владивосток о несчастии, постигшем пароход «Владимир», только тогда была послана помощь погибающему судну, команде и пассажирам.

Потом Чочо крестили и дали ему имя Иван. Я встретился с ним в 1908 году. Он оказал мне целый ряд незаменимых услуг. Много раз мы ходили с ним в тайгу, много раз ночевали вдвоем у костра, прикрывшись одним одеялом.

Тогда он был пожилым человеком, и в волосах его уже белели серебряные нити.

Мы расстались. Я уехал на Камчатку, а Иван Бизанка остался на реке Хади. Вскоре в селении Дакты-Боочани умер его брат Тимофей, у которого было золотых и серебряных монет «великое множество». Чочо похоронил брата на реке Хади по своему обряду с большим почетом, отправив в загробный мир все любимые вещи покойного, охотничьи и рыболовные принадлежности, а золото и серебро закопал в тайге. В 1922 году старик ослеп и одинокий перекочевал к своим сородичам на реку Копи, ожидая, когда пробьет и его последний час.

Многие русские и орочи искали спрятанные сокровища, оцениваемые в 12 000 руб. Тщетно! Сам Чочо Бизанка уже забыл, где закопал их, и теперь, в состоянии полной слепоты, не мог узнать это место. Оно находилось, быть может, совсем рядом с жилищем, в котором мы сидели и вспоминали далекое былое.

Пламя костра освещало стены юрты с отверстием вверху, через которое клубами вместе с искрами выходил дым. Снаружи слышались шум воды в реке, загроможденной плавниковым лесом, шорох дождя на крыше да ворчанье что-то не поладивших между собой собак. Я распрощался с орочами и отправился в осиротелый дом Чочо Бизанка, давший нам теперь последний приют.

За ночь вода в реке поднялась еще выше. Не имея выхода к морю, она стала прокладывать новые русла. Эти вновь образовавшиеся протоки и позволили нам без особых приключений обойти завалы стороною.

Теперь читателю необходимо несколько познакомиться с климатическими особенностями страны, по которой пролегал путь нашей экспедиции, без чего ему не совсем будет понятно дальнейшее.

Водораздельный хребет Сихотэ-Алинь и сопутствующие ему параллельные горные складки (расположенные вдоль берега моря и почти перпендикулярно к направлению господствующих ветров) играют большую роль климатической границы. Разница в фенологических явлениях к востоку и к западу от главного водораздела достигает двадцати и даже тридцати суток. В то время, когда на западе все реки уже покрылись льдом, и по ним установилась санная дорога, реки прибрежного района еще не начинают замерзать, и обратно, весной, когда на западе сообщение по рекам уже прекращается и наступает ледоход, на восточной стороне речные воды еще скованы льдом. Значит, в бассейне Амура будет ранняя весна и ранняя осень, в прибрежном районе — длинная затяжная весна и такая же длинная осень. Словом, при передвижении от запада к востоку мы как бы во времени переносимся назад, а при обратном движении — перегоняем времена года и переносимся вперед.

Река Хади состоит из двух рек: самой Хади и Тутто. Первая короче, но многоводнее, долина ее шире, развалистее и притоки значительной величны; вторая — длиннее, долина ее у́же и похожа на ущелье; притоками ее являются небольшие горные ручьи.

Оставив большую часть людей около устья последней, я пошел вверх по реке Хади. Весь прибрежный район и вся долина реки Хади представляют собой горную страну, покрытую хвойным лесом, состоящим из даурской лиственицы, растущей высоким стройным деревом как на моховых болотах, так и на сухой каменистой почве, лишь было бы побольше света. Значительную примесь к ней составляла своеобразная аянская

ель, проникшая на юг чуть ли не до самого Владивостока. Неизменным спутником последней являлась белокорая пихта. Самое название ее указывает на гладкую и светлую кору. Отличительным признаком этого дерева является темная, но мягкая хвоя и черно-фиолетовые шишки. Там и сям одиночными экземплярами виднелась береза Эрмана, которую легко узнать по корявым стволам с желтоватою берестой, висящей лохмотьями. Она растет только в тенистых, старых больших лесах одиночными экземплярами и, по мнению ботаников, является вымирающим деревом.

По пути мы только один раз видели след медведя; остальные звери отсутствовали. Зато птиц встречалось много. Первой на глаза мне попалась скопа, которую орочи называют «соксоки». Этот пернатый хищник все время летал над рекою, иногда задерживаясь на одном месте, трепеща крыльями и высматривая добычу. Вдруг он камнем упал в воду и тотчас взлетел кверху с рыбою в лапах. Поднявшись на воздух, скопа ловко отряхнула свои крылья и поспешно улетела в лес. Потом я заметил пугливую серую цаплю. Она все время была настороже и каждый раз, когда из-за поворота показывалась лодка, тотчас снималась с места и летела дальше по реке, издавая хриплые крики. Иногда мы видели кроншнепов, тоже весьма строгих птиц. Они грациозно расхаживали по камням, входили в реку и что-то доставали из воды своими кривыми клювами. Повидимому, они только что прилетели и не успели еще разбиться на отдельные пары. Кроме этих птиц, А. И. Кардаков отметил еще уток, морянок, шилохвостов, касаток, корольков, также плисок и трясогузок.

Мы поднялись по Хади до «Медвежьего ключа». Дальше река стала узкой и порожистой. Здесь отсутствовала растительность, любящая глубокие наносные слои почвы. Лес рос непосредственно на камнях. Вся местность была заболочена или завалена большими глыбами лавы.

Убедившись, что вся колонизационная емкость долины реки Хади невелика, мы повернули назад и по течению ее спустились к устью реки Тутто.

Подъезжая к биваку, когда лодка встала против воды, я опустил в воду серебряную блесну (металлическая рыбка с крючками, замаскированными красным гарусом) и сразу поймал одну «симу», первую из лососевых рыб, входящих из моря в реки Тумнин, Хади и Копи. После меня А. И. Кардаков поймал на ту же блесну еще другую рыбину. Известно, что все лососевые при входе в пресную воду ничего не едят и кормятся тем запасом жизненных сил, который они приобрели в море. Что побудило симу погнаться за блесной? Повидимому, у лососевых хищническая привычка хватать ртом всякую мелкую рыбешку сохраняется и после того, как они оставляют море и входят в реки.

Вечером мы сидели у костра и занимались каждый своим делом. Когда совсем стемнело, ороч Мулинка пошел к речке за водой и, возвратясь, сообщил, что с неба падают звезды. Я тотчас надел обувь и отошел от огня подальше в лес.

Дождь только что перестал. Большие кучевые облака двигались над землею, заслоняя собою то одно, то другое созвездие. Ветер пробегал по вершинам деревьев и стряхивал с них последние дождевые капли. Где-то журчала вода.

Мулинка был прав. На небе одна за другой появлялись падающие звезды с длинными хвостиками. Одни из них чуть были заметны, другие яркими полосами прорезывали темную бездну. Я знал, что никакого хвоста в сущности нет и что это только свойство глаза сохранять впечатление, оставленное быстро двигающимся телом. Один из метеоров прошел сравнительно близко к земле. К сожалению, нашедшая туча заслонила его. Сквозь облако видна была только широкая полоса света. Точно вспышка молнии, только более длительная и беззвучная.

Когда я вернулся на бивак, то застал своих спутников уже спящими. Один только Мулинка бодрствовал. Я заметил в руках у него желтую прошлогоднюю траву. Он подсушил ее на огне, затем свернул в комочек, перевязал веревочкой и спрятал в сумочку.

— Бросай не могу, — сказал он, обратясь ко мне.

— Зачем тебе этот мусор? — спросил я его в свою очередь.

Тогда он сказал, что массовое появление падающих звезд на небе на языке их называется «Голо́» (л — картавое). Тот, кто первый увидит их, должен скорее собрать с земли сухую листву, траву, сено, солому или просто гнилушку и в течение трех дней держать при себе. Это принесет удачу на охоте и оградит человека от какой-нибудь беды.

Он не стал слушать мои возражения и начал укладываться на ночь. Вскоре я тоже последовал его примеру.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВВЕРХ ПО РЕКЕ ТУТТО

После небольшого отдыха мы пошли дальше вверх по реке Тутто. От дождей она вздулась и представляла собой стремительный горный поток. Во многих местах вода выступала из берегов и затопила лес. Ориентировочными пунктами нам служили постройки, брошенные японцами, когда у них были здесь лесные концессии. Эти полуразвалившиеся бараки давали нам приют, и мы радовались им, как будто это были самые роскошные гостиницы. Наконец, и японские развалины остались сзади. Теперь перед нами была громадная лесная пустыня, безжизненная, дикая, первобытная и девственная.

Надо познакомить читателя, что представляет собой орочская лодка (улимагда). Это долбленый челнок длиною в 6, 8 и 10 метров и вышиною в 40 сантиметров; дно ее делается толщиною в 3—4, а борта в 1—2 сантиметра. Вперед от днища выдвигается лопатообразный нос, немного полукруглый и немного загнутый кверху. Грузоподъемность улимагды—полтонны. Лодка устроена так, что она не разрезает воды, а так сказать, взбирается на нее и может проходить через самые мелкие перекаты. Орочи идут на шестах, причем один человек стоит на носу челнока, другой — на корме. Положение лодки неустойчивое; сама она весит очень немного, а центр тяжести поднят высоко.

На порогах лодка качается. От быстро бегущей воды у пассажира кружится голова, а тут еще надо работать шестами.

Для этого нужны: глазомер, ловкость и, главным образом, спокойствие. Спуск по воде опаснее подъема, потому что лодку несет и надо далеко смотреть вперед и заранее соображать, как обойти камни или утонувший плавник. Зато подъем очень утомителен. Люди упираются в дно реки шестами и с силой проталкивают улимагду против течения. Иногда при всем напряжении сил едва удается продвинуть лодку на один-два метра. За день так устают руки, что ночью долго не можешь уснуть. Обыкновенно начинает ломить вертлюжную головку плечевой кости и локоть другой руки.

Никто лучше орочей не умеет плавать на таких челноках. Движения их соразмерны и грациозны. И мужчины и женщины с детства втягиваются в эту работу. Можно сказать, они все летнее время проводят на воде: ловят рыбу или доставляют грузы для лесоустроительных партий и рабочих Дальлеса.

26 июня экспедиция наша достигла местности Элангса, что значит «Трехречье», откуда, собственно, и начинается река Тутто. Здесь она принимает в себя две небольшие речки: слева — Нюала, справа — Торока, а ниже—еще три горные ручья: Туточе, Гадака и Упукуле.

Этот переход был совершен при весьма неблагоприятных условиях и всех очень утомил, в особенности туземцев, на долю которых выпали наибольшие трудности.

У места слияния трех рек мы должны были оставить лодки и дальше итти по реке Нунгини пешком с котомками за плечами. Надо было сделать дневку, просушить имущество, приготовить обувь и наладить котомки.

Как раз день выпал солнечный и теплый. Я воспользовался свободным временем и отправился на ближайшую сопку, чтобы с высоты птичьего полета посмотреть, далеко ли еще до перевала. Переправившись через реку Тутто, я вступил в густой хвойный лес и взял направление на одну из возвышенностей, которая казалась мне командующей в этой местности. Сначала подъем был пологий, но чем дальше, тем он становился все круче и круче.

Преобладающим насаждением этих мест были ель и пихта с примесью все той же эрмановой березы. Почвенный покров состоял из лиственных мхов, образующих густые плотные подушки болотнозеленого цвета, по которым протянулись длинные тонкие стебли канадского дерена с розетками из ланцетовидных листочков. Здесь же в массе произрастали заячья кислица с тройчатопластинчатыми листочками на тонких черешках и с приятно кислым привкусом, напоминающим молодой щавель, затем — хребетовка с вечно зелеными кожистыми овальными листьями и, наконец, невысокие, но весьма изящные папоротники. Чем выше я поднимался, тем больше отставали ель и пихта и чаще встречалась лиственница с подлеском из багульника подбелого, издающего сильный смоли-

стый запах и образующего сплошные заросли. Выше деревья стали тоньше и низкорослее.

Тут было не так густо и не так сыро. Багульник тоже остался сзади, и на его месте появилась кустарниковая береза Миддендорфа.

Тут я сел, чтобы отдохнуть. Было за полдень. Солнце стояло высоко на небе и обильно посылало на землю теплые лучи свои. Они озаряли замшистые деревья, валежник на земле, украшенный мхами, и большие глыбы лавы, покрытые пенькообразными лишаями. В этой игре света и тени лес имел эффектно-сказочный вид. Так и казалось, что вот-вот откуда-нибудь из-за пня выглянет маленький эльф в красном колпаке с седою бородою и с киркою в руках. Я задумался и, как всегда в таких случаях бывает, устремил глаза в одну точку.

Эльф не показывался, а вместо него я вдруг увидел небольшого грациозного зверька рыже-бурого цвета с белым брюшком и черным хвостиком. Это оказался горностай, близкий родственник ласки. Он взобрался на одну из колодин и сел на задние лапки. Меня это очень удивило, тем более, что горностай — животное ночное и норку свою покидает только после солнечного заката. Я стал наблюдать за ним, стараясь не шевелиться. Горностай не сразу успокоился; он постоянно оглядывался в мою сторону. Наконец, убедившись, что никакой опасности ему не грозит, стал держать себя свободнее. Я скоро заметил, что он за кем-то охотился. В это время показалась ящерица. Она тоже охотилась за насекомыми и проворно лазила по валежине. Когда пресмыкающееся приблизилось к тому месту, где находился горностай, последний сделал ловкий прыжок. Он как-то вскинул задом, подпрыгнул кверху и свалился за колодину. Ящерица тоже исчезла. Поймал ли ее горностай или нет, мне не удалось рассмотреть. Тогда я поднялся с своего места, обошел кругом колодину и, не найдя ничего, пошел на вершину.

Тут было много лавовых глыб, я взобрался на одну из них и стал осматривать окрестности. Дивная горная панорама представилась моим глазам. Передо мною было обширное пространство, заполненное множеством столовых гор, покрытых хвойным лесом. На запад они поднимались все выше и выше, а на восток к морю заметно снижались. Невольно напрашивался вопрос: как мог образоваться такой рельеф? Несомненно, мы имеем дело с каким-то плато, которое впоследствии разделилось на ряд столовых гор. Геологу рисуется отдаленное прошлое, когда слагалась поверхность северной части Уссурийского края, принявшая ныне такой странный вид.

Водораздельный хребет Сихотэ-Алинь в южной своей части проходит сравнительно недалеко от берега моря, но на широте мыса Туманного (немного севернее устья реки Самарги) он отходит от моря в глубь страны и, огибая истоки реки Тумни-

на, почти вплотную подходит к реке Амуру. Кроме этого хребта, восточнее его проходит еще одна складка, которая служит водоразделом между притоками верхнего Копи и верхнего течения реки Аделами, впадающей в Хуту с одной стороны, и бассейнами рек Хади и Тутто, несущими свои воды в Советскую Гавань.

Во время дислокации, имевшей место, повидимому, в третичном периоде, где-то около второго параллельного хребта на дневную поверхность вылилось много базальтовой лавы, которая образовала чрезвычайно мощный покров, заполнивший все пространство между рекой Хуту и рекой Копи. Этот лавовый поток докатился до Советской Гавани. Наибольшей мощности он достигает в истоках рек около перевала, и наименьшую высоту языки его имеют около моря. Этим и объясняется сильно развитая береговая линия между мысом Лессепс-Дата и Николаевским маяком.

Лава была сильно насыщена газами. По расположению пустот (ноздреватость породы) можно видеть, в каком направлении она двигалась, будучи в пластичном состоянии.

Во время повторной дислокации произошел глубокий провал, именуемый ныне Советской Гаванью. Значит, лавовый покров старше ее. Подтверждение этого мы находим в том, что дно гавани слагается из больших базальтовых глыб, которые, разрушаясь, образуют грунт, состоящий из породистого гравия характерного темносерого цвета. Затем начались процессы денудации. Дождевая вода в движении своем по лавовому покрову действовала, как пила и напильник. Она промыла в нем глубокие овраги с очень крутыми, а иногда даже с совершенно отвесными краями. Так образовались долины рек Ма, Уй, Хади и Тутто.

Во многих местах под влиянием атмосферных агентов лава распалась на отдельные глыбы, которые образовали большие осыпи по краям долины. Они покрылись мхами и поросли лесом. Это особенно заметно, когда взбираешься на гору. Нога все время срывается и проваливается то в решетины между корнями, то в пустоты между обломками базальта.

Местом, откуда из недр земли на дневную поверхность вылилась лава, надо считать истоки рек Санку (приток Копи), Хади и Тутто. Подтверждение этому мы находим, во-первых, из множества отдельных конических сопок, между которыми по неглубоким и развалистым лощинам бегут ручьи; во-вторых, здесь встречаются обломки и другой горной породы, вероятно подстилающей лаву и составляющей первоначальную поверхность страны, впоследствии залитой базальтом.

Из вышеприведенного описания следует, что образование долин Хади и Тутто еще не закончено. Мы всюду видим едва начинающиеся почвообразовательные процессы. Вот почему нигде по долинам нельзя найти тополя и других древесных

пород, произрастающих на илистой наносной почве, богатой гумусом. В местах, где скопились наносы, встречаются почвы подзолистые и торфяниковые.

Должно быть, я долго пробыл на сопке, потому что солнце успело уже значительно переместиться на небе и тени на земле стали длиннее. Сделав краткие записи в свою походную книжку, я начал спуск обратно в долину реки Тутто.

По пути я нашел скелет кабарги, видимо, затравленной росомахой, потому что на костях ее были следы довольно крупных зубов. Кабарга относится к жвачным животным. Она небольшого роста и похожа на лань. Самцы не имеют рогов, но зато снабжены длинными верхними клыками, выступающими изо рта вниз и несколько загнутыми назад. На брюхе около пупка у самцов находится особый железистый мешок, в котором накопляется мускус. Росомаха — величиной с собаку среднего размера и принадлежит к семейству хорьковых, но по строению тела напоминает барсука. Задние ноги ее стопоходящие. Она ловко лазает по деревьям и является самым опасным врагом кабарги. Ближе к реке я спугнул небольшого зайца, серого цвета с белым брюхом и темными ушами. Как угорелый, он бросился от меня в кусты, испугался сам и заставил меня вздрогнуть и обернуться.

День умирал, когда я приближался к своему биваку. Солнце скрылось за горами и готово было совсем уйти на покой. Стало прохладнее. Над рекой появился туман, он сгущался все больше и больше, и скоро в нем утонула вся местность Эланга.

На биваке я застал всех своих спутников в сборе. Я рассказал им о том, что видел в горах. Орочи добавили к перечисленным мною животным еще лося, медведя, рысь, волка, выдру, колонка, ежа и соболя. Последний в недавнем прошлом в изобилии водился на самых берегах Советской Гавани, но теперь, вследствие систематического истребления лесов пожарами и лесорубами, близок к полному исчезновению.

После ужина я сел ближе к костру и долго делал записи в свой дневник. Когда я кончил работу, было уже поздно. Огонь на биваке горел ярко, а кругом было совсем темно. С неба вместе с тихим сиянием звезд снисходил покой на усталую землю. В лесу царила глубокая тишина, нарушаемая только ровным шумом воды на перекатах.

На другой день мы тронулись в путь, неся все имущество и продовольствие на себе. Это путешествие по тайге, заваленной буреломом, с тяжелыми котомками за плечами было чрезвычайно утомительным. Надо все время внимательно смотреть под ноги. Чуть только зазеваешься по сторонам, как тотчас натыкаешься на пень или колодину. В этих случаях легко поранить ноги и руки об острые сучья валежника, замаскированного травою.

Реку Тутто русские называют Гадкой. Она начинается в горах, которые являются водоразделом между рекой Санку, несущей свою воду к юго-западу в реку Копи, истоками Буту, текущей к северо-востоку, рекою Аделами — к северу (тоже приток Буту) и рекой Иоли — к юго-западу и впадающей в Копи с левой стороны. Направление течения Туто по кривой к востоку таково, что выпуклая часть дуги обращена к северу. Она — длиною около 180 километров.

Верхняя часть реки носит название Нунгини; она протекает по узкому ущелью с очень крутыми, а подчас с совершенно отвесными краями. Теперь пороги уступили место каскадам, которые преграждали путь чуть ли не на каждом шагу. Вследствие половодья мы не могли переходить с одного берега на другой и вынуждены были держаться одного края долины, а это в свою очередь вынуждало нас карабкаться на высокие кручи, на что тратилось много времени и сил.

Дня через два мы достигли второй развилки, которую туземцы называют Чжоодэ. Орочи не знали, по которой речке следует итти дальше. Опасаясь, как бы не заблудиться, они решили произвести разведки. Мулинка пошел в одну сторону, Намука — в другую, а Геонка полез на голую сопку. Все остальные люди остались внизу устраивать бивак. Когда все разошлись, я сел на камни и стал вычерчивать свою съемку и делать записи в путевой дневник.

После местности Элангса лиственица стала быстро исчезать. Дальше пошли глухие елово-пихтовые леса дровяного характера с подлесьем из канадского дерева, раздельнолепестной кислицы и папоротника-многоножки. Странный вид имела здешняя тайга. Деревья не достигали больших размеров, и многие из них росли в наклонном положении.

К сумеркам вернулся Намука. Он поднялся по юго-западной речке почти до истоков и нашел там бивак двух русских. По оставленным ими следам он усмотрел, что они приходили сюда зимой в позапрошлом году. С ними была собака, которая пропала в тайге. Потом один человек заболел, а другой все время ходил на белкование; но охота была неудачной. Когда запасы продовольствия кончились, они сделали грубые нарты и ушли через перевал на р. Хади. Люди эти часть своего имущества сложили в лабазы. Повидимому, они хотели притти сюда вторично, но не осуществили своего намерения ни в прошлом, ни в этом году.

Вскоре за Намука пришел и Геонка. Вид у него был встревоженный. Он поставил ружье к дереву, молча сел на валежину и долго смотрел на огонь. На вопрос, что видел он сверху и далеко ли до перевала, он отвечал, что до вершины сопки не дошел, потому что место это худое. Во-первых, он дважды заблудился, во-вторых, он три раза натыкался на одну и ту же валежину. Когда он подходил к вершине, загроможденной

глыбами лавы, кто-то бросил в него сухой веткой; там он слышал смех и разные голоса. Тогда ему стало ясно, что на сопке живет чорт, и он поспешил на бивак предупредить нас о неприятном соседстве. Наши шутки рассердили Геонку. Он ворчал себе под нос и сердито поглядывал на нас, как на людей невежественных, с которыми не стоит разговаривать на эту тему. Что делать? Пришлось ему уступить.

Время шло, а Мулинка все еще не возвращался. После полуночи мы поправили огонь, нарезали сухой травы и стали устраиваться на ночь, как вдруг бесшумно, словно привидение, из темноты вынырнул Мулинка. Только обитатели лесов способны в темную безлунную ночь ходить по тайге, заваленной колодником, взбираться на кручи и карабкаться по карнизам, где и днем-то идешь все время с опаской. Я всегда удивлялся их способности держать в темноте верное направление. Потому ли, что они ночью лучше видят, чем европейцы, или потому, что обладают особым чувством ориентировки, но, во всяком случае, ни ночная тьма, ни дождь, ни пересеченная местность препятствиями им не служат.

Мулинка подошел к костру с таким видом, как будто он только что отлучился от него. Орочская этика требует, чтобы вновь пришедший не сразу приступал к повествованиям о своих приключениях. Это говорится так, между делом. Мулинка еще раз подбросил дров в костер, поставил на огонь чайник и закурил трубку. Мало-помалу он разговорился и сообщил, что прошел очень далеко. Путь его был тяжелый и опасный. К сумеркам он добрался до маленькой зверовой фанзы, выстроенной корейцами два года тому назад. В прошлом году осенью в ней был один старик. Он хотел было ловить кабаргу и стал делать загородь с петлями, но порубил себе руку и ушел назад. На обратном пути Мулинка нашел старую нартовую дорогу, проложенную гольдами. Он проследил ее до самого нашего бивака. По ней мы завтра и пойдем к перевалу.

Читатель ошибется, если подумает, что нартовая дорога— действительно дорога, хорошо наезженная и с колеями. Она существует только зимою. Чтобы нарты не опрокинулись, коегде подкладывают под полозья валежины и обрубают некоторые сучки, чтобы они не мешали движению. Если большое дерево, упавшее на землю, преграждает дорогу, в стволе его делаются топором углубления для полозьев нарт. Вот и все. Весной, когда растает снег, от дороги остаются столь ничтожные следы, что непосвященный в таежные тайны человек пройдет мимо и не заметит их. Вот по такой нартовой дороге Мулинка и пришел на бивак.

Было уже далеко за полночь, когда он кончил свой рассказ. В это время опять начал накрапывать дождь. Мы оправили палатку и легли спать. Слышно было, как с деревьев

звучно капала вода на землю, как потрескивали дрова в огне и храпели мои соседи.

К утру дождь пошел еще сильнее. Нам всем хотелось поскорее добраться до перевала и потому, невзирая на ненастную погоду, мы собрали свои котомки и пошли по нартовой дороге.

Сразу с бивака она стала взбираться на косогор. Кверху поднимались высокие горы, а внизу пенилась и шумела река. Иногда целый день уходил на то, чтобы подняться на гребень какого-нибудь «непропуска» и вновь спуститься в долину. Сопровождавшие меня туземцы руководствовались какими-то мелкими, едва заметными признаками: старая затеска на дереве, сломанный куст, порубленное дерево. Они сопоставили эти знаки с тем, что говорил им Андрей Намука, и уверенно шли дальше. В верховьях Нунгини где-то должен был находиться гольдский балаган. Он стал как бы целью нашего путешествия: мы о нем говорили, о нем думали и его искали. Наконец, 30 июня желанный балаган был найден. Мы были в самых истоках р. Тутто.

Н. Е. Кабанов отметил, что от развилки Чжоодэ во владение сопками вступили исключительно елово-пихтовые леса. Деревья стали ниже ростом и имели болезненный вид. Бородатый лишайник обильно украсил ветви их. Местами целые площади леса были затянуты им, как паутиной. Пусть читатель представит себе седой хвойный лес, в котором полузасохшие деревья с отмершими вершинами стоят прямо и в наклонном положении. Некоторые деревья упали и как-то странно подняли кверху свои корни. Всюду был мох: на сухостое, на валежнике и на камнях под ногами. Это в полном смысле слова лесная пустыня. Здесь царила глубокая тишина, нарушаемая только свистом ветра, пробегающего по вершинам елей и пихт. Я пробовал было экскурсировать в стороны, но каждый раз, как только удалялся от бивака, жуткое чувство охватывало меня, и я спешил снова к людям.

По мере того как мы удалялись от моря и подымались по реке Тутто, мы как бы во времени переносились назад, а когда подошли к перевалу, то застали начало весны. В конце июня здесь была еще примятая прошлогодняя трава и только начинали распускаться ранние цветы: курослеп болотный — растение, любящее воду и лесную тень, с почковидными листьями и крупными желтыми цветами; часто встречалась обыкновенная синюха с перистыми листьями и темнофиолетовыми цветами, имеющими яркооранжевые тычинки.

Температура заметно снизилась, и по временам шел дождь со снегом. Все это производило впечатление марта месяца.

30 июня мы подошли к водоразделу и здесь увидели любопытную картину. Почва была совершенно промерзшей, мох хрустел под ногами. Всюду лежал снег, который под влиянием

солнечных лучей принял фирновую структуру, и рядом с ним большие заросли золотистого рододендрона с ветвями вышиною до плеч человека, усаженными кожистыми блестящими темнозелеными листьями и с шапками золотисто-желтых цветов

Гольдский балаган оказался развалившимся. Около него на старой лиственице грубо было вырезано большое человеческое лицо, запачканное смолою. Это «тору», перед которыми гольды каждый раз, выступая на охоту, совершали моления. Рядом с лиственицей на четырех столбиках было поставлено деревянное корытце. В нем сжигались листья багульника и клались жертвоприношения. Бурхан имел такой вид, как будто он окараулывал развалины балагана и чем-то был озабочен.

Сумерки застали нас за работой. На мыске у слияния двух ручьев по соседству с балаганом мы устроили бивак. На другой день была назначена дневка. Надо было отдохнуть, собраться с силами, починить одежду и обувь. Утомленные дневным переходом, мои спутники рано легли спать. У огня остались мы только вдвоем с Мулинка. Я занимался своим делом, а он зашивал порванные унты. Время от времени мы подбрасывали сухие ветки в костер; огонь разгорался ярче. Тогда стволы деревьев выступали из темноты и как бы приближались к биваку. По земле прыгали то светлые блики, то черные тени. Я заметил, что Мулинка часто поглядывал вправо от себя.

— Чего его все сюда смотри? — сказал он недовольным тоном.

— Кто? — спросил я орача.

— Чорт! — отвечал он, указывая на бурхан. Я поднял голову и при ярком пламени костра увидел «тору» на лиственице. Деревянное человеческое лицо, казалось, ожило и как будто наблюдало за нами. В течение многих лет бурхан этот исправно нес свои обязанности по охране балагана и теперь точно был недоволен дерзостью пришельцев, осмелившихся растащить его на дрова. Я поймал себя на том, что дремлю над своей работой. Мулинка уже спал. Я убрал свои дневники и последовал его примеру.

Перед рассветом появился густой туман. Я уже отчаивался, что моя экскурсия не состоится. Но вот выглянуло солнце, и туман рассеялся. Я быстро оделся и отправился на рекогносцировку к перевалу, высота которого определяется в 1 200 метров. Подъем на него с восточной стороны был длинный, пологий и очень сырой.

Когда я поднялся на вершину хребта, лес быстро начал редеть, и предо мною открылось обширное болото, по которому там и сям виднелись большие лужи стоячей воды вроде озерков. По ту сторону его плотной зубчатой стеной стоял темный лес. Здесь природа как будто особенно хотела отделить один речной бассейн от другого. Ей казался недостаточ-

ным высокий горный хребет, недостаточно и зыбучее болото, надо было воздвигнуть еще лесную преграду из замшистых и уродливо выродившихся елей и пихт. Такие болота на высоких горах орочи населяют чудесами своего воображения. В них живут громадные змеи «Сунму», глотающие сохатых. Страшные крики их бывают слышны на большом расстоянии. Все живое избегает этих мест, и никто не заходит сюда до тех пор, пока зимние морозы не скуют льдом озера, в которых обитают гигантские пресмыкающиеся.

Когда я вышел на опушку леса, солнце уже прошло по небосклону большую часть своего пути. Оно было деформированное и имело красноватый цвет. От болот медленно подымались тяжелые испарения. Кругом стояло жуткое безмолвие. Я был один и в то же время чувствовал себя как бы окруженным невидимыми таинственными существами, которые прятались за деревьями и наблюдали за мною. И вдруг эта мертвая тишина нарушилась каким-то протяжным криком. Он пронесся через все болото и был похож на мычание, которое начиналось стенящими звуками, переходило в октаву и кончалось как бы тяжелым вздохом. Вероятно, это был медведь, потому что лось кричит не так и только осенью. Опасаясь, что сумерки застанут меня в лесу, я начал обратный спуск с перевала.

Когда я подходил к палаткам, солнце только что скрылось за горизонтом; земля слабо освещалась еще холодным сиянием, отраженным от неба. На биваке ярко горел огонь. Свет его отражался в какой-то маленькой луже. Около костра виднелись черные силуэты людей. Они вытягивались кверху и принимали уродливые очертания, потом припадали к земле и быстро перемещались с одного места на другое. Точно гигантское колесо с огненной втулкой и черными спицами вертелось то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, как передвигались люди. Придя на бивак, я рассказал, что видел на перевале. Орочи остались в убеждении, что это была именно та большая змея, о которой им рассказывали гольды.

На другой день мы распрощались с «тору» и с балаганом и стали взбираться на перевал, который назвали Утомительным. Мы не останавливались на нем и, придерживаясь опушки леса, более чем по колено в воде обошли болото стороною.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХУДАЯ ДОЛИНА

С перевала Утомительного вода сбегала между кочками в виде бесчисленных струй. Мы следовали за ними в направлении к северо-западу. Это смущало меня. Ведь если ошибиться только на один или два градуса, можно попасть в бассейн реки Аделами, впадающей в Хуту. Скоро наши опасения рассеялись: вода все больше и больше забирала к западу. Мы сначала спускались по ровному и пологому склону, потом мало-помалу стали обрисовываться края долины. Около полудня наш маленький отряд дошел до того места, где наша речка приняла с правой стороны еще такую же речку и круто повернула на юго-запад.

В истоках реки Тутто были ущелья, а с этой стороны — весьма пологий скат; там был снег и ранняя весна, а здесь — теплое лето. Этот переход от одного времени года к другому всем нам показался очень резким. Мох на земле и на деревьях, низкая температура и обилие влаги создавали полнейшую формацию лесной тундры. От соприкосновения с болотами влага воздуха конденсировалась и превращалась в туман. Было холодно и сыро... Часов в 10 утра туман начал клубиться; кое-где проглянуло синее небо, и живительные солнечные лучи озарили мокрую землю. Первые насекомые, приветствовавшие нас после перехода через перевал, были комары. Потому ли, что мы здесь впервые встретились с ними в этом году, или потому, что маленькие крылатые кровопийцы были

голодны, но только укусы их показались нам очень чувствительными. Пришлось прикрыть лица сетками и надеть на руки перчатки, а туземцы завязали головы платками, которые предусмотрительно захватили с собою из Советской Гавани.

После перевала вместо ели и пихты на сцену сразу выступила лиственица, которая вскоре сделалась господствующей породой. В долине подлеском ее явилась кустарниковая береза Миддендорфа с угловатыми ветками, красновато-бурою шелушащеюся корою и мелкими листочками, а по склонам гор — багульник подбелый с ветвями, стелющимися по земле. Красивая темнозеленая кожистая листва его сначала понравилась нам, но потом мы не раз вспоминали мхи елово-пихтового леса и часто проклинали оба эти кустарника. Они весьма затрудняли наше движение, в особенности когда приходилось итти косогорами. Нога скользит по веткам, которые лежат все в одном направлении и непременно сверху вниз по склону горы; люди часто падают и затрачивают много сил, чтобы пройти несколько десятков шагов. Чем круче такой склон, тем неувереннее шаг, тем больше шансов сорваться под обрыв и разбиться насмерть.

Километров через десять еще какой-то ручей подошел с севера. Теперь долина вполне определилась: ближайшие сопки имели остроконечные вершины, а за ними вдали виднелись высокие горы. Перед нами встал вопрос: куда мы попали? По мнению орочей, это была река Иоли, которую избегают все туземцы. Дурной славой пользуется она. Один человек пропал здесь без вести, другой заболел и по возвращении назад скоро умер, третий сошел с ума, у тунгусов пали олени, рыба дохнет сама в воде, в болотах водятся большие змеи и т. д. Даже «копинские» орочи, хорошо знавшие все притоки своей реки, на предложение начертить схематический план Иоли, как бы сговорившись, в один голос заявляли, что не бывали на ней и ничего сказать про нее не могут.

К полудню мы спустились далеко вниз. Туман, державшийся на перевале, превратился в большие кучевые облака, число и размеры которых постоянно увеличивались. Они двигались большими плотными массами и имели снежно-белые закругленные края. Сильно парило...

— Будет Агды,— говорили орочи, поглядывая на запад.

И действительно, оттуда надвигалась черная туча и слышались отдаленные удары грома. Кругом все замерло, ветер стих. В нагретом, наэлектризованном воздухе витало едва уловимое беспокойство и чувствовалось какое-то напряжение, которое вот-вот должно было разразиться сильной грозою.

Мы принялись спешно ставить палатки. Орочи побежали в лес за древесным корьем; оба мои спутника носили дрова, развязывали котомки и старались спрятать вещи от дождя.

В виде страшного лохматого чудовища летела туча над землей, протянув вперед свои лапы и стараясь как бы охватить весь небосклон. От рева его содрогалась земля и из пасти вылетали длинные языки пламени. Вдруг на земле сразу сделалось сумрачно—чудовище поглотило солнце. Несколько крупных капель упали на землю; деревья сердито зашумели и все разом качнулись в одну сторону. Вслед затем хлынул ливень вместе с градом. Молнии прорезывали темные тучи огненными стрелами, сильные удары грома сотрясали воздух, отчего дождь шел еще сильнее. Эхо вторило им в горах и широкими раскатами перекидывалось через все небо от одного облака к другому.

Мы забились в палатки, и прижавшись друг к другу, прислушивались к ветру, который налетал порывами и ломал деревья в лесу. Один раз молния ударила где-то по соседству с нашим биваком. Я почувствовал острую боль в ушах и до самого вечера не мог восстановить свой слух.

К вечеру гроза начала стихать; дождь превратился в изморось. Орочи развели большой огонь и сушили свои одежды, от которых клубами поднимался пар. Я взял ружье и пошел немного пройтись по берегу речки, которая здесь описывала дугу. Справа от нее стеною стоял хвойно-смешанный лес, а слева была большая песчаная отмель. После грозы воздух сделался удивительно прозрачен. Небо почти очистилось от туч, последние остатки которых уходили за перевал. Вечерняя заря погасла совсем. Величественная громада гор, отдаленные вспышки молнии, глухие удары грома и ночной мрак, надвинувшийся на землю, создавали мрачную картину, но полную величественной красоты. Случайно я поднял глаза и вверху в беспредельной высоте совершенно потемневшего неба увидел мелкие серебристые облака. Сначала они были едва заметны, но вскоре сделались явственно видимыми и как будто сами издавали свет настолько сильный, что местонахождение их можно было определить даже сквозь тучки, проходившие низко над землею. Такие серебристо-белые облака бывают видны только в чистом воздухе после дождя. Водяной пар не мог подняться в столь высокие слои атмосферы. Может быть, это была тонкая пыль или какой-нибудь другой газ, более легкий, чем воздух, газ, который долго светился и после полуночи медленно погас. Я повернул назад. Гроза ушла уже далеко, и грома не было слышно. Во всей природе водворилось спокойствие, и только зарницы напоминали о недавней буре.

За ночь мы все хорошо отдохнули и назавтра продолжали наш путь вниз по реке Иоли.

От затяжных дождей вода стояла в ней высокая, и это принуждало нас все время держаться левого края долины. Опять пришлось карабкаться через многочисленные непропуски.

Большими препятствиями для передвижений являлись грузы, которые мы несли на себе, и заросли багульника, вытеснившего другие кустарники.

После полудня случилось как-то, что мы разделились: Н. Е. Кабанов, А. И. Кардаков и три ороча пошли сопками, а я и Геонка спустились в долину. Здесь оказалось итти еще хуже, чем косогором. Кустарниковая береза Миддендорфа росла вперемежку со спиреей иволистной, имеющей листья, как у тальника, и с высокими травами.

Наибольшие трудности выпадают всегда на долю идущего впереди. Поэтому мы чередовались. Когда была моя очередь пробираться сквозь заросли, я случайно вышел на тропу, протоптанную медведями. Она шла как раз в том направлении, которое нам было нужно. Тропа скоро вывела нас на песчаную отмель, поросшую ивняками и заваленную колодником.

Как-то случилось так, что Геонка немного отстал, а я вышел вперед. Подойдя к бурелому, я сел, не снимая котомки. В это время я увидел небольшого зверька длиною около 60 сантиметров, буро-желтого цвета с пушистым хвостом и с небольшими стоячими ушами. Я тотчас узнал в нем колонка. Зверек сидел на земле около большой валежины, поджав под себя лапки, и что-то держал во рту. Он так был занят своим делом, что не замечал меня, и это дало мне возможность рассмотреть его как следует. Колонок что-то прижимал передними лапками, кого-то сердито кусал и шевелил своим хвостиком. В это время я сделал неосторожное движение и напугал его. Он издал звук, похожий на короткое хрипенье, прыгнул на валежину, ловко пробежал по тонкому прутику и скрылся в траве. Тогда я встал с своего места и увидел около колодины довольно большую гадюку с характерным для нее пестрым ромбоидальным рисунком на спине. У змеи была перекушена шея. Она лежала с открытым ртом и медленно извивалась.

Хотелось мне еще понаблюдать за колонком, но его, может быть, пришлось бы долго ждать. В это время подошел Геонка. Я сообщил ему о том, что видел, и указал на змею. Он сказал мне, что колонок ловит птиц, мышей, пищух, белок, бурундуков и других мелких животных. Самый сильный шаманский дух («севон») всегда является в образе колонка и называется «соле». По его мнению, я видел не обыкновенное животное, а именно севона, которого шаман послал убить злого духа, принявшего вид ядовитой змеи. Самое лучшее будет, закончил он, если мы уйдем поскорее отсюда. Сказав это, Геонка пошел вперед по медвежьей тропе, а я за ним следом.

Чем дальше мы спускались вниз по реке, тем она становилась многоводнее. Больших притоков не было, но множество мелких ручьев впадало в нее справа и слева. Интересной осо-

бенностью долины реки Иоли являются высокие древние речные террасы с массивными основаниями, имеющими вид широких плато.

Теперь наша задача заключалась в том, чтобы найти тополь такого размера, чтобы из него можно было долбить лодку. Каждое большое дерево привлекало внимание орочей. Они снимали котомки и бегали в лес, но каждый раз возвращались разочарованные.

На этом пути Н. Е. Кабанов отметил еще следующие породы: особые виды ив (пирамидальную, росистую), потом осину с характерными трепещущими листьями на длинных черешках, растущую одиночными экземплярами среди других древесных пород. Лиственица занимала все возвышенные места: террасы и склоны гор. Из кустарников стали встречаться: дерн татарский с яйцевидными листьями и бледнозеленовато-серыми цветами, шиповник горный с колючими красновато-бурыми ветвями и с мелкими овальными листочками, слегка опушенными с исподней стороны. Берега с галешниковыми отложениями у самой воды были заполнены густыми зарослями белокопытника дланевидного—весьма декоративное растение с крупными, глубоко изрезанными острозубчатыми листьями. Орочи нарезали ножами множество его сочных длинных черешков. Они ели их так аппетитно, что соблазнили и нас. Вкусом белокопытник похож на молодые стебли ангелики, которою в деревнях любят лакомиться ребятишки. Во всяком случае это растение может быть причислено к съедобным. Русские переселенцы иногда в шутку называют его «ороченским огурцом».

Наконец, 3 июля желанное дерево было найдено. Это был тополь Максимовича вышиною в 25—30 метров и в два обхвата на грудной высоте. Он рос по другую сторону реки. С великой радостью мы сбросили с своих плеч котомки, в сознании, что дальше их нести не придется. Пока орочи налаживали переправу через реку, мы втроем устроили бивак. Туземцы осмотрели тополь, обсудили, куда и как он упадет, убрали весь валежник и затем принялись рубить его с особыми заклинаниями.

Стоял лесной великан на берегу реки Иоли и многим сородичам своим, растущим вблизи себя, он дал право тоже называться большими деревьями. Двести с лишним лет он, как патриарх, охранял порядок в лесу и, быть может, простоял бы еще сто лет, если бы не семь двуногих пигмеев, пришедших сюда с топорами. Тополь, подрубленный у корней, вздрогнул, затрещал, качнулся и начал падать сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. С большим шумом, ломая другие деревья, он грохнулся на землю и погиб. Мулинка тотчас срубил одну из веток его и всадил ее вертикально в середину пня.

На мой вопрос, что это значит, он отвечал, что это душа дерева — «ханя-моони». Так делают всегда, когда его рубят для лодки. Если дерево рубится для того, чтобы сделать гроб покойнику, то «ханя» в пень не втыкается.

Орочи отмерили около 20 метров от комля и отрубили вершину. Они работали дружно, с увлечением, быстро сняли с болванки кору и в полдня срубили заболонь, выравняли дно будущей лодки и обтесали ее бока.

Начинало уже смеркаться, когда туземцы возвратились на бивак. Недолго усталые люди беседовали у огня и рано уснули.

Следующие два дня были солнечные и теплые. Орочи большими рычагами перевернули болванку тополя и поставили ее днищем на катки. Затем длинной веревкой, намазанной углем, они наметили верхние края лодки и с помощью березовых клиньев принялись срубать все, что было выше этих линий. Еще полдня ушло на выемку древесной массы из середины лодки. Я любовался работой туземцев. Главным мастером был Мулинка. Он давал указания, и все слушались его беспрекословно. Тем временем Намука у комля болванки очертил границы лопатообразного носа и снял всю лишнюю древесину. На второй день к вечеру лодка вчерне была готова.

5 июля орочи отделали улимагду начисто. Особыми поперечными топориками (упала) они стесали борта ее настолько, что казалось, будто она сделана из фанеры. Дно лодки оставили несколько толще, чтобы оно могло выдержать давление камней на перекатах. Теперь оставалось только опалить улимагду. Религиозный предрассудок не позволяет делать это на том месте, где было срублено дерево. Орочи сплавили ее на другую сторону реки и пошли за берестой. Особыми распорками они немного раздвинули борта улимагды в стороны, затем поставили ее днищем на деревянные катки и по всей длине разложили под ней березовое корье. Опаливанием лодки достигается одновременно осушка ее и осмаливание.

Пока Мулинка и Хутунка обжигали улимагду, Намука сделал кормовое весло, а Сунцай приготовил шесты. Часам к двум пополудни 5 июля все было готово. Не медля ни мало, мы уложили все наши грузы в лодку и, вооружившись шестами, поплыли вниз по реке Иоли.

Горная складка, служащая водоразделом между бассейнами рек Тутто и Хади, текущих в море, и реки Иоли, текущей в Копи, имеет столообразный характер. Гребень ее ровный, без острых вершин и глубоких седловин. Он все время повышается к югу и в потоках реки Ситыли образует командующую высоту всего прибрежного района Советской Гавани. Гора эта называется «Инда-Иласа». С нее видны все горы на юг до Самарги и на север до Хуту включительно.

На вершине этой сопки — тоже большое болото с лужами стоячей воды, в котором орочи поселили каких-то фантастических чудовищ вроде ящериц громадных размеров.

Гора Инда-Иласа является узлом, от которого звездообразно отходят большие отроги. По распадкам между ними бегут: с одной стороны две речки Сityли, левые притоки Иоли, с другой — река Санку, впадающая в Копи. Река Иоли течет вдоль столообразного горного хребта по межскладчатой долине, но, огибая сопку Инда-Иласа, режет отроги ее вкрест простирания. Здесь долина делается изломанной, река бежит «в щеках» через бурные пенистые пороги.

В петрографическом отношении она гораздо богаче и разнообразнее реки Тутто. Вперемежку с базальтами, которые все больше и больше отстают, на дневной поверхности появляются обнажения гранитов аспидоподобных глинистых сланцев, различных изверженных и метаморфизированных пород и конгломератов.

Первую Ситыли мы прошли 6 числа, а вторую — долго не могли найти. При устье она разбивается на много мелких рукавов, замаскированных густой растительностью. В среднем течении Иоли чрезвычайно порожиста и извилиста. Скалистые сопки то с одной, то с другой стороны, а иногда и сразу с обеих сторон сжимают ее русло. Прибавьте к этому большой уклон дна реки, и тогда представление о порогах Иоли будет полное. Как бешеный зверь, вода прыгает через камни, пенится, всплескивается кверху и местами образует широкие каскады. Спуск по Иоли в этих местах опасен и доставляет много хлопот.

Чтобы облегчить лодку, мы оставили в ней двух орочей, а сами полезли на гору. Как только мы поднялись на ее вершину, сразу увидели, что река описывает почти полный круг. Тогда мы пошли к ней по кратчайшему направлению.

Здесь я впервые встретил плосколистную березу. Она росла сплошными насаждениями на местах старых пожарищ. Спустившись в долину Иоли, мы опять попали в пойменный лес, состоящий из ольховника с крупными и одноцветными с обеих сторон листьями и ивняка, растущего то кустарником, то деревцом с ветвистою кроною.

Минут через двадцать мы вышли на большую галешниковую отмель. На ней у самой воды я заметил около десятка большеклювых ворон, прилетевших сюда для отдыха и водопоя. На сером фоне камней, запачканных илом, они резко выделялись своим черным цветом. Как только я вышел из зарослей, одна из птиц, которая была ближе всех ко мне, громко каркнула и испуганно снялась с места. За ней тотчас поднялись на воздух и другие вороны и улетели в лес. Там они нашли филина и стали его преследовать. Ночной хищник прятался в чаще, отбивался от них как мог и перелетал с одного дерева

на другое. Через четверть часа и филин и вороны скрылись из виду.

Выйдя к реке, мы сели на камни и стали ждать свою лодку.

Вдруг из-за поворота показалась небольшая стайка остроклювых крохалей. Повидимому, это были самцы, потому что, судя по времени, самки должны были находиться около гнезд со своими еще неоперившимися птенцами. Крохали не видели нас и подплыли довольно близко, а когда заметили опасность, все разом нырнули в воду. Течением отнесло их к другому берегу. Как только они опять появились на поверхности воды, тотчас поднялись на воздух и полетели вниз по реке.

Утром шел небольшой дождь, а после полудня погода разгулялась. Солнечные лучи прорвали туманную завесу и осветили мокрую землю. Над галешниковой отмелью реял теплый воздух. В это время прилетел какой-то жук. С громким гудением он описал круг над нашими головами, и, видимо, хотел сесть. Увидев жука, Мулинка вдруг сорвался с места и принялся ловить его с таким видом, как будто он представлял собою большую ценность. Зная, что туземцы довольно равнодушны к насекомым, я очень удивился, почему Мулинка ловит его так старательно, и стал ему помогать. Общими стараниями мы поймали жука. Это оказалась бронзовка золотисто-зеленого цвета с белесоватыми черточками на задних частях надкрылий.

Получив насекомое, Мулинка тотчас посадил его в коробку из-под спичек и спрятал за пазуху. При этом объяснил, что бронзовка есть душа сохатого, который сейчас где-нибудь спит. Проснувшись, лось отправится искать свою душу и сам придет к нам на бивак. Каждый охотник знает это, старается поймать бронзовку и носит ее с собой до тех пор, пока не встретит лося, что обычно случается на второй или на третий день.

Когда прибыла лодка, было уже настолько поздно, что не имело смысла плыть дальше, и потому мы решили встать биваком.

Как всегда, орочи вытащили улимагду на берег и принялись разгружать ее. Намука пошел в лес рубить жерди для палатки, а Мулинка собрал большую охапку дров для костра. Он нарезал стружек и сунул их под хворост, потом достал спички, и едва открыл коробок, как бронзовка проворно вылезла из него и с жужжанием полетела к лесу.

— А-та-тэ! — закричал Мулинка и с досадою посмотрел вслед насекомому.— Теперь сохатого найти не могу,— продолжал он в раздумье.

Минут через десять на бивак вернулся Намука. Он нес на плече две длинные жерди. Сбросив их на землю, он сказал, что в лесу наткнулся на сохатого, который в испуге бросился

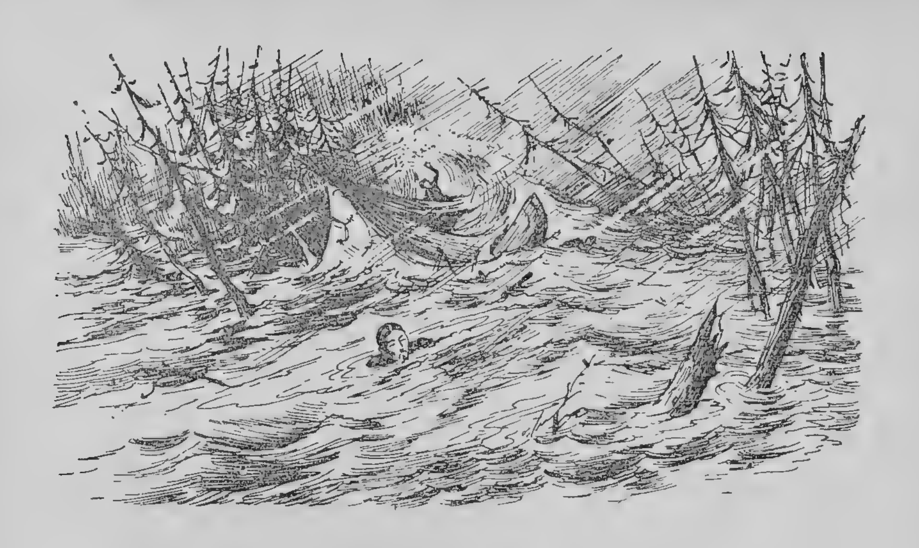
в чащу. Намука жалел, что с ним не было ружья, а Мулинка был убежден, что это был тот самый зверь, который приходил за своей душой.

За отрогами Инда-Иласа долина Иоли значительно расширилась: горы отошли в стороны и только по временам подходили к реке то с одной, то с другой стороны. Бег воды тоже стал спокойнее, но зато количество плавника увеличилось, в особенности на протоках.

По рекам, которые обычно посещаются туземцами, в колоднике делаются проходы; но мы нигде не нашли следов порубок, ни одного старого бивака, ни одного костра. Все это подтверждало слова орочей, что сюда никто не ходит ни летом, ни зимою.

Во время полуденного привала я взобрался на одну из прибрежных сопок с голой вершиной. Эта экскурсия дала мне возможность познакомиться с общей топографией окрестностей.

Общее направление долины реки Иоли — юго-западное; только последние двенадцать километров она течет в широтном направлении и впадает в Копи под острым углом. Все горы, в том числе в Инда-Иласа, имеют столовый характер и достигают значительной высоты. Ближе к устью, с левой стороны, сопки сильно размыты и выходят в долину гигантскими утесами, лишенными растительности. Когда наша лодка прошла мимо них, я знал, что устье реки уже недалеко.



ГЛАВА ПЯТАЯ

САВУШКА БИЗАНКА

Экспедиция достигла реки Копи 8 июля. Здесь около скал Омоко Мамача мы увидели красный флаг с надписью: «Шлем привет и желаем счастливого пути». Это была питательная база, устроенная лесной стражей,— К. И. Надеждиным и К. Г. Осиповым. В старой брошенной юрте мы нашли свои ящики с продовольствием. Вместе с тем тут нас ждала и неприятность: значительная часть сухарей, присланных из Владивостока, оказалась гнилой и червивой. После дневки я послал А. И. Кардакова и троих орочей вниз по реке Копи к устью Чжакумэ, где я рассчитывал найти туземцев, достать у них еще одну лодку и прикупить продовольствие.

Пока лодки ходили на реке Чжакумэ, мы с Н. Е. Кабановым занялись изучением ближайших окрестностей. Он ежедневно экскурсировал в горы, а я ходил к скалам Омоко Мамача.

Если смотреть на них со стороны устья реки Иоли, они представляются руинами древнего замка, заросшими буйной растительностью. Некоторые утесы имеют странные очертания: один из них похож на сидящего человека, который несколько повернул голову и прислушивается к чему-то, другой имеет вид старика, всматривающегося вдаль, рядом с ним замер в неподвижной позе уродливый карлик, поднявший кверху руку и как бы указывающий на самую большую скалу. Это и есть Омоко Мамача. Потому ли, что я знал смысл этих двух

слов, она показалась мне похожей нето на монаха в длинной одежде, нето на колдунью с гневным лицом, скрестившей на груди руки. Это была странная игра природы. Точно кто-нибудь нарочно гигантским зубилом вытесал из камней разные фигуры. Как в облаках при некоторой фантазии можно видеть очертания людей, птиц, животных, так и в этих камнях было что-то такое, что заставляло отожествлять их с живыми существами.

Долина реки Копи типично денудационная и слагается из ряда котловин, соединенных узкими проходами. Котловины эти очень опасны для заселения, потому что во время дождей они затопляются водою. Здесь же находятся и главные притоки Копи. Последняя от устья реки Иоли до моря имеет протяжение в 170 километров. Огибая знакомую нам сопку Инда-Иласа, она делает к югу большую излучину, а затем опять поворачивает на восток и впадает в бухту Андреева, примерно около 48,6° северной широты. На этом пути Копи принимает в себя следующие притоки: справа—Чжауса, Чжакумэ и Бяпали, где еще сохранилось довольно много соболей, затем река Тепты, по которой орочи ходят на реку Ботчи, впадающую в бухту Гроссевича немного южнее Копи; потом следуют две небольшие речки: Май и Копка. С левой стороны Копи не имеет сколько-нибудь значительных притоков, к которым относится и Санка. Истоки ее находятся между рекой Ханди и горой Инда-Иласа.

Дня через два посланные возвратились. Вместе с ними прибыл и ороч Савушка Бизанка. На его лодке я полагал отправить к морю Н. Е. Кабанова.

Купить у туземцев ничего не удалось. Они сами кормились рыбою, которая только начинала доходить сюда единичными экземплярами. Делать нечего! Волей-неволей приходилось довольствоваться тем недоброкачественным продуктом, который был в нашем распоряжении.

Вновь прибывший ороч Савушка был моим старым приятелем. Имя свое он получил при крещении еще маленьким мальчиком. За тихий и покладистый характер русские стали называть его ласкательно. Годы шли, из мальчика Савушка сделался мужчиной, потом состарился, а ласкательное имя так при нем и осталось. Ему теперь было около шестидесяти лет. Это был мужчина среднего роста, сухопарого сложения. Невзгоды скитальческой жизни наложили на лицо его особый отпечаток, по которому сразу можно узнать охотника-зверолова. Сосредоточенность во взгляде, некоторая скромность, молчаливость и спокойствие так характерны для обитателей лесов. Савушка не имел ни бороды, ни усов; темнокарие глаза его потускнели немного, но все же он видел еще хорошо. Кожа на лице и на руках его загорала так много раз, что навсегда осталась красновато-смуглой. Лет двадцать пять тому

назад, по маньчжурскому обычаю, он носил косу, теперь на голове его были выцветшие редкие волосы; короткими прядями они свешивались на затылке и на висках. Одет был Савушка в свой национальный костюм, сшитый из какой-то материи, которая имела неопределенно серый цвет. Верхняя рубашка до колен с косым воротом и с застежками на боку была подпоясана ремешком так, что вокруг талии получился напуск. На ногах он носил короткие штаны, длинные наколенники без всяких украшений и особую туземную обувь (унты), сшитую из выделанной сохатиной кожи. На поясе с правой стороны висели два ножа, с которыми орочи никогда не расстаются.

За последние годы здоровье Савушки сильно пошатнулось. Он стал кашлять кровью. Во время таких припадков он очень страдал и делался совершенно беспомощен. Сопровождавшие меня орочи относились к старику с большим почтением и старались всячески ему служить. Они починяли его обувь, стлали ему постель и не позволяли носить дрова.

Мы встретились с ним как старые друзья. Когда Савушка от орочей узнал, что мы вышли на Копи, сам вызвался проводить нас до Сихотэ-Алиня. Это очень меня устраивало, так как он считался добычливым охотником, лучшим следопытом и хорошим проводником.

Много лет мы не виделись с ним. Судьбе угодно было, чтобы жизненные пути наши опять сошлись около скалы Омоко Мамача. За это время много воды утекло в реку Копи. Мы оба уже постарели и, пожалуй, даже не сразу узнали бы друг друга. Первые минуты мы не знали, как и с чего начать обоюдные расспросы. А поговорить было о чем! Мы сели с ним на опрокинутую лодку и стали вспоминать прошлое. Он сообщил мне грустные вести. Неумолимая смерть унесла в могилу многих туземцев, с которыми я встречался в 1908 году.

Вечером после ужина орочи, ездившие на реке Чжакумэ, и оба мои спутника рано легли спать, а я, Савушка и Хутунка еще долго разговаривали между собою. В старой покинутой юрте было так уютно. Огонь весело прыгал по веткам, которые время от времени кто-нибудь из нас подбрасывал в костер. Он оживал, вспыхивал длинными языками и освещал сходившиеся кверху стены нашего временного жилища. Вход в юрту был завешен полотнищем палатки; в другом конце ее были сложены ящики с провизией. По обе стороны огня спали люди. Дым от костра выходил через отверстие в крыше. Порой сквозь него виднелось небо, освещенное бледными лучами месяца.

Я рассказал Савушке о том, как мы шли по реке Иоли и как нашли свою питательную базу. Разговор наш перешел на скалу Омоко Мамача, и я спросил его, почему ее так назвали. Тогда Савушка сообщил мне следующее сказание:

Раньше, очень давно, в верховьях Копи жили человек Кангей и две женщины — Атынига и Омоко. Жили они долго, несколько сот лет, состарились и окаменели. Много веков они стояли в полном согласии, но однажды заспорили о том, кто из них является хозяином местных гор. Спор их перешел в ссору и в ужасную драку, от которой содрогались все сопки и стонала тайга. Кангей остался победителем и сохранил за собою место. Одна старуха, Атынига, убежала и села на правом берегу Копи между реками Бяпали и Тепты, а другая вместе с семьей своей перешла на левый берег реки около устья Иоли и стала называться Омоко Мамача.

С тех пор орочи, удэхе и гольды, когда проходят мимо скал, останавливаются и кладут на камни свои приношения: лоскутки материи, кусочки сахара, листочки табаку или выливают несколько капель водки и просят послать им удачную охоту и счастливое окончание пути. Этот обычай соблюдается и по сие время.

Снаружи послышался какой-то всплеск. Я поспешно вышел из юрты. Тихая светлая ночь облегала уснувшую землю. На небе стояла полная луна. От нее кверху и в стороны крестообразно расходились четыре луча; несколько в стороне справа и слева виднелись еще два лучезарных пятна с слабой ахроматизацией, которые принято называть «ложными лунами». Свет месяца отражался в реке серебристыми переливами. От воды поднимался легкий туман. Теперь скалы Омоко Мамача приняли другой вид: одни части их были ярко освещены, а другие погружены в глубокий мрак. По небу плыло белое облачко. Оно казалось неподвижным, а самая большая скала, с гневным выражением окаменевшего лица, как будто двигалась ему навстречу. Облачко проходило, и гигантский утес вновь делался неподвижным.

В это время опять послышались всплески. Это лососи шли метать икру для того, чтобы дать жизнь себе подобным и погибнуть в истоках реки.

Я вернулся в юрту и сел на свое место. Спать мне не хотелось. Мы достали сухарей и стали пить чай. Савушка рассказывал, что случилось на реке Копи в давно минувшие времена. Он вспоминал дни своей юности, когда русских в стране было мало, тайга щедро снабжала охотников пушниной и мясом, а реки изобиловали рыбой. Раньше соболь водился у самого моря, а теперь за ним надо ходить в верховья реки Копи. В настоящее время лучшим охотничьим местом считается река Чжауса с несколькими притоками, из которых самым интересным будет река Оанды. В истоках она слагается из трех речек (Элангса). Здесь находится страшная сопка Гугдаманты, где погибло несколько охотников.

Дело было так: однажды вверх по реке Чжаусе отправились семь орочей из рода Докодика и один человек из рода

Копинка. Был очень глубокий снег. В сумерки охотники нашли следы семи сохатых. Они решили ночевать тут, рассчитывая на следующее утро догнать лосей, которые далеко уйти не могли. Когда совсем стемнело, орочи услышали рев животных. Люди из рода Докодика стали смеяться над сохатыми, говоря: «Не кричите, мы все равно завтра всех вас перебьем». Один только Копинка не глумился над животными. Он был старый, опытный охотник и знал, что после медведя лоси занимают самое почетное место среди зверей, что зимою они никогда не кричат, а если кричат, то неспроста. На другой день с рассветом орочи пошли на охоту, но сохатые уходили все дальше и дальше. День был уже на исходе, когда лоси поднялись на сопку Гугдаманты и начали опускаться по самому крутому ее склону, который внизу кончается отвесными обрывами. Охотники бросились за ними. Вдруг животные закричали опять, и в это мгновение вся масса снега начала двигаться сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вместе со снегом стали падать камни, валежник. Лавина вырывала с корнями деревья и стремительно неслась книзу, все увеличиваясь в размерах и все разрушая на своем пути. В этой лавине погибли все сохатые и семь охотников из рода Докодика. Спасся только один Копинка. Он сразу повернул вправо по косогору и во-время вышел из беды. Когда стаяли снега, орочи пошли искать погибших охотников. У подножья обрыва они нашли перемешанные кости людей и сохатых. В дни своей юности Савушка ходил туда. С той поры крутой склон сопки Гугдаманды остался голым. По его словам, обвалы там бывают часто в глубокоснежные зимы. Внизу под обрывом нагромождены груды камней, буреломного леса. Едва на них появляется молодая растительность, как их снова засыпает землею и снегом.

Савушка замолчал. В наступившей тишине слышно было ровное дыхание спящих и потрескивание дров в огне. В это время снаружи донеслись какие-то странные звуки. Словно кто стонал и вздыхал. Я приподнял полог у дверей и выглянул из юрты. Месяц уже находился на половине своего пути к западу и мягким сиянием озарял кроны больших деревьев. Испарения над рекой сгустились. Высоко на небе блистал Юпитер своим ровным белым светом. Кругом было тихо. Вся природа грезила предрассветным сном.

— Это выпь,— сказал Хутунка. — Когда ее кричит, люди видят худой сон.

Как бы в подтверждение его слов Мулинка потянулся и застонал. Хутунка разбудил его. Мулинка открыл глаза, что-то пробормотал, потом повернулся на другой бок и снова уснул.

Время шло, а мы втроем все сидели и тихо разговаривали между собою. Такие бессонные ночи у огня в глухой тайге в

дружеской беседе с человеком, к которому питаешь искреннюю симпатию и которого не видел много лет, всегда полны неизъяснимой прелести. Это — лучшие страницы моих путевых дневников.

— Наши орочи теперь совсем трудно живи, — сказал Савушка. — Двенадцать года назад шибко большая вода была, — продолжал он, — тогда много людей погибло.

В это наводнение попал и Хутунка. Он жил тогда около устья реки Бяпали, а юрта Савушки была на Чжакумэ. Я кое-что слышал об этом наводнении и просил обоих моих собеседников рассказать о нем возможно подробнее.

Лето 1915 года было очень ненастное. Дожди шли все время с большим постоянством. Один раз очень сильный ливень длился подряд двое суток. Он не позволял женщинам и детям выходить из жилищ. Опасаясь, как бы водой не унесло лодки, орочи вытащили их подальше на берег и поставили на катки. В течение одних суток они должны были шесть раз опрокидывать их и выливать дождевую воду. К вечеру второго дня вдруг сверху вода пришла валом и сразу затопила все берега. Подхватив в лесу валежник, она понесла его вниз по реке. Чем дальше, тем плавник увеличивался в размерах и в конце концов превратился в лавину, обладающую такой же разрушительной силой, как и ледоход. Эта лавина шла по долине и своим напором ломала живой лес. Орочи бросились к лодкам, но уже не могли добраться до возвышенного края долины. Все лодки были раздавлены плавником. Первыми погибли женщины и дети. Мужчины взбирались на бурелом, но деревья сталкивались между собою и калечили людей, которые тут же тонули под ними. Савушка спасся, но он совершенно был лишен возможности подать помощь своим родным, которые гибли у него на глазах. Это страшное наводнение во многих местах долины реки Копи совершенно уничтожило лес. Теперь на месте его стоит пяти — десятилетний лиственичный молодняк.

Старик умолк и погрузился в грустные воспоминания.

В это время в воздухе опять пронеслось какое-то беспокойство. Должно быть, лиса поймала зайца или росомаха схватила кабаргу. Мы вышли из юрты. Луна уже совсем снизилась к лесу. Сквозь туман, поднявшийся от воды, чуть виднелся противоположный берег. Кругом стояла торжественная тишина. Листья кустарников и трава, смоченная росою, были совершенно неподвижны. Голубой сумрак еще окутывал землю, но уже неуловимо в воздухе и где-то на небе чувствовалось приближение зари.

Савушка утомился. Мы вернулись в юрту, оправили огонь и легли спать.

На другое утро я встал позже всех. Мои спутники были уже на ногах. Я поспешно оделся и вышел на свежий воздух.

Сквозь туман чуть-чуть виднелись скалистые сопки и деревья на другом берегу реки. Можно было опять ожидать дождя. Но вот взошло солнце. Туман пришел в движение; большие клубы его, серые, как грязная вата, потянулись к востоку, цепляясь за прибрежные кусты. Кое-где появились просветы.

Около лодок возились орочи. Они осматривали их, что-то заколачивали и приготовляли новые шесты. Часам к восьми утра погода разгулялась. Тогда мы спустили лодки на воду и поплыли вверх по реке Копи. В истоках она слагается из двух речек одинаковой величины. По правой, Чжоодэ, будет перевал на реке Даагды (приток Самарги), а по левой — в верхней Анюй, впадающей в Амур ниже города Хабаровска. Близ слияния обеих упомянутых речек находится скала Капгэй, о которой говорилось выше, затем справа одна только небольшая горная речка Талеучи, а слева притоки: Булунге, Дю и Иггу. По последней нам надлежало итти к Сихотэ-Алиню.

В долине реки Копи основную массу лесной растительности составляет все та же лиственница с подлесьем из багульника. Кое-где одиночными экземплярами встречается маньчжурский ясень со светлосерою корою, покрытою правильными продольными трещинами. Он растет по уремам в сообществе с бальзамическим тополем, из которого туземцы долбят свои лодки. Здесь также, по словам туземцев, изредка встречается корейский кедр — большое стройное дерево с ветвями, поднимающимися кверху и как бы срезанными на одной высоте, вследствие чего вершина его кажется тупою. Все это были представители маньчжурской флоры, проникшие сюда с юга вдоль берега моря и с запада через Сихотэ-Алинь.

Река Иггу впадает в Копи недалеко от Иоли. К полудню мы дошли до ее устья и здесь сделали большой привал. Орочи принялись варить чай, а Савушка пошел ловить рыбу. Он вырубил длинное удилище и прикрепил к нему тонкую лесу, к концу которой привязал самодельный рыболовный крючок, искусно обделанный шерстью и грубым кабаньим волосом в виде мухи с раскрытыми крыльями. Для охоты он избрал такое место, где вода подмывала скалистый берег, пенилась и бурлила. Сущность ловли заключалась в следующем: с помощью длинного удилища мушка забрасывается на воду; сдерживаемая лесой, она всплывает на поверхность; рыба принимает ее за действительное насекомое, хватает ртом и попадает на крючок. Через минуту старик выбросил на камни хариуса с оранжево-малиновыми плавниками и с серебристой чешуей, по которой параллельно рядами расположены красивые фиолетовые пятнышки. Савушка взмахнул удочкой другой раз. Не успела еще мушка коснуться поверхности реки, как из воды стремительно выскочила вторая рыба и повисла на крючке, за ней последовала третья, четвертая, — и так сорок шесть штук.

Последний хариус был несколько бо́льших размеров, с вздутым животом, без грудных и брюшных плавников. Когда я взял его в руки, он издал какой-то звук, похожий на скрипенье. Уродливая рыба сильнее других билась на берегу. Она широко раскрывала жабры и хватала ртом воздух. Савушка наклонился, чтобы поближе рассмотреть странного хариуса, но он вдруг подпрыгнул так высоко, что задел его хвостом по лицу. Это рассердило старика. Он отшвырнул рыбу ногой и, ворча что-то себе под нос, отошел к воде и снова принялся за ловлю; но рыба больше не клевала, словно кто прогнал ее отсюда. Савушка поставил неудачу дальнейшего лова в связь с уродливым хариусом и считал его всему виновником. Когда потрошили рыб, в желудке голобрюхого хариуса оказались две ящерицы: одна — целая, недавно проглоченная, другая частично переваренная.

Отдохнув немного, мы продолжали наше плавание по реке Иггу дальше и на второй день пути дошли до притока ее Гаду, впадающего с левой стороны. Здесь Иггу разбилась на несколько рукавов, забитых плавником. Это обстоятельство заставило нас рано встать на бивак.

Орочи с топорами в руках пошли разбирать завалы бурелома, а я, Савушка и А. И. Кардаков решили подняться на одну из ближайших сопок, чтобы с вершины ее посмотреть на долину реки Иггу.

Сначала мы шли по хвойному лесу, состоящему из лиственицы, ели и пихты. Чем выше, тем качество их становилось хуже; они были меньше размерами, ниже ростом и имели отмершие вершины. Мы придерживались тропы, протоптанной сохатыми, но самих животных видеть не удалось. Вершина сопки была округлоплоская, поросшая кедровым сланцем, толстые ветви которого действительно стелются по земле, образуя трудно проходимые заросли. Рядом с ним около камней приютились даурский рододендрон с мелкими зимующими кожистыми листьями, а на сырых местах — багульник лежачий с белым соцветием и вечнозелеными кожистыми листьями, издающими сильный смолистый запах. Мы выбрали место, откуда можно было видеть долину Иггу, и сели на камни.

За труды, понесенные при восхождении на сопку, мы были вознаграждены красивой горной панорамой. Река Иггу имеет общее направление с северо-запада к юго-востоку и в проекции имеет вид растянутой латинской буквы S. Перед нами была древняя горная страна, сильно размытая. Высокие куполообразные сопки, словно гигантские окаменевшие волны, толпились со всех сторон. Некоторые из них выходили в долину с мысами. Ближние сопки видны были отчетливо ясно, а дальние тонули в туманносиней мгле, несколько смягчавшей суровую красоту предгорий Сихотэ-Алиня. Солнце уже прошло бо́льшую часть своего пути по небу. Лучи его падали на

землю под острым углом, вследствие чего одни склоны гор были ярко освещены, а другие находились в тени.

А. И. Кардаков сфотографировал несколько видов и пошел на бивак. На обратном пути мы с Савушкой как-то сбились с зверовой тропы и попали в хвойно-смешанный лес с значительной примесью каменной березы. Стволы деревьев были старые, дуплистые. Обыкновенно древесина в них сгнивает раньше коры. Некоторые рухлянки чуть только держались на корнях. При небольшом давлении на них рукой они тотчас падали на землю. Много таких берестяных футляров валялось по склону горы. Савушке это не понравилось.

— Как наша сюда попал? — говорил он, нето обращаясь ко мне, нето к самому себе.

Вслед затем он круто свернул вправо, но тут наткнулся на большую груду рухляка.

— Вот посмотри: «Ыи телюга́ моони́ о́муты ни́» (эта березовая кора — все равно люди), — сказал он, ука́зывая на четыре березовых футляра, лежавших на земле: два крестообразно, а два пониже — углом так, что вершина его касалась нижней части креста, а концы расходились в стороны.

Конечно, из обломков, березовых стволов, во множестве валявшихся на земле, можно скомбинировать какие угодно фигуры: людей, зверей, жилищ, лодок и т. д., но для этого надо дать волю фантазии. Так думал я, но у Савушки на этот счет были свои соображения. Он с опаской посторонился от рухляка.

Я подошел поближе к крестообразной фигуре, чтобы получше рассмотреть ее, но старик закричал мне, чтобы я не трогал березового валежника. В это время позади себя я услышал какой-то звук, точно кто-то вздохнул, и вслед затем один ствол, совсем подгнивший у корня, как-то странно согнулся, осел и стал падать на землю. Я едва успел отскочить в сторону.

— Наша надо скоро ходи в другое место,— сказал Савушка и начал быстро спускаться по склону горы. Я последовал за ним.

На все мои вопросы он не отвечал и был чем-то взволнован. Когда мы вышли на реку, ночные тени уже зарождались в лесу. Неслышными волнами они выползали из-под старых елей и обволакивали прибрежные кусты и груды колодника на отмелях. Деревья приняли странную окраску, которую нельзя назвать ни черной, ни зеленой. Какая-то ночная птица пронеслась мимо нас на своих мягких крыльях. Через несколько минут мы подходили к биваку. При свете огня видны были палатки, лодки, вытащенные на отмель, и люди, двигающиеся у костра.

Орочи сообщили мне, что дальше по реке много заломов, но все же продвигаться вперед можно. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли продовольствия.

После ужина я стал расспрашивать орочей о березовом валежнике, виденном нами на сопке. Они сказали мне, что в горах живет горный дух «Каксаму». Это — худотелый великан с редькообразной головой и с трехпалыми руками. Он может превращаться в любого зверя. Тогда он сбрасывает с себя внешнюю оболочку, которая и валяется на земле в виде берестяных футляров. Это одежда Каксаму. Посещать такие места не следует — может напасть хищный зверь, упасть дерево или камень, можно сломать или вывихнуть ногу или тяжело заболеть. На следующее утро мне сообщили, что Савушка лежит на земле и кашляет кровью.

Болезнь Савушки задержала нас на месте до девяти часов утра. Когда он оправился немного, орочи помогли ему сесть в лодку, и затем мы тронулись в путь.

От места нашего бивака заломы тянулись на протяжении двухсот шагов; дальше протоки опять соединились в одно русло. Несмотря на то, что с бивака мы выступили поздно, нам все же удалось продвинуться вверх по реке довольно далеко. Плыли мы до самого вечера и, может быть, прошли бы еще несколько километров, если бы не новые заломы. Следующий день был неудачный: река стала мелководной и еще больше заваленной колодником.

Как образуются такие заломы? В ненастное время года вода подмывает корни больших деревьев, растущих по берегам реки. Когда последние падают, они увлекают за собою молодняк. Вода подхватывает его и несет вниз по течению. Где-нибудь такой лесной великан застревает. Тотчас около него скопляется плавник — все больше и больше. Напором воды стволы деревьев так втиснуты друг в друга, что разобрать их голыми руками невозможно.

Медленно мы продвигались вперед, все время прорубаясь в заломах. Перетаскивание лодок на руках тоже требовало расчистки пути и усиленной работы топорами. На реке Иггу встречались водопады, основанием которых служили большие лиственичные стволы, упавшие в реку. С той стороны, откуда идет вода, скопилось много песка и гальки. Иногда дерево при падении своем застревает вершиной на другом берегу. Между нижним его краем и поверхностью воды остается столь небольшое пространство, что улимагда задевает за него своими бортами. Людям надо или ложиться на дно лодки или перелезать через дерево.

За тесниной, которую мы видели с высоты горы, долина расширилась. Справа по течению был обрывистый берег, поросший редкостойной лиственницей, а слева — широкие древне-речные террасы. За ними дальше виднелись ущелья и высокие остроконечные горы. Весь ландшафт производил впечатление дикой и величественной красоты. По словам Савушки, в этих местах весной держится так много сохатых, что

табуны их на белом фоне снегов кажутся большими темными пятнами. Терраса была обезлесена пожарами и теперь покрылась мелколиственным березняком двадцати- и тридцатилетнего возраста. Здесь в изобилии росла голубица обыкновенная. На ней было так много ягод, что все кустарники имели синевато-сизый оттенок. Там и сям виднелись большие пятна желтых саранок с цветами величиной с большую рюмку, расположенными как канделябры.

19 июля мы бросили лодки и опять понесли грузы на себе.

Пусть читатель представит себе заболоченную тайгу, заваленную буреломом, и банную атмосферу, и он поймет, что значит итти в гору с тяжелыми котомками за плечами.

Чем ближе мы подходили к водораздельному хребту Сихотэ-Алинь, тем больше характер местности становился расплывчатым. Остроконечные сопки исчезли, а вместо них появились холмы со сглаженными контурами, как результат эрозии. Изменился и характер лесов: такие же замшистые и заболоченные, как и в истоках реки Иоли.

В этот же день произошла в тайге встреча с отрядом инженера Н. М. Львова, который, пройдя по рекам Хуту и Аделами, вышел к Сихотэ-Алиню и теперь со съемкой спускался по реке Иггу на Копи, чтобы потом перебраться на реку Хади около Улема. После совместной дневки оба отряда пошли каждый по своему маршруту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ОТРОГАХ СИХОТЭ-АЛИНЯ

23 июля мы расстались с Н. Е. Кабановым. Вместе с больным Савушкой он спустился обратно по рекам Иггу и Копи к морю.

Самый перевал через Сихотэ-Алинь представляет собой глубокую седловину. Первый раз я перешел через него в марте 1909 года и назвал именем «Русского Географического общества». Севернее и южнее седловины хребет слагается из высоких гор с плоскими вершинами, покрытыми ягельной тундрой. В этих местах он имеет крутые склоны, обращенные к востоку, и пологие скаты — к западу. Отсюда можно видеть истоки реки Гобили (правый приток Анюя), реки Аделами (приток Хуту), а на юге — истоки Копи и Самарги. На перевале, который исчисляется в 1 100 метров над уровнем моря, был репер инженера Н. Н. Мазурова. Он нашел здесь мою доску с надписью: «Перевал Русского Географического общества. 28 марта 1909 г. В. К. Арсеньев, казак Крылов, стрелки: Марунич, Рожков, Глегола» и прибил ее к дереву на старое место. Рядом с ней пониже я прибил другую доску с надписью: «21 июля 1927 г. В. К. Арсеньев, А. И. Кардаков, П. Хутунка, Ф. Мулинка, А. Намука и С. Геонка».

С вершины перевала открывался вид на долину реки Цзаво, впадающей в Дынми, которая в свою очередь впадает в Анюй

в среднем его течении с левой стороны. По небу ползли тяжелые тучи, они задевали за вершины Сихотэ-Алиня; на западе виднелись просветы в облаках и высокие сопки, озаренные солнцем.

Было уже поздно, когда мы начали спуск с перевала, и потому, как только нашли воду, тотчас встали биваком около старого моего астрономического пункта.

Утром меня разбудил мелкий и частый дождь, барабанивший в полотнища палатки. Надо сказать, что высоко в горах ненастная погода — явление довольно обычное. Всякое облако разряжается дождем. Вот почему на вершинах гор мы видим густой моховой покров, из которого можно выжимать воду, как из губки. В то время, как внизу при морочном небе стоит сухая погода, в горах непременно идет дождь. Надо было поскорее спускаться в долину реки Иггу.

Обстановка была не из веселых. Густой туман, хвойный лес, затянутый бородатым лишайником, и мох на стволах деревьев и на земле нагоняли смертную тоску. Дождь шел без перерывов, то усиливаясь, то ослабевая. Весь день мы просидели в палатках, пили чай от скуки и жевали сухари.

К утру 25 числа дождь как будто немного перестал. Тогда мы пошли вниз по ключику Сололи. В горах шумел сильный ветер, и видно было, как раскачивались деревья.

Хмурая заболоченная тайга еще некоторое время продолжалась и к западу от Сихотэ-Алиня, но все же заметно было, что лиственица опять стала вытеснять аянскую ель и пихту. Сфагновые мхи и багульник тоже остались позади. Робко, нерешительно, сначала одиночными кустами, а потом и целыми группами стали выступать ольховники с темнобурой корою и глянцевито-смолистой листвою и какой-то тальник с тонкими ланцетовидными листьями, зазубренными по краям. Я отметил в своем дневнике знакомую нам кустарниковую березу и даурский рододендрон с серою корою и с мелкими темными кожистыми листочками. Там, где по руслу ручья древесная растительность была реже, пышно разросся вейник Лангсдорфа. Здесь он не достигал таких размеров, как на местах равнинных, но во всяком случае в зарослях его легко может укрыться медведь.

С переходом через Сихотэ-Алинь мы сразу попали в начало осени. Кое-где на деревьях листва уже начинала желтеть. И немудрено! Во-первых, мы были довольно высоко над уровнем моря, а во-вторых, во времени мы еще раз как бы перенеслись вперед.

Сололи представляет собой небольшой горный ручей, текущий по продольной долине. Сначала мы спускались по сильно размытому склону, изрезанному узкими ущельями, из которых бежала вода шумящими каскадами. Мало-помалу долина оформилась. Чем дальше, тем больше она расширялась

и вместе с тем углублялась между отрогами Сихотэ-Алиня, которые окаймляли ее с северной и южной сторон и имели вид высоких горных хребтов.

На пути А. И. Кардаков заметил морянок с бело-черным оперением, серыми ногами, оранжевым клювом и длинными рулевыми перьями в хвостах. Они казались смирными и подпускали человека довольно близко, но на самом деле все время были настороже. Их очень трудно убить из ружья, потому что они успевают нырнуть раньше, чем долетит до них дробь при выстреле. Затем я видел черную оляпку — небольшую птичку величиною с дрозда, очень проворную и ловкую. Она перепрыгивала с камня на камень и постоянно озиралась по сторонам. Оляпка издавала крики, похожие на чириканье, только более певучие; в такт им она помахивала хвостиком и кивала своей грациозной головкой. Я остановился и стал следить за нею, но она вдруг бросилась в самую пучину, где вода пенилась и бурлила. Оляпка держала себя так, как будто это была ее родная стихия. Через минуту она появилась на поверхности, перелетела на отмель и стала опять входить в воду все глубже и глубже, пока совсем не скрылась с головою. Я подошел к самому берегу. В это мгновение оляпка выскочила на камни и как ни в чем не бывало, даже не отряхнувшись, перелетела на другую отмель, потом на третью и скрылась за поворотом.

Следующие два дня снова были ненастные и холодные. Тучи низко бежали над землею и, не переставая, сыпали дождем. Только по вечерам являлась возможность отжать воду из одежды и просушить ее на огне.

На второй день пути мы уже встретили японскую березу, весьма похожую на белую европейскую, потом маньчжурский ясень, о котором упоминалось при описании лесов на р. Копи, мелколистный клен с желтой древесиной, буро-серой корой и с пятилопастными глубокозубчатыми листьями и, наконец, тополь Максимовича таких размеров, что из него можно было долбить лодки. Переход от охотской растительности на восточном склоне Сихотэ-Алиня к маньчжурской в бассейне реки Цзава очень резок. Тут уже было и другое подлесье, состоящее из кистевой бузины; ее легко узнать по крупной листве и по гроздям мелких красных ягод. Тут же рос чубышник с листьями как у женьшеня и с тонкими ломкими шипами. Достаточно при ходьбе задеть его, чтобы сразу получить несколько заноз в пальцы рук. Еще больше заноз набивается в колени. К счастью, они не проникают глубоко под кожу и потому не вызывают нагноений.

Как только подходящие по размерам деревья были найдены, туземцы тотчас приступили к долблению лодок.

Во время сильного ветра с дождем я как-то простудился. К счастью, это случилось тогда, когда мы кончили путь с ко-

томками. Я все время бодрился, перемогал себя и еле держался на ногах. Пока орочи делали лодки, я отлеживался в палатке. Лихорадочное состояние стало проходить, но слабость еще не позволяла вставать с постели, если можно этим именем назвать охапку хвойных веток на земле, прикрытых травою.

Наконец, 28 августа дождь перестал. Орочи пошли за протоку опаливать лодки, а А. И. Кардаков отправился куда-то с фотографическим аппаратом. На биваке остался я один.

День был тихий и томительно жаркий, в воздухе не ощущалось ни малейшего движения: листва на деревьях и тонкие стебли вейника находились в состоянии абсолютного покоя. Время тянулось бесконечно долго. Какая-то истома охватила всю природу и погрузила ее в дремотное состояние. Даже мошки и комары куда-то исчезли. В шесть часов вечера я надел обувь и вышел из палатки. Солнечные лучи еще пробирались сквозь чащу леса и радужными тонами переливались на тенетах паука, раскинутых между двумя тальниками. День угасал. Нежное дыхание миллионов растений вздымало к небесам тонкие ароматы, которыми так отличается лесной воздух от городского. Я сел на камни и долго смотрел на запад. Солнце скрылось за горизонтом как раз в направлении долины Цзаво. В той стороне небосклон был совершенно безоблачен. На фоне его резко проектировались остроконечные вершины елей и пихт. Они-то именно и привлекли к себе мое внимание. Над каждым деревом вилась кверху быстро вращающаяся тонкая струйка, похожая на дым. Чем выше было хвойное дерево, тем больше и темнее была струя.

Я протер глаза, думая, что это мне кажется вследствие лихорадочного состояния. Но тогда почему не было таких же дымков над березами и тальниками? Вблизи росли две молодые елочки. С трудом я поднялся на ноги и встал по отношению к ним в такое положение, чтобы вершины их тоже проектировались на фоне зари, и тотчас увидел над ними такие же вращающиеся струйки. В это время на бивак пришел Геонка. Я велел ему качнуть ту и другую елочку. Струйки мгновенно исчезли. Когда же деревья встали неподвижно, струйки появились снова. Тогда я позвал удэхейца к себе и спросил его, не видит ли он что-нибудь над хвойными деревьями.

— Моя думай, это мошки,— сказал он и затем добавил: — Моя сейчас его поймай.

Он подошел к елочкам и стал ловить мошек головной сеткой. Он махал ею до тех пор, пока убедился в бесполезности своих занятий. Геонка устал; он вернулся ко мне и в раздумье сказал:

— Моя первый раз такой посмотри. Не знаю, хорошо это или худо!?

Солнце спускалось все ниже и ниже. Западный горизонт сделался багровым. Как только стало прохладнее, крутящиеся

струйки исчезли. Возможно, что это были эфирные масла, которые собирались у верхних частей елей и пихт. Они поднимались кверху, приобретая вращательное движение. Через них преломлялись лучи вечерней зари, и от этого они казались темными.

А. И. Кардаков и орочи с работ вернулись, когда стало уже совсем смеркаться.

К утру следующего дня я почувствовал себя значительно лучше. С восходом солнца мы распрощались с нашим биваком, поплыли вниз по реке Цзаво и в полдень вошли в реку Дынми.

Западнее Сихотэ-Алиня и параллельно ему проходит очень древняя и сильно размытая горная складка, слагающаяся из метаморфических сланцев. Складка эта представляет собой первосозданную земную кору и является той древнейшей осью, около которой впоследствии сложился современный Уссурийский край. На реке Дынми можно видеть прекрасные обнажения кристаллических сланцев. В местах обвалов образовались красивые гроты. Ниже их с правой стороны тянется высокий скалистый берег, состоящий из сильно перемятых глинистых сланцев, имеющих мелкоплитняковую или листоватую отдельность. Пласты сильно изогнуты, местами опрокинуты и даже поставлены на голову.

Там, где река Дынми прорезает их, образуется опасный порог; вода идет через него со скоростью 18 километров в час, бьется о прибрежные скалы, низвергается вниз пенящимися каскадами и в течение веков медленно, но непрестанно размывает мощные толщи сланцев, сложившихся миллионы лет тому назад. От шума воды на перекатах нельзя говорить обычным голосом, надо кричать на ухо друг другу. Ниже русло реки завалено камнями и тоже на значительном протяжении представляет собой широкий порог, где вода идет с ропотом, как бы негодуя на природу, которая и тут хотела создать ей препятствия на пути к Амуру.

Около порога мы остановились в нерешительности. Как быть? Опускаться по каскадам опасно, а перетаскивать лодки с грузами через высокие скалы невозможно. Взвесив все «за» и «против», орочи решили рискнуть. Едва мы оттолкнулись от берега, как быстрое течение подхватило нашу утлую ладью и со скоростью курьерского поезда понесло на порог. Мимо мелькали кусты и деревья, росшие на берегу. Справа и слева из реки высовывались камни, обливаемые водою. Белая пена и волны окружили нас со всех сторон и точно бежали вперегонки с лодкой. Мы решились на отчаянный шаг, но другого выхода не было. Если бы со стороны какой-нибудь наблюдатель мог взглянуть на наши лица, он увидел бы их бледными, увидел бы плотно сжатые губы и широко раскрытые испуганные глаза. Лодка качалась, прыгала через каскады и на-

кренялась то на один, то на другой бок. Вода заливала ее, но, несмотря на это, мы мчались вниз с головокружительной быстротой.

Орочи стояли на ногах и шестами отталкивались от камней, которые, как живые, вдруг появлялись из воды в непосредственной близости и как будто соперничали между собою в желании во что бы то ни стало преградить нам дорогу. У меня закружилась голова. Вдруг лодка сразу осела вниз. Холодный душ обдал меня с ног до головы и заставил вскрикнуть. Вслед затем лодка выправилась; течение сделалось спокойнее; шум стал стихать, отодвигаясь куда-то назад. Только тогда я увидел, что сижу более чем по пояс в воде. Орочи свернули к берегу и подошли к галечниковой отмели. Они втащили немного лодку на камни и принялись берестяным ковшом выкачивать воду через корму.

Надо было отдохнуть и просушить намокшую одежду. Я воспользовался остановкой и пошел вдоль берега. Ниже по течению галечниковая отмель переходила в слои ила и песка, нанесенного водою. На них я заметил два свежих следа: тигровый и изюбриный и один старый — медвежий. В это время я увидел Мулинка. Он шел и что-то внимательно рассматривал на земле. На лице его я прочел выражение тревоги.

— Амба́ хоктони (тигровый след)? — сказал я ему по-орочски.

— Посмотри сам,— ответил он мне и указал рукой на узенькую полоску на песке, как бы оставленную длинною щепкой. Быть может, это был след змеи или что-нибудь еще в этом роде. Я высказал вслух свои соображения.

— Тебе понимай нету, — ответил он мне и продолжал на своем родном языке: — «Ыи сугала́ хоктони Багдыхе» (т. е. «Это след лыжи Багдыхе»).

Затем он громко крикнул, и тотчас отозвалось звучное эхо, сначала спереди, потом сзади нас, потом опять далеко впереди, словно кто перекликался в тайге. Эхо прошло перекатами через весь лес и замерло где-то в горах. Мулинка стоял, повернув немного голову в сторону, приоткрыв рот и вслушиваясь в эти странные звуки. Когда последний отголосок замер, он торопливо пошел к лодке и что-то быстро стал говорить другим орочам. На лицах их тоже выразилась тревога. Они поспешно начали сталкивать лодку в воду и звать меня.

Через минуту мы плыли дальше вниз по реке Дынми. Тогда я начал расспрашивать их о причинах торопливого ухода от порога, который мы с опасностью для жизни, но успешно прошли на лодках. Из ответов туземцев я узнал, что Багдыхе есть маленький карлик. Он весь в волосах, даже лицо у него покрыто шерстью. Этот Багдыхе живет в лесу, где много скал, и устраивает эхо. Он делает так, что люди слышат свои голоса, которые повторяются вдали и возвращаются обратно.

Орочи боятся «скал с эхом» и стараются обойти их стороною. Такие места легко узнать. Тут всегда летом и зимою есть следы Багдыхе. Он ходит на одной лыже. След его мы и видели около галечниковой отмели на песке.

Ниже порога русло реки Дынми во многих местах завалено камнями. Эти мелководные участки представляют собой широкие пороги, где вода идет шумливо, но сравнительно спокойно. Плавание на лодках здесь возможно, но нужно внимательно смотреть вперед. Не доходя 15 километров до устья, Дынми разбивается на протоки, забитые плавником.

Спускались мы довольно скоро и пока что благополучно. Иногда большая протока заводила нас в такой лабиринт, из которого можно было выбраться, только возвращаясь назад. Орочи часто останавливались и делали разведки. Они как-то угадывали, куда надо плыть: внешний вид протоки, быстрота течения и пена — ничто не ускользало от их внимания. Привычное ухо туземцев различало разные шумы воды впереди, и сообразно этому они принимали то или иное решение.

Чем больше мы удалялись от Сихотэ-Алиня, тем больше изменялся характер растительности. Ель, пихта и лиственица начали взбираться на самые вершины гор, а в долинах появились широколиственные леса маньчжурского типа. Теперь уже всюду встречался душистый тополь Максимовича. Стройные светлосерые стволы его имели толщину два-три обхвата на высоте груди. Тут же в сообществе с ним произрастал горный ильм — исконный обитатель первобытных лесов, еще не испорченных человеком. Казалось, будто кроны деревьев составляли особый слой воздушной растительности, покоящийся на прямых и ровных пепельно-серых стволах ильма и тополя. Там, вверху, среди переплетающихся между собою густо облиственных ветвей, обитают четвероногие: рысь, куница, росомаха, белка, соболь — и птицы: филин, сова, ореховка, желна, сойка, поползень и дятел. По соседству с ильмом и тополем в лесной тени виднелся мелколистный клен с пятилопастными остроконечными листьями, уже начавшими краснеть. По берегам реки появилась спирея иволистная с мелкими цветами, сидящими на стебельках в виде розовых помпонов. Тут же росла сорбария обыкновенная — довольно высокий кустарник с узловатыми ветвями, перистыми листьями и с ароматными белыми соцветиями в виде пышного султана, на которых всегда держится много насекомых.

Ближе к воде рос бледнозеленый бальзамин-недотрога — оригинальное растение с травянистыми стеблями и жирными листьями. Название «недотроги» оно получило оттого, что плоды ее при малейшем к ним прикосновении лопаются с легким треском и разбрасывают семена далеко в стороны. Вейника тоже стало больше. Он рос вместе с полынью обыкновенной, листья которой издают приятный запах, если поте-

реть их между пальцами. Полынь уже отцвела; большие метелки ее стали блекнуть и подсыхать. Отмели реки были декоративно украшены большими листьями знакомого нам белокопытника. Теперь он уже стал грубым и приобрел какой-то неприятный горьковатый привкус. Но самым красивым растением, невольно приковывающим к себе внимание, был папоротник-страусопер, громадные листья которого действительно напоминали страусовые перья и вполне оправдывали данное ему название.

Целый ряд признаков указывал, что Анюй недалеко. Вдали во мгле виднелись горные хребты, которые шли в направлении, перпендикулярном к долине реки Дынми.

Весь день стояла переменная погода. Несколько раз принимался итти дождь, и только к вечеру небо немного очистилось. Мы не дошли до устья нескольких километров и встали биваком на правом берегу реки, которая делала тут изгиб. С одной стороны выступала большая отмель, а с другой был обрывистый берег. Вода подмывала его, отчего некоторые деревья росли в наклонном положении. На песке было много медвежьих следов. Орочи стали устраивать бивак, а я взял ружье и пошел по отмели. Один след показался мне каким-то странным. Медведь, оставивший отпечатки своих лап, должен был иметь длинное тело и короткие ноги. Он ходил по отмели взад и вперед и убежал, как только заметил наши лодки.

Сначала я шел быстро, ломая кусты сорбарии, но потом умерил шаг и старался итти возможно тише. Один раз мне показалось, что я видел зверя: что-то темное мелькнуло впереди. Другой раз до слуха моего донесся шорох в кустах. Следы вывели меня на реку и оборвались у воды. Досадно мне стало, что не удалось догнать зверя с уродливыми ногами. Я присел на берегу, чтобы отдохнуть немного.

Должно быть, солнце опустилось за горизонт, потому что вдруг сделалось сумрачно и прохладно. В это время над рекой появился туман. Белые длинные клочья его тянулись кверху и принимали фантастические очертания. Среди глубокой тишины, царившей в природе, я слышал биение собственного сердца. На темной поверхности воды появились круги. Какая-то рыба хватала ртом воздух. Вдруг что-то булькнуло у самых моих ног. Большая лягушка прыгнула с берега, но тотчас всплыла наверх и уставилась на меня своими выпученными глазами. Тогда я поднялся с валежины и направился к биваку.

На отмели я застал Геонка. Он вышел со стороны и, повидимому, тоже возвращался на бивак. Я окликнул удэхейца. Он обернулся и замер в неподвижной позе. Когда я подошел к нему вплотную, то увидел, что он смотрит куда-то мимо меня в пространство. В глазах его я прочел удивление и страх. Я оглянулся. Туман на реке исчез, и только около кустов с ле-

вой стороны реки держался один обрывок его, густой и белый. Он похож был на человека в длинной одежде с рукой, поднятою как бы для нанесения удара. Голова привидения казалась закутанной в вуаль, концы которой развевались по воздуху.

— Ын ганиги-и-и! (последнее г — придыхательное) — громко воскликнул Геонка с таким видом, как будто он нашел наконец разгадку явления.

«Ниги», — подхватило лесное эхо.

Как бы испугавшись человеческого голоса, туманная фигура сжалась, затем снизилась к воде и пропала. Последний обрывок тумана растаял в воздухе.

— Зачем его сюда ходи? — сказал удэхеец в раздумье, направляясь к палаткам.

Когда мы пришли на бивак, он оживленно начал говорить орочам о видении. Те слушали с большим вниманием, задавали вопросы и вставляли свои замечания.

После ужина я стал расспрашивать Геонка о том, что такое «ганиги». Удэхеец сказал, что этим именем называются женщины, живущие в воде. Они очень красивы и имеют рыбьи хвосты. Иногда ганиги выходят из воды голыми или в одежде, сотканной из тумана. Они зовут человека по имени и называют его род. Такой человек непременно утонет.

Меня поразило в описании ганиги сходство с русалками. Сходство не только общее по смыслу, но даже и в деталях. Откуда оно? Может быть, русалки и ганиги зародились где-нибудь в Средней Азии в древние времена. Отсюда они попали на запад к славянам и на северо-восток к удэхейцам.

Долго еще туземцы беседовали на эту тему. Они говорили, что ганиги любят приставать к людям, они манят их к себе, и если рассердятся, то угоняют рыбу, ломают лодки, портят сети, уносят остроги. Иногда их видят плывущими по реке на буреломе или в лодке. При встрече с человеком они уходят в воду или растворяются в воздухе, как туман, и становятся невидимыми. Чтобы прогнать ганиги, надо крикнуть или выстрелить из ружья. Разговоры эти затянулись до полуночи. Перед тем как ложиться спать, туземцы на всякий случай подтащили лодки поближе к костру и решили всю ночь поддерживать большой огонь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕРХНИЙ АНЮЙ

30 июля мы вышли на Анюй. Я не узнал места впадения Дынми.

Раньше она бурливо вливала воды свои у подножия скалистой сопки, а теперь устье ее переместилось на полкилометра к югу. Старое русло было занесено галькой и уже успело зарасти молодым лесом. Видно было, что река дважды меняла свое направление. Теперь Дынми вливалась в Анюй тихо и спокойно. От старого русла ее отделяет большая галечниковая отмель. Здесь в амбаре я нашел свою базу, любезно устроенную мне инженером Н. Н. Мазуровым, и его письмо от 2 августа, которым он извещал меня, что по реке Тормасунь нельзя итти вследствие большой воды.

Около устья Анюя мы сделали дневку. День выпал, как нарочно, солнечный и теплый. Орочи растянули на гальке палатки для просушки и принялись разбирать имущество, а я направился к реке Анюю. Я ожидал встретить его бурным, как и раньше. Тогда плавание по нем считалось опасным. Помню, в 1908 году мы с величайшим трудом подымались по этой реке. Взять перекат было рискованным предприятием. Я помню страшные водовороты «иока», которые втягивали в себя большие деревья. Во многих местах туземцы не решались плыть на лодках и перетаскивали лодки по берегу. Таков был Анюй лет двадцать тому назад. Велико же было мое изумление, когда мы дошли до устья Дынми. Последняя встретила

Анюй величаво спокойным. «Глядишь и не знаешь — идет или не идет величавая его ширина. Ни зашелохнет, ни прогремит».

Я не узнал Анюя. Географически — это он, а по характеру — совсем другая река. В 1908 году я назвал его «бешеным» и весьма опасным для плавания, а теперь, в 1927 году, я увидел спокойную, тихую реку, вполне доступную для сплава леса. В 1908 году в верховьях вода шла двенадцать, а внизу десять километров в час. Теперь течение значительно ослабело: вверху оно равняется восьми, а внизу шести километрам в час. Эту перемену в режиме реки заметили и туземцы. Они говорят, что ее течение стало спокойнее и плавание вверх по реке легче; истоки ее сделались доступнее; равно и спуск по воде стал тоже лучше и безопаснее. Если раньше по реке спускались в два дня, теперь на такое же плавание нужно трое с половиной и даже четверо суток.

Что за перемена произошла с Анюем? Причин может быть только две: или стало меньше воды, или произошло выравнивание дна.

Вечером перед сумерками мы сидели на берегу реки и говорили о том, что, повидимому, какие-то силы нивелировали дно реки. Как бы в подтверждение моих слов вдруг со стороны Анюя послышался странный шум, похожий на подземный грохот. Шум этот возник выше по воде. Он то усиливался, то замирал, то неожиданно снова поднимался и приближался к нам. Это был рев, стенанье и «скрежет зубовный». Когда шум поровнялся с нами, стало ясно, что вода по дну влекла какую-то большую тяжесть — несомненно, каменную глыбу, быть может, в несколько тонн величиною. Затем шум этот прекратился.

Трудовой день окончился, я возвратился на бивак, орочи принялись готовить ужин. Скоро весь табор погрузился в сон. Мне не спалось. Ночь выпала на редкость тихая и спокойная. Темное небо, усеянное миллионами звезд, казалось беспредельно глубоким. И вдруг опять этот шум: глухой и могучий, таинственный и грозный! В ночной тишине он показался очень резким. Очевидно, вода подмыла ложе каменной глыбы и снова стала увлекать ее вниз по течению. И опять он то затихал, то усиливался, то совсем сходил на-нет. Из соседней палатки вышел Намука. Его тоже разбудили странные звуки. На биваке они не вызвали переполоха, но в одиночестве, среди безмолвной тайги такой шум способен взволновать душу туземца, у которого нет другого объяснения, как вмешательство сверхестественной силы. Подобный шум, которому мы сами можем дать лишь гадательное объяснение, способен произвести сильное впечатление и на образованного человека. Что же говорить про туземца, видящего во всем козни злого духа!

Во многих местах края за последние двадцать лет произошли большие изменения. Там, где были скалы, появились осыпи, и русло рек переместилось в сторону. В данном случае тоже произошло выравнивание дна большой горнотаежной реки. Некоторые протоки занесло галькой, водовороты исчезли. Школа Лайеля учит нас, что все изменения происходят медленно, почти незаметно для глаза в течение многих веков, тысячелетий... Песчинку за песчинкой наносит вода, и капля по капле долбит камень. Если же мы не замечаем этого, то потому только, что жизнь наша коротка, знания ничтожны и равнодушие велико. Под влиянием воды и атмосферных агентов лик земли претерпевает большие изменения. Через 20—30 лет туземцы не узнают мест, посещенных ими ранее. С исчезновением лесов разрушения на земной поверхности могут происходить гораздо быстрее. Геологические часы Лайеля не имеют ровного хода; они идут скачками и временами требуют поправок на катаклизмы Кювье.

Сихотэ-Алинь в верховьях Хора и Анюя представляет собой сильно размытую горную страну. Здесь залегают пять параллельных хребтов, очень древних и расположенных высоко над уровнем моря. Эти горные складки обусловили направления рек по межскладчатым долинам и долинам прорывов. Если забраться в самые истоки Хора и там спросить проводника, на какую реку можно выйти, если пойти через сопки вправо, тот ответит: «На Анюй», а если итти через горы влево, то получится тот же лаконический ответ: «На Анюй». Значит, верховья Хора являются «объемлемыми», а верховья Анюя «объемлющими».

Самой восточной горной складкой будет Сихотэ-Алинь, самой западной — водораздел между рекою Хором и истоками рек Немпту и Мухенем, впадающих в Амур с правой стороны ниже г. Хабаровска, на которые мы и держали свой путь. В верховьях Анюя горы невелики; они имеют вид пологих холмов с широкими седловинами и представляют собой прекрасный образец эрозийного ландшафта. Отсюда Анюй сначала течет на юго-запад, потом немного на юго-восток, затем поворачивает на северо-восток, каковое направление и сохраняет до приема в себя с правой стороны р. Дынми.

В верхнем течении Анюй мелководен. Множество порогов делают плавание по нем чрезвычайно опасным. Туземцы заходят сюда только зимою по льду реки. Долина, как таковая, отсутствует; сопки поднимаются прямо из воды крутыми склонами или совершенно отвесными скалами, чередующимися в шахматном порядке то с одной, то с другой стороны. Местами падение дна реки прямо заметно на-глаз. Только один раз удэхейцы сделали попытку забраться в самые верховья Анюя. Они спустились вниз по воде с соблюдением всех предосторожностей, сдерживая лодку ремнями и перетаскивая ее воло-

ком через камни и т. д. Попытка эта стоила им одной человеческой жизни.

В истоках Анюй слагается из трех горных ручьев. Место слияния их называется Элацзаво. Отсюда, если итти вниз по течению, Анюй принимает в себя следующие притоки — слева: Сагдыбяза, Микингали, Бомболи и Тоуса 1-я, а справа: Иокобязани, Удзяки, Тоуса 2-я и Дынми. Против Иокобязани в скале есть пещера. В глубине ее слышны разные крики, и сверху сыпятся камни. Это — жилище одного из самых страшных злых духов Какзаму. Проходя мимо пещеры, охотники стараются не шуметь и не разговаривать. Другою замечательною рекою будет Бомболи, берущая начало с высокого горного хребта Тальдаки-Янгени, служащего водоразделом между Хором и Анюем. Вся долина Бомболи завалена большими круглыми камнями, благодаря чему она и получила свое настоящее название. Зимою из-под камней выходит пар, и вода в ней никогда не замерзает. Немного ниже Микингали на Анюе есть очень красивый водопад. Здесь во всю ширину реки дно обрывается уступом, с которого масса воды свергается вниз с большим шумом.

У подножия уступа образовался глубокий водоем, в котором осенью держится много кеты.

31 июля мы расстались с рекой Дынми и поплыли вниз по Анюю, который на протяжении по крайней мере сорока километров проходит среди ущелий. Долина его имеет крайне изломанный характер и обставлена высокими скалистыми сопками. Это типичная денудационная долина, в которой более или менее широкие котловины чередуются с узкими проходами, удачно названными русскими «щеками». По руслу, сжатому с обеих сторон, река силою проложила себе дорогу. Приближаясь к порогу, вода начинает волноваться и гневно роптать, затем ропот ее превращается в грозный рев; она стремительно несется вниз, прыгает по камням и бьется о прибрежные утесы, как бы желая раздвинуть их в стороны. Заслышав шум воды на перекате, орочи встают в лодках, разбирают шесты и пытливо всматриваются вперед, прикрывая рукой глаза от солнца.

Один из порогов был особенно опасен. Три ряда камней шли поперек реки так, что один из них — средний — примыкал к левому, а два других — к правому берегу. Задержав улимагды носом против воды, орочи начали спускать их по течению в первый узкий проход. Когда камни были обойдены, они продвинули лодки поперек реки вправо, пока не подошли ко второму проходу. Здесь опять спустили лодки по воде, опять передвинули их боком влево и благополучно вышли из каменных ловушек. Когда течением несколько отнесло нас от камней, туземцы уложили шесты так, чтобы они во всякую минуту были под руками, разобрали весла и уселись на свои места.

По среднему течению Анюя произрастают хорошие смешанные леса, состоящие из хвойных и широколиственных пород. Здесь впервые мы встретили корейский кедр, сначала одиночными экземплярами, а потом и более частыми насаждениями. Обычно ствол кедра в верхней части разделяется на несколько ветвей; они поднимаются кверху одним пучком, по которому издали всегда можно отличить кедр от ели и пихты. Кроме тополя, ясеня и ильма, здесь же рос монгольский дуб, сохраняющий листву до весны, пока новые почки не сбросят их на землю. Возможно, что этот дуб раньше был вечнозеленым деревом. Местообитанием дуба были солнечные склоны гор. Тут же вперемежку с дубом нашла себе приют черная береза. Уже одно название ее указывает, на что следует обратить внимание. И действительно, ствол ее покрыт блестящей темнобурой корою, которая, растрескиваясь, образует нечто вроде твердо сидящих чешуй. У черной березы совершенно иное расположение ветвей, что резко отличает ее от белой и каменной березы, описание которых приводилось выше. В сообщество с перечисленными древесными породами вошла и амурская липа с толстыми приземистыми стволами и большими узловатыми ветвями. Если дуб и черная береза избрали себе южные склоны гор, то липа спустилась ниже, где толще были слои наносной земли; но в то же время она сторонилась других деревьев, которые могли бы затенить ее от солнца. По уремам появились в изобилии высокоствольные тальники (ива корзиночная), образовавшие местами целые рощи. Ветви их поднимаются от самого комля и идут кверху вдоль ствола, отчего деревья имеют вид пирамидальных тополей. Повсюду стали попадаться высокие кусты лещины маньчжурской, орехи которой покрыты длинными колючими чехликами в виде трубок. Описание подлесья было бы неполное, если бы мы не упомянули о лимоннике китайском, взбирающемся по кустам и стволам деревьев поближе к свету. Его можно узнать по красным ягодам, висящим небольшими плотными кистями, и по приятному запаху, который издают его стебли в местах свежих изломов, действительно своим ароматом напоминающие лимон. В сырых местах виднелись пышные заросли папоротников (осмунда коричневая), с грубыми плойчатыми листьями, нередко вытесняющие всякую другую растительность, и другой вид (кочедыжник женский), с более изящными и нежными листьями, на которых поры (с исподней стороны) расположены не по краям лепестков, а по середине их. Здесь было много и других интересных растений, описание которых отняло бы много времени и места. Все они уже отцвели и обсеменились. Вегетационный период приближался к концу. Деревья еще не утратили своего летнего наряда, но листва их уже начала блекнуть и разукрашиваться в яркие осенние тона.

Весь день мы плыли по Анюю, любуясь скалистыми берегами, лесистыми островами и пенящимися порогами. Утесы на гребнях гор имели вид старых замков, разрушенных временем и покинутых людьми.

Лодки наши, влекомые течением, плыли посредине реки, но иногда так близко проходили около берегов, что вынуждали нас пригибаться книзу, чтобы не задеть головами за ветви и стволы деревьев, низко склонившихся над водою. Мы сидели тихо и внимательно посматривали по берегам.

Один раз нас обогнал какой-то небольшой пернатый хищник. Он летел совсем низко над водою, почти без взмахов крыльями. Хутунка стрелял его в лёт и убил. Вынутая из воды птица оказалась черноухим коршуном. Он имел рыжевато-бурое оперение, темноокрашенную голову и вырезанный в середине хвост. По словам туземцев, этот коршун питается дохлой рыбой. Иногда он поднимается высоко на небо и оттуда падает камнем вниз, но, немного не долетев до поверхности воды, ловко изворачивается и вновь взлетает кверху.

Около полудня мы сделали привал. Выйдя на берег, я услышал в соседних кустах пронзительные крики сойки и скоро увидел ее самое. Она имела красивое рыжевато-красное оперение с голубыми и черными зеркальцами на крыльях и хохол на голове. Сойка, воровски озираясь по сторонам, все время прыгала с ветки на ветку, иногда выскакивая наружу, и опять проворно пряталась в чаще. Во вторую половину дня я заметил двух речных зуйков — чрезвычайно миловидных птичек с темным и белым оперением и по внешнему виду похожих на куличков, только с короткими клювами. Они быстро бегали по песчаной отмели и что-то клевали у самой воды. Время от времени останавливались и грациозно помахивали своими хвостиками. Когда лодки подошли совсем близко, они сначала отбежали от приливной волны, потом поднялись на воздух, перелетели к другому берегу и низко над водой понеслись вдоль реки.

Незадолго до сумерек мы стали выбирать место для бивака. С правой стороны высились мрачные утесы, а слева тянулся галечниковый низменный берег, заросший молодыми ивняками. В одном месте была глубокая заводь, весьма удобная для стоянки лодок. Тут же на берегу валялось много сухого валежника. Орочи принялись ставить палатки, а я пошел немного по отмели к лесу. На берегу сухой протоки я увидел еще одну птицу — восточносибирского погоныша, называемого местными жителями болотной куницей. Погоныш ведет уединенный образ жизни. Весь день он скрывается в зарослях и только перед сумерками решается выходить на открытые места. Осторожная и неуклюжая птица эта, довольно бесцветная, серо-бурая, с желтым клювом и большими ногами, шла как-то сгорбившись и вытянув вперед шею. Я сделал неосторожное

движение. Погоныш испугался, неловко взметнулся кверху и полетел, как-то странно болтая крыльями и ногами. Просто даже не верится, что он может совершать перелеты осенью и весною на большие расстояния.

Вечером после ужина мы все рано разошлись по палаткам. Я тоже залез в свой комарник и погрузился в дремотное состояние. Проснулся я часа в четыре утра. Не хотелось мне будить своих спутников, не хотелось одеваться, и потому я терпеливо лежал на своем жестком ложе, думал о пройденном пути и соображал свой дальнейший маршрут.

Вдруг вся палатка разом осветилась, словно вспыхнула молния, и вслед затем, через полторы-две минуты, по лесу прокатился какой-то гул: точно удар грома или отдаленный пушечный выстрел. Тогда я приподнял полу палатки и выглянул наружу.

На земле было еще темно, но на восточном горизонте как будто начинало брезжить. Несколько ярких звезд мерцали над рекою. На противоположном берегу два высоких кедра стояли неподвижно и тоже как будто прислушивались к странному шуму, всколыхнувшему сонный воздух. Прошло еще несколько минут. Великое безмолвие снова овладело землей. В соседней палатке кто-то храпел. Костер на нашем биваке совсем почти погас; только одна головешка еще тлела в золе. Обильная роса смочила полы палатки.

Что же это было? Может быть, в самом деле молния и удар грома, может быть — падение болида на землю. Я очень пожалел, что не адресовался к секундной стрелке часов тотчас после вспышки света. Тогда можно было бы определить, как далеко от нашего бивака находилось то место, откуда пришел этот гул.

Я почувствовал, что прозяб. Тогда я встал и развел большой огонь. Через полчаса проснулся Мулинка. Он тоже слышал удар грома и думал, что надвигается гроза. Наши голоса разбудили остальных людей.

Когда совсем рассвело, мы были уже в дороге.

Все большие притоки Анюя находятся в среднем его течении и располагаются так: Дынми и Гобилли — с правой стороны, а Поди и Тормасунь — с левой. Река Поди не велика. В проекции она вместе со своим притоком Тальки образует фигуру, похожую на цифру четыре. По ней против воды на лодках можно подниматься четверо суток и затем надо еще два дня итти пешком до перевала на реку Хор. В долине Тальки старое пожарище. Здесь держится много сохатых.

Река Гобилли больше Поди. Она течет вдоль Сихотэ-Алиня и несколько под углом к нему с северо-востока. В основе строения долины залегают какие-то пестрые с черными прослойками метаморфизованные горные породы, пронизанные жилами молочно-белого кварца, окрашенного в ржаво-крас-

ные, голубые, желтые и зеленоватые тона. На половине пути между истоками Гобилли и ее устьем, но ближе к Анюю есть три водопада. Выше последнего по всем правым притокам будут перевалы на Хунгари, а по всем левым — в бассейн реки Хуту, впадающей в Тумнин. Первый левый приток между вторым и третьим водопадами удэхейцы называют «Чжанге уоляни», что значит «речка», ведущая на перевал, по которой прошел «Чжанге». Этим именем, каковое и удержалось до сих пор, они назвали меня в 1908 году. Тогда я со своими пятью спутниками вышел на реку Буту и потерпел там аварию. Без оружия и продовольствия, с большими лишениями мы добрались до реки Хуту, где, наверно, погибли бы с голода, если бы не случайная встреча с орочами.

На Гобилли мы теперь не задерживались, поплыли дальше и 1 августа после полудня подошли к реке Тормасунь. Здесь на большой галечниковой отмели мы застали две удэхейские семьи. Все мужчины из рода Кялондига зачем-то ушли на Амур, а дома остались только женщины и дети. Среди них была одна старуха лет семидесяти. Несмотря на свой преклонный возраст, она сохранила живость движений, хорошие зрение и слух. По тому, как она делала распоряжения и как приказания ее исполнялись, видно было, что она пользовалась среди других женщин большим авторитетом. Старуха расспрашивала сопровождавших меня туземцев о том, как мы шли и как живут копинские орочи.

Я велел своим спутникам готовить обед, а сам отправился на ближайшую горелую сопку, чтобы с вершины ее взглянуть на реку Тормасунь. От непрекращающихся дождей она вышла из берегов и с такой силой выносила свою мутную воду в Анюй, что прижимала течение последнего к противоположному берегу.

Тормасунь (удэхейцы называют Тонмасу) такой же величины, как и Гобилли, и течет по отношению к Анюю под острым углом, почти в широтном направлении. С правой стороны она принимает в себя три небольших притока: Томчу, Ялу и Сизюку, а с левой стороны — одну только речку Мангни.

Из всех притоков Анюя Тормасунь считается самым быстрым. Подъем против течения по нему возможен только в сухое время года. Если вода в реке хоть немного подымется выше своего обычного уровня, пороги и каскады ее делаются недоступны. На подъем против воды тратится до девяти суток, но зато перевал на реку Сор настолько невелик, что люди предпочитают перетаскивать через него лодки, чем по ту сторону делать новые. Женщины с ребенком на руках переходят от реки Тормасунь до реки Сор в один день, а мужчины в то же время с котомками за плечами успевают сделать три конца.

Все это было крайне заманчиво, но большая вода наложила запрет на Тормасунь.

Горная сопка, с которой я теперь обозревал окрестности, лет десять тому назад была покрыта большим хвойно-смешанным лесом. После пожара много стволов осталось стоять на корню и еще больше их валялось на земле. Теперь здесь разрослись актинидии, они обвивали сухостойный бурелом, перекидывались на кусты и местами образовали такие заросли, что я неоднократно должен был прибегать к помощи ножа, чтобы освободиться от опутывавших меня длинных гибких лиан. Актинидии дают очень вкусные сочные плоды, которые русские переселенцы называют кишмишом.

Интересно также отметить окраску листьев этого оригинального растения. Полностью или частично они утратили зеленый цвет и сделались белыми, бледнорозовыми и пурпуровыми. Может быть, окраска эта служит для насекомых приманкой к невзрачным белесоватым цветам, скрытым под листвою. Увидев издали розовые и белые блики, шмели принимают их за цветы, а приблизившись к ним, находят истинные цветы по запаху, который они выделяют.

Выйдя из зарослей, я вступил в живой лес и остановился, чтобы передохнуть. В это время я увидел небольшое животное с блестящей чернобурой шерстью, таким же темным и довольно пушистым хвостом. Изящная остромордая головка зверька сидела на соразмерно длинной шее, нижняя часть которой и грудка были окрашены в желтый цвет с зеленоватым оттенком. Я тотчас узнал куницу. Она пробиралась по валежине несколько наискось к моему пути. В движениях ее было много грациозного и кошачьего. Куница меня не видела и держала себя непринужденно. Я решил наблюдать за ней. Однако она вскоре заметила меня, остановилась, затем осторожно опустилась на брюшко и припала к колодине вплотную. Общая окраска животного до того подходила под цвет темной коры дерева, украшенной желто-зеленым мхом, что если бы я не видел его раньше, то мог бы пройти мимо и не заметить. Своими черными глазами куница смотрела на меня в упор. Я совершенно не хотел лишать жизни это грациозное животное и любовался им несколько минут. Быть может, куница думала, что я ее не вижу, и потому притаилась. Желая проверить это, я сделал движение рукой — зверек не шелохнулся. Я сделал шаг, другой — он еще плотнее прижался к дереву. Случайно я задел ногою длинную тонкую ветку, конец которой лежал как раз на колодине около животного. Куница испугалась и с поразительной быстротой взобралась на высокий кедр. Как потом я ни всматривался, увидеть ее более не мог. Может быть, в стволе дерева было дупло, в котором она и спряталась.

Через полчаса я был около удэхейских юрт. Мои спутники уже пообедали и ждали только моего возвращения.

Посоветовавшись с орочами, я решил спуститься еще немного по Анюю до местности Кандахе и там задержаться на несколько суток. Была надежда, что за это время спадет вода и, может быть, явится возможность итти вверх по реке Тормасунь. Для этого надо было пополнить запасы продовольствия. Кроме того, необходимо было приодеть своих людей. Они сильно обносились, а путь предстоял еще длинный, еще более трудный и опять-таки по местности совершенно безлюдной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАВОДНЕНИЕ

Между рекой Тормасунь и местностью Кандахе, ближе к последней, на возвышенном правом берегу Анюя стоит покинутый дом, который удэхейцы называют доке. Спускаясь к реке, я решил его осмотреть и велел пристать к берегу, а другой лодке итти дальше и устраивать бивак где-нибудь ниже. Орочи ловко повернули улимагду и, пройдя на шестах против воды метров двадцать, причалили к высокому яру. Они тотчас достали свои трубки и стали курить, а я по тропе, уже заросшей травою, подошел к дому.

Он был деревянный, но срубленный чисто. Углы его были аккуратно вытесаны; верхний тесовый край около крыши, а равно и карнизы окон украшены резьбою. Дом был расположен вдоль берега и передним фасадом обращен к реке. С лицевой стороны он имел три окна, слева—одно окно и справа—дверь. Хорошо пригнанные рамы во многих местах еще сохранили стекла; потолок и пол были плотно сколочены и не имели щелей. Справа от входа стояла железная печь, а за ней тянулись длинные деревянные нары.

Кое-какие вещи лежали на полках и были разбросаны на полу.

Получалось впечатление весьма поспешного отъезда, похожего на бегство.

Приглядываясь к деталям, я узнал работу китайцев. Дом покинули недавно — в прошлом году. Вокруг него выросло

много травы. Этот дом принадлежал удэхейцу Маха Кялондига. Он нанял китайцев, и за 800 руб. они «срубили ему домик на-славу». Но недолго в нем прожил Маха. С первых же дней, как он поселился в нем, вблизи стали твориться странные вещи: как только люди гасили огни и ложились спать, около дома начинал кто-то ходить, в печной железной трубе слышались вздохи, в лесу раздавались голоса и кто-то пронзительно свистел.

Уже это одно указывало Маха на то, что место для дома выбрано неудачно, и он начал жалеть о затраченных деньгах. Осенью появились новые нехорошие признаки. Берег, где стоял дом Маха, с незапамятных времен был известен своею прочностью. Никакое наводнение не подмывало его, и в течение многих лет он сохранил свои очертания, а тут вдруг, ни с того, ни с сего неожиданно обвалился. Маха стал задумываться и поговаривать о том, чтобы весной после ледохода разобрать дом и сплавить его куда-нибудь вниз по реке или продать. Но кто купит дом с такою нехорошею репутациею? Пришла зима, и тут случилось два события, которые окончательно решили участь нового дома. Осенью Маха купил лошадь, но не позаботился о заготовке ей корма в достаточном количестве. Когда она стала голодать, он решил ее гнать вниз по реке. Но едва согнал лошадь на лед, запорошенный снегом, как она сразу провалилась и утонула, а сам он еле-еле выбрался из воды.

Второе событие принесло еще большее несчастие. Старший сын Маха, молодой человек 22 лет, по имени Гяма, пошел с двумя товарищами на охоту. На свежевыпавшем снегу они нашли след рыси и стали ее преследовать. Рысь, спасаясь от охотников, взобралась на большую сухую ель, выросшую среди камней, острые края которых торчали из-под снега. Охотники стреляли и убили животное, но так неудачно, что оно застряло между ветвями и не падало на землю. Оставалось или рубить дерево, или лезть кому-либо на его вершину. Гяма избрал последнее и стал взбираться наверх. Когда он уже был близко к цели, один сучок, на который он оперся коленом, вдруг обломился. Охотник полетел вниз и всей тяжестью своего тела ударился о камни. Он сломал обе ноги, два ребра и спинной хребет. Через полчаса после падения Гяма умер. Товарищи доставили его тело домой.

На другой день после похорон сына Маха собрал свое имущество, уложил все в нарты и покинул проклятое место навсегда. Новым местожительством он избрал местность Пунчи, где находился старый балаган из корья. В нем я и застал его вместе с семьею.

Осмотрев дом, я вышел наружу. Печальный вид имело покинутое жилище. Пусть причиной являются предрассудки, невежество, но все же люди сами, с чувством страха перед

неведомым, неизвестным, бежали. Прошлое покинутых домов всегда окружено таинственностью. О них ходят легенды (чем больше дом, тем страшнее легенда), которые со временем или забываются совсем, или растут и принимают фантастически большие размеры.

День клонился к вечеру. Сумрачное небо грозило дождем. В тайге было тихо, а вверху ветер гнал тучи и лохматил их края. Сердитые, темные, они мчались куда-то на северо-восток, как бы с намерением излить всю злобу свою в потоках дождевой воды, и неизвестно было, какие силы гнали их и за какие вины отдавалась земля во власть рассвирепевшей стихии. В это время лесная тишина нарушалась громкими тоскливыми криками. Сначала я думал, что это сова, но потом узнал малую болотную цаплю. С неба упало несколько капель — начал накрапывать дождь. Надо было поскорее добраться до бивака. Шагая по тропе, я чуть было не наступил на большую жабу. Она сидела, расставив передние лапы, как будто подбоченясь. Чувствуя приближение сумерек, она выползла из земли, чтобы насладиться ненастьем и поохотиться за ночными насекомыми.

Орочи оттолкнули лодку от берега, и мы поплыли вниз по Анюю.

Сумерки быстро сгущались — заметно становилось темнее. Еще несколько ударов веслом, и покинутое жилище скрылось за поворотом.

2 августа одна из лодок с двумя орочами — Геонка и Хутунка — отправилась вниз по Анюю. Они должны были пробраться на Амур, сделать там необходимые покупки и как можно скорее возвращаться назад. В это время погода испортилась, и снова пошли затяжные дожди, вынудившие нас к бездействию. В эти ненастные дни мы нашли приют в маленьком бревенчатом домике удэхейца Инси Амуленка, расположенном на правом берегу Анюя, в местности, носящей название Кандахе. Около дома стояли амбар на сваях и юрта из корья — первобытные постройки, с которыми туземцы никак не могут расстаться даже в том случае, когда заимствуют более совершенные жилища у русских и китайцев.

Семья Инси Амуленка состояла из его жены, взрослого женатого сына Тунси, его свояченицы, двоих детей и малолетней родственницы, которая жила у него в качестве приемыша.

Инси был мужчина лет шестидесяти, довольно высокого роста, сухощавый. Лицо его было немного скуластое и нос с ясно выраженной горбинкой. Небольшие усы и небольшая козлиная борода указывали на его южное происхождение. Так оно и было. Из расспросов выяснилось, что Инси родился в южной части Уссурийского края. С малых лет он терпел жестокие притеснения от китайцев, систематически обиравших его отца. После смерти своих родителей манзы за долги объя-

вили его «да-хула-цзы», т. е. вечным даровым работником. Тогда он бежал на север. Долго Инси плыл морем вдоль берега, прятался среди скал, спал без огня и питался тем, что попадалось ему под руку на намывной полосе прибоя: мелкие крабы, морские ежи, раковины, береговички, яйца птиц и т. п. Через месяц он добрался до реки Копи и поселился около притоков Бяпали. Здесь Инси женился. Когда же на Копи началась рубка леса, он перекочевал на Анюй в местность Кандахе, где и прожил около десяти лет.

На Анюе Инси считался одним из самых сильных шаманов. Он имел шаманский костюм с головным убором и шаманский бубен в берестяном футляре, на котором красной и черной красками изображены были различные животные, помогающие ему при камлании.

От своих притеснителей-китайцев он научился земледелию. Около его дома мы нашли небольшой огород, на котором были посажены: картофель, табак, стручковый перец и китайская капуста. Этот огород доставлял немало хлопот Инси. В окрестностях бродило много кабанов. Они часто навещали Кандахе и чинили потравы.

Тунси вырыл ловчую яму и поймал в нее супоросную свинью, которая принесла ему много поросят. Это были очень милые подвижные животные рыжеватого цвета с продольными черными полосами вдоль всего тела. Молодые кабаны очень привязались к людям и все время лезли в дом, что тоже доставляло немало хлопот женщинам, постоянно гнавшим их на двор.

Не только кабаны, но и медведи и тигры частенько подходили к дому вплотную. Один раз два мальчика восьми и десяти лет пошли на охоту за рябчиками. Шагах в полутораста от дома проходила старая сухая протока. Мальчики туда и направились. Когда они вошли в старицу, то неожиданно наткнулись на тигра. Зверь уставился на них своими желтозелеными глазами. Тогда старший из мальчиков выстрелил в него дробью. Тигр затряс головой и убежал.

В перерыве между дождями мы совершали экскурсии и уходили иногда далеко от дома

10 августа утро было ненастное, но потом погода как будто стала немного разгуливаться. Вынужденное сидение на одном месте всем очень надоело. Поэтому, как только выглянуло солнце, А. И. Кардаков взял свой фотографический аппарат и поехал на другую сторону, за Анюй, а я направился в сторону от реки с намерением достигнуть края долины

Путь мой пролегал по большому лесу, состоящему из пород: даурской лиственицы, аянской ели, белокорой пихты, корейского кедра, душистого тополя, маньчжурского ясеня, амурской липы, монгольского дуба, горного ильма и черной березы. Кроме того, здесь произрастал акатник — небольшое

деревцо, ствол которого имеет сердцевину красно-коричневого цвета, окруженную желтой заболонью.

Древесина акатника настолько тверда, что об нее тупятся топоры. Коричневая шелушистая кора и средней величины овальные кожистые листья, белесоватые с исподней стороны, дадут читателю некоторое представление об этом деревце, названном в честь известного исследователя Маака.

По соседству с акатником виднелся маньчжурский орех — родной брат грецкого ореха и одно из самых красивых деревьев в Уссурийском крае. Большие листья его расположены по концам ветвей, а орехи с толстой кожурой окружены мясистой зеленой оболочкой с остроконечными выступами. Древесина здешнего ореха считается весьма ценной.

Там и сям виднелись светлосерые стволы пробкового дерева, называемого русскими бархатным. Под пробковой морщинистой корой его лежит слой заболони яркожелтого цвета. Листья этого дерева по внешнему виду несколько напоминают иву или рябину. Весной оно одевается зеленью позже всех. На Анюе мы застали его уже с черными ягодообразными плодами, издающими и своеобразный резкий запах.

На солнцепеках по каменистым местам росла группами и в одиночку колючая аралия, имеющая вид пальмы с перисто-раздельными листьями в метр величиною. Ствол ее достигает высоты от трех до пяти метров и сплошь усажен большими острыми шипами; из самой середины листвы поднимается кверху большое бело-желтое соцветие. Аралия тоже отцвела и готовилась осыпать свои семена на землю.

Но самым красивым растением в долине Анюя бесспорно был амурский виноград. Местами он так опутывал кусты и деревья, что за листвой его, уже окрашенной в цветистые нежнорозовые тона, положительно не видно было, кого именно он избрал своей опорой, чтобы подняться повыше к солнцу. Если ему мало было места, он перебрасывался на соседнюю растительность, цепляясь усиками за ветви деревьев, или свешивался вниз длинными гирляндами. Плоды у него уже начали созревать и приобрели синеватый оттенок.

Я старался выбирать места открытые, где меньше было валежника. Попутно я заметил ядовитую чемерицу белую, с грубыми плойчатыми листьями, космополитичный папоротник — орляк обыкновенный, листья которого, действительно, похожи на крылья орла, и ландыш маньчжурский, который ничем не отличается от европейского вида. Тут было много и других цветковых растений, которые мне не были известны. Я не задерживался около них и шел дальше.

В августе в тайге всегда появляется много пауков темно-бурого цвета. Некоторые из них достигают довольно больших размеров и имеют брюшко величиной с медную двухкопеечную монету и ножки толщиной в спичку. Между деревьями

они натягивают свои тенета и сидят в самой их середине в хорошую погоду, и под листвой — во время ненастья. Когда идешь по тайге, все время натыкаешься на этих, по существу безобидных и флегматичных, животных. Паутина часто садится на лицо, руки, одежду и доставляет много неприятностей. Днем паук сидит неподвижно и как будто спит, но, если тронуть паутину, он немного шевельнет ножками и приготовится к бегству, если это враг, или к нападению, если это насекомое. Паутина его, колесного типа, обычно помещается в большом треугольнике, стенки которого сотканы из таких прочных нитей, что они производят впечатление шелковых, и нужно употребить некоторое усилие, чтобы разорвать их рукою.

Я все время придерживался небольшой тропы, которая, чем дальше от дома Инси Амуленка, тем становилась все слабее и слабее. В одном месте я вдруг увидел протянутую поперек ее тонкую нить. Опасаясь, как бы не попасть на самострел, я остановился и стал осматриваться.

Скоро все разъяснилось: то, что я принял за волосяную нить, была паутина длиною в пять метров, а несколько в стороне находился и владелец ее. Большой темный паук неподвижно сидел в самом центре правильного восьмиугольника. Как раз под паутиной была довольно глубокая лужа с чистой прозрачной водой. Я взял прутик и тронул им паука. Он шевельнулся и снова замер в неподвижной позе. Тогда я легонько ударил его по брюшку. Паук быстро, точно падая, опустился вниз и повис на паутине, но я оборвал ее. Паук упал в воду и, к великому моему удивлению, пошел на дно, где и притаился. Зная, что все пауки дышат воздухом, я решил понаблюдать за ним и посмотреть, как долго он будет находиться в таком положении.

Прошло пять-десять минут, а паук сидел в воде, как будто это была его родная стихия. Я хотел было его опять тронуть прутиком, но вдруг он, словно пробка, всплыл на поверхность и стал загребать ногами, как веслами, направляясь к берегу. Через минуту паук выбрался на сушу и направился к высокому травянистому растению. Это был дудник даурский. Достигнув вершины его, он сел на край плодонесущего зонтика и стал пускать по ветру паутину до тех пор, пока она не зацепилась за одну из основных нитей его тенет. Убедившись, что паутина достигла цели, он подтянул ее немного к себе, затем спрыгнул с растения, покачался в воздухе и стал быстро взбираться наверх. Через минуту паук сидел на том самом месте, откуда я столкнул его в воду.

Во всем происшедшем интересными являются три момента: первый — способность паука долго быть под водой; второй — способность его изменять удельный вес своего тела и по желанию тонуть в воде и всплывать на поверхность и третий —

чувство ориентировки по отношению к своей паутине, ветру и растущим поблизости растениям.

Я не стал больше беспокоить паука, обошел его тенета и начал подниматься на сопку.

Дождевая вода сбегала по склону горы многочисленными струями. Они соединялись в ручьи и шумными каскадами стремились книзу, словно опасаясь опоздать к наводнению, признаки которого были уже налицо. Ожили старицы и сухие протоки; в лесу вода появилась в таких местах, где ее совсем нельзя было ожидать.

По небу двигались большие кучевые облака и заслоняли собою солнце. Сильно парило... Я несколько раз садился на колодник и рукавом рубашки обтирал свое лицо, с которого обильно струился пот.

Наконец я достиг вершины. Передо мною развернулся угрюмый горный ландшафт. Весь юго-восточный склон неба был закрыт тучами. На переднем плане виднелся край долины реки Анюя, за ним другой хребет, а дальше — еще какие-то высокие сопки. Они терялись в косых полосах дождя, которые как бы соединяли небо с землею. Над истоками Анюя, Поди и Тормасуни они были совершенно непроницаемыми. Там, повидимому, шел сильный ливень.

Все это были плохие признаки, грозившие задержать нас на Кандахе на неопределенно долгое время. Но была надежда, что, быть может, погода изменится к лучшему, вода в Тормасуни спадет, и мы благополучно достигнем реки Хора.

В это время нашла большая туча и заслонила собою солнце. Опять стало сумрачнее и снова пошел дождь — мелкий и частый. Тогда я повернул обратно и часа в три пополудни пришел домой, вымокший до последней нитки.

К вечеру разразилась настоящая буря. Сильный порывистый ветер ломал ветви деревьев и сотрясал маленький домик до основания. Дождь хлестал по окнам, и слышно было, как вода ручьями стекала с крыши. Мои спутники — туземцы — приутихли и молча сидели на нарах.

В такие минуты человек сознает свое бессилие перед грозными силами природы, когда они выходят из равновесия и превращаются в ураган, известный у народов Востока под названием тайфуна. С этими мыслями я уснул.

На другой день рано утром меня разбудили тревожные голоса людей. Я слышал, как они волновались, что-то носили, бросали; все делалось торопливо, бегом...

Я поспешно оделся и вышел из дома. Одного взгляда на протоку были достаточно, чтобы понять в чем дело. Внешний вид ее изменился до неузнаваемости.

Мутная желтая вода прибывала с большой быстротой и распространялась вширь, заливая все более или менее низменные места. По воде плыли ветки, обломанные бурей, и вся-

кий мусор. Люди оттаскивали подальше лодки, уносили весла, шесты и все, что вода могла захватить с собою. Через какие-нибудь четверть часа весь левый берег протоки оказался во власти водяной стихии. Правый берег был выше, но и здесь вода уже заполняла все ложбинки. Она проникала всюду, везде находила лазейки и топила лес. Только небольшая часть этого берега, наиболее возвышенная в виде «острова печального» поднималась среди обширных «сильвасов». К вечеру вода стала угрожать и нашему маленькому островку. Зальет или не зальет его ночью? Этот тревожный вопрос был написан у всех на лицах.

На Анюй страшно было смотреть. Как бешеный зверь, он метался в своих берегах. Огромные желтопенистые волны с головокружительной быстротой неслись книзу. По реке плыли большие деревья, бороздя дно своими ветвями. Сдвинутые с места камни, увлекаемые водою, тоже катились вниз. Движение их можно было проследить по перемещающимся пенистым всплескам и характерному шуму, похожему на заглушенные взрывы.

Наша протока, в обычное время несущая свою воду и тихо и бесшумно, теперь заговорила и громко стала вторить Анюю. По ней бежали бесчисленные водовороты; они зарождались внезапно, быстро двигались вниз по течению и так же внезапно пропадали, чтобы вновь появиться где-нибудь в стороне. Настала вторая ночь. Что принесет нам рассвет?

Мне не спалось. Все время у меня из головы не выходили женщины с детьми на галечниковой отмели около устья реки Тормасунь. Что сталось с ними? Нет никакого сомнения, что грозные волны теперь бегут через отмель, и юрты их снесены.

Лодки туземцев были далеко от жилища. Вероятно, их унесло водою, которая появилась ночью валом, когда все спали. Несомненно также, что сухая протока около лесистого яра, соединяющая отмель с берегом, была мгновенно затоплена и отрезала женщинам путь к отступлению. Добраться до реки Тормасунь в такую воду совершенно невозможно. И при мелководье времени надо на это не менее десяти часов. Да теперь уже было поздно и бесполезно. Единственная надежда на то, что старая женщина была настороже и при первых признаках наводнения заблаговременно подтащила лодки к балаганам. Меня также беспокоила участь орочей, посланных мною к устью Анюя. Вследствие обилия мошки, возможно, они заночевали на гальке. Большая вода могла застать их врасплох и унести лодки.

Мучимый этими мыслями, я не мог уснуть. Было два часа ночи. Я оделся и вышел на берег протоки. Поставленная нами еще с вечера водомерная рейка указывала, что вода неуклонно прибывала, хотя уже и не так быстро. Еще пять сантиметров, и наш остров будет затоплен.

Полная луна за лесом низко склонилась к горизонту. Лучи ее проникали между стволами деревьев и серебрились в быстро бегущей воде. На чистом безоблачном небе, таком чистом, точно его вымыли дождями, блестел Юпитер во всей своей ослепительной красоте. Там, вверху, на небе, царило спокойствие, а внизу был хаос.

Страшный рев несся со стороны Анюя, и к нему то и дело примешивался грохот падающих деревьев. Одни «питомцы столетий» падали потому, что вода подмыла корни их, другие — под напором плавника.

Вдруг откуда-то издали донесся странный гул, похожий на гром или отдаленную пушечную канонаду: где-то произошел обвал.

Я прошелся немного вдоль берега, частью уже затопленного, и снова вернулся к водомерной рейке. Она указывала на один и тот же уровень. Вода подступила к самому краю нашего острова и остановилась.

— Есть две страшные стихии, — говорят орочи, — огонь и вода. После пожара остается чистое место и после наводнения тоже остается чистое место. Будь осторожен и всегда бойся огня и воды. — Простая, но жизненная философия.

В это время какая-то тень на мгновение закрыла луну. Это был большой филин. Он сел на соседнее дерево и стал ухать. Убедившись еще раз, что подъем воды прекратился, я вернулся в свою палатку и тотчас уснул.

Восемнадцать суток продержало нас наводнение на Кандахе. Все эти дни шли дожди, и вода в реке то убывала немного, то прибывала вновь. Потеряв надежду на полный ее спад и уничтожив всю свою питательную базу, я решил спускаться вниз по Анюю с намерением попасть на реку Пихцу через озеро Гаси.

19 августа в полдень прибыли наконец Геонка и Хутунка и вместе с ними еще два удэхейца — Миону из рода Кимунка и Гобули из рода Кялондига. Как и надо было ожидать, наводнение захватило их в низовьях Анюя. В это время они ночевали на островке. Перед рассветом сквозь сон Геонка услышал какой-то шум. Выглянув из комарника, он увидел плывущий по реке тополь, который задел улимагду и потащил ее за собой. Не теряя ни минуты, Геонка выскочил из палатки, бросился в воду и удержал лодку руками. Крики его разбудили других удэхейцев. Опоздай Геонка только на несколько секунд, лодку унесло бы водой, и они погибли бы наверняка. С величайшим трудом пробирались они вверх против течения где лесом, где вновь образовавшимися протоками, и, пока подымались до Кандахе, съели все запасы, купленные на Амуре. Они прибыли к нам совершенно измученные, голодные и вымокшие до последней нитки. Надо было дать им отдохнуть.

Теперь в состав экспедиционного отряда вошли еще два удэхейца. Миону был мужчина невысокого роста лет тридцати шести. Он был слаб физически, но зато превосходно знал все места в бассейнах рек Пихцы, Мухеня и Немпту. По цвету кожи, по форме носа, выражению глаз и складу губ Миону больше чем кто-либо из туземцев своим внешним видом напоминал индейца. От последних отличался он тем, что любил поговорить. Миону все время рассказывал нам о том, что он видел в горах, что с ним случилось, говорил о зверях, птицах, о злых духах, которые постоянно мешали ему и заставляли перекочевывать с одного места на другое. Он не выпускал изо рта своей трубки, и когда что-нибудь делал, то сильно сопел.

Другой удэхеец был среднего роста, хорошего плотного сложения, лет сорока восьми. На типично маньчжурском лице Гобули с несколько выдающимися скулами и с выгнутым носом уже появились глубокие морщины, не столько от старости, сколько от жизненных невзгод, которые выпали на его долю. По словам туземцев, это был человек старательный и работящий, но словно какой-то злой рок преследовал его и дома и на охоте. Один раз зимой сам он, жена и дети все разом заболели и чуть было не погибли от холода и голода. Другой раз на реке Пихце два тигра отняли у него кабана и самого его заставили уйти на р. Хор. Третий раз во время сильного мороза с ветром он провалился в прорубь и чуть было не замерз, пока добежал до дому и т. д. Гобули в противоположность своему товарищу был молчалив и неохотно рассказывал о своих приключениях, которыми была так полна его жизнь.

Теперь на Кандахе съехались четыре шамана: ороч Хутунка, удэхейцы Миону и Геонка и сам Инси Амуленка.

Следующий день — субботний — мы употребили на сборы, приводили в порядок лодки и приготовляли новые шесты. Незадолго до сумерек мужчины зарезали одного поросенка и собрали кровь его в чашку. Женщины принесли листья багульника и стали их подсушивать на огне, а Тунси кривым ножичком «апали» с сырых тальниковых жердей срезал длинные стружки «каупteляни». На вопрос мой, зачем делаются все эти приготовления, он ответил, что вечером все четыре шамана будут камланить. И действительно, когда на западе погасла вечерняя заря, старшая из женщин принесла железную жаровню, сделанную в виде птицы. Она насыпала в нее горящих углей и поставила посредине жилища. Другая женщина вынула из берестяного футляра бубен и стала нагревать кожу его над огнем, время от времени трогая ее колотушкой, чтобы узнать, достаточно ли она натянулась и звонкие ли будут удары. Когда все было готово, Гобули бросил в жаровню несколько сухих листьев богульника. Тотчас весь дом наполнился едким и ароматным дымом.

Первым камланить должен был Хутунка. Он надел на голову венок из стружек, подвязал на себя пояс с металлическими конусообразными трубками и позвонками и взял в руки колотушку и бубен. Последний имел овальную форму с большим диаметром, в метр длиною, а колотушка представляла собой тонкую выгнутую пластинку, обтянутую мехом выдры и с ручкой, украшенной на конце резною медвежьей головою. Хутунка встал перед жаровней и некоторое время молчал, закрыв глаза, как бы собираясь с мыслями. Все присутствующие расселись по нарам.

Прошла минута-две, и вот среди всеобщей тишины мое ухо уловило какие-то звуки: Хутунка чуть слышно тянул ноту за нотой не раскрывая рта. Он постепенно усиливал свой голос и призывал к себе духа «севона», помогавшего ему при камланьи. Пение его было печальное и монотонное. Понемногу он оживал и переминался с ноги на ногу. К голосу шамана присоединился металлический шорох, издаваемый позвонками. Иногда он вздрагивал, подымался на носки и припадал на колени. Выражение лица его было весьма напряженное. Он говорил несвязные слова, упрашивал и умолял своего духа помочь ему. «Бада ла анчи Тэму гаани» (т. е. безликая птица Тэму). Как будто он имел успех, потому что голос его стал более уверенным и более ровным. Минут тридцать Хутунка находился в состоянии такого транса. Постепенно он снижал тон, пение его сделалось медленным и перешло в несвязное бормотание. Он стал тянуть одну, две ноты, не раскрывая губ, постепенно стихая, и все закончил глубоким вздохом. Хутунка отдал бубен и снял позвонки. Потом он лег на нары и больше не вставал совсем.

Вторым выступил Миону Кимунка. Он тоже надел на голову повязку из тальниковых стружек и встал перед жаровней с бубном в руках. Стружки длинными спиралями свешивались ему на спину. Пение его было сначала тихое, но потом постепенно усиливалось и превратилось в ропот, протест. Он как-будто жаловался на что-то, спрашивал своего духа и вслушивался в его ответы, которые долетали до него как бы издалека. Миону стал изгибаться, сделал шаг, другой, пожимал плечами и начал плясать. Движения его были плавны и уверенны. Без особого шума и без резких скачков он обошел вокруг жаровни и опять встал на свое место. Он пел и в чем-то настойчиво убеждал своего духа-покровителя, но не плакал и не умолял его, как Хутунка. Под конец камланья Миону не сразу удалось освободиться от «севона». Последний, повидимому, был упрям и долго не хотел оставить общество людей. Дважды Миону кричал: «Эхе-э-э-э!..», то поднимая звук «э» до высокого крика, то снижая его до октавы. Удаление севона отняло столько же времени, как и само камланье. Миону сторонился духа и отталкивал его руками. Наконец севон ушел.

Шаман почувствовал облегчение. Измученный до крайности, он положил бубен на пол, снял пояс с позвонками и лег на нары.

Теперь пришла очередь Геонка. Этот шаман камланил совсем иначе. Он снял с себя часть одежды. Так же, как и другие, он украсил себя стружками и взял в руки бубен. Заклинания свои Геонка начал шопотом, который все учащался и становился громче. Он всхлипывал, скрипел зубами и изредка касался колотушкой жаровни с углями. Ноги его стали дрожать все больше и больше, рука тоже стала проворнее бегать по бубну. Дрожание перешло во вздрагивание всем телом, отчего металлические украшения на поясе начали издавать шелестящий звон, который все усиливался и перешел в оглушительный лязг. В момент вселения духа Геонка пришел в большое волнение. С ним начались судорожные схватки. Тело его приобрело удивительную гибкость. Он извивался, как змея; с лица его градом катился пот; потом конвульсивные движения перешли в корчи и в конце концов превратились в самую дикую пляску. Он приседал все ниже и ниже и вдруг сразу подымался во весь рост, и каждый раз, когда нужно было особенно сильно ударить бубен, он выкрикивал: «Э-э-э-эх!..». Один раз он сделал прыжок через жаровню и такой нанес удар в бубен, что у всех явилось опасение за целость инструмента. Шаман затрясся на месте и завыл волком, весьма удачно подражая зверю. Можно было подумать, что его трясла жестокая лихорадка. Он метался и кричал: «А-ще-то-то-то-то-то!..». Геонка повелевал своим духом, что-то требовал и не хотел слушать никаких его возражений. Камланье оборвалось неожиданно. Когда надо было, он сразу освободился от севона. Он просто отстранил его от себя, прошел мимо и стал раздеваться, затем он выпил ковш воды и лег рядом с Миону и Хутунка.

Последним выступил Инси. Он надел на себя специально сшитый шаманский костюм с перьями по швам рукавов, которые должны были изображать крылья, а на голову — убор, имеющий вид шапочки с маленькими оленьими рогами, сделанными из железа. На шее старика был подвязан особый нагрудник с изображением ящериц и лягушек, а на лбу особый козырек с нашитыми на нем шаманскими глазами из разноцветной бумажной материи. С помощью этих матерчатых глаз он мог видеть то, что недоступно простым смертным. И голова, и коса, падающая на спину, и пояс с позвонками, и обувь — все было украшено тальниковыми стружками. Инси сел на особый коврик, на котором двумя большими темными кругами изображалась бездна—сункта. Он прислонил лицо к бубну и стал звать севона. Бубен удачно играл роль резонатора и то усиливал, то ослаблял голос шамана. Дух вселился в шамана быстро и очень шумно. Сильное потрясение на короткое время

ввергло старика в беспамятство. С диким воем он затрясся всем телом и запрокинул назад голову. Одна из женщин поддержала его и стала опахивать ему лицо берестяным веером. Минуты через две Инси пришел в себя и помутневшими глазами посмотрел на окружающих. Тогда Гобули взял длинный ремень, изображающий большую змею Кулигасэ. Один конец его он привязал к поясу Инси, а другой оставил у себя в руках, чтобы сдерживать шамана, который в экстазе мог унестись в преисподню, откуда нет возврата. Старик вскочил на ноги и завертелся в неистовой пляске.

Оглушительные удары в бубен, сильный лязг металлических позвонков и истеричные выкрики шамана — все это создавало такой хаос звуков, что у меня закружилась голова.

Старик положительно обезумел. Он кричал на своего севона, грозил ему, обращался с ним, как с подчиненным, он старался напугать его своим видом и страшным шумом. От музыки его становилось жутко. Кто знает, что сумасшедшему может притти в голову! Шаман прыгал, как тигр, он спорил, ссорился и дрался со своим духом. Инси набрал в рот горящих углей и сыпал искрами вправо и влево: это были его молнии, а резкие удары в бубен изображали гром. Гобули поднес к губам шамана чашку с кровью. Он выпил ее залпом и опять завертелся в пляске, как раненый зверь. Было достойно удивления, откуда у этого старого человека бралось столько энергии, столько силы. Он куда-то мчался, кого-то догонял и кричал, что не видит земли, что мимо него летят звезды, а кругом холод и тьма. Тогда на помощь Гобули бросились Миону и Хутунка и делали вид, что изо всех сил сдерживают шамана, летевшего стремглав в потусторонний неведомый мир. Инси потащил их за собой из дома наружу.

Я последовал за ними.

Месяц был на ущербе. Он только что начинал всходить, но уже терялся за тучей, надвинувшейся с запада. Над большой протокой блистали две звезды — Кастор и Поллукс из созвездия Близнецов.

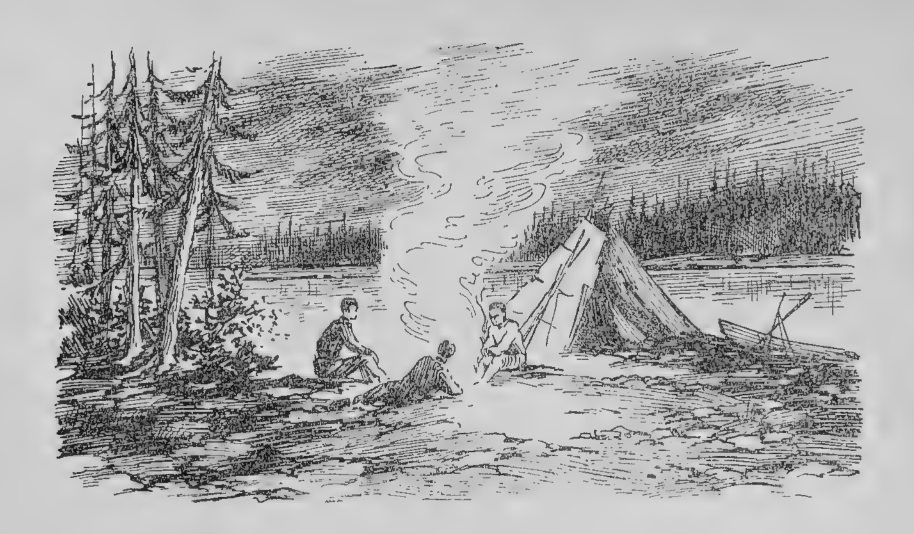
Свет луны уже не проникал в лес. Там был полный непроницаемый мрак. Где-то далеко вспыхивали зарницы, и тогда на фоне мгновенно освещенного неба резко и отчетливо вырисовывались контуры хвойных деревьев.

В это время большая ночная птица пролетела зигзагом над нашими головами; из глубины тайги ветром донесло чей-то грузный вздох, похожий на ворчанье. Такие звуки издает медведь, если поблизости почует человека. Одни собаки яростно залаяли, другие стали жалобно выть. Инси вскрикнул и снова впал в беспамятство. Севон так же быстро оставил шамана, как и вошел в него. Камланье было окончено. Минут через пять Тунси и Гобули привели старика в дом. Он еле держался на ногах. Рубашка его была мокрой от пота. После такого

моциона Инси нуждался в отдыхе. Он лег на кан и не вставал до утра.

Женщины убрали с пола берестяной коврик и жаровню с углями, расставили столики на низких ножках и подали вареную рыбу и мясо поросенка.

Итак, камланили четыре шамана и каждый по-своему. Камланье началось «слабейшим» и кончилось «сильнейшим». Хутунка зависел от севона и умолял его, Миону оспаривал свои права и настаивал на исполнении своих просьб, Геонка требовал повиновения и повелевал севоном и наконец Инси считал его своим подчиненным, кричал на него, угрожал ему и даже гнал прочь.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДЕВСТВЕННЫЙ ЛЕС

21 августа мы распрощались с Инси Амуленка и поплыли вниз по Анюю.

День был морозный; дул холодный ветер. По небу ползли серо-свинцовые тучи; дважды принимался накрапывать дождь. Все указывало на приближение того времени года, когда начинает опадать листва с деревьев, мерзнуть земля, пушные звери одеваться в теплые меха и вода превращаться в лед.

После Тормасуни долина Анюя делается значительно шире. Отсюда река начинает разбиваться на протоки. Некоторые из них Пунчи, Агжу, Била и Хонко—достигают значительной ширины и далеко отходят в стороны.

Вследствие быстроты течения надо было внимательно смотреть вперед и вообще быть осторожным, в особенности на поворотах. То мы спускались вниз по воде, то сворачивали в какую-нибудь узкую протоку и плыли по лесу, чтобы пересечь другую такую же протоку и выйти снова на Анюй в наиболее безопасном месте. Иногда шесты не доставали дна, а весла были бесполезны. Орочи в таких случаях вонзали остроги в стволы деревьев и подтягивались на руках. Это очень опасный прием, при котором легко упасть навзничь и опрокинуть лодку, что, несомненно, было бы гибельно для всех пассажиров.

По пути встречали медведей. Один раз зверь только что переплыл через реку и по круче взбирался на берег. Нас пронесло мимо него. Я видел только голову и плечи животного.

Орочи стреляли и ранили медведя, но остановиться и выйти на берег для преследования его было невозможно. Другой раз из соседней протоки совершенно неожиданной водой вынесло большое дерево. На нем была медведица с медвежонком. Завидев людей, она хотела было броситься вплавь, но в это время дерево ударилось концом в противоположный берег. Медведица со своим питомцем выбралась на отмель и благополучно скрылась в лесу.

Страшные разрушения произвело наводнение в долине Анюя. Мы видели трупы утонувших животных, снесенные юрты туземцев, поваленные деревья, придавившие кусты и молодняк, слои ила, песка и т. д. Все удэхейцы бежали к устью реки. Там, где раньше были их жилища, бушевала вода, образовались новые протоки, заваленные колодником.

Анюй по справедливости считается рыбной рекой. Большинство лососевых, поднимаясь вверх по Амуру, сворачивает в правые его притоки, и главное руно идет по р. Уссури. По словам туземцев, самая большая кета идет по Анюю. И, действительно, пойманные нами экземпляры поражали размерами и весили около 15 килограммов. В нижнем течении реки обитают: калуга, осетр, верхогляд, толстолобик, щука, угорь и сазан. Туземцы говорят, что в некоторых местах Анюй вовсе не замерзает, и объясняют это тем, что здесь держится много рыбы. В данном случае они путают причину со следствием. Несомненно, рыба держится в таких местах, которые не замерзают зимою, причину же незамерзания реки надо искать в чем-то другом.

В полдень мы прошли мимо реки Улема, памятной мне по охоте на тигров в 1908 г. Здесь в лесу на небольшой поляне был мой астрономический пункт. Координаты я вырезал на затеске большого дерева. Я сказал орочам, чтобы они пристали к берегу. Геонка ловко повернул улимагду против воды и задержался за кусты. Орочи решили отдохнуть и покурить, а я вышел из лодки и направился в лес вместе с Миону и Гобули. За двадцать лет здесь многое изменилось. Молодняк вырос и превратился в стройные деревья, появились новые кусты, протоки...

Минут через десять ходьбы по лесу на небольшой полянке я увидел свое дерево. Это была чозения, из которой за неименнем тополя туземцы иногда долбят лодки. Чозения в переводе с японского языка значит «кореянка». «Она более примитивна, чем Populus Salix и является родом, который занимает между ними как бы промежуточное место» *.

«Астрономическое» дерево имело метров двенадцать в вышину и более метра в диаметре. Надписи на нем хорошо со-

---

* В. Л. Комаров. Третий род семейства Salicaleae chosenia Nakai. Юбилейный сборник, посвященный И. П. Бородину. 1927 г., стр. 276—277.

хранились, но края затесины обросли корой, а по обе стороны удивительно симметрично выросли два огромных трутовика, словно подставки для канделябров. Осмотрев дерево, удэхейцы сказали, что оно дуплистое и недолговечное. Я обошел его кругом, мысленно попрощался с ним и направился назад к лодке.

На обратном пути мы решили сократить дорогу и итти напрямик к реке. Пройдя шагов сто, я увидел около десятка ворон. Они сидели на ветвях деревьев и перекликались между собою. Из этого Гобули вывел два заключения: первое — что-то привлекло их сюда; второе — это «что-то» находилось поблизости. А Миону добавил еще третье заключение: здесь, кроме ворон, был еще кто-то, которого птицы боялись и, повидимому, ждали, когда он уйдет. Мы умерили шаг и стали внимательно смотреть по сторонам. Вдруг какая-то грузная фигура с буро-рыжим оперением, махая большими крыльями, поднялась на воздух. Я сразу узнал орлана белохвостого. Он снялся так близко от нас, что я мог хорошо рассмотреть его.

Голова и шея орлана были светлее остального тела; большие лапы желтого цвета с черными острыми когтями и могучий клюв, тоже желтый, сжатый с боков и, как у всех хищников, загнутый книзу, были столь характерны, что я не мог ошибиться в своем определении. Обыкновенно орлан белохвостый кормится рыбой, но при случае нападает даже на четвероногих величиной с кабаргу.

Вспугнутый пернатый хищник тяжело взлетел кверху и направился к реке.

Я остановился и стал следить за ним глазами, а удэхейцы прошли вперед.

— Кянга (т. е. «изюбрь»), — услышал я голос Миону.

— Инка (да), — отвечал ему Гобули.

Я пробрался через кусты и, действительно, увидел на земле труп молодого изюбра, повидимому, недавно утонувшего.

Голова его и левая передняя нога были занесены илом; правый бок был расклеван и часть внутренностей вытащена наружу.

Лишь только улетел орлан, как вороны снялись с своих мест и с карканьем стали носиться над лесом. Может быть, они опасались что мы унесем мертвое животное с собой.

На мокрой илистой почве, кроме отпечатков птичьих ног, были следы и кое-каких четвероногих. Туземцы рассматривали их и вслух называли животных: колонок, лиса и горный волк.

В это время с реки донеслись крики, приглашавшие нас поскорее возвращаться назад. Через несколько минут мы плыли дальше вниз по реке.

Немного ниже Улема с правой стороны в Анюй впадает еще небольшая речка Уоленку. Здесь есть короткий и удобный перевал на реку Мыныму, впадающую в тот же Анюй недалеко

от устья. Надо сказать, что весною Анюй рано вскрывается ото льда. В марте месяце гольды, возвращаясь с соболевания, чтобы избежать опасного пути среди многочисленных проталин, сворачивают на Уоленку и, таким образом, обходят Анюй стороною. Описываемый перевал настолько невелик, что удэхейцы перетаскивают через него лодки на руках.

Между Хором (нижний приток Уссури) и верховьями рек Ситы, Обора, Немпту, Мухеня и Пихцы, впадающих в нижний Амур с правой стороны, протянулась длинная дуговая горная складка. У Анюя она начинается горою Хонко и идет сначала на юго-запад, потом на запад, постепенно понижается и выходит к реке Кие рядом невысоких холмов с весьма пологими скатами. Это — Хорский хребет. Несмотря на значительную высоту свою, он имеет ровный столообразный гребень, местами суживающийся настолько, что наблюдателю, находящемуся на вершине его, видны одновременно оба склона; в других местах он представляется в виде обширных плато, покрытых лесом. И здесь отсутствие глубоких седловин и конических сопок свидетельствует о больших эрозионных процессах.

Западное подножие Хорского хребта в прошлом является берегом древнего водоема, который в течение многих веков заполнялся выносами многочисленных речек, ныне составляющих притоки Пихцы, Мухеня и Немпту. Так образовались обширные болота. Нынешние озера Гаси, Синда, Петропавловское являются остатками этого водоема.

Около горы Хонко мы задержались. Я намеревался совершить экскурсию на юг от реки Анюя, чтобы посмотреть, нет ли там мест открытых и годных для заселения. Но потом у меня возникла мысль пройти на реку Нихцу напрямик, придерживаясь западного склона Хорского хребта. Вечером Миону и Гобули начертили мне план. Из него явствовало, что мы должны держаться юго-западного направления и на пути пересечь речки: Чу, Моди, Кальдангу, Буга, Хосу и Уту, из которых первые две входят в бассейн Анюя, две другие впадают непосредственно в озеро Гаси и последние две являются правыми притоками реки Пихцы. Меня только смущал недостаток продовольствия, которым мы располагали, но все же я решил попытаться пройти на речку Моди и в крайности спуститься по ней к гольдскому селению Сира в нижней части Анюя.

На другой день мы оставили лодки и пошли в гору.

В этих местах на всем протяжении от Анюя до Непту на двести с лишним километров произрастают громадные первобытные леса, которых еще никогда не касалась рука человека и где ни разу не было пожаров. Высокие стволы пробкового дерева с серою и бархатною на ощупь корою, казалось, спорили в величии и красоте с могучими корейскими кедрами. Если последнему суждено вековать в долинах среди широколиственных пород, тогда он предпочитает одиночество, но здесь

в горах кедр произрастал группами и местами составлял от 50 до 70% насаждений. Лишь только в поле зрения попадался маньчжурский ясень, как мы уже знали, что недалеко находится речка. Любопытно, что и он здесь рос целыми рощами, причем некоторые экземпляры достигали поистине грандиозных размеров. Здесь даже остроконечный тисс, называемый русскими «красным деревом» и являющийся представителем первых хвойных на земле, и монгольский дуб имели вид строевых деревьев в два обхвата на грудной высоте. Стволы, то массивные и темные, то стройные и светлые, толстые и тонкие, то одиночные, то целыми группами, словно гигантская колоннада, уходили вдоль на необозримое пространство. Тут были деревья, которым насчитывалось много сотен лет. Некоторые лесные великаны не выдержали тяжести веков, тяготеющих над ними, и поверглись в прах. В образовавшиеся вверху отверстия днем проникали солнечные лучи, а ночью виднелось звездное небо. Неподвижный лесной воздух был так насыщен ароматами, что, не глядя, можно было сказать, какое дерево находится поблизости: тополь, кедр, липа; в сырых местах ощущается запах рухляка, папоротника и листвы, опавшей на землю. Ветру доступны только верхи деревьев. Тогда лес наполняется таинственными звуками. Зеленое море вверху начинает волноваться, шум усиливается и превращается в грозный рев, заставляющий зверье быть настороже и пугающий самого привычного лесного бродягу.

Читатель ошибется, если представит себе первобытную девственную тайгу в виде рощи. С первых же шагов он с головой утонет в подлеске, главным представителем которого будет душистый тонколистный дикий жасмин — любитель тенистых и невлажных прогалин; его легко узнать по удлиненно-зубчатым листьям и довольно крупным овальным плодам. Рядом с ним в большом количестве растет колючий чубышник с листьями, как у драгоценного женьшеня, и с черными ягодообразными плодами, расположенными на длинных черешках в форме шаровидного зонтичка. По соседству с жасмином и чубышником нашла приют себе маньчжурская лещина, имеющая вид куста. Листья ее округлые и сильно зазубренные, а орехи — от двух до четырех — прикрыты прицветниками с колючими волосками, оставляющими на руках множество легко удаляемых мельчайших заноз.

И деревья, и кустарники опутаны лианами актинидии коломикты, зеленые сочные плоды которых заслуженно считают лучшим даром Уссурийского края. Вперемешку с актинидиями по стволам деревьев вьется китайский лимонник с пестрой листвой и красными ягодами. В тех местах, куда пробрался солнечный луч, обильно разросся виноград амурский. Все эти кустарники, ползучие растения и высокие папоротники (дриоптерис, осмунда, страусопер и др.) образуют столь густые

заросли, что мы узнавали о местонахождении друг друга только по голосам.

Такой девственный лес населен великим множеством зверей: тиграми, рысями, медведями, красными волками, лисами, куницами, хорьками, соболями, росомахами, выдрами, барсуками, изюбрами и дикими козулями. Совершенно свежие следы их встречались повсеместно. Неоднократно мы вспугивали кабанов, которые бродили здесь целыми табунами. Дикие свиньи с шумом пробирались сквозь чащу леса и громким фырканьем выражали неудовольствие по нашему адресу.

После затяжных дождей хорошая погода, повидимому, установилась, и теплые солнечные дни длинной чередой потекли друг за другом.

На 23 августа день выпал солнечный и теплый. По небу плыли высокие барашковые облачка. Они зарождались в беспредельной синеве его, медленно двигались с запада на восток и быстро таяли.

Было как-то особенно душно. Время от времени мы садились на землю и отдыхали, не снимая котомок. Солнце перешло уже за полдень. В этот знойный час все живое погрузилось в дремотное состояние. Только мошки проявляли особенную назойливость: они лезли в рот, уши и слепили глаза. Мы сидели тихо и вытирали тряпицами потные лица. Было не до разговоров... Вдруг впереди раздался хруст сухой ветки. Я потянулся за ружьем. Громадный тигр сильно напугал нас и испугался сам. Он бросился в сторону и прыжками пошел по лесу. Полосатый зверь на бегу задел плечом сухостойное дерево; оно с шумом упало на землю. Геонка ходил на разведку и вернулся, сообщив, что тигр не знал о нашем присутствии и случайно вышел навстречу. Это обстоятельство заставило нас быть настороже и не доверяться предательской тишине леса.

Через два дня выяснилось, что мы прошли только седьмую часть пути и израсходовали одну треть продовольствия. Еще на день-два могут нас задержать дожди. Эти соображения заставили меня повернуть на запад и итти по речке Моди. Около устья ее мы нашли небольшое гольдское селение, состоящее из четырех фанз. Обитатели его занимаются рыбной ловлей и звероловством. Они усвоили уклад жизни удэхейцев и мало походили на своих амурских сородичей. Мы отдохнули у них и купили две лодки, на которых и спустились по Анюю до протоки Дырэн.

В нижнем течении Анюй разбивается на множество протоков. После каждого наводнения они изменяются, делаются больше или меньше, заносятся колодником и превращаются в старицы. Это вынуждало нас спускаться с большой осторожностью. Немного ниже местности Тахсале орочи заметили лагерь удэхейцев, убежавших от большой воды. Они жили в конических берестяных юртах и ждали, когда река войдет в

свое русло и позволит им возвратиться назад. Они стали окликать нас и махали руками. Я велел пристать к берегу. Немного ниже и по соседству с ними мы устроили свой бивак. Тотчас около наших палаток собрались мужчины, женщины и дети. Некоторых я знал еще детьми. Теперь они уже превратились в рослых мужчин, женатых и сами имели детей. У этих обездоленных судьбою людей были свои нужды. Они просили не лишать их права на соболевание. Я обещал похлопотать за них в Хабаровске и обещание свое выполнил. На другой день мы расстались. Быстрое течение уносило наши лодки все дальше и дальше. На берегу толпою стояли туземцы, посылая приветствия руками. Мы отвечали им тем же до тех пор, пока выступивший со стороны мыс не заслонил их собою.

В протоке Дырэн вода шла нам навстречу. К счастью, подул попутный ветер. Орочи поставили паруса и сравнительно скоро пошли против течения, придерживаясь правого возвышенного берега. Он слагается из невысоких холмов, изрезанных распадками, по которым бегут бедные водою источники. К сумеркам мы немного не дошли до озера Гаси и встали биваком в небольшой дубовой рощице. Ночью было холодно. Я вставал несколько раз и грелся у огня. Когда стало светать, я взял чайник и пошел на реку за водою.

Восточный горизонт был затянут слоистыми облаками: сквозь них кое-где прорывались первые лучи утренней зари. Протока Дырэн имела пасмурный вид. Прибрежные кусты с пожелтевшей листвою никли от росы. Словно они оплакивали лето, предчувствуя приближение холодов, которых ничто не в силах было остановить. На одном из деревьев сидела ворона. Увидев меня, она каркнула два раза и лениво полетела вдоль берега.

Переправа через озеро Гаси на долбленых удэхейских челноках — рискованное предприятие. Надо было торопиться, пока не задули северо-западные ветры. Когда взошло солнце, мы уже успели отъехать далеко от бивака. На правом берегу озерной протоки, при самом входе в нее, приютилось небольшое туземное селение того же имени. Здесь от гольдов я узнал, что В. М. Савич на реке Пихце потерпел аварию. Человеческих жертв не было. С этой стороны, значит, все обстояло благополучно. Но теперь возникал другой тревожный вопрос: устроены ли питательные базы? Мучимый этими сомнениями, я все же решил идти вверх по реке Пихце с намерением опереться на хорскую базу и затем направиться через верховья Мупеня на реку Немпту к озеру Петропавловскому.

Гольды снабдили нас кое-какими овощами. Расплатившись с ними, мы поплыли дальше и около полудня вошли в озеро Гаси, площадь которого измеряется в двадцать пять квадратных километров. Если смотреть на него сверху, оно представляется в виде фигуры песочных часов, т. е. расширенное по

концам и суженное посредине. Кроме Пихцы, с востока в озеро впадает еще небольшая речка Хали с притоками Кальдангу и Буга, о которых говорилось выше. Правый берег озера состоит из невысоких песчаных холмов, прорезанных широкими заболоченными распадками. Зато противоположный берег — низменный и настолько мелководен, что к нему нельзя подойти даже на плоскодонной лодке.

Весь день мы плыли, придерживаясь правого края озера, и к сумеркам дошли до суженной его части. Место для бивака было выбрано не совсем удачное. Вследствие недостатка сухих дров мы опять зябли ночью. Однако следы старых костров свидетельствовали о том, что именно здесь всегда ночуют люди, направляющиеся на реку Пихцу.

Было еще совсем темно, когда меня разбудил Гобули. Он говорил, что в осеннее время обычно ветер поднимается с восходом солнца и наибольшей силы достигает около полудня. Тогда плавание по озеру делается совершенно невозможным. Через какие-нибудь четверть часа мы уже сидели в лодках и усиленно гребли веслами.

Озеро было совершенно спокойным и казалось большим полированным диском, в котором отражалось звездное небо. Я оглянулся. Темные силуэты деревьев удалялись от нас и тонули в ночном мраке. В стороне мелькнул огонек. Это на другой лодке кто-то зажег спичку. Там слышались голоса и шум разбираемых весел.

Но вот на востоке появились первые признаки зари. Предрассветный ветерок чуть тронул поверхность воды. Тогда мы поставили парус. Ветер все усиливался, и лодка бежала быстрее. Я завернулся в полотнище палатки и стал всматриваться в очертания берега, задернутого в дымку утреннего тумана. С каждой минутой заря разгоралась ярче и ярче. Словно зарево пожара, пылал горизонт, окрашивая облака в пурпуровые и нежнофиолетовые тона. Вдали виднелся высокий Хорский хребет. В распадках его еще клубился туман. Над болотами носились табуны плавающей птицы. Я стал следить за ними глазами и остановил взор свой на гребне хребта. В это мгновение показался краешек солнца, и тотчас по воде навстречу нам побежала ослепительно яркая полоса света. Ночь ушла. Утренние туманы таяли в воздухе, и за ними виднелось устье реки Пихцы. Мы сидели тихо на своих местах и наблюдали игру солнечных лучей, отраженных от колеблющейся поверхности Гасинского озера. В это время Миону стал поправлять веревку от паруса и задел весло, которое с шумом упало на дно лодки. Тотчас из воды выпрыгнула довольно большая рыба, за ней другая, третья, десятая... Они старались перепрыгнуть через лодку, бились головами в борта ее и снова падали в воду; но две из них попали к нам в качестве пассажиров.

— Га, га, га!.. — закричал Миону, хватая их руками.

Рыбы, заскочившие к нам в лодку, долго не могли успокоиться. Они вертелись, открывали рты и били хвостами. Местные жители называют их моксунами и говорят, что их очень трудно ловить сетками. Моксун достигает веса до 2,5 килограммов и имеет стройное тело, покрытое довольно крупной блестящей серебристой чешуей. Из всех рыб он считается наиболее сообразительным. Завидев невод, он стремительно всплывает на поверхность воды и с разбега перепрыгивает через него. Вероятно, моксуны и нашу лодку приняли за рыболовную ловушку. В данном случае они оказались мало сообразительными. Вместо того, чтобы убегать от лодки, они стали прыгать через нее и двое из них поплатились жизнью.

Часам к восьми утра мы вошли в устье реки Пихцы. И здесь было наводнение. Выступившая из берегов вода сплошь залила прилегающие к озеру болота, что дало нам возможность плыть целиной, минуя бесчисленные извилины реки, и в значительной мере сокращать расстояния.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТИГРОВАЯ РЕКА

В нижней своей части река Пихца протекает среди обширных болот, поросших осокой и вейником Лангсдорфа. Последний иногда с примесью тростника обыкновенного вышиною в рост человека образует заросли в несколько квадратных километров. Если встать на кочку, камень или плавник, нанесенный водою, то можно видеть, как во время ветра колышется травяная растительность. Является полное впечатление волнующегося моря, в особенности, если она занимает обширное пространство.

Вскоре стали появляться ивняки (ива корзиночная). Число их постоянно увеличивалось. Словно бордюром, они окаймляли берега рек, заводей, озерков и слепых рукавов. Местами они образовывали такие густые заросли, что пробраться сквозь них можно было только с помощью топора.

К полудню мы отошли от озера километров на десять. Болотный характер местности сменился равниной с небольшими релками *, едва возвышающимися над общим уровнем воды в реке. Местонахождение их можно определить по осинам, которые тоже сначала одиночными экземплярами, а потом и целыми рощицами подходят к реке то с одной, то с другой стороны. Здешняя осина имеет столь белесоватую кору, что издали ее можно принять за березу. Только по вечно трепещущим листьям на длинных черешках я узнал знакомое всем

* Сухое возвышенное место среди болота.

нам дерево. Чем дальше, тем осины становилось больше. Можно сказать, что здесь она составляет 80% всей древесной растительности. Еще выше релки стали обрисовываться яснее, и к осине начали примешиваться дуб и японская береза. Постепенно луговая растительность отходила на задний план, уступая место древесным широколиственным породам с значительной примесью даурской лиственицы.

Река Пихца имеет чрезвычайно извилистое течение. Все время она делает большие плойчатые петли, иногда завершающие почти полные круги. Целый день мы кружили по руслу реки так, что солнце было у нас то впереди, то сзади, то с одного бока, то с другого и к вечеру, когда мы достигли начала предгорий Хорского хребта, оно было совсем не с той стороны, где мы рассчитывали его видеть.

Читатель, вероятно, помнит, что сухари, которые были завезены на базы из Владивостока, оказались гнилыми, отчего все мы часто болели животами. Мои спутники-туземцы, как и все первобытные люди, были убеждены, что заболевания происходят от злых духов, которые входят в людей и мучают их. Чорта можно изгнать только камланьем. То Геонка шаманил над Хутунка, то Хутунка — над Геонка, то оба вместе над орочем Намука. Каждый раз по указанию одного из шаманов Мулинка вырезал из мягкого дерева изображение севона в виде насекомого, лягушки, человека об одной ноге, змеи с двумя головами и т. д. После камланья севон этот выносился из палатки и на палочке втыкался в песок, подальше от бивака. Считалось, что чорт изгнан и больной должен получить исцеление. Если такое лечение не помогало, камланье повторялось на другой день, на третий, до тех пор, пока больной не выздоравливал. Как только орочи ложились спать, А. И. Кардаков отправлялся на поиски севонов и забирал их к себе в котомку для Хабаровского музея. На утро туземцы, не находя их на берегу реки, думали, что злые духи действительно удалились в тайгу, и были довольны.

27 августа, в субботу, заболел Геонка. Камланить над ним вызвался Миону. Он взял две короткие лучины и ножичком «апили» наскоблил стружек, не дорезая их до основания так, что они все свернулись султанчиками в одну сторону. Хутунка притушил костер и накрыл голову шамана какой-то тряпицей. В это время Мулинка принес изображение летящей осы с крылышками из бересты, с лапками, усиками, искусно сделанными из кабаньей шерсти. Оса была прикреплена к палочке, которую воткнули в землю около больного. Геонка лег спиной к огню и закрыл глаза. Миону сел около него на землю, взял стружки по одной в каждую руку и начал петь свои заклинания. Он проводил ими над болящим от головы к ногам и делал вид, как будто переносит болезнь на изображение осы. Минут десять длилась эта процедура. Вдруг

Миону дико закричал: «Эхе-э-э-э-э!» — все громче и громче, все выше и выше поднимая ноту. Под эти крики Хутунка, как всегда, вынес деревянную осу и посадил ее на куст около воды, а Мулинка с этой стороны около бивака разложил большой костер. К утру оса исчезла.

Когда на другой день орочи стали укладывать груз в лодки, Миону уронил котомку А. И. Кардакова на землю. Она раскрылась, и из нее вывалились все севоны, которые он нес от самого моря. В неописуемое волнение пришли орочи и удэхейцы. Так вот почему они болеют! И немудрено! Три шамана все время стараются изгнать злых духов из отряда, а один русский собирает их и несет с собой. Эта шутка могла бы кончиться смертью кого-либо из туземцев. Они заявили, что дальше с чертями не пойдут, и требовали, чтобы А. И. Кардаков бросил их на берегу. Больше всех волновался Миону. Долго мы урезонивали его и наконец нашли компромисс. Мы условились так: вечером они будут еще раз камланить и перенесут болезни с севонов, собранных А. И. Кардаковым, в одного сборного, которого мы уже не возьмем с собою. Орочи согласились, но потребовали дневки. Пришлось уступить. Целый день Мулинка и Гобули вырезали такое изображение злого духа, в котором сгруппировалось все то, что нес А. И. Кардаков в своей котомке.

В полночь на биваке они опять притушили огонь и стали все трое по очереди камланить. Я вышел из палатки и направился к берегу. Ночь обещала быть холодной; на небе мерцали яркие звезды. Деревья и кусты неопределенно темного цвета замерли в неподвижных позах — словно это был другой мир, неведомый, мрачный... На биваке чуть-чуть виднелась палатка, слабо освещенная углями притушенного костра, и около нее темная фигура Миону. Он размахивал стружками и кричал «Эхаль ду-у-у-у!». Голос его далеко разносился по реке и пугал зверей в тайге. На этот раз орочи унесли севона в глубь леса и зорко следили за А. И. Кардаковым. Мы сдержали слово и не ходили в ту сторону, куда был изгнан злой дух — источник болезней, бывших доселе в отряде.

Следующий день был воскресный — солнечный и теплый. Несмотря на то, что с бивака мы снялись поздно, все же ушли довольно далеко.

Река Пихца длиною около 65 километров и течет сначала с востока на запад, потом все больше и больше склоняется к северо-востоку. Течение ее можно разделить на три части: верхнее, среднее и нижнее. Последнее, как мы видели, проходит среди болот. В средней части на протяжении еще 12 километров река разбивается на множество проток, которые были так малы и извилисты, что в них нельзя было повернуть лодки, и мы вынуждены были перетаскивать ее по зем-

ле. В истоках Пихца принимает в себя речку Олосо. Здесь она течет в горах одним руслом, загроможденным большими камнями, грани которых сглажены водою и плавниковым лесом.

Здесь же находится продолжение тех первобытных девственных лесов, которые мы видели на Анюе около горы Хонко.

Нехорошие рассказы ходят у амурских туземцев про реку Пихцу. В верхней половине ее обитает много тигров, которые часто нападают на людей. Так, один раз два гольда отправились на реку Олосо для соболевания. Они шли по звериной тропе на расстоянии десяти шагов друг от друга. Вдруг большой тигр напал на одного из охотников. Другой бросился бежать, но тигр догнал его и сильно изранил. Человек этот некоторое время полз по земле и умер от потери крови. В 1925 году был такой случай. Один охотник нашел кабана, задавленного тигром. Вместо того, чтобы поскорее уйти отсюда в другое место, он забрал кабана с собой. Не успел человек этот отойти с ношей и одной версты, как на него напали сразу два тигра. Звери поделили добычу. Один взял охотника, а другой забрал кабана. Третий случай произошел в 1926 году. Старый гольд из селения Да близко встретился с тигром на реке Пихце. Желая узнать о намерениях зверя, охотник выстрелил в воздух. Страшный хищник сделал несколько шагов вперед. Гольд, зная, что в тигра нельзя стрелять, если он не нападает на человека, и желая предупредить его о том, что ему грозит, выстрелил второй раз в воздух. Тигр сделал большой прыжок и встал на льду, как мраморное изваяние. Тогда гольд тщательно выследил зверя и спустил курок. Страшно заревел тигр и бросился за колодину. Охотник видел его задние ноги и хвост, которым он все время бил по земле. Не теряя ни одной минуты, гольд ушел от опасного места.

Мы уже подбирались к верховьям реки Пихцы. Течение делалось все быстрее и быстрее. Опасные пороги встречались чуть ли не на каждом шагу. Кругом высились сопки, густо одетые кедровым лесом. Туземцы дружно работали шестами, с трудом проталкивая лодки против воды. Они внимательно осматривали дно реки и на ходу между прочим били острогою крупных форелей и ленков.

По целому ряду мелких признаков они установили, что место аварии В. М. Савича было недалеко: кусок доски от лодки, лист бумаги среди мусора, нанесенного водою, тряпица, застрявшая на кустах, и т. д. были красноречивее всяких слов. На одном из поворотов поперек реки лежало дерево, отпиленное у вершины. Осмотрев его, орочи сказали, что именно здесь опрокинулась лодка, и точно нарисовали картину крушения. Впоследствии, когда В. М. Савич рассказал

мне о том, как он потерпел аварию, я увидел, что мои спутники-туземцы не ошиблись даже в мелочах. Я хотел немедленно заняться осмотром дна реки, но у туземцев был свой план. Они приняли во внимание большую воду и быстрое течение. Когда стемнело, Габули и Мулинка стали искать имущество разбитой лодки по течению. Совсем поздно они возвратились и привезли: брезент, эмалированную тарелку, несколько маленьких мешочков с мукой, винтовку, бинокль, буссоль Шмалькальдера, сумку с медикаментами, дневник, написанный карандашом, патроны и кошелек с деньгами.

Что же в это время случилось с В. М. Савичем? Из г. Хабаровска с своими спутниками он отправился вниз по Амуру, придерживаясь правых его проток, достиг озера Синда, в которое впадают реки Немпту и Мухень, поднялся по этим рекам до истоков и обследовал весь западный склон Хорского водораздела. Затем он перешел на озеро Гаси и стал подниматься вверх по Пихце. Как раз в это время пошли затяжные дожди, и вода в реке стала быстро прибывать. Однако это не испугало В. М. Савича, и он с проводниками-гольдами медленно продвигался против течения, которое увеличивалось с каждым днем. Немного не доходя до водопада Сагена, на Пихце его захватило то самое наводнение, которое задержало меня на Анюе две с половиной недели. В. М. Савич решил, во что бы то ни стало достигнуть истоков реки Пихцы. Не взирая на ненастье и крайне неблагоприятную погоду, он все-таки дошел до условленного места и устроил для нас питательную базу. Затем он хотел пробраться на реку Хор, но потерпел аварию, во время которой погибли его лодка и все имущество, и сам он почти в бессознательном состоянии выплыл из-под «завалов» метрах в сорока от места крушения. В этом бедственном положении путешественники пешком направились левым берегом вниз по реке Пихце и через трое суток случайно в тайге нашли брошенную гольдами старую лодку. Они починили ее деревянными гвоздями, сделанными из лиственной древесины, и, выждав, когда начался спад воды в реке, спустились к озеру Гаси. После такой беды В. М. Савичу более ничего не оставалось, как закончить работы и возвратиться в г. Хабаровск. К тому же и время было уже позднее, и начинались холода. Он выполнил все задание, которое себе наметил, выставил все питательные базы и тем самым облегчил мой маршрут от Анюя на Хор, с Хора на реку Мухень и далее до г. Хабаровска.

Немного выше места крушения лодки В. М. Савича с левой стороны есть водопад, который туземцы называют Сагена. Он представляет собой подземную речку, выходящую на дневную поверхность множеством струй. Красноватые скалы, зеленая растительность, кристаллически чистая вода, бе-

лая пена и радужная игра водяной пыли в лучах солнца создают необычайно эффектную картину.

Тут мы нашли свою питательную базу с доброкачественными продуктами. Орочи перестали болеть, но приписали это тому обстоятельству, что последний севон, в которого они прошлую ночь перенесли свои недуги, остался далеко позади.

После короткого отдыха мы еще полдня подымались на лодках, а затем от устья реки Олосо пошли пешком на Хорский перевал. Отсюда вверх по Пихце идет тропа. Она хорошо протоптана, но во многих местах заросла травою и завалена колодником. Сначала тропа придерживается правого берега реки. Во время большой воды ее отчасти занесло песком и землею. Затем она проходит на левый берег, которым и следует к перевалу. Тропа часто кружит и делает многочисленные обходы колодника. По пути она пересекает три ручья, бегущих с сопок с правой стороны, а по четвертому ключику подымается на перевал. Эта часть пути очень утомительна. Русло завалено камнями, замаскированными мхом и высокой травой. Нога часто скользит, срывается и проваливается в ямы с водой. Подъем длинный и пологий. На самом перевале стоит развалившаяся китайская кумирня. За перевалом тропа пролегает по заболоченной местности, поросшей редкостойной лиственицей. Около реки Хор она обрывается. Это — зимний путь, и летом редко кто им пользуется.

2 сентября мы вышли к устью реки Сор, впадающей в Хор с правой стороны. Перед нами открылась обширная котловина, обставленная сильно размытыми сопками. С правой стороны реки тянулось замшистое болото, а с левой — смешанный лес с примесью ели и пихты. Я знал, что нахожусь в горном узле высоко над уровнем моря. Отсюда на восток текли реки: Копи и Самарга, а на севере был бассейн Анюя. По реке Сор лежит путь на Тормасунь, где находится тот самый перевал, через который перетаскивают лодки на руках. Здесь мы нашли еще одну питательную базу, устроенную хорскими туземцами, и около нее встали биваком.

Судя по некоторым признакам, где-то поблизости должны были находиться люди. Поэтому я поручил А. И. Кардакову с орочами устраивать бивак, а сам с Гобули пошел по берегу Хора. Путеводной нитью нам служила звериная тропка. Она то выходила к реке, где густо росли высокоствольные тальники, то углублялась в лес. В одном месте около старой ели я увидел большой муравейник, сложенный из мелких веточек, кусочков древесной коры и сухой хвои. Несмотря на осеннее время и ненастную погоду, красные лесные муравьи проявляли большую деятельность. Они ползли по крыше своего жилища, по земле и соседним деревьям. Один тащил сверчка размерами вдвое больше себя, другой нес на

весу прутик, который неудачно держал за конец, третий — какую-то белую крупинку. Несколько муравьев копошилось около улитки. Они действовали вразброд и, повидимому, мешая друг другу. Однако улитка продвигалась вперед и скоро исчезла в одном из выходных отверстий муравейника. Все это доказывало, что муравьи по сравнению с размерами своего тела очень сильные насекомые.

Я взял палку из рук Гобули и слегка тронул ею сухую хвою. Мгновенно к этому месту сбежалось множество муравьев. Они засуетились и подымали кверху свои головки с раскрытыми челюстями. С поразительной быстротой распространилась тревога по всему муравейнику. Даже на противоположной стороне его поднялась беготня. Маленькие шестиногие существа почуяли опасность и самоотверженно приготовились к обороне.

— А-та-тэ, гыхы, манга! (Ай-ай, худо, так нельзя!), — закричал Гобули и отнял у меня палку.

Мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать своего спутника, почему он не позволил мне шевелить муравьев. Он ответил мне так:

— В огне сидит «Пудза мамаса», т. е. хозяин огня, и в каждом муравейнике «Пудза адзани» — хозяин муравьев. Огонь нельзя резать ножом, поливать водой, нельзя плевать в него, разбрасывать головешки. Такие же запреты распространяются и на муравейник. Человек, позволивший себе грубое обращение с муравьями, непременно заболеет: у него станут гноиться глаза или появятся на теле нарывы.

Когда мы вышли на реку, с одного из кустов с криками, похожими на чириканье воробья, сорвался зимородок — небольшая ярко окрашенная птичка, ведущая уединенно-скрытный образ жизни. Я видел, как мелькнуло в воздухе голубовато-зеленое оперение ее спинки, надхвостья и внутренних частей крыльев.

— Ыи Пудза гаэни (т. е. шаманская птица, подчиненная Пудза), — сказал шопотом Гобули, указывая на зимородка, который, отлетев немного, опять сел на ветку кустарниковой лозы. Он повернул свою несуразную голову с большим конусообразным клювом и, казалось, прислушивался к шуму наших шагов. Испуганная птичка вспорхнула и улетела совсем.

Гобули принялся мне объяснять, что зимородка тоже трогать нельзя, потому что он является посланцем Пудза адзани. Он летает, слушает, что говорят люди, и обо всем доносит «хозяину муравьев», а этот последний все сообщает «хозяину огня». Пудза мамаса наказывает виновного сильными ожогами.

На отмели около устья реки Сор действительно была одна юрта. Обитатели ее два дня тому назад ушли вниз по реке Хору навстречу кете, которая по времени должна была уже

дойти до Сурпая. Осматривая покинутое жилище, Гобули установил, что удэхейцы в день отъезда убили одного молодого сохатого и мясо его увезли с собой.

Делать нам здесь было больше нечего, и мы пошли обратно на бивак. Когда мы поравнялись с муравейником, Гобули остановился и, указывая на него, сказал:

— Пудза адзани ушел.

Я взглянул на муравьиную кучу и увидел, что сбоку она была наполовину разрыта. Медвежьих и других следов поблизости заметно не было.

Вечером после ужина Гобули рассказал орочам о том, как я прогнал из муравейника Пудза адзани. Оказывается, что и у них есть такое же поверье, отличающееся от удэхейского только некоторыми деталями. Хозяина муравьев они называют «икта адзани» и считают его распространителем накожных болезней, в особенности лишаев.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЧЕРЕЗ ГОРЫ, ЛЕСА И БОЛОТА

Следующие дни были опять ненастные. Двое суток просидели мы на берегу Хора в односкатной палатке, согреваясь лучистою теплотою большого костра, который надо было поддерживать и ночью.

Была уже осень. Лист с деревьев осыпался на землю, и по утрам появлялись заморозки, а путь был еще длинный. Мы имели только летние одежды и не рассчитывали на холода. Кроме того, надо было туземцев доставить на пароходах в Советскую Гавань, пока не закрылась навигация. Это обстоятельство заставило меня торопиться. Поэтому 5 сентября, не взирая на дождь, мы сняли свои палатки и стали подниматься на Хорский хребет.

С восточной стороны подъем на него был очень длинный и пологий. Сначала мы придерживались русла какого-то безымянного ручья, потом взбирались по косогору, пересекли несколько распадков, заваленных камнями, под которыми с шумом бежала вода, и седьмого числа достигли гребня водораздела. Здесь Миону взобрался на дерево, чтобы ориентироваться. На другой день мы достигли главной вершины водораздела, покрытой старым редкостным лесом в возрасте от 200 до 300 лет и состоящим из монгольского дуба, корейского кедра, каменной березы, мелколистного клена и амурской липы. Большинство деревьев имело толстые приземистые стволы с громадными болезненными наростами.

В этих лесах водится много зверей. Местами земля была сплошь изрыта дикими свиньями; урожай желудей и кедровых орехов привлек их сюда целыми табунами.

Глубокие сумерки застали нас в пути. К счастью, Гобули нашел большой дуплистый пень, наполненный водою. Правда, она имела смолистый привкус, но все же это была настоящая дождевая вода, годная для питья.

На следующий день мы начали спуск в долину какой-то речки. Она начинается очень живописным ущельем, которое спускается вниз крутыми уступами, заросшими смешанным широколиственным лесом с богатым и разнообразным подлесьем, состоящим из колючих аралий, актинидий, лимонника и винограда.

От главной вершины Хорского хребта к северо-западу отходит длинный отрог, в свою очередь служащий водоразделом между реками Мэка и Нефикцей. Гребень его увенчан большими скалами, которые местное туземное население считает недосягаемыми и населяет их злыми духами. Как появились они? Только чорт мог выдвинуть их из земли! — Это — «Амба чжугдыни» (чортово жилище). Другие люди называют их «Какзаму чжугдыни» (жилище горного духа Какзаму) или «Куты мафа чжугдыни» (тигровое жилище). Где бы эти страшные звери ни ходили, они всегда возвращаются к скалам. Здесь в расщелинах они имеют свои логовища, где и выводят тигрят. Туземцы рассказывают, что только один раз зимою какой-то гольд-охотник достиг скал. Когда зимой он подходил к ним, то увидел сидящего на камне черного человека. Гольд окликнул его. Человек вскочил, побежал и тут же скрылся в расщелинах камней. Кому же это быть, как не чорту!? В лунные ночи там носятся дьявольские тени, слышны стенания, хохот и вой. Всякого, кто посетит скалы Мэка, ожидает потом какое-нибудь несчастье или болезнь. Все эти рассказы разожгли мое любопытство.

Мы с А. И. Кордаковым решили совершить туда экскурсию и с высоты птичьего полета осмотреть страну, в которую проникли со стороны Хора и Пихцы.

Когда я заявил сопровождающим нас туземцам о своем намерении, они взволновались, и четверо из них наотрез отказались итти.

— Отцы наши не ходили туда,— говорили они,— и мы не пойдем.

Другие заявили, что не только на скалы, но и близко к ним они не подойдут.

Весь вечер удэхейцы рассказывали друг другу разные страхи. Скалы вселяли в них какой-то ужас. Все же мне удалось двух человек — Хутунка и Геонка — убедить, что в камнях ничего страшного нет. Но и эти люди неоднократно задавали вопросы, не боюсь ли я сам, не будет ли потом всем

нам худо, и по выражению глаз старались угадать о моих душевных настроениях.

На другой день мы отправились в путь. В одном туземцы оказались правы: добраться до скал оказалось действительно очень трудно. С южной стороны горный хребет Мэка был покрыт большими осыпями, состоящими из громадных глыб, заваленных буреломом, опутанных виноградниками и лианами. Колючие аралии и элеутерококкус изорвали нашу одежду. Мы изранили руки и в колени набрали множество заноз. Каменные ловушки, закрытые растительностью, и колодник, наваленный в беспорядке, создавали препятствия чуть ли не на каждом шагу. Это понизило настроение моих спутников-туземцев.

— Верно, что к скалам нельзя подойти,— высказывали они вслух свои мысли,— должно быть, там, наверху, в самом деле обитают злые духи, в таком недоступном месте, куда простым людям невозможно проникнуть.

Несколько раз Геонка порывался стрелять в воздух, чтобы угнать от скал «черного человека». Немало трудов стоило успокоить его и убедить, чтобы он не тратил зря патронов.

Я стал подшучивать над чортом и иронизировать по его адресу. Тогда Хутунка серьезно просил меня так не выражаться.

— Ходи, ходи,— говорил он,— как будет, так и ладно, а ругаться не надо.

Пришлось уступить.

Часам к четырем пополудни мы подошли к скалам. Величественное зрелище представилось нашим глазам. Семь гранитных штоков высилось кверху. Они, действительно, имели причудливые формы: один из них был похож на горбатого человека, опирающегося рукой на голову какого-то фантастического животного; другой — на старуху, одетую в длинную мантию; третий на гигантскую жабу, четвертый — на нож, воткнутый черенком в землю, и т. д. Когда мы приблизились к ним, какой-то большой зверь бросился в сторону, а затем мы увидели медведя, который тоже пустился от нас наутек.

Все грани и углы скал сглажены деятельностью сильных северо-западных ветров. Эти скалы представляют собой классический образчик эоловой эрозии, когда ветры в течение долгого времени могут обтачивать выдающиеся части камней сами по себе, без участия песка. Быть может, шлифовальным материалом служили обледенелые снежинки.

Высокие громады, молчаливо поднимающиеся кверху, хаотически нагроможденные глыбы у подножия их, заваленные буреломом, и лес, полный таинственной тишины, создавали картину мрачную и дикую. Когда над скалой проходило об-

лако, то казалось, будто оно стоит на месте, а скала двигается, наклоняется и вот-вот со страшным грохотом опрокинется на землю.

Какое-то особое напряжение чувствовалось в этих камнях, принявших столь странные очертания. С момента появления скал Мэка на дневной поверхности прошло много веков, но всесокрушающая рука времени не коснулась их. Они и поныне стоят незыблемо, как бы выполняя какую-то странную миссию, неведомую простым смертным.

Я поймал себя на том, что на меня скалы эти произвели неприятное впечатление. Не хотел бы я быть здесь в одиночестве. Еще более одиноким я почувствовал бы себя вдали от людей в сообществе с этими молчаливыми каменными громадами. Тогда я вспомнил слова туземцев: «Наша близко туда ходи нету».

Солнце быстро склонялось к западу. Лучи его озаряли только вершины гор, а по долинам уже ползли сумеречные тени. Они распространялись вширь и захватывали все большие и большие участки земной поверхности.

До ночи было еще далеко, но в самом освещении и по тому, как вели себя пернатые, уже чувствовалось угасание дня.

Мы обошли самую большую скалу кругом и тут увидели множество расщелин в камнях, служивших логовищами для тигров.

Некоторые из них имели вид глубоких колодцев. Там и сям валялись перегрызанные кости и клочки шерсти съеденных ими животных.

Надо было торопиться и во-время добраться до бивака.

Мы начали спуск в долину.

Однако сумерки захватили нас раньше, чем мы рассчитывали. Выйдя на речку, Хутунка дал два выстрела.

Спустя некоторое время нам ответили тоже выстрелами.

На небе еще догорали отблески вечерней зари, а на земле внизу ночная тьма быстро заполняла лес. Чем больше сгущается мрак, тем больше напрягаешь слух и тогда улавливаешь такие звуки, которых днем обыкновенно не замечаешь: слышится подавленный вздох, сдержанный шопот и шорохи бесчисленных растений.

За день мы сильно устали и теперь едва волочили ноги.

Лесу, казалось, не будет конца. Я хотел было сесть на валежник, чтобы отдохнуть, но в это время увидел свет от костра. Через несколько минут мы были в палатке, пили горячий чай и делились впечатлениями.

После осмотра местности с высоты «Чортовых скал» и на основании целого ряда примет мы убедились, что находимся в истоках реки Нефикцы. На второй день пути наш отряд достиг рассошины, где две речки сливались вместе. Здесь мы

нашли очень много рыбы. В какие-нибудь двадцать минут орочи поймали двух больших тайменей и штук пятнадцать крупных ленков.

Во время этого перехода Гобули натер себе спину котомкой. На месте загрязненной ссадины образовался большой нарыв. Пришлось больного освободить от ноши и котомку его разобрать всем помаленьку. Это было неприятно, но что же делать. Я предложил Гобули поставить на ночь согревающий компресс, но он отказался и просил Миону лечить его шаманством. Они говорили, что причиной заболевания Гобули был я, позволивший трогать муравейник.

На мой вопрос, почему же в таком случае я здоров, Миону отвечал:

— Удэхейцы постоянно живут в тайге и всего боятся, а «лоца» (русские) живут в городе и в тайгу приходят редко и ненадолго. Кроме того, у русских нет шаманства, и севоны их не касаются.

По моим наблюдениям 1908, 1909, 1926 и 1927 годов и по наблюдениям проф. В. М. Савича громадные девственные леса, которые начинаются от Анюя и тянутся к юго-западу через верховья рек Пихцы, Мухеня и Немпту, занимают площадь по крайней мере в миллион гектаров. По долинам преобладают смешанные леса, состоящие из широколиственных пород, а по склонам гор произрастают могучие хвойные леса, в которых 50—70% выпадает на долю кедра.

Величественно декоративный вид имела здешняя тайга. Утренние заморозки разукрасили ее во все цвета радуги. Обыкновенная какалия сделалась темнофиолетовою, растущая с ней в сообществе лещина маньчжурская сменила свой зеленый наряд на бурокоричневый. Наиболее ярко окрашенными оказались клен и виноград. У них можно было видеть все переходы от малинового цвета к багряному и нежнопурпуровому. По берегам реки в изобилии рос боярышник даурский. Я узнал его по обилию крупных и полупрозрачных оранжево-красных плодов, за которыми иногда совсем не было видно листвы. Раньше других стала вянуть амурская липа. Сначала пожелтели отдельные ветви ее — наиболее слабые и чем-нибудь пораженные, а потом и вся крона. Японская береза никла тонкими длинными ветвями и осыпала на землю золотисто-желтую листву свою. Только один дуб сопротивлялся осенним холодам и ни за что не хотел сбрасывать свой летний наряд.

Здешнее подлесье состоит из самых разнообразных кустарников; оно настолько густо, что скрывает человека с головой.

Истоки Пихцы, Мухеня и Немпту ныне представляют собой самое зверовое место в крае. На песке и на сырой илистой почве около реки — всюду виднелись следы кабанов и тигров. Во многих местах земля была положительно истопта-

на изюбрами. Каждый день мы натыкались на медведей. Они выдавали себя ворчаньем и убегали по чаще, поднимая сильный шум.

В верховья Мухеня мы попали как раз во время изюбрового рева. Ночи были ясные, холодные. Луна с небесной высоты мягким сиянием озаряла «великий лес». Олени слонялись по тайге и будили нас своими криками.

Иногда к биваку приближались и другие звери. Орочи отгоняли их стрельбой из ружей и разбрасывали по кустам головешки.

11 сентября мы дошли до впадения реки Кава в Нефикцу. Отсюда уже было возможно плавание на лодках. За неимением тополя (дерева этого совсем нет на северо-западных склонах Хорского хребта) орочи стали долбить две улимагды из кедра. Такие лодки не выдерживают длинного пути и растрескиваются; но нам нужно было только доехать до реки Немпту.

Каждый раз после полудня мы с А. И. Кардаковым ходили на экскурсию в разных направлениях. Эти прогулки давали столь обильный материал для наблюдения, что его не всегда удавалось записать в дневники как следует.

Один раз незадолго до сумерек я взял ружье и пошел по старой зверовой тропе. Отойдя с километр от бивака, я остановился у большого ясеня, росшего на самом берегу. С левой стороны в Нефикцу впадал какой-то ручей. Здесь край долины обрывался высоким утесом, похожим на человеческую голову, с прищуренным глазом, горбатым носом и косматой шапкою волос.

Кругом было жутко, тихо. Словно опасаясь чего-то, все живое притаилось и было настороже.

Каменная голова тоже как будто приоткрыла рот и вслушивалась в мертвящую тишину леса. Вдруг сильный шум в стороне заставил меня вздрогнуть и поднять ружье. Молодой изюбр, как вихрь, пронесся мимо. Я видел только голову его с ушами, но без рогов, и белое пятно на заднем конце тела. Кто-то проворно стал взбираться на сопку. Через колодину, лежащую поперек реки, с фырканьем пробежал колонок. Вверху всполошились пернатые и подняли тревожную перекличку. Через минуту шум на сопке затих, но птицы долго не могли успокоиться. Очевидно, какой-то зверь, может быть тигр, напал на изюбра. Последнему удалось бежать. Он поднял большой шум в лесу и тем напугал других животных. С виду пустынная тайга полна жизни. Каждый день, каждый час здесь разыгрываются кровавые трагедии. Сжимая ружье в руках, с затаенным дыханием я сделал несколько шагов и прислушался. Лес снова погрузился в глубокое безмолвие.

Солнце снизилось к горизонту и как бы село на зубчатые вершины елей и пихт. От деревьев по земле потянулись длин-

ные тепи. Тогда я забросил винтовку на плечо и быстро пошел по тропе, чтобы добраться до бивака засветло.

14 сентября обе лодки были готовы. После полудня мы тронулись в путь.

Река Нефикца оказалась тоже заваленной колодником, который очень мешал нашему плаванию. Приходилось часто останавливаться и разбирать его стоя по колено и по пояс в воде.

Время было позднее, а вода холодная, в особенности по утрам. Заломы встречались чуть ли не на каждом шагу. Люди сильно зябли и отогревались у костров. Орочи работали топорами; естественно, они поднимали большой шум и отгоняли зверей от реки. Тем не менее мы все же имели свежее оленье мясо, которым и питались все время, пока шли по реке Нефикце.

17 сентября мы вышли на Мухень и около устья р. Алчи нашли еще одну базу. Весьма ненастная погода опять задержала нас на одном месте. Четыре дня лил холодный дождь. Мы устроились на галечниковой отмели в палатках и все время сидели у огня. В это время года промокнуть опаснее, чем озябнуть зимою, — сразу можно получить плеврит или воспаление легких. Я очень беспокоился за туземцев, моих верных спутников. Они ловили под дождем рыбу, ходили на охоту, рубили дрова. Несомненно, у них была привычка к холоду с раннего детства. Меня удивляли их выносливость и полное равнодушие к ненастью.

Наконец, 21 сентября дождь перестал. Тучи на небе, лежавшие до сих пор неподвижной темносерой пеленой, пришли в движение. Кое-где показались просветы. Сквозь них проглянуло синее небо и прорвался первый солнечный луч. Словно прожектором, он осветил еще мокрую от дождей землю и разнообразно пеструю листву деревьев.

Тотчас мы уложили в лодки весь свой багаж и поплыли вниз по Мухеню. После принятия в себя реки Нефикцы он выходит на равнину и делается очень извилистым.

Характер растительности тоже очень изменился. Широколиственные леса с значительной примесью хвои остались позади. Теперь по берегам Мухеня, кроме дуба, липы, березы и осины, произрастала в большом количестве сибирская яблоня с таким обилием мелких плодов, что ветви под тяжестью их гнулись книзу и казались окрашенными в кровавокрасный цвет. Еще больше было черемухи обыкновенной. Ее издали можно узнать по поломанным и пригнутым к земле медведями веткам. Большею частью она уже осыпала свои плоды, потерявшие аромат и вкус. Здесь также в изобилии росла калина, украшенная гроздьями красной ягоды. Не затененные южные склоны гор были покрыты леспедецей двуцветной. Этот кустарник является любимым кормом изюбров. Мелкие

листочки его обладают способностью задерживать на себе крупные капли росы. Достаточно утром походить среди леспедецы несколько минут, чтобы вымокнуть так, как будто пришлось перейти вброд глубокую речку.

Надо было торопиться, чтобы наверстать потерянное из-за дождей время. Поэтому мы решили плыть весь день и всю ночь.

Уже по тому, как окрасилось небо, когда солнце скрылось за лесом, и по общему состоянию атмосферы видно было, что ночь будет морозна. Часов в шесть вечера мы переобулись и одели на себя все, что только было можно: одеяла, комарники и порожние мешки. Странный вид мы имели теперь, завернутые в грязные полотнища палаток и обмотанные веревками, чтобы они не сползали с плеч.

Когда на западе багровая заря погасла совсем, казалось, будто на землю спустилось холодное дыхание смерти, которое должно было погубить последние остатки цветковой растительности.

Прибрежные деревья, склонившиеся сводом над рекою, образовали как бы туннель, наполненный черною и неподвижною, как смола, водою.

Одна лодка отстала немного, а мы пошли вперед с намерением поохотиться на изюбров, которые должны были еще отзываться на зов берестяного рожка. Мы плыли по течению и не разговаривали между собою. Темные силуэты деревьев, черная вода и такие же черные берега — все утонуло во мраке ночи, и нельзя было разобрать, двигается лодка или стоит на месте. От холода я вздрагивал и, очнувшись, видел отражение звездного неба в воде. Один раз мы спугнули медведя. Он рявкнул и бросился в чащу. Я дремал, зяб, просыпался, старался поплотнее закутаться в палатку, опять дремал и никак не мог согреться.

Перед рассветом мы пристали к песчаной косе, развели большой огонь, около которого погрелись немного, и напились горячей воды.

Взошедшее солнце осветило растительность, побитую морозом. Камни, куски дерева и прибрежный песок забелели от инея. Палатки коробились, как кожухи. Мы просушили их на огне, пошли дальше и в восемь часов утра прибыли на реку Немпту.

Следующий день выпал ясный и светлый. Хотя солнце попрежнему посылало лучи свои на землю, но они уже не давали тепла.

27 сентября наш маленький отряд поднимался по реке Немпту до правого притока ее Бяксор. Здесь мы расстались с лодками совсем. Теперь нам предстоял еще один, последний, маршрут по болотам до высот, которые чуть-чуть виднелись на горизонте. Там был г. Хабаровск.

Релка, давшая нам приют, была покрыта дубняком в возрасте от 50 до 100 лет. Около речки я ухватился за какой-то куст и больно уколол руку. Длинные острые шипы и сережки красных кислых ягод убедили меня в том, что я имею дело с барбарисом амурским.

В другом кустарнике, тоже лишенном листвы, я узнал шиповник. Мелкие красные шаровидные плоды его уже стали подсыхать. Последняя запись в моем дневнике относится к спирее иволистной, образующей заросли по берегу реки. Вместо красивых розовых цветов на стеблях ее торчали темные помпоны.

Вегетационный период кончился — кустарниковая растительность, лишенная листвы, принимала вид спутанных голых прутьев, в которых трудно разобраться неспециалисту. Зеленые вейниковые луга приняли бурожелтую окраску и попрежнему волновались, точно грязная взбаломученная вода. Еще несколько дней — и их станет заваливать снегом.

Река Немпту протекает среди обширных болот и имеет такое же извилистое течение, как Пихца и Мухень. Русло ее все время сопровождается рядом стариц, слепых рукавов, маленьких озерков и глухих проток, незаметно переходящих в болота. Низина, по которой протекает река, еще долго не осохнет: уровень ее медленно подымается и медленно нарастают слои гумуса. Медленно растительность отвоевывает участки суши у воды. Вода отступает, но не без сопротивления. Она задерживается во время засухи и вновь появляется в ненастное время года. Кое-где над низиной подымаются невысокие релки, поросшие тонкоствольной осиной. Они едва возвышаются над общим уровнем воды в реке, и, если бы не древесная растительность, их можно было бы совсем не заметить и пройти мимо. По середине релки при выкапывании ямки появляется вода уже на глубине двадцати сантиметров.

После столь длительного путешествия силы наши были подорваны, и потому переход через зыбучие болота всем показался очень утомительным. И в самом деле, котомки делались с каждым днем легче, а нести их становилось все труднее и труднее. Лямки сильно нарезали плечи. Всякая мелочь, положенная в котомку, в роде шкурки бурундука, весившая несколько граммов, давала себя чувствовать.

Иногда мы пользовались тропами, протоптанными сохатыми. Эти крупные животные, несмотря на свой большой вес и как бы кажущуюся неприспособленность ходить по болотам, любят такие места. Они как-то чутьем угадывают, где можно пройти, чтобы не провалиться в «окна».

Там и сям виднелись большие лужи стоячей воды вроде озерков, с которых с криками снимались большие стаи гусей. Этих осторожных птиц здесь было великое множество.

Перелет был в полном разгаре. Над болотами носились бесчисленные табуны уток. На фоне бледного неба их хорошо видно; но когда они все разом снижались к земле, то мгновенно пропадали из глаз, и неизвестно было, садились ли они снова на воду или летели дальше. Такого количества водяной птицы мне давно не приходилось видеть.

Болота по-своему тоже красивы и богато населены, но мы так устали, что нам было теперь не до наблюдений.

Мы выбивались из сил, потому что отдыхать можно было не тогда, когда этого требовал организм, а когда попадались релки, где можно было снять котомки и лечь на землю.

27 сентября мы подошли, наконец, к сопкам, отделяющим озеро Петропавловское от бассейна р. Немпту. Вдоль этой возвышенности проходит телеграфная просека и по ней тропа к селению Анастасьевке.

Первый русский человек, которого мы встретили здесь, был производитель работ Дальневосточного переселенческого управления В. И. Двиганцев. Он издали заметил каких-то подозрительных людей, пробиравшихся по лесу с котомками за плечами, и решил, что имеет дело с контрабандистами. Скоро все разъяснилось, и мы крепко пожали друг другу руки.

Весь путь от Советской Гавани мы совершили целиной по лесу, имея под ногами мягкую перегнойную почву, мох или листву. Это сказалось тотчас, как только мы вышли на дорогу с жестким каменистым грунтом. Мои спутники сразу сбили ноги и потому, не доходя трех километров до селения Анастасьевки, еще засветло должны были встать биваком. На другой день мы с трудом дотащились до деревни, где нашли приют и отдых у В. И. Двиганцева. 30 сентября мы прошли селение Волконское и 1 октября вступили в г. Хабаровск.

Весь маршрут от Советской гавани до реки Амура, длиною в 1873 километров, был пройден в 106 суток. Он распределился так: пешком с котомками сделано 863 километра, а на лодках — 1 010 километров. Экспедиция пересекла 5 водоразделов.

Путь наш был окончен!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
РУССКИХ И ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ,
УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

а) Ботанические названия

Проверены по „Определителю растений Дальневосточного края" акад. В. Л. Комарова и Е. Н. Клобуковой-Алисовой

Акат, акатник, акация Маака	см. Маакия амурская
Актинидия аргута	см. Актинидия острая
Актинидия острая	Actinidia arguta Planch.
Актинидия коломикта	Actinidia kolomikta Max.
Ангелика зонтичная	см. Дудник
Аралия колючая	см. Аралия маньчжурская
Аралия маньчжурская	Aralia manshurica Rupr. et Max.
Багульник лежачий	Ledum documbens (Ait.) Lodd
Багульник подбелый	Ledum hypoleucum Kom.
Бальзамин-недотрога	Impatiens noli-tangere L.
Барбарис амурский	Berberis amurensis Max.
Бархат	см. Бархатное амурское дерево
Бархатное амурское дерево	Phellodendron amurense Rupr.
Белокопытник дланевидный	Petasites palmata Asa Gray
Береза даурская	Betula dahurica Pall.
Береза каменная	см. Береза Эрмана
Береза кустарниковая Миддендорфа	Betula Middendorffii Tr. et Mey.
Береза плосколистная	Betula platyphylla Suk.
Береза черная	см. Береза даурская
Береза Эрмана или Эрманова	Betula Ermani Cham.
Боярышник даурский	Crataegus dahurica Koehne
Бузина кистевая	Sambucus racemosa L.
Вейник	Calamagrostis sp.
Вейник Лангсдорфа	Calamagrostis Langsdorffii Trin.
Виноград амурский	Vitis amurensis Rupr.
Голубица обыкновенная или болотная	Vaccinium uliginosum L.
Дерен канадский	Cornus canadensis L.
Дерен татарский	Cornus tatarica Mill.
Дикий перец	см. Элеутерококк колючий
Дуб монгольский	Quercus mongolica Fisch.
Дудник даурский	Angelica dahurica Rupr.

Ель аянская	Picea ajanensis Fisch.
Жасмин тонколистный	см. Чубушник тонколистный
Женьшень настоящий	Panax ginseng CAM
Ива, ивняк	Salix sp.
Ива корзиночная	Salix viminalis L.
Ива пирамидальная	см. Чезения
Ива росистая	Salix rorida Laksch.
Ильм горный	Ulmus montana Wither var. heterophylla Max.
Какалия ушастая	Cacalia auriculata DC
Калина даурская	см. Калина Саржента
Калина Саржента	Viburnum Sargenti Koehne
Калужница болотная	Caltha palustris L.
Кедр корейский	Pinus koraiensis S. et Z.
Кедровый стланец	см. Стланец кедровый
Кислица заячья	см. Кислица обыкновенная
Кислица обыкновенная	Oxalis acetosella L.
Кишмиш крупный	см. Актинидия острая
Кишмиш обыкновенный	см. Актинидия коломикта
Клен желтый	Acer ukurunduense Tr. et Mey.
Клен мелколистный	Acer mono Max.
Коломикта	см. Актинидия коломикта
Кореянка	см. Чозения
Кочедыжник женский	Athyrium filix femina Roth.
Красоднев Миддендорфа	Hemerocallis Middendorffii Tr. et Mey.
Курослеп болотный желтый	см. Калужница болотная
Ландыш душистый	см. Ландыш майский маньчжурский
Ландыш майский маньчжурский	Convallaria majalis L. var. manshurica Kom.
Леспедеца двуцветная	Lespedeza bicolor Turcz.
Лещина колючая	см, Лещина маньчжурская
Лещина маньчжурская	Corylis manshurica Max.
Лимонник китайский	Schizandra chinensis Baill.
Линнея северная	Linnaea borealis L.
Липа амурская	Tilia amurensis Kom.
Лиственница даурская	Larix dahurica Turcz.
Лишайник бородатый	Usnea barbata (L.) Hoffin и др. виды
Лоза	см. Ива корзиночная
Маакия амурская	Maackia amurensis Rupr. et Max.
Можжевельник даурский	Juniperus dahurica Pall.
Мох сфагновый	разные виды из рода Sphagnum
Ольха кустарниковая	Alnus fruticosa Rupr.
Ольховник	см. Ольха кустарниковая
Орех маньчжурский	Juglans manshurica Max.
Орешник	см. Лещина маньчжурская
Орляк обыкновенный	Pteridium aquilinum Kuhn.
Осина	Populus tremula L. var. Davidiana Schn.
Осмунда коричневая	Osmunda cinnamomea L. var. asiatica Fernald
Осока	Carex sp.
Пихта белокорая	Abies nephrolepis Max.
Полынь обыкновенная	Artemisia vulgaris L.
Пробковое дерево	см. Бархатное амурское дерево

Рододендрон амурский	Rhododendron mucronulatum Turcz.
Рододендрон даурский	Rhododendron dahuricum L
Рододендрон золотистый	Rhododendron chrysanthum Pall.
Роза даурская	Rosa dahurica Pall.
Рябинолистник обыкновенный	Sorbaria sorbifolia A. Br.
Саранка желтая	см. Красоднев Миддендорфа
Синюха синяя	Polemonium coeruleum L.
Сорбария обыкновенная	см. Рябинолистник обыкновенный
Спирея иволистная	см. Таволга иволистная
Стланец кедровый	Pinus pumila Rgl.
Страусопер	Matteuccia struthiopteris Tod.
Таволга иволистная	Spiraea salicifolia L.
Тальник	см. Ива, ивняк
Тис остроконечный	Taxus cuspidata S. et Z.
Тополь бальзамический	Populus suaveolens Fisch.
Тополь душистый Максимовича	Populus Maximoviczii A. Henry
Тростник обыкновенный	Phragmites communis Trin.
Хребетовка	см. Линнея северная
Чемерица белая	Veratrum album L.
Черемуха обыкновенная	Padus racemosa Lam.
Чозения крупночешуйная	Chisenia macrolepis (Turcz.) Kom.
Чортово дерево	см. Аралия колючая
Чубушник тонколистный	Philadelphus tenuifolius Rupr. et Max.
Шиповник	см. Роза
Элеутерококк колючий	Eleutherococcus senticosus Max.
Яблоня сибирская	Malus sibirica Kom.
Ясень маньчжурский	Fraxinus manshurica Rupr.

б) Зоологические названия

Барсук	Meles meles amurensis Schrenck
Белка маньчжурская	Sciurus vulgaris mantchuricus Thos.
Бронзовка	Cetonia aurata L.
Бурундук	Eutamias sibiricus orientalis Bonh.
Волк	Canis lupus L.
Волк красный	Cyon alpinus Pall.
Ворона большеклювая	Corvus levaillanti mandshuricus But.
Ворона черная восточная	Corvus corone orientalis Eversm.
Выдра	Lutra lutra L.
Выпь	Botaurus stellaris orientalis But.
Галюка сахалинская	Coluber sachalinensis (Tzar.)
Горностай	Mustela erminea L.
Гусь белолобый	Anser albifrons (Scop.)
Дятел пестрый уссурийский	Dryobates japonicus tscherskii (Fut.)
Еж амурский	Erinaceus amurensis Schrenc

Желна	Dryocopus martius martius L.
Заяц-беляк	Lepus timidus gichiganus All.
Зимородок голубой индийский	Alcedo atthis bengalensis Gm.
Зуек уссурийский	Hardarius dubius Zcop.
Изюбр	Cervus elaphus xanthopigus M. E.
Кабан	Sus scrofa continentalis Nehr.
Кабарга корейская	Moschus moschiferus parvipes Holl.
Калуга	Huso dauricus (Georgi)
Касатка-мухоловка	Muscicapa sibirica Gmelin
Кедровка	см. Ореховка
Кета	Oncothincus keta (Walb.)
Козуля	Capreolus pigargus bedfordi Thos.
Колонок	Mustela sibirica Pall.
Комар-долгоножка	Tipula sp.?
Королек японский	Regulus regulus japonensis Blak.
Коршун черноухий	Milvus migrans linatus Gray
Касатка	Orca gladiator Fabr.
Кроншнеп	Numenius cyanopus Vieil.
Крохаль белый	Mergus sp.?
Кукушка	Cuculus optatus Could.
Куница (харза)	Martes flavigula Bod.
Лахтак	Erignathus barbatus Fabr.
Ленок	Brachymustax lenok (Pall.)
Лисица	Vulpes vulpes L.
Лососевые	Salmonidae
Лось	Alces alces bedfordi Lyd
Максун	Hypophithalmichthys molitrix (Val.)
Медведь бурый	Ursus arctos L.
Медведь белогрудый	Ursus tibetanus ussuricus Heude
Медведь белый	Thalassarctos maritimus Pall.
Моллюск	Saxicava arctica
Моллюск	Saxicava rugosa
Моллюск	Mya truncata
Моллюск	Buccinum sp.
Морж тихоокеанский	Odobaenus tosmarus divergens (Illiger)
Морянка	Clangula hyemalis (L.)
Мошка-гнус	Simulia sp.?
Мошка-мокрец	Culicoides sp.?
Муравей лесной	Formica rufa L.
Мышь маньчжурская полевая	Apodemus agrarius mantschuricus Thos.
Нерпа	Phoca hispida Schr.
Олень северный	Rangifer tarandus L.
Оляпка бурая	Cinclus pallasii pallasii Temm.
Ореховка	Nucifraga caryocatacles macrorhynchos Brehm
Орлан белохвостый	Haliaetus albicilla (L.)
Осетр амурский	Acipenser schrencki Brandt
Паук	Epeira sp.?
Пищуха	см. Сеноставец
Плиска	Motacilla sp.?
Погоныш восточносибирский	Porzana paykulli (Ljungh.)
Поползень амурский	Sitta europea amurensis Sw.

Ропжа	Cractes infaustus maritimus But.
Росомаха	Gulo gulo L.
Рысь	Felis lynx L.
Рябчик	Tetrastes bonasia ussuriensis But.
Сазан	Cyprinus carpio viridiviolaceus Tem. et Schl.
Сеноставец-пищуха	Ochotona hyperborea Pall.
Сима	Oncorhynchus masu (Brev.)
Скопа	Pandion haliaetus L.
Соболь	Martes zibellina arsenjevi B. Kuzn.
Сова болотная	Asio flammeus (Pontopp.)
Сойка рыжеголовая	Garrulus glandarius brandtii Eversm.
Сохатый	см. Лось
Таймень	Hucho taimen (Pall.)
Тигр	Felis tigris longipillis Ftz.
Толстолобик	см. Максун
Трясогузка азиатская	Motacilla cinerea melanope Pall.
Угорь	Anguilla sp.?
Удод	Upupa epops saturatus Lönnb.
Утка морская	Nyroca marila mariloides (Vig.)
Филин уссурийский	Bubo bubo ussuriensis Pol.
Харза	см Куница
Хариус	Thymallus ascticus grubei Dyb.
Хорек	Mustela eversmanni amurensis Ogn
Цапля малая болотная	Egretta eulophotef Swinh.
Цапля серая	Ardea cinerea L.
Шилохвост	Anas acuta L.
Ящерица	Tachydromus amurensis Peters

ОГЛАВЛЕНИЕ

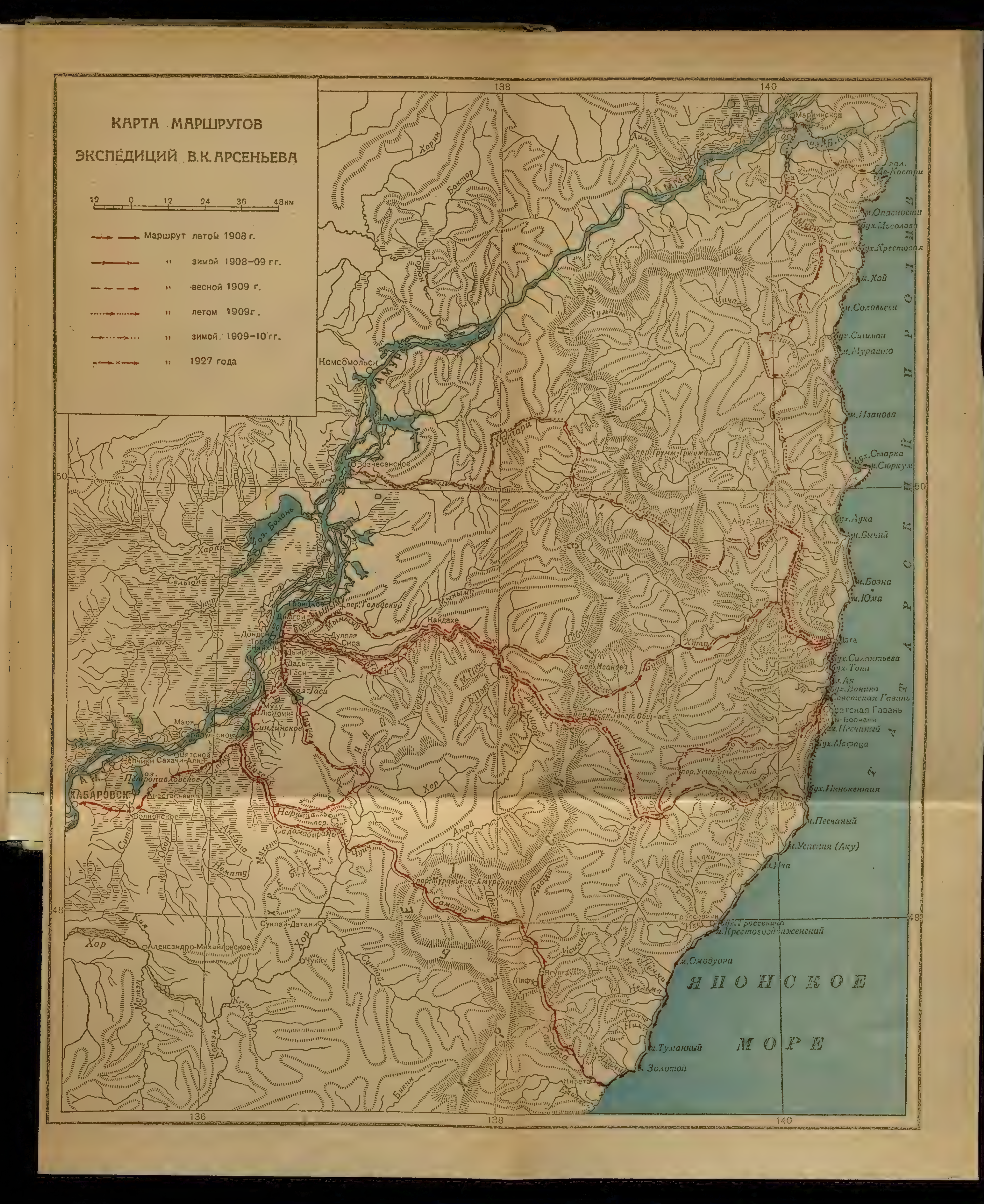
СКВОЗЬ ТАЙГУ

Редактор *С. Н. Кужкес* Худож. редактор *В. В. Осокин*
Технич. редактор *Д. А. Глейх* Обложка художника *Ю. Г. Макарова*

Сдано в производство 21/V-1949 г. Подписано к печати 4/VIII-49 г.
Формат 60 × 92 $^{1}/_{16}$. Печатных листов 25 $^{1}/_{4}$ + 2 вкл.
Учетно-издательских л. 26,8. Цена 10 р. 75 к. Переплет 1 р.

Отпечатано в типографии Т-1 с матриц 6-й типографии Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, 1-й Самотечный, 17.

301


КАРТА МАРШРУТОВ
ЭКСПЕДИЦИЙ В.К. АРСЕНЬЕВА
12 0 12 24 36 48км
Маршрут летом 1908 г.
" зимой 1908–09 гг.
" весной 1909 г.
" летом 1909г.
" зимой 1909–10 гг.
" 1927 года
138
140
136
50
48
Маринское
зал. Де-Кастри
м. Опасности
бух. Мосолова
бух. Крестовая
м. Хой
м. Соловьева
бух. Сизиман
м. Муравьева
м. Иванова
бух. Старка
м. Сюркум
бух. Лука
м. Бычий
м. Боэна
м. Юма
Дата
бух. Силантьева
бух. Тона
м. Ая
бух. Ванина
Советская Гавань
м. Песчаный
бух. Мафаца
бух. Иннокентия
м. Песчаный
м. Успения (Аку)
Ича
бух. Гроссевича
м. Крестовоздвиженский
м. Омодуони
м. Туманный
Золотой
Нирета
ЯПОНСКОЕ
МОРЕ
Комсомольск
Вознесенское
Амур
Тумнин
Чичахар
пер. Грум-Гржимайло
Ахур-Дата
Хуту
Хуту Дата
Хунгари
Кандахе
Троицкое
пер. Гольбский
Мынысу
Дондон
Торгон
Найхин
Дуляля
Сира
Дырга
Дады
Гаси
оз. Гаси
Муху
Люмоми
Синдинское
Маря
Сарапульское
Вятское
Чепчики
Сахачи-Алян
оз. Петропавловское
ХАБАРОВСК
Анастасьевка
Волионское
пер. Исандеа
пер. Русск. Геогр. Об-ва
пер. Утомительный
Хор
Анюй
Нефицца
Садомабирани
Чуин
пер. Муравьева-Амурского
Самарга
Сукпай-Датани
Александро-Михайловское
Чукку
Хор
Кия
Мутэн
Копи
Бикин
Агзу
Пяфу
Ягутгауле
Нельма
Сюрен
Хоррин
Боктор
Горин
оз. Болонь
Харпи
Сельгон
Сито
Обор
Анюй
Немпту
Мухен
Самарга
Кузнецова
Тумнин
Единка

Цена 11 руб. 75 коп.

ГЕОГРАФГИЗ 1949